

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
КАК РЕСУРС
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
СОГЛАСИЯ**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
ИМЕНИ Д. С. ЛИХАЧЁВА

ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
КАК РЕСУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

по итогам VI международного научного форума

Москва
2021

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

К 90

Редакционная коллегия:

Горлова И. И., доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, заслуженный деятель науки Российской Федерации (ответственный редактор);

Коваленко Т. В., кандидат философских наук, заместитель директора Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Крюков А. В., кандидат исторических наук, ученый секретарь Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Костина Н. А., кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;

Гуцалов А. А., кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела изучения наследия и экспертной деятельности и проблем Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

К 90 **Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального соглашения** : сборник научных статей по итогам VI международного научного форума [Электронное сетевое издание] / ответственный редактор И. И. Горлова; редколлегия Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. — М. : Институт Наследия, 2021. — 376 с. — DOI 10.34685/НИ.2021.95.54.020. — ISBN 978-5-86443-364-5.

В сборник вошли статьи, подготовленные по материалам докладов и сообщений Шестого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального соглашения», состоявшегося 1–4 октября 2020 г.

В опубликованных статьях рассмотрены проблемы культурного наследия народов России в аспекте укрепления российской государственности, основные вопросы теории и практики сохранения культурного и природного наследия, литературное наследие Северного Кавказа в контексте диалога культур, специфические черты этнических культур народов Юга России и механизмы межнационального взаимодействия. Особое внимание уделяется анализу опыта актуализации и репрезентации культурного наследия Северного Кавказа в современном обществе.

Сборник подготовлен в рамках государственного задания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

УДК 008+304.44+93/94

ББК 66/5+70+86

ISBN 978-5-86443-364-5

ISBN 978-5-86443-364-5

9 785864 433645

© Коллектив авторов, 2021

© Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2021

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

RUSSIAN RESEARCH INSTITUTE FOR CULTURAL
AND NATURAL HERITAGE

SOUTHERN BRANCH

**CULTURAL HERITAGE OF THE NORTH CAUCASUS
AS A RESOURCE OF INTERETHNIC CONCORD**

**Proceedings
of the 6-th International Scientific Forum**

Moscow
2021

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

K 90

Editorial Board:

Irina I. Gorlova, Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honored Scientist of the Russian Federation (Editor-in-Chief);

Timofey V. Kovalenko, Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Deputy Director, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Anatoly V. Kryukov, Cand. Sci. (National History), Academic Secretary, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Natalya A. Kostina, Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department of Scientific and Educational Projects and Programs of the Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;

Aleksandr A. Gutsalov, Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

Kul'turnoe nasledie Severnogo Kavkaza kak resurs mezhnatsional'nogo soglasiya

K 90 (The Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Interethnic Concord) / Ed.-in-Chief I. I. Gorlova; T. V. Kovalenko et al. — Moscow : Institut Naslediya, 2021. — 376 p. — DOI 10.34685/HI.2021.95.54.020. — ISBN 978-5-86443-364-5.

ISBN 978-5-86443-364-5.

The book includes materials based on the reports and messages of the 6-th International Scientific Forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource for the Inter-Ethnic Concord”, held on October 1–4, 2020.

The authors deal with the problems of the cultural heritage of the peoples of Russia in the aspect of strengthening the Russian statehood, the basic questions of the theory and practice of the preservation of cultural and natural heritage, the literary heritage of the North Caucasus in the context of the dialogue of cultures, the specific features of ethnic cultures of the peoples of the South of Russia and mechanisms of international cooperation. Particular attention is paid to analysis of the experience of actualization and representation of the cultural heritage of the North Caucasus in the modern society.

The book was prepared within the framework of the state task of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage.

UDC 008+304.44+93/94

LBC 66/5+70+86

ISBN 978-5-86443-364-5

ISBN 978-5-86443-364-5

© By Composite authors, 2021

© Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

И. И. Горлова

Шестой международный форум
(вместо предисловия)..... 15

РАЗДЕЛ 1

Историко-культурное наследие как ресурс укрепления российской государственности

В. А. Дмитриев

Специфика музеефикации этнографического материала
как фазы формирования национального достояния 20

А. Н. Сажин

Историческое поселение Старый аул Кубачи как объект
культурного наследия: к вопросу о практике
повседневного использования сереброкузнечного искусства 33

Н. А. Юрченко

Главный городской архитектор Кишинева —
потомок «кавказских» Бернардацци 39

Л. Т. Агиева

Мемориал «Девять башен» и Башня Согласия —
достопримечательности современного каменного
зодчества ингушей 53

Е. А. Дзадзиева

Реконструкция памятников Великой Отечественной войны:
сравнительная характеристика «до» и «после»
(Республика Северная Осетия — Алания) 64

С. А. Рагуленко

К вопросу о методике сохранения объектов культурного наследия (на примере реставрации бронзового бюста И. А. Плиева)..... 71

М. К. Горшенева

Корпоративный музей в системе корпоративной культуры Китая: особенности виртуализации 76

РАЗДЕЛ 2

Монументальная политика как инструмент сохранения исторической памяти

А. Н. Еремеева

Источники по истории советской монументальной политики..... 83

О. И. Сгибнева

Монументальность и камерность военных мемориалов: динамика культурного наследия Царицына — Сталинграда — Волгограда 89

А. И. Тетуев

Память о Великой Отечественной войне: практики мемориализации (на материалах Кабардино-Балкарии) 98

А. Х. Абазов

Д. Н. Прасолов

Исторические символы в этнополитической коммуникации в Кабардино-Балкарии в начале XXI в. 119

Н. Г. Соловьева

Монументальные комплексы Карачаево-Черкесии как ресурс сохранения исторической памяти 124

Е. С. Студеникина

«Аврора» и «Фантомас»: монументы в городском фольклоре Краснодара 132

Е. М. Багаева

Российские монументальные памятники в контрольно-измерительных материалах Единого государственного экзамена по истории..... 137

РАЗДЕЛ 3

Литература и искусство Юга России в контексте диалога культур

Н. В. Ламосова

Из истории издательского дела Дона и Кубани
на национальных языках (1920–1930-е годы) 147

Л. Н. Кузнецова

Музыка войны и мира
в творчестве отечественных композиторов XX века 161

А. В. Лексина

Философская аксиология
символики войны и гор в поэзии Ю. П. Кузнецова 169

С. А. Колесникова

Тенденции театрального репертуара
в области военной темы: эволюция или инволюция? 177

С. В. Толстопятый

Военно-патриотические произведения советской грамзаписи
в период Великой Отечественной войны 184

А. М. Канкошев

Тема войны в черкесской литературе XX века 191

М. С. Журков

Механизм наследования
коммуникативного пространства «сцена — зритель» 200

О. А. Гудимова

Русский язык и языки коренных народов
в национальных театрах Карачаево-Черкесии 206

Н. В. Юрченко

Казачество, еврейство, революция
как три смысловых пласта «Конармии»
Исаака Бабея 212

М. Е. Шалак

Развитие ногайской литературы через популяризацию
ногайского героического эпоса: проблемы перевода
и публикации 221

Р. А. Керимова

О художественно-стилевых особенностях карачаево-балкарской поэзии XXI века 232

РАЗДЕЛ 4

Межнациональное взаимодействие: язык, общество, культуры

И. В. Василенко

Проблема падения престижа русского языка как фактора обеспечения суверенитета и идентичности российской нации 238

Е. А. Жесткова

Этнокультурный подход к изучению русского языка и родных языков народов России с целью сохранения поликультурного наследия 245

Р. З. Сагов

Ингушский язык в современных условиях двуязычия 253

З. Х. Гучетль

Языковая политика в Республике Адыгя (на материале социологического опроса) 264

Н. Д. Санджиев

Культурологический аспект художественного перевода в структуре межкультурной коммуникации 270

А. Х. Дзыба

Роль перевода в становлении писателей-билингвов (на материале абазинской литературы) 277

РАЗДЕЛ 5

Современное общество и культурное наследие: опыт актуализации и репрезентации

К. Г. Ачмиз

Федеративное устройство — основа самосохранения и процветания народов России 283

В. Е. Науменко

Взаимодействие государства и консультативных институтов гражданского общества как инструмент формирования идентичности: региональный аспект 294

А. А. Гуцалов

Е. Ю. Третьякова

Практики воспитания общегражданских ценностей: некоторые итоги мониторинга..... 304

А. Л. Зорин

Основные методологические подходы к изучению цифрового культурного наследия 321

А. А. Большаков

Технологии обеспечения доступности цифрового наследия (на примере электронной образовательной среды сельскохозяйственных вузов) 328

М. В. Большакова

История формирования цифрового научного и культурного наследия России (на примере развития электронной образовательной среды в сельскохозяйственных вузах) 333

Е. Г. Саркисова

Музейная аудитория в цифровую эпоху: новые подходы и практики 336

Ф. В. Цраева

Квалитативные методы изучения студенческого волонтерского движения 342

Э. Ж. Душхунян

Наследие советской эпохи в празднично-обрядовой культуре Кубани..... 352

Г. В. Бакуменко

Символизация успеха в экономике свободного времени 358

CONTENTS

Irina I. Gorlova

The Sixth International Forum
(Instead of a Foreword) 19

SECTION 1

Historical and Cultural Heritage as a Resource for Strengthening of the Russian Statehood

Vladimir A. Dmitriev

Specificity of the Museumification of Ethnographic
Material as a Phase of the National Heritage Formation 32

Alexander N. Sazhin

Historic Settlement the Old Aul of Kubachi
as an Object of Cultural Heritage: to the Question
of the Practice of Everyday Use Silversmithing Art 38

Natalia A. Yurchenko

The Chief City Architect of Chisinau is a Descendant
of the “Caucasian” Bernardazzi 52

Lemka T. Agieva

Memorial “Nine Towers” and the Tower of Concord —
the Sights of the Modern Stone Architecture of the Ingush 63

Elizaveta A. Dzadzieva

Reconstruction of Monuments of the Great Patriotic War:
Comparative Characteristics of “before” and “after”
(Republic of North Ossetia — Alania) 70

Sergey A. Ragulenko

On the question of the method of preserve
Cultural Heritage Objects (on the Example
of the Restoration of the Isa A. Pliev's Bronze Bust)..... 76

Margarita K. Gorsheneva

Corporate Museum in the System
of Corporate Culture in China: Features of Virtualization..... 82

SECTION 2
Monumental Politics
as a tool for Preserving Historical Memory

Anna N. Ereemeeva

Sources on the History of Soviet Monumental Politics..... 89

Olga I. Sgibneva

Monumentality and Chamberness of War Memorials:
Dynamics and Cultural Heritage
of Tsaritsyn — Stalingrad — Volgograd..... 97

Alim I. Tetuyev

Memory of the Great Patriotic War: Practices of Memorialization
(on the Materials of the Kabardino-Balkaria) 118

Alexey Kh. Abazov

Dmitry N. Prasolov

The Historical Symbols
in the Ethnopolitical Communication in the Kabardian-Balkaria
at the Beginning of the 21st Century..... 123

Natalia G. Solovyeva

Monumental Complexes of Karachay-Circassia
as a Resource of Preserving Historical Memory 132

Elena S. Studenikina

“Aurora” and “Fantomas” are the Monuments
in Urban Folklore of Krasnodar 137

Elena M. Bagayeva

Russian Monuments in the Control and Measuring Materials
of the Unified State Examination in History..... 145

SECTION 3
Literature and Art of the South of Russia
in the Context of the Dialogue of Cultures

Natalia V. Lamosova

From the History of Don and Kuban Publishing
in National Languages (1920–1930s)..... 161

Lyudmila N. Kuznetsova

Music of War and Peace in the Works of Russian Composers
of the XX Century 169

Anna V. Leksina

Philosophical Axiology of the Symbolism of War
and Mountains in Yury P. Kuznetsov's Poetry..... 176

Svetlana A. Kolesnikova

Trends of the Theater Repertoire in the Field of Military Themes:
Evolution or Involution?..... 183

Sergey V. Tolstopyaty

Military-Patriotic Works of Soviet Recording during
the Great Patriotic War..... 191

Arsen M. Kankoshev

The Theme of War in Circassian Literature
of the 20-th Century 199

Maxim S. Zhurkov

The Mechanism of Inheritance of the “Scene — Spectator”
Communicative Space 205

Olga A. Gudimova

Russian Language and Languages of Indigenous Peoples
in the National Theaters of Karachay-Cherkessia..... 211

Natalia V. Yurchenko

Cossacks, Jewry, Revolution as Three Semantic Layers
of Isaac Babel's “Konarmia” 220

Maxim E. Shalak

Development of Nogai Literature through Popularization
of the Nogai Heroic Epic: Problems
of Translation and Publication..... 231

Rauzat A. Kerimova

Artistic and Stylistic Features of Karachay-Balkarian Poetry
of the XXI century..... 237

SECTION 4

Interethnic Interaction: language, Society, Cultures

Inna V. Vasilenko

Decline in the Prestige of the Russian Language as a Factor
of Ensuring the Sovereignty and Identity of the Russian Nation 245

Elena A. Zhestkova

Ethnocultural Approach to the Study
of the Russian Language and the Native Languages
of the Peoples of the Russian Federation to preserve
the Multicultural Heritage..... 252

Ruslan Z. Sagov

Ingush Language in Modern Conditions
of Bilingualism..... 263

Zukhra Kh. Guchetl

Language Policy in the Republic of Adygea
(Based on a Sociological Survey) 269

Nikolai Dzh. Sandzhiev

The Cultural Aspect of Literary Translation in the Structure
of Intercultural Communication 276

Aishat Kh. Dzyba

The Role of Translation in the Development of Bilingual Writers
(Based on the Material of the Abaza Literature) 282

SECTION 5

Modern Society and Cultural Heritage: Experience of Actualization and Representation

Kazbek G. Achmiz

The Federal Structure is the Basis of Self-Preservation
and of Prosperity of the Peoples of Russia 293

Vladimir Ye. Naumenko

Interaction between the State and Advisory Institutions
of Civil Society as a Tool for the Formation Identity:
Regional Aspect 303

Alexander A. Gutsalov

Elena Yu. Tretyakova

Cultural Practices of the Common Civic Values Education:
Some Results of Monitoring..... 320

Alexander L. Zorin

Main Methodological Approaches towards
the Study of Digital Cultural Heritage 327

Alexander A. Bolshakov

Technologies for Ensuring
the Availability of Digital Heritage
(on the Example of the Electronic Educational
Environment of Agricultural Universities) 332

Marina V. Bolshakova

History of Formation of Digital Scientific and Cultural Heritage
of Russia (on the Example of Development of Electronic
Educational Environment in Agricultural Universities) 335

Elena G. Sarkisova

Museum Audiences in the Digital Age:
new Approaches and Practices 341

Fatimat V. Tsraeva

Qualitative Methods of Study Student Volunteer Movement..... 352

Edgar Zh. Dushkhunyan

The Legacy of the Soviet Era in the Festive
and Ceremonial Culture of the Kuban 357

Gennady V. Bakumenko

Symbolization Success in the Economy of Free Time 375

Шестой международный форум (вместо предисловия)

Представлен обзор проблематики докладов и сообщений Шестого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», который состоялся 1–4 октября 2020 г. Рассмотрены вопросы сохранения культурного наследия народов Северного Кавказа, его использования как ресурса межнационального согласия, создания единого культурного пространства, налаживания межкультурного диалога на международном и региональном уровнях.

Ключевые слова: международный научный форум, Северный Кавказ, культура, культурное наследие, государственная политика, межнациональное согласие, диалог культур, единое социокультурное пространство.

Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» — наиболее значительный научно-организационный проект Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. Форум стартовал в 2015 г. при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018)». С 2016 г. его проведение вошло в План мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2015 г. № 648-р), в 2021 г. — в Медиаплан информационного сопровождения реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации (утвержден 23.03.2020, № 2639п-П44).

В качестве международной и межрегиональной платформы диалога представителей науки, образования, учреждений социально-культурной сферы, туризма, органов исполнительной и законодательной власти, общественных организаций и институтов гражданского общества научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» служит целям научно-методического

* ГОРЛОВА Ирина Ивановна, доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Россия. Электронная почта: ii.gorlova@gmail.com.

обеспечения государственной культурной политики, а также политики в сфере межнационального взаимодействия, охраны и использования культурного наследия (см. подроб.: [1; 3]).

Первый международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» привлек внимание научной общественности широким спектром обсуждаемых проблем и их актуальностью [2]. Он объединил высококвалифицированных специалистов в области научно-теоретической разработки оснований взаимодействия и диалога культур, способствующего преодолению межкультурных различий на фундаменте российского патриотизма.

Шестой международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», прошедший в Кабардинке на базе санатория «Жемчужина моря» 1–4 октября 2020 г., в очередной раз собрал ученых, общественных деятелей, представителей органов государственной власти — всех тех, кто занят поиском новых подходов к укреплению общегражданского согласия и солидарности. Ежегодное проведение этого значимого научного мероприятия стало не только доброй традицией. Повестка дня форума отражает актуальнейшие вопросы развития культуры и сохранения наследия народов Северного Кавказа. Это обстоятельство свидетельствует о важности экспертного диалога, свободного, открытого обмена мнениями, который выявляет проблемы общественного развития и помогает решать их.

2020 год был отмечен значительными изменениями, коснувшимися каждого из нас. В июле по результатам общероссийского голосования были приняты поправки в Конституцию — Основной закон нашей страны. Одобренные гражданами, они послужат совершенствованию политической системы, закреплению социальных гарантий, упрочению суверенитета и территориальной целостности нашей страны. Впервые в Основном законе отражено понимание культуры России как уникального наследия ее многонационального народа. Государство при этом выступает гарантом защиты культурной самобытности всех народов и этнических общностей, обеспечивает защиту этнокультурного и языкового многообразия. Такой подход, закреплённый на самом высоком законодательном уровне, создает прочную основу сохранения национальной идентичности в глобальном мире, позволяет укрепить образ России за рубежом, повысить статус и роль нашего великого культурного наследия.

Актуальным вызовом, который потребовал от всех нас оперативной и организованной реакции, стала пандемия новой коронавирусной инфекции. Меры по предотвращению ее последствий затронули все сферы общественной жизни, кардинально изменили режим работы учреждений образования, науки и культуры. Однако и в этих беспрецедентных условиях сотрудники музеев, библиотек, театров, научных институтов по всей стране и здесь, на Юге России, смогли организовать свою деятельность по-новому. Использование сетевых технологий и творческий подход минимизировали негативное влияние пандемии на культурную жизнь, способствовали внедрению новых форм и методов работы.

То, что Шестой форум проходил в иных условиях, чем предыдущие, не снизило эффективность обсуждения актуальных вопросов, накал панельных дискуссий, где каждый участник имел возможность выразить свое отношение к обсуждаемой теме, задать животрепещущие вопросы, услышать аргументированные ответы коллег. Творческие дискуссии способствовали рождению интересных идей. Итогом форума стал ряд совместных инициатив и проектов.

* * *

Предлагаемый читателю сборник статей содержит доклады участников Шестого международного научного форума «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия»: исправленные, дополненные, переработанные специально для настоящего издания.

Его разделы отражают грани проблематики научного диалога, состоявшегося 1–4 октября 2020 г.:

- историко-культурное наследие как ресурс укрепления российской государственности;
- монументальная политика как инструмент сохранения исторической памяти;
- литература и искусство Юга России в контексте диалога культур;
- межнациональное взаимодействие: язык, общество, культуры;
- современное общество и культурное наследие: опыт актуализации и репрезентации.

Ежегодные встречи представителей научной общественности в рамках международного форума вносят значительный вклад в формирование единого культурного пространства, изучение проблем диалога

культуры, исследование перспектив использования культурного наследия как ресурса устойчивого развития региона, научно-методическое обеспечение государственной политики в сфере культуры, сохранение наследия.

Убеждена, что результаты форума, настоящее издание его материалов, преемственное с содержанием предыдущих сборников (см.: [4–9]), послужат осмыслению важнейших проблем культуры южного региона, укреплению добрососедских отношений между народами, продолжению традиций дружбы и взаимопонимания, которыми всегда славился Северный Кавказ.

Использованная литература

1. Горлова И. И. Северный Кавказ — территория межнационального согласия // Культурное наследие России. — 2016. — № 3. — С. 39–42.
2. Коваленко Т. В. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» // Наследие веков. — 2015. — № 4. — С. 149–153. — URL: [http:// heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf](http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf). (дата обращения: 21.07.2021).
3. Коваленко Т. В. О создании Южного филиала Российского института культурологии // Культурологический журнал. — 2012. — № 1. — С. 18. — URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/119.html&j_id=9 (дата обращения: 21.12.2018).
4. Крюков А. В. Научные издания Южного филиала Института Наследия // Наследие веков. — 2016. — № 1. — С. 121–124. — URL: [http:// heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Kryukov.pdf](http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/04/2016_1_Kryukov.pdf). (дата обращения: 21.12.2018).
5. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, Н. А. Костина, А. В. Крюков. — М. ; Краснодар : Принт сервис групп, 2015.
6. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. — Краснодар : Родные традиции, 2017.
7. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. — Краснодар : Экоинвест, 2018.

8. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, А. Н. Еремеева, А. В. Крюков, Н. А. Костина. — Краснодар : Ин-т Наследия, 2019. — DOI: 10.34685/НН.2019.98.73.001.
9. Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. по итогам междунар. науч. форума / отв. ред. И. И. Горлова ; редкол. Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, Н. А. Костина, А. А. Гуцалов. — М. : Ин-т Наследия, 2021. — 426 с. — DOI: 10.34685/НН.2021.87.21.003.

Irina I. GORLOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Director, Southern Branch of the Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia
ii.gorlova@gmail.com

The Sixth International Forum (Instead of a Foreword)

A review of the problems of reports and communications of the Fief International Scientific Forum “Cultural Heritage of the North Caucasus as a Resource of Interethnic Concord”, which took place on October 1–4, 2020, is presented. Issues of preserving the cultural heritage of the peoples of the North Caucasus, its use as a resource of interethnic consent, and creating a unified cultural space are considered establishing intercultural dialogue at the international and regional levels.

Keywords: *international scientific forum, North Caucasus, culture, cultural heritage, state policy, interethnic harmony, dialogue of cultures, a single sociocultural space.*

РАЗДЕЛ 1

Историко-культурное наследие как ресурс укрепления российской государственности

*В. А. Дмитриев**

Специфика музеефикации этнографического материала как фазы формирования национального достояния

В статье рассматриваются принципы комплектования этнографического музея, который осуществляет отбор части историко-культурного наследия. Процесс селекции материала для собрания этнографического музея состоит в поиске этнографических фактов и превращении их в музейно-этнографические источники, главными из которых являются вещи и фотографии. Предмет, являющийся этнографическим фактом, отбирается по критериям этнической принадлежности и традиционности. Использование критерия традиционности позволяет классифицировать предметы традиционной культуры, а также выделять предметы культуры, связанной с этнографической традицией, но претерпевшей изменения, вызванные модернизацией общества в XIX–XXI вв. Находящиеся в этнографическом музее предметы традиционной, модернизированной и инноваци-

* ДМИТРИЕВ Владимир Александрович, доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории отдела Кавказа и Средней Азии Российского этнографического музея, профессор Института востоковедения Санкт-Петербургского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: dmitriev_home@mail.ru.

онной этнической культуры собираются в различных масштабах и приобретают статус национального достояния.

Ключевые слова: этнографический музей, историко-культурное наследие, национальное достояние, этнографический факт, музейно-этнографический источник, традиция, модернизация.

Музеи давно и прочно занимают важное место в любой общественной системе, формируя на музеефицированных объектах культуры культурно-историческую память общества. В целом процесс формирования культурно-исторической памяти можно представить через категории «историко-культурного наследия» и «национального культурного достояния», определив при этом в процессе место музеев. В законодательной практике Российской Федерации допускается понимание культурного наследия как общественной ценности и части мирового культурного богатства и понимается, что культурное достояние формируется государством. Наследие имеет формулировку в Федеральном законе [13], достояние — в теоретической базе юридической науки.

Историко-культурное наследие трактуется как материальные и духовные ценности, созданные в прошлом и имеющие значение для сохранения и развития самобытности народа, его вклада в мировую цивилизацию. Его основными категориями называются движимые и недвижимые объекты культуры, культурная среда (историко-культурные территории), нематериальные объекты (см.: [6, с. 219; 15]). Музеи имеют значение учреждений культуры, сберегающих наследие, но уже перешедшее в форму достояния. Достояние понимается как наследие, получившее статусы культурной ценности и государственного достояния [12], объединенное с учреждениями, осуществляющими социализацию культурно-исторического наследия. Можно с уверенностью сказать, что отбор движимых объектов культуры (получение статуса культурной ценности) и их перемещение в музей (получение статуса государственного достояния) указывает на роль музея в преобразование историко-культурного наследия в национально-культурное достояние.

Формулировки наследия и достояния включают такие определения, которые указывают на важное значение фактора этнической национальной культуры:

- объекты культурного наследия народов Российской Федерации представляют собой уникальную ценность для всего

- многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия;
- в числе агентов, создающих культурные ценности, присутствуют большие социальные группы, прежде всего этносы, национальные меньшинства;
 - культурное наследие включает искусную работу, выполненную в старинных традициях, представления, ритуалы, знания и навыки, передаваемые из поколения в поколение внутри общества (см.: [7; 9]).

Комплектование этнографического музея, таким образом, является важной задачей создания национального достояния России, ответственность за ее исполнение требует глубокого теоретического обоснования процесса. Если подробнее раскрыть содержание данной задачи, то можно выделить следующие установки, которые состоят:

- в формировании этнокультурного наследия народов Российской Федерации и сопредельных территорий;
- в создании информационно-источникового массива данных по этнографии народов России и сопредельных территорий и его постоянном пополнении;
- в формировании музейных источников формирования и распространения этнографического знания;
- в обеспечении функционирования имеющихся экспозиций музея и подготовки новых экспозиций и выставок как в пространстве музея, так и за его пределами;
- в пополнении имеющегося собрания музея;
- в заполнении выявляющихся лакун в собрании музея;
- в обеспечении музейными источниками этнографического знания научно-исследовательской работы специалистов различного профиля, а также работников прикладных дисциплин, реализующих этнографическое знание;
- в участии в составлении описаний культуры этноса народов северной Евразии;
- в обеспечении музейной деятельности, связанной популяризацией традиционно-культурного наследия народов Российской Федерации и ценностей этнических культур;
- в обеспечении участия музея в деятельности музейной сети Российской Федерации как внутри страны, так и за ее рубежами.

Комплектование музейного собрания является длительным процессом, продолжающимся от обнаружения в среде естественного существования предмета музейного значения до окончательного превращения его в музейный предмет и часть государственного Музейного фонда Российской Федерации. Первой стадией комплектования является собирательская работа, которую не следует отождествлять со всем процессом комплектования. Основания для их отождествления имеются в том, что уже на стадии обора должны показать себя принципы выбора предмета, специфичного для данного музея, в данном случае музейно-этнографического предмета.

Этнографический музей является специфическим отделом этнографической науки, его цели отвечают установкам науки, но и имеют свою специфику. Общие цели науки формирует вся проблематика исторического становления, развития и функционирования этносов, рассматриваемая в неразрывном единстве с создаваемой ими традиционной культурой, а также проблемы этнокультурного взаимодействия различных народов, гармонизации межнационального общения. Специфика деятельности этнографического музея определяется задачами исследования культуры этносов, обладающей признаками традиционности и объекта музейного значения. Одновременно музей, исполняя общие задачи этнографической науки в области полевой деятельности, проводит мониторинг наблюдаемых ситуаций в культуре народов, сохраняя внимание к их этническим характеристикам и архивируя полученные сведения общими для этнографии методами. Специфика музейной институции этнографической науки представляется в том, что музей является накопителем этнографических фактов и тем местом, где они, не теряя свойства факта, превращаются в этнографический источник. Данным этнографическим источником является результат комплектования — музейный предмет, т. е. включенный в музейное собрание памятник истории, культуры или природы, являющийся первоисточником знаний и эмоционального воздействия [8]. В контексте специализации этнографического музея к определению музейно-этнографического предмета добавляется признак его этнического дискурса, а в контексте собирательской деятельности — признаки, относящиеся к транспортабельности предмета музейного сбора, и, в первую очередь, свойство вещественности. Свойство вещественности проявляется в том, что музей комплектует непосредственно материальные предметы (вещи), восполняя утраты информации, возникающие при изъятии вещей из среды

их бытования, формированием источников, воспроизводящих образы культуры (изобразительные источники, особо фотографические).

Целью комплектования этнографического музея является выделение этнографических фактов, имеющих музейное значение, перемещение их в музейное собрание и формирование на их основе в мире музейных предметов этнографических источников. Можно предложить и иную формулировку цели комплектования, как сбор (вещевых предметов) и образование (фотоматериалов) первичных этнографических источников, являющихся памятниками — прямыми презентантами этнографического факта (факта действительности), и создание производных этнографических источников, содержащих интерпретации этнографических фактов (фактов действительности и фактов науки). Презентанты этнографического факта являются формирующимися памятниками («памятник — объект, обретший высокую оценку в общественном сознании»), которые эволюционируют в процессе комплектования и дальнейшего музейного использования от фрагмента обыденности до объекта берегаемого культурного наследия.

В целях развития теории музеологии важно различать категорию этнографического факта и категорию музейно-этнографического источника, создаваемого в музее. Этнографический факт — это фиксируемое исследователем явление, признак культуры этноса, указывающие на ее своеобразии и имеющие значение для построения описания этноса и его культуры (см.: [2; 3; 10]). Важным обстоятельством (признаком) является отражение факта в этническом самосознании, выражение отношения к факту со стороны этнофоров.

Область источников, создаваемых в этнографическом музее, гораздо шире категории этнографических фактов [4]. Музейный источник этнографического музея представляет собой объединение этнографического факта с носителем информации о нем и о других этнографических фактах. Музейными источниками этнографического музея, формируемыми в результате комплектования, являются:

- отобранные в ходе собирательской работы этнографические факты, составляющие базу музейного собрания и включающие:
- объективированные этнографические факты — вещевые памятники;
- изображения этнографических фактов — документальные фотографии и иллюстративные памятники; данные факты,

несомненно, принадлежат к категории национального достояния, они же являются объектом комплектования этнографического музея;

- документированные наблюдения (дневниковые записи, результаты опросов и прочие текстовые результаты полевой работы, фотоиллюстративные материалы в расширительной трактовке ассортимента видеозаписей и т. д.), полученные исследователями и частными лицами, — архивные источники;
- подготовленная в ходе музеефикации поступающих в музей объектов комплектования научная документация, описание этнографических фактов — документация, подготовленная в музее;
- разнообразные пособия, создаваемые в ходе музейной деятельности, как конкретно-вещевые (модели предметов, реплики, реконструкции отдельных предметов и комплексов), так и образные (экспозиции и выставки музея), возможно также инициирование музеем воссоздания <моделей> этнографических объектов в среде этнофоров — вторично созданные вещевые источники;
- результаты исследований сотрудников музея, публикации предметов и комплексов музейного собрания: интерпретация этнографических фактов, подготовленная в музее, — материалы архива и научной библиотеки;
- этнографическая литература — интерпретация этнографических фактов, существующая в мировой науке.

Все категории источников относятся к выявленному и обработанному культурно-историческому наследию.

Объектом комплектования этнографического музея признается этнографический факт, получивший объективизацию в виде предмета материальной культуры (вещи, комплекса вещей) или его (их) изображения, доступный для перемещения в хранилище стационарного музея. Изображения доносят до музейного собрания образы предметов:

- перемещаемых и неотделяемых из контекста бытования;
- отмеченных наблюдателем, но не изъятых для музеефикации;
- а также отражение процессов, происходящих с этнофорами (бытовых, трудовых, досуговых, ритуальных, праздничных, конфликтных и т. д.) и явлениями культуры этноса.

Информационность музейно-этнографического источника так же, как и этнографического факта, состоит в его этнографичности, в определении которой особое значение имеют такие признаки, как этническая привязка и традиционность. Этническая привязка дается по той этнической общности, в среде которой поступающий в музей предмет находил основное использование (этнос, этническая группа во всех ее проявлениях, включая диаспорное). Некоторые предметы получают этническую характеристику и по среде изготовления и среде бытования как изделия ремесленных центров с широким ареалом сбыта.

Традиционность предмета является частью его культурологического определения в результате этнологической экспертизы, проводящейся в ходе полевого исследования и дальнейшей музеефикации. Выявление традиционности объекта проводится как определение:

- традиционности материала изготовления объекта и его компонентов;
- традиционности конструкции объекта;
- традиционности приемов изготовления объекта и его деталей;
- традиционности орнаментики;
- наличия традиционного символизма оформления объекта и его деталей;
- традиционное использование предмета и фиксация бытования объекта в среде, традиционной для него (этническая, локальная, профессиональная, социальная и т. д.);
- наличие дискурса «своего предмета» в сознании этнофоров [5].

Констатация наличия всех пунктов позволяет признать предмет традиционным полностью, отсутствие некоторых из них «условно-традиционным».

Использование критерия традиционности связано с труднейшими для комплектования этнографического музея проблемами отражения этнической культуры и актуализации музейного собрания в современном мире. Причина этих проблем лежит в результатах процессов, произошедших в сфере этнических свойств национальных культур вследствие состоявшегося перехода человечества от архаического общества к модернизированному (урбанистически-индустриальному) и даже постмодернизированному (информационному). Этот переход, в основном, охватил период от второй половины XIX в. до начала XXI в., что поставило ряд музеев, как, например, Российский этнографический

музей, образованный на рубеже XIX и XX вв., в процессе полевой работы и фиксации реальности в роль постоянного наблюдателя данной трансформации, однако стремящегося собирать вещи, принадлежащие преимущественно архаике.

В ходе движения от архаики к постмодерну наблюдался рост этнического сознания, что привело к поиску новых форм его выражения в этнографических фактах, а также переход архаики как основной составляющей традиционной культуры в латентную форму; повсеместное распространение «вторичных форм» народной культуры; тотальное сокращение бытования предметов традиционно-бытовой этнической культуры; массовый уход по естественно-демографическим причинам носителей традиционного знания и знания о традиционной культуре из среды ее бытования; замена их экспертами из профессиональной среды науки и просвещения или из полумаргинализованной обывательской среды. Вместе с тем росла общественная ценность феноменов народной культуры, и состоялось признание этнографических фактов историко-культурным наследием.

Цепь перехода от архаики к модернизации, или, что близко, от традиции к инновации, является признаком эволюции этнической культуры в XX в. и позволяет наметить триаду, возникшую в ходе изменения этнокультурных традиций и их проекции на этнографические факты и, следовательно, на музейно-этнографический объект. В нее входят:

- архаико-традиционные объекты;
- объекты, представляющие развитие, адаптацию под воздействием модернизации и сохранение этнических традиций;
- инновационные объекты, возникшие внутри культуры и вне ее [3].

Комплектование архаико-традиционных объектов предполагается к осуществлению с максимально возможной широтой как ядра базы музейных источников. Так как объекты данной группы или уже вышли из бытования или выходят из него, они обладают возрастающей ценностью убывающего наследия и особо представляют историко-культурное достояние как пример наследия прошлого. Специфическими признаками архаико-традиционных объектов являются ручное производство предмета в домашней среде (самостоятельное производство) для семейного (узколокального) использования, а также производство предметов в рамках домашних промыслов, ремесленных центров и кустарных артелей с этнической историей производства и потребления и применения

ручного труда. Архаика не всегда является чистой, в ее предметном ряде могут оказаться вещи, порожденные модернизационными процессами царского времени, в частности, с признаками фабричного производства. Сбор традиционно-архаических объектов желательнее довести до формирования типобразующих серий предметов.

Учитывая сложившееся в музейном деле отношение к предметам исторической традиционно-бытовой культуры, выделяются объекты, изготовленные до начала второй четверти XX в. с предпочтением объектов с доказанной традиционностью и предметов декоративно-прикладного искусства, а также предметов обрядового назначения. Часть объектов архаической культуры в оценках общества поднимается до отнесения к категории антиквариата, что повышает качественные и количественные оценки их как исторического наследия.

В структурном плане культура архаики разделяется на актуальное историческое наследие (важное для наших современников) и пережитки (наследие, неактуализируемое или актуализируемое, с критическими оценками), для процесса комплектования музейного собрания грань между ними не является важной, но в дальнейшей работе музея обращение к актуальному историко-культурному наследию занимает особо важное место.

Согласно утвержденным Правительством РФ «Критериям отнесения движимых предметов к культурным ценностям», рекомендовано приобретать этнографические материалы, созданные более 50 лет назад, т. е. изготовленные до 1970 года [11].

Наиболее сложным для выработки концепции комплектования этнографических музеев является формирование отношения к объектам, представляющим развитие и сохранение этнических традиций, включая их адаптацию под воздействие модернизации. Можно, по крайней мере, принять, что относимые к этой группе предметы относятся ко времени советской модернизации, отрезку от второй трети 1930-х гг. до настоящих времен. Данная эпоха состоит из двух периодов, времени социалистической реконструкции советского типа (1930–1980-е гг.) и времени глобализационного взрыва (1980–2010-е гг.). В протяжении эпохи модернизации в этнографических фактах появились:

- прямые изменения урбанистического вида в этнической культуре в результате модернизации (сложение модернизированного комплекса одежды, изменения в жилище, повышающие его комфортность);

- результаты творчества профессиональных создателей этнических форм и стилей (включая художников-прикладников) как следствие сложения профессиональной культуры на месте народной;
- результаты государственного регулирования в сфере этнографических явлений/фактов (поддержка народно-художественных промыслов как феномен советского периода и массовое распространение их продукции, внедрение в изделия легкой промышленности этнических признаков, а также их использование в архитектуре общественных зданий, атрибутика режиссированных народных праздников); развитие сети т. н. народных промыслов получило расцвет в советское время, в начале XXI в. многие из них находятся в глубоком кризисе;
- элементы региональной культуры.

Объекты данной группы не являются не вполне традиционными, не вполне инновационными, поэтому очень важным для отнесения их к этнографическим фактам является признание объектов в своей этнической среде соответствующими традиции. Известно, что «своими» могут быть признаны и предметы иноэтничного происхождения, что можно отнести к феноменам современности, хотя такое присвоение могло наблюдаться и в прошлом.

Объекты, представляющие эволюцию традиции в процессе отхода от архаики в сторону модернизации, обладают качествами не только продолжения традиции, но и демонстрации следования традиции, т. е. входят в категорию эмблематических объектов локальной культуры; причем данное их свойство нарастает с процессом вытеснения в обществе традиции модернизацией.

Эмблематические объекты этнической культуры, т. е. те, для которых свойство быть символом этнической общности или этнической традиции достаточно для вытеснения или подавления/произвольного использования других признаков материального объекта вплоть до сведения его к знаку этничности, представляют третью группу музейно-этнографических объектов. Они уже получили определение национально-окрашенных объектов культуры (а также за пределами музейного дела — этнодизайна, этники). Имеется соблазн отнести их уже к результатам общественного состояния постмодерна, согласно правилам которого, допустима игра с любыми компонентами наследия, лишь бы

она приводила к достижению удовольствия. Постмодерн в этнической культуре представлен достаточно обширным кругом примеров, но их изучение выходит за рамки проблематики комплектования музейно-этнографических объектов, так как современный бриколаж традиции (игра в традицию) не является способом ее продолжения и вряд ли должен поддерживаться исполнением музеем его социальных функций в трансляции ценностей культурного наследия.

Тем не менее национально-окрашенные объекты могут быть предметами выборочного комплектования этнографического музея. В первую очередь, к ним следует отнести вещи, обладающие этническим символизмом и художественным, а также конструкционным переосмыслением традиции, в том числе избранные предметы т. н. этнодизайна, этнофутуризма, этнического стиля, символики национальных движений. Следует воздержаться от комплектования национально-окрашенных объектов, не созданных этнофорами или разработанных в художественных мастерских проектов, пропагандирующих экзотику как самоцель. Возможно приобретение сувениров, также в специальном порядке, но отнюдь не как предметов, моделирующих память о соприкосновении с этнической средой, а как выполненных на высоком уровне символах этнической традиции.

Практика комплектования собрания самого крупного отечественного этнографического музея — Российского этнографического — показала, что результатом данной деятельности является сложение основного ядра собрания, отвечающего целям фиксации и сохранения этнокультурных традиций, а также появление периферийной части собрания, которая образовывалась в целях выполнения текущих задач музея. Невозможно полностью сохранить чистоту традиционного материала в собрании музея, как и снять ограничения в отборе профильного материала. В музейном комплектовании невозможно избежать поступления материалов, сопутствующих основному.

Данная практика показывает, что комплектование этнографического музея основывается на профессионально-жестких требованиях к отбору профильной части историко-культурного наследия, которые несколько смягчаются, когда «наследие» преобразуется в «достояние». Данный шаг объясняется тем, что «наследие» отлагается в собрании этнографического музея в комплексах отобранных этнографических фактов, а «национальное достояние», помимо них, содержит и материалы для комментирования этнографических фактов.

Использованная литература

1. *Дмитриев В. А., Калашиникова Н. М.* О принципах комплектования фондов этнографических музеев на современном этапе // Советская этнография. — 1989. — № 2. — С. 82–93.
2. *Дмитриев В. А.* Об актуальности категории «этнографический факт» : Часть 1. Факт и источник // Гуманитарные и юридические исследования (Северо-Кавказский федеральный университет). — 2015. — № 4. — С. 37–41.
3. *Дмитриев В. А.* Об актуальности категории «этнографический факт» : Часть 2. Факт и информация // Гуманитарные и юридические исследования. — 2016. — № 1. — С. 31–36.
4. *Козьмин В. А.* Полевая этнография // Flatik.ru. — URL: flatik.ru/polevaya-etnografiya (дата обращения: 09.06.2015).
5. *Коновалов А. В., Тимофеева Е. Я.* К определению понятия этнографический предмет // Тезисы докладов научно-практической многосторонней конференции «Музей и этнографические проблемы современности». II Секция. — Л. : Б. и., 1987. — С. 1–3.
6. *Кононенко Б. И.* Большой толковый словарь по культурологии. — М. : Вече, 2003.
7. *Курьянова Т. С.* Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестник Томского государственного университета. Сер. : Культурология и искусствоведение. — 2011. — № 2. — С. 12–18.
8. *Мастеница Е. Н., Шляхтина Л. М.* Музейный предмет как объект культуры: актуальные проблемы интерпретации // Рубежи памяти: Музей и наследие современной культуры : сб. тр. междунар. науч. конф. — СПб. : РХГА, 2015. — С. 178–190.
9. *Медведева Н. В., Стоналова А. С.* Понятие «культурное наследие» и основные теоретические подходы к его изучению // Материалы Афанасьевских чтений. — 2016. — № 3. — С. 138–142.
10. *Пименов В. В.* Этнографический факт // Этнографическое обозрение. — 1990. — № 3. — С. 42–51.
11. Приложение № 2 к «Временному порядку оформления документации при ввозе и вывозе культурных ценностей». Информация Минкультуры России от 11.04.2018 [Электронный ресурс] // Альта-Софт. — URL: alta.ru/tamdoc/18bn0026/ (дата обращения: 03.09.2020).
12. *Пронина Е. Н.* Культурное достояние как юридическая категория. // Вестник Московского университета МВД России. — 2003. — № 9. — С. 211–212.

13. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. — URL: legalacts.ru...federalnyi-zakon...25062002...73-fz-ob/ (дата обращения: 03.09.2020).
14. Что такое культурное наследие? [Электронный ресурс] // Novation-NN.ru. Мировые новости. — URL: <https://novation-nn.ru/chto-takoe-kulturnoe-nasledie/> (дата обращения: 03.09.2020).
15. Шульгин П. М. Историко-культурное наследие как особый ресурс региона и фактор его социально-экономического развития // Мир России. — 2004. — № 2. — С. 115–133.

Vladimir A. DMITRIEV

Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology, Anthropology),
Top-Grade Researcher,
Department of the Caucasus and Central Asia,
Russian Museum of Ethnography, Prof.,
Institute of Oriental Studies,
St. Petersburg State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia
dmitriev_home@mail.ru

Specificity of the Museumification of Ethnographic Material as a Phase of the National Heritage Formation

The article discusses the principles of recruiting the ethnographic museum, which selects a part of the historical-and-cultural heritage. The process of selecting material for the collection of an ethnographic museum consists in searching for ethnographic facts and turning them into museum-and-ethnographic sources, the main of which are things and photographs. An object that is an ethnographic fact is selected according to the criteria of ethnicity and tradition. The use of the traditionality criterion allows us to classify objects of traditional culture, but also to highlight cultural objects associated with ethnographic tradition, but underwent changes caused by the modernization of society in the XIX–XXI centuries. The items of traditional, modernized and innovative ethnic culture located in the ethnographic museum are collected on various scales and acquire the status of a national treasure.

Keywords: *ethnographic museum, historical-and-cultural heritage, national treasure, ethnographic fact, museum-and-ethnographic source, tradition, modernization.*

А. Н. Сажин*

Историческое поселение Старый аул Кубачи как объект культурного наследия: к вопросу о практике повседневного использования сереброкузнечного искусства

В статье представлены ценностные характеристики Старого аула Кубачи как объекта культурного наследия: уникальность этнического происхождения, обособленная форма поселения, специфическое полунатуральное хозяйство, свойственное кузнечным культурам Восточного Средиземноморья и Закавказья. Кубачинское сереброкузнечное искусство в практике повседневного использования для обучения молодежи даст возможность: 1) сохранить историческое поселение; 2) возродить уникальное сереброкузнечное искусство; 3) воспитать знающих и любящих свою историю граждан; 4) с помощью практики гравировки по металлу развивать у детей мелкую моторику и правое полушарие мозга, отвечающее за творческую деятельность.

Ключевые слова: Кубачинское сереброкузнечное искусство, Старый аул Кубачи, историческое поселение, специфическое полунатуральное хозяйство, воспитание, мелкая моторика у детей, творческая деятельность.

Кубачинцы — это уникальный народ, который пришел и поселился на Северном Кавказе несколько тысячелетий назад и уже тогда умел отливать предметы быта из бронзы и серебра. Откуда он пришел, сказать сложно. Но это очень обособленный народ, который веками не перемешивался с другими народами Кавказа, что косвенно подтверждает гипотезу о его неавтохтонном происхождении. Сложно согласиться с генуэзским происхождением кубачинцев, но существует обычай сходный у обоих народов — собирать старинные тарелки и блюда и хранить их в отдельной комнате. В пользу некавказского происхождения кубачинцев также говорят их постройки. В архитектуре Старого аула Кубачи присутствуют персидские мотивы с зороастрийской символикой. Например, существующая до сих пор и недавно отреставрированная кубачинская башня постройки V–XIII вв. Акайла-Колья имеет характерные зубчики наверху и каменные вставки с зороастрийской тематикой.

До 1467 г. Кубачи был столицей самостоятельного государства, которое, как и столица, называлось *Зирехгеран* — по-персидски «коль-

* САЖИН Александр Николаевич, кандидат педагогических наук, доцент, независимый исследователь, Москва, Россия. Электронная почта: 9749541@mail.ru.

чугodelатели», а потом уже появилось название *Кубачи* — тоже «кольчугodelатели», но по-тюркски [4].

Начало кузнечного дела на территории Восточного Средиземноморья, включая Кавказ, датируется серединой пятого тысячелетия до н. э. Кузнечное дело объединяло людей не по этническому, а профессиональному признаку. Кузнецы, как правило, жили обособленно, на краю поселения, практически не занимались сельским хозяйством, а жили за счет своего мастерства [5]. Эти характеристики можно смело отнести и к народу Зирехгеран/Кубачи.

В настоящее время кубачинское искусство, культура и Старый аул Кубачи переживают очень тяжелые и даже трагические времена. Старый аул заброшен, но и новый аул с комфортабельными квартирами пустеет. В последние месяцы (к октябрю 2020 г.) уехали такие известные мастера, как Магомедов Гаджи-Бахмуд, Алихановы Расул и Абусалам, Изабакаров Гаджи-Омар, Чабкаев Гаджигусен, Хартумов Магомед, Куцулов Ибрагим, Кишев и др. В городе в поисках заработка мастера занимаются низкоквалифицированным трудом и полностью утрачивают свои уникальные навыки.

Конечно, Кубачи — не единственный аул, опустевший и разрушенный, но он выделяется среди прочих. Во-первых, своеобразной неказказской архитектурой, во-вторых, специализацией всех жителей только на одном виде ремесла с незначительным для хозяйствования ведением огородничества, в-третьих, уникальностью самого ремесла и его техник, которые необходимо сохранить.

Даже если создать музей культуры и быта с действующими мастерскими и традиционными ремеслами, сделать это в одном квартале, — это не спасет аул Кубачи, если все вокруг будет разрушено. Также и кубачинское ювелирное искусство не сохранить без сохранения культуры народа и самого народа, пришлого, сохраняющего свою национальную идентичность много веков и вдруг растворившегося в одночасье.

В настоящее время происходит стремительное внедрение компьютеров и робототехники в жизнь современного человека. Для участия «человеческого фактора», к сожалению, практически не остается места. Есть и другая сторона вопроса: виной многих аварий часто становится именно человеческий фактор. Но речь сейчас пойдет о другом. Не всегда оправдано насаждение различных гаджетов в повседневной жизни. Они не только усложняют ее, но и отучают людей думать, творить, особенно делать что-либо руками.

Кубачинское искусство — такой вид творчества, где участвует воображение, мелкая моторика рук, которая очень важна для развития правого полушария мозга. Трудно переоценить этот фактор, а ведь в большинстве школ уже не преподают ни рисование, ни лепку, ни ручной труд. Дети учатся решать задачи с помощью компьютера, нажав комбинацию из нескольких кнопок.

Совсем по-другому обстоит дело при гравировке по металлу, резьбе по дереву или камню. При этих занятиях очень активно задействована эмоциональная и творческая составляющая. По своему опыту знаю, что граверный резец ведет себя самовольно, иногда даже очень острый не хочет резать, «прыгает». Причин здесь много: настроение и самочувствие мастера, «еще не вработался», по каким-то причинам сегодня металл стал тверже.

Приходит на память верховая езда. Захотел повернуть лошадь, натянул один повод сильнее, все остальное сделал вроде бы правильно, а лошадь не слушается, т. е. нужно уметь быстро перестроиться и правильно среагировать. Здесь практически все зависит от человеческого фактора, опыта всадника и его интуиции.

И в том, и в другом случае нужна интуиция, вариативность мастера, а не простой набор программы. Люди начали утрачивать навыки работы простым, не механическим инструментом — резцом, сечкой, чеканкой, что, безусловно, обедняет, в конечном счете, изготавливаемые предметы. Изделия, сделанные по современным технологиям автоматическим литьем, которые один известный ювелир назвал слепком с мертвого лица, при ближайшем рассмотрении не идут ни в какое сравнение с изделиями, сделанными вручную.

Большой проблемой сохранения кубачинского искусства стало подорожание в два раза серебра в августе 2020 г. Из-за высокой стоимости материала мастера и раньше отказывались от изготовления изделий с глубокой гравировкой, используя более тонкие листы драгоценного металла. Теперь же и изделия на тонких пластинах не имеют спроса из-за высокой стоимости материала. Мне представляется, что в результате этих экономических игр с «жонглированием» долларом и другими валютами нанесен практически смертельный удар по кубачинскому ювелирному искусству. Можно, конечно, от безысходности работать с медью, латунью и нейзильбером, но резко повышаются трудности при гравировке, и полностью уничтожается технология нанесения черни.

Но поднимаемый вопрос гораздо шире — воспитание творческой молодежи, а творчество, как известно, необходимо в любом виде деятельности. На базе школы искусств аула Кубачи детей обучают ювелирному искусству, а также танцам, вышивке золотом. Более тысячи лет там воспитывают мастеров высочайшего уровня. Окончив общеобразовательную школу и школу искусств, молодые кубачинцы уже имеют профессию и только после этого могут посвятить себя любому другому занятию. К сожалению, этому другому занятию они посвящают свою жизнь все чаще и чаще. Было бы желательно, возрождая кубачинское искусство, расширить географию и количество школ, где его преподают.

Скопировать самобытный процесс кубачинской гравировки ради ее сохранения весьма проблематично. Нужны не только квалифицированные мастера, дорогой материал — серебро, как минимум медь, но и дополнительные производства: литье, прокатка, пайка, дифовка. Что можно сделать в качестве первого шага для сохранения самобытной ювелирной культуры аула Кубачи? По упрощенной программе, например, обучать детей гравировать сначала на медных и латунных пластинах, или вырезать орнаменты на мягких материалах: дереве, различных синтетических материалах, линолеуме. Если, например, покрасить деревянную пластину черной краской, а затем вырезать сюжет или орнамент, то это выглядит очень красиво. В зависимости от художественного замысла и техники исполнения можно сделать наоборот: орнамент сделать черным, а фон светлым.

Обучение декоративно-прикладному искусству является мощной составляющей воспитания детей и молодежи. Занимаясь творчеством, находясь среди красивых изделий, дети будут более нравственными, культурными, что усилит в них любовь к своему народу, традициям.

Занятие декоративно-прикладным искусством развивает хороший вкус, усидчивость, внимательность и т. д. Работа с ручным инструментом, например, гравировка, тренирует моторику рук, что усиливает работу правого полушария мозга, отвечающего за творчество. При этом дети также учатся объективно оценивать творческие способности, учатся переживать неудачи.

По предлагаемым методикам уже написано множество работ (см: [1; 2; 3]) и пр., но целью данной статьи является обретение возможности сохранить или, вернее, спасти уникальное ювелирное искусство аула Кубачи и сам аул.

В настоящее время мы видим разрушение не только исторических памятников, но и традиций, и обычаев народа. Язык все больше засоряется англицизмами, культивируется и внедряется в сознание людей идея безудержного потребления. Из потребителей жизни, а не творцов, делают народных героев. Все это разрушает духовную силу народа и ведет государство к ослаблению и упадку.

Выводы, к которым я пришел в результате практической и исследовательской работы, следующие:

1. Ситуацию с историко-культурным поселением Старый аул Кубачи и его декоративно-прикладным искусством необходимо признать катастрофической. Чем дальше будет замалчиваться эта проблема, тем труднее будет ее решение.

2. Если народ стремится сохранить свою индивидуальность в будущем и не раствориться в общей массе, необходимо принимать незамедлительные меры на государственном уровне.

3. Чтобы прекратить отток населения из аула Кубачи, в том числе и мастеров, необходимо обеспечить их достойно оплачиваемой работой. Это без должной государственной поддержки осуществить невозможно в актуальных условиях.

4. Для сохранения и возрождения уникального ювелирного искусства аула Кубачи необходимо расширить круг школ, где оно преподавалось бы так, как в кубачинской школе искусств. Предлагается перенести те орнаменты и ту технику исполнения, которая применяется на металле, на дереве и других мягких материалах, а также преподавать в школах на уроках труда или рисования резьбу по дереву.

Использованная литература

1. *Александрова Л. М.* Художественно-эстетическое воспитание в начальных классах средствами башкирского декоративно-прикладного искусства на уроках изобразительного искусства // *Международный академический вестник.* — № 1. — 2015. — С. 10–12.
2. *Данилов А. В., Хайруллова Э. Р.* Развитие творческих способностей учащихся на уроках декоративно-прикладного искусства // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.* — 2018. — № 4. — С. 131–138.
3. *Печерский Ю. В.* Декоративно-прикладное искусство и эффективные условия развития творческой активности у младших школьников // *Вест-*

ник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2016. — № 2. — С. 76–81.

4. Щербина В. Средневековые замки, зороастрийские барельефы и рыцари-крестоносцы. Как дагестанское село Кубачи стало Меккой ювелирного искусства // Нож. — URL: <https://knife.media/dagestani-templars/> (дата обращения: 30.09.20).
5. Юрченко Н. В. Диффузия культур Восточного Средиземноморья II–I тыс. до н.э. Формирование цивилизационного ядра и зарождение профессиональных эпосов коневодов и кузнецов ближневосточного региона. — Саарбрюккен : LAP, 2013.

Alexander N. SAZHIN

Cand. Sci. (General Pedagogy,

History of Pedagogy and Education),

Assoc. Prof., Independent Researcher, Moscow, Russia

9749541@mail.ru

**Historic Settlement the Old Aul of Kubachi
as an Object of Cultural
Heritage: to the Question of the Practice
of Everyday Use Silversmithing Art**

The article presents the value characteristics of the Old aul of Kubachi as an object of cultural heritage: the uniqueness of ethnic origin, a separate form of settlement, a specific semi-natural economy characteristic of the blacksmith cultures of the Eastern Mediterranean and Transcaucasia. Kubachi silver-forging art in the practice of everyday use for teaching young people will make it possible to: 1) preserve the historical settlement; 2) to revive the unique art of silver forging; 3) educate citizens who know and love their history; 4) with the help of the practice of metal engraving, develop fine motor skills in children and the right hemisphere of the brain, which is responsible for creative activity.

Keywords: *Kubachi silver-forging art, Old aul of Kubachi, historical settlement, specific semi-subsistence economy, upbringing, fine motor skills in children, creative activity.*

Н. А. Юрченко*

Главный городской архитектор Кишинева — потомок «кавказских» Бернардацци

Статья посвящена одному из самых видных архитекторов юга Российской империи второй половины XIX — начала XX вв. А. И. Бернардацци — потомку первого поколения швейцарских архитекторов братьев Бернардацци, сыгравших исключительную роль в становлении курортных городов Северного Кавказа. Прослежен период деятельности А. И. Бернардацци, связанный с Кишиновом, куда он был направлен в 1850 г. по окончании Строительного училища в Петербурге и где прошел путь от «архитекторского помощника» до главного «городового архитектора». Описаны основные произведения А. Бернардацци, значительно повлиявшие на формирование исторического архитектурно-художественного облика Кишинева, современной столицы Молдовы. Акцентировано внимание на участии зодчего в постройках в качестве соавтора с другими архитекторами, что позволяет изменить подход к учету количества сооружений, возведенных непосредственно по его проектам.

Ключевые слова: архитектор А. И. Бернардацци, род Бернардацци, Северный Кавказ, архитектурное наследие юга Российской империи второй половины XIX — начала XX в., архитектурно-исторический облик Кишинева.

Имя архитектора Александра Бернардацци для Молдовы и особенно Кишинева является не просто знаковым, а почти магическим. Понятие «архитектурное прошлое Кишинева» и творчество Бернардацци практически синонимичны, поскольку весь пласт исторической застройки города второй половины XIX — начала XX столетия так или иначе ассоциируется с его деятельностью.

Потомок уроженцев Тессинского кантона в Швейцарии, приехавших в Россию на работу в начале XIX в. по приглашению Александра I, достойно принял от них эстафету. Они сыграли первостепенную роль в становлении курортных городов Северного Кавказа, осуществив разработку генеральных планов первоначальной городской застройки Кавказских Минеральных Вод и выполнение проектно-строительных работ по примерно 200 объектам.

* ЮРЧЕНКО Наталия Антоновна, научный сотрудник Института культурного наследия Академии наук Молдовы и Министерства образования, культуры и исследований, Кишинев, Республика Молдова. Электронная почта: natjur13@mail.ru.

*Рис. 1. А. И. Бернардацци
(1831–1907)*

Родился Александр Бернардацци в Пятигорске в 1831 г. в семье Джузеппе Марко (Иосифа Карловича) Бернардацци (1788–1840). Окончил Пятигорскую гимназию, профессиональное образование получил в Петербургском строительном училище (преобразованном позже в Институт гражданских инженеров), куда был отдан двенадцати лет от роду. По окончании училища его направили в Бессарабию — южные пределы Российской империи. Начал карьеру младшим архитекторским помощником Бессарабской областной строительной и дорожной комиссии, в 25 лет стал городовым архитектором Кишинева, получив впредь право именоваться званием инженера-архитектора [1]. Прослужив на этом посту более четверти века, он переселился в Одессу (1878), но связи с Кишиневом не порвал: до самой смерти (1907) продолжал проектировать и строить, оставаясь автором лучших архитектурных произведений Бессарабии (см.: [2; 3; 4]).

Количество приписываемых ему архитектурных объектов — один из спорных моментов в оценке его деятельности. Согласно книге И. Бубиса «Зодчие Бернардацци» (1997), это более 50 зданий и сооружений административного, жилого и хозяйственного назначения [5, с. 51]. Автор двух разделов альбома «Памятники русской культуры и истории в Молдове» Л. Ф. Чащина приводит цифры «около пятидесяти» (очевидно, по Бессарабии в целом) [7, с. 44] и «более тридцати зданий и других строений» в Кишиневе [7, с. 70]. Газетные публикации о творчестве Бернардацци руководствуются мифами и принципом «чем больше, тем лучше». Однако есть собственноручно составленный Бернардацци документ [6] — так называемый меморандум с перечислением спроектированных и построенных сооружений, который опубликовали дореволюционные архитектурные журналы «Зодчий» [СПб., 1900, № 8, с. 97–112] и «Строитель» [СПб., 1900, т. 6, № 15–16, с. 563–606], когда отмечалось 50-летие его творческой деятельности.

Внимательно изучив меморандум, можно говорить с долей уверенности примерно о двух с половиной десятках строений, которые сам автор счел возможным включить в свой послужной список, относящийся к его работе в Бессарабии. При этом число сооруженных в Кишиневе

зданий составит около 20: основная доля его произведений принадлежала столице губернии.

Первые работы Бернардацци в должности архитекторского помощника Бессарабской областной строительной и дорожной комиссии (с 1850) были связаны с обустройством городов Аккерман и Бендеры. Он принимал участие в возвышении брустверов в Бендерской крепости, во время Русско-турецкой войны (1877–1878) занимался проектированием станций Бендеро-Галацкой железной дороги, а также сооружением военных пристаней для погрузки снарядов близ г. Рени на Дунае. Как помощник городского архитектора Луки Заушкевича впервые принял участие в строительстве лавок на Лесной площади Кишинева (1855).

Судить о его творческих способностях как архитектора позволяет выполненный им проект решетки городского сада Кишинева (1861) — первый из известных его опытов в области архитектуры малых форм. Умелый мастер придал тяжелому в обработке металлу легкость и изящество, тонко прорисовал детали чугунного ограждения, чем покориł городское начальство, ранее настаивавшее на строительстве каменного забора вокруг парка. Чугунная решетка оказалась практичной, долговечной и по сей день украшает городской сад как важное художественное звено исторической городской застройки Кишинева.

С 1856 г. А. Бернардацци служил в Кишиневе городским архитектором, сменив на этом посту Л. Заушкевича. В этой должности он более 20 лет занимался хозяйственными делами, в том числе связанными с благоустройством, мощением улиц города, проведением водопровода. Не оставлял, естественно, и проектную деятельность, осуществив строительство таких объектов, как временный театр, школа лютеранского прихода, пассажирское здание вокзала Юго-Западной железной дороги в Кишиневе (совместно с архитектором Г. Ф. Лонским), жилые дома Донича, Кассо, Феодосиу, надгробный памятник Маркову.

Особенно продуктивным для Бернардацци стал период, когда он, переехав в Одессу и работая там, не перестал проектировать для Кишинева, создав шедевры, которые вошли в золотой фонд архитектурного наследия.

Среди этих проектов конца XIX — начала XX вв. отметим прежде всего здание Греческой Свято-Пантелеймоновской церкви (1887–1891) — одну из видных построек неовизантийского стиля в русской архитектуре, отличающуюся художественной и конструктивной оригинальностью принятых решений. Логика в выборе «византийского» стиля, казалось

Рис. 2. Греческая церковь, 1887–1891 гг.

бы, достаточно проста и продиктована непосредственно заказчиками: братья-купцы Иван и Виктор Синадино, представители греческой диаспоры, обратились с просьбой к архитектору Бернардацци. Однако их выбор соответствовал тенденциям распространения данного стиля в храмовом зодчестве второй половины XIX в. на всей территории России и непосредственно на юге Российской империи, включая Бессарабию. Неовизантийский стиль стал знаковым в 1870-е гг., при Александре II, как придворный стиль церковной архитектуры, огромную роль в его развитии сыграло покровительство государства. Стали изучаться первоисточники — собственно архитектура Византийской империи, организовывались археологические экспедиции, писались научные труды, в архитектурных школах стали давать задания на проектирование сооружений в этом архитектурном стиле. Благодаря признанию его в про-

фессиональной среде, «византийский стиль» и приобрел столь широкое распространение.

В политико-идеологическом смысле это соответствовало желанию подчеркнуть преемственность с Константинополем, обосновывая свою активность на Балканах. Русская архитектура декларировала, таким образом, генетическую связь (через посредство Византии) с достижениями Греции и родство с культурой балканских славян, столь важное в историко-культурном, религиозно-философском и социально-психологическом аспектах. Юг страны был актуален как регион внедрения этого стиля и тем, что на окраинных территориях у южных и западных границ было важно подчеркнуть незыблемость государства, и тем, что византийские храмы органично вплетались в уже сложившийся историко-культурный контекст. Не последнюю роль во взлете этого стиля играли высокий уровень культуры зодчих и вкусы заказчиков, со своей стороны создававшие преференции в развитии городского ландшафта.

Поскольку нас интересует именно архитектурная сторона вопроса, обратимся к ней более детально.

В «византийском» стиле пробовали работать почти все известные российские зодчие того времени, чему благоприятствовал уровень соответствующей школы в столице, в частности, в стенах Института гражданских инженеров (бывшего Строительного училища), выпускников которого направляли в провинциальные города на должности губернских инженеров и архитекторов. Они чаще других обращались к «византийскому» стилю при проектировании храмов и монастырей в российской провинции. Именно так случилось с А. И. Бернардацци — выпускником Строительного училища, ставшим одним из наиболее самобытных и плодovitых зодчих эпохи, проявив себя на юге России: в Крыму, Бессарабии и Одессе.

Церковь Святого Пантелеймона — наиболее известное и элегантное произведение мастера. Вдохновленный примерами средневековых византийских храмов российский зодчий создал композицию совершенно новую, богатую по организации внутреннего пространства, разработке внешних форм и своеобразию архитектурного декора. Одноглавая, созданная по подобию греческих храмов, церковь имеет в плане форму креста. С востока она завершена пятигранной апсидой, а с запада — колокольной, устроенной над входом. По рисунку последняя повторяет главный купольный барабан. Полусферические купола и средокрестия, и колокольни (на вспарушенных крестовых сводах) имеют византийское происхождение.

В конструктивном отношении вместо пилонов применена система четырех перекрещивающихся арок, на которых покоится купольный барабан. Таким образом, создано единое подкуольное пространство, залитое светом из оконных проемов барабана. Дневное перемещение лучей света создает дополнительное впечатление круговращения. Конструкция позволяет молящимся видеть алтарь с любого места внутри церкви.

Своеобразным знаком стиля в византийских храмах являются арочные окна, сдвоенные и строенные, с колонками между ними (в тройственном варианте средняя арка находится выше боковых), как это характерно для прототипов неовизантийского стиля — византийских памятников Константинополя IX–XI вв. Важным декоративным моментом «византийского» стиля является своеобразное цветовое и фактурное оформление фасадов: облицовка натуральным камнем, рустовка или ее имитация, полосатая кирпичная кладка, чередование кирпичных и оштукатуренных слоев, использование разнообразных орнаментальных мотивов [9]. Такое оформление стен следует традиции: чередование камня и кирпича применялось еще в ранневизантийское время. В нашем случае колористическое богатство внешнего облика храма основано на сочетании рядов светлого и темного по тону известняка в кладке стен и ярко-красного кирпича в отделке карниза и других частей здания, что в целом характерно для архитектуры Балканского региона. Храмы «византийского» стиля строились во всех православных странах. Источ-

Рис. 3. Греческая церковь

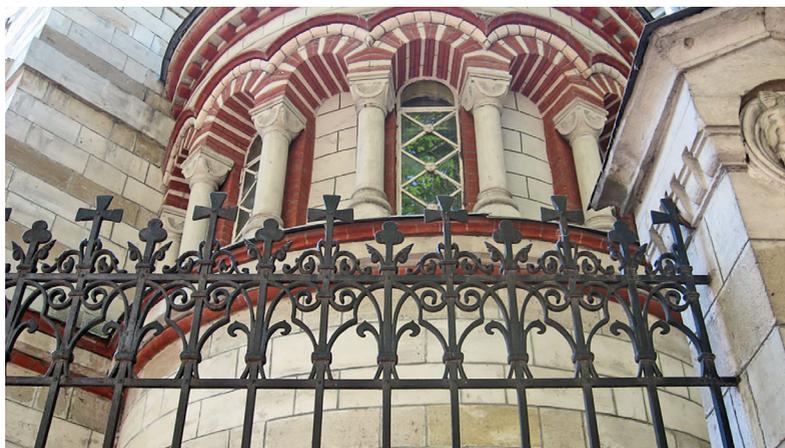
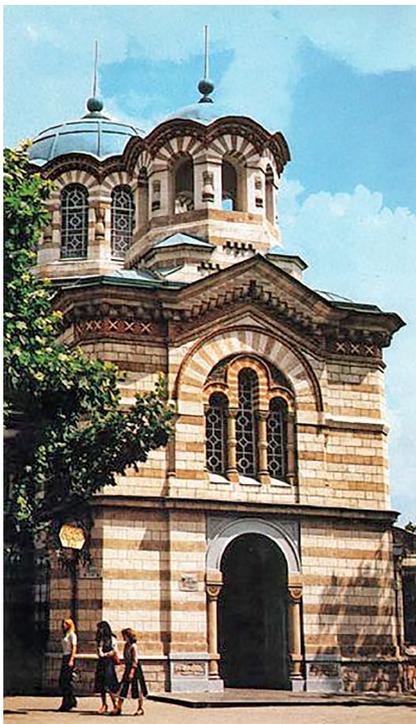

Рис. 4–5. Греческая церковь

Рис. 6. Здание гимназии Дадиани, 1900 г.

ником служили, как уже говорилось, средневековые памятники Греции и собственная средневековая архитектурная традиция этих стран.

Не менее уникальным зданием, раскрывшим талант прекрасного стилизатора, истинного представителя архитектуры эклектики, явилось здание частной женской гимназии княгини Дадиани (1900), которое Александр Бернардацци спроектировал с использованием мотивов итальянской неоготики и ренессанса.

Выбранная для большого гимназического здания безордерная разновидность итальянского неоренессанса определяла композицию, которая в свою очередь строилась на поэтажной разбивке фасада с помощью руста. Имитирующий кладку из крупных камней руст как способ обработки стены горизонтальными и вертикальными швами был выполнен из плотно притертых друг к другу котельцовых блоков, во втором этаже получивших интересное сочетание с красно-желтым кирпичом. Основной художественно-выразительный элемент главных фасадных плоскостей — трехчастные венецианские окна способствовали лучшему освещению помещений. За крупным масштабом архитектурных форм, свойственных палаццо и подчеркивающих представительность внешнего облика, угадывались достаточно просторные залы, учебные кабинеты.

В композиционном решении главного фасада здания гимназии Дадиани решающее значение играет центральный ризалит, равный по размерам боковым крыльям здания. Спаренные ренессансные окна небольшого масштаба первого этажа сменяются высокими ажурными арочными окнами второго этажа, оформленными неоготической вязью. Особый облик зданию обеспечивают ажурные переплеты «готических» окон второго этажа, рельефный аркатурный пояс под карнизом и небольшие «розы» входной двери и оконных проемов первого этажа.

Нарядность зданию гимназии придавали ложные наружные ниши (своеобразные табернакулы), характерные для итальянской архитектуры эпохи поздней готики и раннего Возрождения. В нишах помещался герб рода Дадиани. Они были оформлены декоративными балкончиками на консолях, как, собственно, и центральный балкон над входом второго этажа, который со временем фигурные консоли утерял.

Пожалуй, самым значительным событием рубежа XIX–XX вв. в Кишиневе явилось строительство здания Городской думы (1900–1902). Поручив проектирование задания местному городскому архитектору М. А. Еллади, в помощь ему определили почетного гражданина Кишинева А. И. Бернардацци, жившего тогда уже в Одессе. Отличительной осо-

Рис. 7. Здание Городской думы, 1900–1902 гг.

бенностью этого здания, при взгляде на него вызывающего ассоциации с итальянскими палаццо позднего Средневековья — раннего Возрождения, является укрупненность объемных композиций при относительно небольшой высоте, всего в два этажа. Эффект достигнут общим архитектурно-планировочным решением и своеобразной художественной отделкой фасадов.

Здание центрируется срезанным угловым ризалитом, завершенным башней с часами, что делает асимметричность его архитектурной композиции практически неуловимой. Ризалиты, выступающие далеко над основным карнизом, отделаны пышным аркатурным поясом. Сами углы ризалитов в верхней их части оформлены небольшими башнеобразными объемами. Венчает плоскость стен мощный рельефный карниз с поясом в виде часто поставленных машикулей, соединенных арками. Сложные по рисунку ренессансные окна второго этажа сменяются витринными прямоугольными окнами первого. При этом простенки между окнами второго этажа украшены львиными маскаронами (элемент итальянской архитектуры раннего Возрождения).

Элементами, наделяющими фасад здания торжественностью и величием, служат массивная рустовка стен (в данном случае штукатурная обработка фасадов, создающая иллюзию каменной кладки из тесаных камней, разделенных глубокими швами) и декор, обрамляющий разработан-

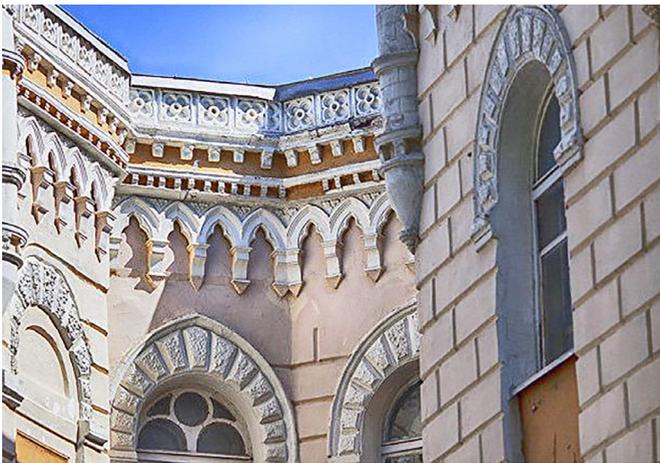

Рис. 8. Фрагмент здания Думы, восстановленного в 1946–1948 гг. *Соврем. фотография*

ные с большим художественным вкусом оконные проемы и лоджии. Мы не ставим целью рассмотреть в этой статье все произведения А. И. Бернардацци в Кишиневе, даже такие известные, как капелла при первой женской земской гимназии (1895), ныне церковь Св. Феодоры из Сихлы.

Нам более важно подчеркнуть, что А. Бернардацци в Кишиневе не всегда выступал как непосредственный автор построек. Он принимал участие в разработке (проект здания Городской думы), в составлении смет на сооружения или осуществлял надзор за строительством особенно крупных и социально значимых объектов. Существенный момент его личности — умение совмещать творческий процесс с активной деятельностью в других областях, в том числе общественной [11]. Это было типично для последних десятилетий XIX — начала XX вв., многие выдающиеся деятели архитектурно-строительной отрасли в Санкт-Петербурге, Москве и других городах вели надзор за строительством, ремонтом, реконструкцией зданий, занимали сразу несколько хозяйственных постов и ответственных гражданских должностей. Рождался новый тип зодчего, в дореволюционной архитектуре Бессарабии и юга России колоритно представленный личностью А. И. Бернардацци (см: [8; 10]).

Помимо архитектурной и строительной деятельности он занимался страховым делом, был гласным Кишиневской думы, почетным мировым судьей Кишиневского мирового съезда, членом Одесского отделения Императорского Русского технического общества, почетным членом Императорского Санкт-Петербургского общества архитекторов. А. И. Бернардацци неоднократно выступал с докладами на съездах русских зодчих в Петербурге; составил несколько брошюр по пожарному делу; часто приглашался в суд экспертом как профессионал, обладающий знаниями по различным техническим вопросам. Неудивительно, что его имя фигурирует в различных архивных документах, напрямую не связанных с его творческой деятельностью. В одних делах, освещающих ход строительства какого-либо здания, Бернардацци упомянут в роли подрядчика, в других — как составитель технико-экономической сметы, в-третьих — как эксперт принимаемых сооружений или авторитетный заверитель проектов других архитекторов. Не это ли родило разногласия по вопросу о количестве исполненных им объектов? Следует ли любое сооружение, в связи с которым упоминается фамилия Бернардацци, трактовать как его авторское?

Немаловажно учесть и наличие произведений, над которыми Александр Бернардацци трудился в соавторстве с другими архитекторами,

например, с другим бессарабским архитектором — Митрофаном Еллади, проектировавшим здание Кишиневской городской думы (1899–1902). На протяжении долгих лет, включая бессарабский и одесский периоды деятельности, он работал в союзе с архитектором Генрихом Лонским. По крайней мере, три крупных объекта в Кишиневе — Окружной суд (1883–1888), железнодорожный вокзал (1887) и Благородное собрание (1891) — явились результатом их совместной проектной и практической работы, как и Инвалидный дом в память Александра II (1885) в Одессе. Такой тип консолидации творческих сил, как соавторство, особенно широко распространился в период эклектики.

Возможное сужение списка архитектурных работ, спроектированных А. Бернардацци, не умалит масштаба творческой личности, оставившей яркий след в истории архитектуры Бессарабии и всего Юга России. Исследователям предоставлен широкий простор для интерпретации его деятельности с опорой на документальные источники. Важно понять, что в лице А. Бернардацци мы имеем дело с архитектором, во многом предвосхитившим ту категорию зодчих, что стала складываться к рубежу XIX–XX вв., когда совмещение творчества с государственной службой и активными общественными занятиями стало нормой.

Рис. 9. Здание Окружного суда, 1883–1888 гг

Рис. 10. Здание железнодорожного вокзала, 1887 г.

Рис. 11. Здание Благородного собрания, 1891 г.

В своем художественном мышлении А. И. Бернардацци был привлечен эклектическому направлению и выразил характерные для этого направления апофеоз цитирования, стилизаторское преломление элементов избранных исторических прообразов и другие приемы, которые явлены нам в творчестве других зодчих, параллельно работавших с ним в этот период.

Использованная литература

1. *Бернардацци А. И.* Биографический очерк // Зодчий. — 1900. — № 8. — С. 97–112.
2. *Бернардацци А. И.* Народный музей будущего // Труды III съезда русских зодчих. — СПб. : Императорск. СПб. о-во, 1905. — С. 59–62.
3. *Борисова Е. А.* Русская архитектура второй половины XIX в. — М. : Искусство, 1979.
4. *Боровский В. М.* История молдавской архитектуры. — Кишинев : КПИ, 1987.
5. *Бубис И. Л.* Зодчие Бернардацци. — Кишинев : Штиинца, 1997.
6. Государственный архив Одесской области. Ф. 333. Оп. 1. Д. 437.
7. Памятники русской культуры и истории в Молдове : Фотоальбом. — Кишинев : Фонд «Русский мир», 2009.
8. *Пилявский В. А.* Зодчие Одессы : историко-архитектурные очерки. — Одесса : Optimum, 2010.
9. *Савельев Ю. Р.* «Византийский стиль» в архитектуре России. Вторая половина XIX — начало XX в. — СПб. : Проект-2003, 2005.
10. *Тарас Я. Н.* Памятники архитектуры Молдавии (XIV — начало XX в.). — *Юрченко Н. А.* Опыт неопубликованной рецензии (О книге И. М. Бубиса «Зодчие Бернардацци») // Revista de etnologie și culturologie. Vol. 11–12. — Chișinău, 2012. — P. 152–154.

Natalia A. YURCHENKO

Researcher, Institute for Cultural Heritage,
Academy of Sciences of Moldova, Ministry of Education,
Culture and Research, Chisinau, Republic of Moldova
natjur13@mail.ru

The Chief City Architect of Chisinau is a Descendant of the “Caucasian” Bernardazzi

The article is devoted to one of the most prominent architects of the south of the Russian Empire of the second half of the 19th and early 20th centuries. A. I. Bernardazzi,

a descendant of the first generation of Swiss architects, the Bernardazzi brothers, who played an exceptional role in the development of the resort towns of the North Caucasus. The paper deals with A. I. Bernardazzi's career in Chisinau, where he was sent in the 1850th after graduating from the Construction School in St. Petersburg and where his career progressed from an "architect assistant" to the main "city architect". The main works of A. Bernardazzi, which significantly influenced the formation of the historical architectural and artistic appearance of Chisinau, the present day capital of Moldova, are described. Attention is focused on the participation of the architect as a co-author with other architects in the construction of other buildings. This fact allows to include other structures into the list of buildings which were erected directly according to his projects.

Keywords: architect A. I. Bernardazzi, the Bernardazzi family, North Caucasus, the architectural heritage of the south of the Russian Empire of the second half of the 19th — early 20th centuries, the architectural and historical appearance of Chisinau.

Л. Т. Агиева*

Мемориал «Девять башен» и Башня Согласия — достопримечательности современного каменного зодчества ингушей

В статье рассматриваются современные архитектурные памятники, построенные в Республике Ингушетия за последние двадцать лет, и в стиле, напоминающем каменные башни, существовавшие у древнеингушских кобанских племен Северного Кавказа конца II—I тыс. до н. э. В статье показаны различные варианты современного использования градостроительных объектов, позволяющие сохранить культурный и исторический потенциал и сделать эксплуатацию памятников экономически привлекательной.

Ключевые слова: комплекс, мемориал, память, слава, репрессии, Россия, Ингушетия, народ, история, башня, архитектура.

Материальная культура ингушей всегда была богата и довольно многообразна и является ценным источником в изучении его истории, она также может дать ценный материал об условиях жизни народа, об уровне развития производительных сил и общественных отношений,

* АГИЕВА Лемка Тугановна, кандидат философских наук, ученый секретарь Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева, Магас, Республика Ингушетия, Россия. Электронная почта: 7.lenka777@bk.ru.

о взаимоотношениях с другими народами, проследить взаимовлияния различных народов. Следует отметить, что разнообразие природных условий и географическое положение, ряд исторических факторов оставили отпечаток на хозяйственные занятия и материальную культуру, в частности на характер жилищ и поселений. Материальная культура ингушского народа лучше всего представлена архитектурными памятниками, которые были построены и предназначены для повседневной жизни горцев.

Строительство башни характерно не только для Ингушетии, но и для многих народов Кавказа, основным строительным материалом являлся камень. Культ камня, несомненно, был важен для архаичного ингушского общества и нашел свое достойное выражение в возведении жилых, полубоевых, боевых классических башен, а также в строительстве храмов, святилищ и гробниц, — всего того, что составляет каменную архитектуру традиционной ингушской культуры. Культ камня сформировался в ингушских традиционных чертах менталитета, которые сохранились и по сей день (жесткий характер, уверенность, сила присяги/клятвы, неразрывность семейных связей, жестко нормированные обязательства в отношениях «отцов/детей»).

Традиционными ингушскими жилищами в общем виде являются башенные постройки, сделанные из хорошо подогнанных друг другу камней, часто достаточно больших, в совокупности образующие башенные комплексы — древние ингушские села. Ингушские башни строились двух видов: жилые — «*гIала*» и боевые — «*вIов*», были и полубоевые башни — «*хьокх*», они встречались реже, в них комбинировались черты жилых и боевых башен. У ингушских строителей башен, храмов, склепов существовал обычай: в конце строительства мастер оставлял свой след руки, своего рода фирменный товарный знак/марку.

Башенные крепости в Ингушетии и их элементы стали деталями стилизации многих ансамблей, кроме того, они являются характерной чертой нынешней мемориальной архитектуры Ингушетии. Ярким примером являются «Девять башен» в Назрани и Башня Согласия в Магасе (включая Аланские ворота, которые украшают въезд в столицу Республики Ингушетия — город Магас).

Если рассматривать Мемориал памяти и славы, то это самый крупный мемориальный комплекс, посвященный важнейшим памятным датам, а также трагическим событиям в истории Республики Ингушетия. Ансамбль мемориала представляет собой сложное и гармоничное

сочетание древней архитектуры и природы. Памятники и композиции внутри комплекса отражают исторические события и представляют выдающихся личностей, внесших значительный вклад в формирование и развитие ингушской государственности, это также дает представление об основных этапах истории Ингушетии: от вхождения в состав России до наших дней.

Мемориал памяти и славы — уникальный историко-архитектурный проект, который является не только «визиткой карточкой» республики, но и символом духа, любви к Родине, мужества и стойкости ингушского народа. Мемориал «Девять Башен» (ингуш. «*Ийс гIала*») — это памятное здание в виде девяти собранных вместе ингушских башен, посвященное жертвам репрессий и геноцида (количество башен символизирует девять депортированных народов), скрепленных колючей проволокой. Это самое величественное и главное сооружение всего мемориального комплекса, а самое интересное, что детали ансамбля одновременно показывают и всю эволюцию «кобанско-вайнахской» башни. Автором данного проекта является заслуженный художник России Муррад Полонкоев, который в 2002 г. был награжден за этот проект «Золотой медалью» Академии художеств Российской Федерации, а само здание музея является памятником архитектуры и занесено в реестр Академии художеств РФ.

Следует отметить, что Мемориал памяти и славы включает в себя несколько композиционных решений. Вечный огонь Славы и комплекс из девяти ингушских башен соединены в единое здание, внутри мемориала находится музей, в котором представлены фотодокументы, материалы, картины, предметы домашнего обихода и т. д., свидетельствующие о репрессиях в СССР 1940–1950-е гг., депортации и жертвах среди мирного населения в осетино-ингушском конфликте 1992 г. и т. д. Сам Мемориал и музей внутри него открыты 23 февраля 1997 г. к 53-й годовщине депортации ингушей и чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию. Центральная башня комплекса — 4 этажа, ее высота составляет 25 метров. Каждая из башен отражает архитектуру разных исторических эпох ингушского народа. На южной стороне его находится мемориальное кладбище из собранных надгробных знаков/«*чуртов*» — каменных надгробий, снятых во время депортации с ингушских кладбищ.

В 2010 г. на прилегающей территории началось строительство нынешнего полноценного мемориального комплекса, были созданы различные архитектурные сооружения: аллеи, фонтаны, арки, барельефы

и другие объекты, отображающие и символизирующие важные события в истории Ингушетии. Кроме того, в правой части комплекса появилась аллея с именными деревьями: посадили саженцы родственники сотрудников МВД, погибших при исполнении служебного долга.

Мемориалом увековечены имена тех, кто героически защищал независимость нашей великой Родины — России, поэтому молодое поколение должно знать их имена и гордиться их великим прошлым, потому что в истории ингушского народа, как известно, были и трагические, и героические страницы.

Территория мемориального комплекса облагорожена и оборудована для различных памятных мероприятий, а также для посещения официальных делегаций, туристов и местных жителей. Весь комплекс Мемориала памяти и славы состоит из множества памятных сооружений: по правой и левой сторонам комплекса полукругом построены колоннады, вдоль одной из которых установлено 18 мемориальных плит с именами 36 ингушей, которые имели государственные награды во время службы в Российской императорской армии, — это имена 36 полных кавалеров Георгиевского креста, кавалеров именного Золотого Георгиевского оружия и кавалеров ордена Святого Георгия 4-й степени. Вдоль второй колоннады находятся 18 мемориальных плит, где высечены имена 36 видных ингушских деятелей: революционеров, участников Гражданской войны, а также просветителей, Героев Советского Союза, Героев России, Героев Социалистического Труда и других личностей, внесших большой вклад в создание и развитие государственности Ингушетии. Среди них:

- Д. С. Лихачёв — советский и российский филолог, культуролог, искусствовед, доктор филологических наук, профессор, председатель правления Российского фонда культуры;
- Патриарх Алексей II — епископ Русской православной церкви, Патриарх Московский и всея Руси, академик Российской академии образования;
- С. Г. Орджоникидзе — большевик, советский государственный и партийный деятель, революционер;
- И. Б. Зязиков — большевистский деятель Северного Кавказа, активный участник создания Ингушской автономной области и ее первый руководитель;
- Е. И. Крупнов — советский историк и археолог, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель Чечено-Ин-

гушской АССР и Кабардино-Балкарской АССР, специалист по древней и средневековой археологии Северного Кавказа и этногенезу кавказских народов;

- М. Э. Джабагиев — известный общественный деятель, лингвист, этнограф, собиратель фольклора и другие.

23 февраля 2014 г. на территории Мемориала памяти и славы также были установлены локомотив и вагон 1940-х гг. в память о тотальной высылке, депортации ингушского народа в Среднюю Азию и Казахстан в феврале 1944 г.¹. В одном из вагонов в память об этом геноциде оборудован мини-музей с артефактами о том, как проходила ссылка, депортация безвинных людей. Экспонат представляет собой паровоз серии Л-2046² и вагон-теплушку³, в которых осуществлялась насильственная перевозка депортируемых народов. По бокам экспоната находятся два монумента с датами «1944» и «1957», символизирующие год высылки

¹ Депортация (лат. *deportation* — «изгнание, высылка») или выдворение — принудительная высылка лица или целой категории лиц в другое государство или другую местность, обычно под конвоем. Термин «депортация» возник в уголовном законодательстве Франции в XVII–XVIII вв. для обозначения особых видов ссылки. 23 февраля 1944 г. началась операция «Чечевица» по этнической депортации жителей Чечено-Ингушской АССР. В ходе этой операции, проведенной силами НКВД, НКГБ и «Смерш» под общим руководством наркома внутренних дел Лаврентия Берии, естественно, с одобрения Сталина, ингуши вынуждены были покинуть свои дома и их выдворяли в Среднюю Азию и Казахстан. В качестве причин депортации официально назывались: массовое сотрудничество с оккупантами, антисоветская деятельность и бандитизм. Однако ингуши физически не могли сотрудничать с оккупантами ввиду отсутствия оккупации. Фашисты смогли захватить лишь незначительную часть Малгобекского района, и довольно скоро были выбиты оттуда.

² Паровоз серии Л-2046 (Л — в честь Л. С. Лебедянского; до 1947 г. — П — «Победа»; заводское обозначение — П32 — паровоз 32-го типа) — советский магистральный грузовой паровоз типа 1-5-0, разработанный в конце Великой Отечественной войны совместно Коломенским заводом и ВНИИЖТ под руководством конструктора Л. С. Лебедянского и академика С. П. Сыромятникова, и выпущавшийся с 1945 по 1955 гг.

³ Теплушка (Нормальный товарный вагон) — переоборудованный под перевозку людей или лошадей, как правило, личного и конного состава формирований вооруженных сил в России. Теплушка — грузовой двухосный железнодорожный вагон, созданный на основе крытого товарного вагона, предназначенного для перевозки грузов, требующих защиты от атмосферных воздействий, а также людей и животных. Термин «вагон-теплушка» появился в 1870-х гг. как сокращение от названия «утепленный вагон».

ингушского народа и год реабилитации и возвращения на родину. 13 лет ингуши находились в ссылке в Казахстане и других районах Средней Азии. Второй памятник также изображает восходящее солнце как символ свободы, возвращения и возрождения ингушского народа.

Примечательно, что попадая на территорию Мемориала памяти и славы, в первую очередь бросается в глаза барельеф «Вхождение Ингушетии в состав России» (6 м × 5 м)¹, основанный на сюжете картины А. А. Артемьева «Навеки вместе», рассказывающем о присяге, принесенной ингушскими старейшинами на верность подданства Российской империи в 1770 г.

Посреди описываемого комплекса находится памятник Ингушскому конному полку легендарной Кавказской Туземной конной дивизии (прозванной «Дикой дивизией»), который входил в состав Российской императорской армии. Как известно, эта знаменитая конная дивизия прославилась во время Первой мировой войны. Здесь также установлены две мемориальные доски, где высечены слова императора Николая II и полковника Г. А. Мерчуле об успехах этого ингушского полка в ликвидации немецкой «железной дивизии».

Необходимо немного осветить историю происхождения этого полка. Летом 1914 г. высочайшим указом императора Николая II в составе Российской императорской армии появилась поистине уникальная боевая единица — Кавказская Туземная конная дивизия, сформированная из мусульманских горцев Северного Кавказа и уроженцев Закавказья.

Как известно, 26 июля 1914 г. в Европе заполыхал пожар Первой мировой войны и, в связи с этим, наместник Е. И. В. на Кавказе, ге-

¹ Процесс вхождения Ингушетии в состав России, predeterminedный всем ходом русско-ингушских отношений XVI–XVII вв., получил официальное оформление в марте 1770 г. с принятием 24 ингушскими старшинами присяги на верность России. Это событие, ставшее важной вехой в дальнейшем историческом развитии ингушского народа, произошло в селении Ангушт вблизи одного из старейших очагов расселения ингушей в предгорьях Центрального Кавказа — Тарской долине, на обширной поляне с символическим названием «Барт Босе», что означает «Склон согласия». Первое официальное донесение о принятии представителями Ингушетии присяги полковник И. Неймич послал в Святейший Синод «особым доношением» 3 апреля 1770 г. Царская коллегия иностранных дел 12 июля 1770 г. одобрила этот договор, и он обрел официальную силу. Договор от 1770 г., подписанный всеми представительными старшинами от имени всего ингушского народа, в настоящее время находится в Архиве внешней политики Российской Федерации.

нерал-адъютант, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа граф И. И. Воронцов-Дашков обратился к императору Николаю II с предложением привлечь на военную службу воинственные кавказские народы и сформировать из них кавалерийские части для предстоящей войны. Предложение наместника Кавказа императором было одобрено, и буквально на следующий день, 27 июля, последовало высочайшее его соизволение «о формировании из туземцев Кавказа на время военных действий отдельной особой кавалерийской части — Кавказской Туземной конной дивизии [2, с. 10].

Следует также отметить, что к тому времени, когда дивизия была сформирована в 1914 г., Российская императорская армия уже состояла из Кавказской кавалерийской дивизии, пяти кавказских казачьих дивизий, Кавказской гренадерской дивизии и пяти кавказских пехотных дивизий.

В сентябре 1914 г. было завершено формирование Кавказской Туземной конной дивизии коренных народов, в нее входили шесть конных полков, а также вспомогательные подразделения и командование, и, согласно «Высочайше утвержденным штатам», каждый полк был четырехсотенного состава. Личный состав полка состоял из 22–23 офицеров, 3 военных чиновников, полкового муллы, 470–500 строевых нижних чинов (всадников) и 65–70 нестроевых нижних чинов (обозная команда, военные писари/писцы, денщики и т. д.). Кроме того, все полки были названы на основе этнической принадлежности личного состава и сокращены до трех конных бригад:

- в состав 1-й бригады входили Кабардинский конный полк (с Балкарской сотней), сформированный из кабардинцев Большой и Малой Кабарды и балкарцев горных обществ Балкарии, и 2-й Дагестанский полк¹, сформированный из многочисленных народностей Дагестана;
- 2-я бригада состояла из Чеченского полка Большой и Малой Чечни, и Татарского конного полка², сформированного из азербайджанцев Бакинской и Елисаветпольской областей;
- в состав 3-й бригады входили Ингушский конный полк, сформированный из ингушей Владикавказского и Назранов-

¹ К тому времени в Российской императорской армии уже существовал 1-й Дагестанский конный полк.

² В русских документах того времени азербайджанцев Закавказья именовали татарами.

ского округов (позже, в начале 1916 г., он формирует еще 5-ю (Абреческую) сотню, и Черкесский конный полк, сформированный из черкесов, карачаевцев, адыгейцев и абхазцев (с Абхазской и Карачаевской сотнями) Черкесии и горных обществ Карачая).

Командиром 1-й бригады был генерал-майор Дмитрий Багратион, командиром 2-й бригады — полковник Константин Хагондоков, командиром 3-й бригады — генерал-майор князь Николай Вадбольский, командиром Ингушского полка — Г. Мерчуле. Командующим Кавказской Туземной конной дивизией высочайшим приказом был назначен родной брат государя императора, генерал-майор свиты его императорского величества великий князь Михаил Александрович, блестящий офицер, спортсмен и лихой кавалерист [1, с. 12–13]. Следует отметить, что именно в суровые годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. братство между народами России и горными народами Кавказа еще больше укрепилось.

О храбрости и мужестве всадников Ингушского конного полка можно судить по наградным представлениям, сохранившимся в фондах Российского государственного военно-исторического архива, а 21 января 1916 г. Ингушский конный полк награжден полковым штандартом, многие ингушские герои стали полными Георгиевскими кавалерами, удостоены различных наград, в том числе золотого оружия «За храбрость».

Примечательно, что конный памятник Ингушского полка «Дикая дивизия» расположен рядом с памятником последнему защитнику Брестской крепости — лейтенанту Уматгирею Артагановичу Барханову. Офицер изображен в полный рост на фоне фрагмента крепостной стены, на задней части этой стены высечены патриотические надписи, которые были высечены на стенах советскими солдатами — защитниками крепости в дни ее обороны в годы Великой Отечественной войны, кроме того, на памятнике имеются три таблички, на которых высечены имена и фамилии защитников Брестской крепости.

Установлен барельеф «Вхождение Ингушетии в состав России» с мемориальной доской «Клятвенное обещание», где выгравирован текст присяги представителей ингушского народа на верность России, а также барельеф «Ингушетия», на которой изображена современная республика и ее люди. Символично, что под данным барельефом имеется мемори-

альная доска с выдержкой указа президента России Б. Н. Ельцина о создании Ингушской Республики¹.

Основными целями и задачами Мемориального комплекса жертвам репрессий являются: содействие формированию гражданской и исторической идентичности, самосознания молодежи, сохранение исторической памяти и сближение поколений через культурно-просветительскую деятельность музея, увековечение памяти невинных жертв репрессий, создание выставочных экспозиций фонда музея и т. д. [2]. Постановлением правительства Республики Ингушетия № 78 от 25 апреля 2005 г. он внесен в список объектов историко-культурного наследия Республики Ингушетия муниципального значения.

Следующим современным памятником архитектуры является «Башня Согласия» / «Магас Тауэр» (ингуш. «*Барта гла*»/«*Магас гла*») — это высотное культовое сооружение, возведенное в 2013 г. в центре столицы Республики Ингушетия Магасе, — в стиле четырехкратной средневековой ингушской башни и расположенное на берегу Сунжи, обрамленное красивой горной панорамой. Высота «Башни Согласия» почти 100 метров (99,97 м) — это самое высокое здание в Ингушетии и самая высокая смотровая башня на Северном Кавказе, это главная туристическая достопримечательность равнины.

Как известно, башенные комплексы являлись как жильем, так и крепостью ингушей, поэтому не случайно использование стилизованных строений в архитектурном оформлении Магаса. Бесспорно, исследование этих башенных памятников создает более широкие возможности для изучения не только истории материальной культуры, но и истории хозяйственного порядка, форм социальных отношений и религиозных верований. Это одно из преимуществ источниковедческого характера памятников материальной культуры народов Северного Кавказа. В Ингушетии родовая башня всегда была надежным домом, защитой и воплощением единства всей семьи, рода, поэтому «Башня Согласия» задумывалась как общая для всех ингушских родов, как символ, объединяющий весь ингушский народ.

¹ Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин 5 декабря 1992 г. внес в Верховный Совет Российской Федерации законопроект о преобразовании Чечено-Ингушской Республики в Чеченскую и Ингушскую Республики в составе Российской Федерации. Закон РФ от 4 июня 1992 г. № 2927-1 «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации». 3 декабря 1993 г. указом президента Р. С. Аушева название «Ингушская Республика» изменено на «Республика Ингушетия».

Большая площадь и планировка этажей башни позволяют проводить в ней различные культурно-массовые мероприятия, научные конференции. В частности, здесь проводились Крупновские чтения, заседания Совета «тейпов»/родов Республики Ингушетия, молодежные форумы и т. д. Многофункциональный объект «Башня Согласия» играет важную роль в консолидации ингушского общества, так как принадлежит не одному «тейпу»/«роду», как было установлено в ингушском обществе много веков назад, а всем жителям республики. «Башня Согласия» была задумана как общая для всех ингушских родов, как символ, объединяющий весь ингушский народ, и была предусмотрена в генеральном плане при застройке новой ингушской столицы — города Магаса.

Проект был реализован за счет личных средств мецената Алихана Харсиева, а само строительство было начато в 2012 г., при этом были учтены нормы древнего ингушского обычая постройки башни, согласно которому ее строительство должно быть завершено строго в течение 365 дней. Так, строительство здания от фундамента до пирамидальной крыши (ингуш. «*Малха тхов*») было начато и завершено в 2013 г. Несмотря на внешнюю стройность, башня способна выдержать самые экстремальные нагрузки: землетрясения мощностью в 3–4 балла в регионе не редкость, но здание по характеру построения должно устоять и при 9 баллах. По ингушской традиции, еще со времен строительства башен в горах стало правилом завершать его строительство в течение одного года. Сроки от весеннего равноденствия до осеннего равноденствия считались предпочтительными. Следует заметить, что для строения «Башни Согласия» был отведен также традиционный срок один год, и она была своевременно завершена.

Следует отметить, что в росписи стен внутри башни участвовали художники-дизайнеры, которые придали зданию собственный характер, индивидуальность. Воссоздание образов известных героев мифологии ингушей — Калой-Канта, Сеска Солсы и др., а также ингушских amazонок украсили стены смотровой башни, что отражает особенности ингушского народа и исторический колорит. Работы по проектированию башни проводились в соответствии с общественным мнением.

Башня является домом для самого высокого этнографического музея на площади Алания, и его спиралевидные коридоры заполнены различными экспозициями, выставками, показывающими жизнь и быт ингушей в древности. Этнографический музей открыт к 25-летию современного Магаса и к 1076-летию со дня основания древнего города,

называемого городом Солнца. В музее все сделано для того, чтобы человек, переступивший порог этого храма истории и этнографии, мог окунуться в таинственный мир ушедшей эпохи, прикоснуться к славной истории предков.

Первый этаж музея является вводным, с картинами в хронологической последовательности исторического развития Ингушетии. На втором этаже находится Зал заседания Совета старейшин родов/тейпов, со стенами башни, изнутри украшенными панелями национального стиля и барельефами. На четвертом и третьем — воссозданы условия быта и жизни средневековых ингушей. На пятом этаже находится смотровая площадка с прозрачным полом из сверхстойкого стекла, а на башню можно подняться пешком по серпантину, с которого открывается город Магас и его окрестности.

Башня по праву является одним из самых популярных туристических объектов Ингушетии и является центром притяжения во время массовых мероприятий: на площади перед ней проходят концерты, митинги и другие мероприятия.

Использованная литература

1. Алмазов И. Г. Рыцари долга и чести. Ингушский конный полк Кавказской Туземной конной дивизии 1914–1917 гг. Биографические очерки офицерского корпуса. — Ростов-н/Д. : Южный издательский дом, 2016.
2. Мемориальный комплекс жертвам репрессий // Культура РФ. — URL:<https://www.culture.ru/institutes/22265/memorialnyi-kompleks-zhertvam-repressii> (дата обращения: 09.08.2020).

Lemka T. AGIEVA

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Academic Secretary,
Ingush Research Institute for the Humanities, Magas,
Republic of Ingushetia, Russia
7.lenka777@bk.ru

Memorial “Nine Towers” and the Tower of Concord — the Sights of the Modern Stone Architecture of the Ingush

The article considers the modern architectural monuments built in the Republic of Ingushetia over the past twenty years and in a style reminiscent of stone towers that

existed among the ancient Ingush Koban tribes of the North Caucasus at the end of the II–I millennium BC. The article shows various options for the modern use of urban-planning objects, which allow preserving the cultural and historical potential and making the operation of monuments economically attractive.

Keywords: *complex, memorial, memory, glory, repression, Russia, Ingushetia, people, history, tower, architecture.*

Е. А. Дзадзиева*

Реконструкция памятников Великой Отечественной войны: сравнительная характеристика «до» и «после» (Республика Северная Осетия — Алания)

В предлагаемой статье на отдельных примерах рассматривается реконструкция мемориальных объектов и комплексов республиканского мемориального пространства Великой Отечественной войны.

Актуальность предлагаемой проблематики состоит не только в констатации имеющих место ремонтно-реставрационных работ отдельных морально и физически устаревших памятников Великой Отечественной войны, но и в определении работ по их реконструкции как нетленной памяти народа и преемственности поколений.

Ключевые слова: мемориальные объекты, мемориальные комплексы, Великая Отечественная война, братские могилы, памятники, земляки, участники Великой Отечественной войны, ремонт, реконструкция.

Современное республиканское мемориальное пространство Великой Отечественной войны включает более 500 памятных объектов, в том числе 104 братские могилы, где покоятся более 30 тысяч советских воинов.

Формирование мемориального пространства войны в республике — длительный, непрекращающийся и сегодня процесс, начало которому было положено сразу же после освобождения оккупированных районов в январе 1943 г.; и, очевидно, что за давностью установки ряд

* ДЗАДЗИЕВА Елизавета Александровна, старший научный сотрудник отдела традиционной культуры и фольклора Института истории и археологии РСО — Алания, старший научный сотрудник отдела фондов Национального музея РСО — Алания, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия. Электронная почта: lizadadziewa@mail.ru.

мемориальных объектов может нуждаться и в консервации, и в реставрационно-ремонтных работах, и в реконструкции (см: [2; 3]).

Попытаемся всего лишь на отдельных примерах коротко проследить трансформацию отдельных морально и физически устаревших мемориальных объектов Великой Отечественной войны всего лишь в результате незначительной реконструкции. Не касаясь технической стороны вопроса, поскольку это не в нашей компетенции, а также подробностей и отдельных деталей, всего лишь сравним некоторые, установленные в конце 1960-х гг. и ранее, памятные объекты до и после современной реконструкции.

Монументальный памятник на братской могиле в г. Ардоне — скульптурная композиция воина у обелиска-имитации, обрамленного лавровым венком и увенчанного пятиконечной звездой, — был установлен в 1969 г. Братская могила находится в районе существовавшего тогда хлебозавода и на сохранившихся фотографиях можно увидеть кирпичную стену высотой на уровне постамента памятника, которая отделяет мемориал от территории завода. С фасада участок братской могилы ограничен обычным деревянным штакетником. Современное мемориальное пространство братской могилы оформилось в результате дважды проведенных работ по реконструкции: в 1985 г. и в начале 2000-х гг., в ходе которых мемориал был благоустроен и дополнен памятными досками с перечнем 575 установленных фамилий солдат и офицеров, покоящихся в братской могиле. Основой для мемориальных досок послужила именно эта кирпичная стена на втором плане. Соответствующие по высоте кирпичной стене мемориальные доски вмонтированы в мелкие ниши вдоль ее поверхности сплошным рядом, центральной частью которого остается первоначальный памятник. Сплошной объем мемориальных досок завершает металлический двускатный карниз с прорезным растительно-геометрическим орнаментом. В результате абсолютно простое решение по реконструкции позволило, во-первых, увековечить все установленные имена воинов, покоящихся в братской могиле, и, во-вторых, замаскировав кирпичную стену на втором плане, предать мемориалу, тем самым, законченный облик.

Несложные в плане строительных работ, но визуально весьма значимые изменения претерпел и памятный объект в с. Кирово. Первоначальный вариант памятника на братской могиле представлял собой обелиск на многоярусном основании. Мемориальные доски с перечнем покоящихся в братской могиле воинов были расположены под уклоном

на ступенях постамента с опорой на него. В настоящее время памятник на братской могиле сохраняет прежнюю конструкцию, но его многоярусное основание укреплено и скрыто единым постаментом усеченной пирамидальной формы. Обелиск и верхняя ступень постамента остаются без изменений, в результате чего памятник представляет собой обелиск на двухступенчатом постаменте, а новые мемориальные доски с перечнем фамилий покоящихся в братской могиле воинов установлены на лицевой плоскости пирамидальной ступени.

По схожему принципу реконструированы и памятники, посвященные землякам, не вернувшимся с войны, в тех же с. Кирово и с. Дзинага. Мемориальную композицию в с. Кирово формируют две скульптуры на фоне горизонтально развернутой мемориальной плиты: воина в рост в почетном карауле и в скорби сидящей женщины, соответственно, справа и слева. Три нижних яруса, ранее представляющие собой ступени, ведущие к мемориальному объекту, в ходе современной реконструкции также заключены в постамент пирамидальной формы. Вновь образованный постамент и горизонтально развернутая теперь уже на нем мемориальная плита облицованы гранитной плиткой, соответственно, коричневого и черного цвета, а памятные доски с фамилиями воинов земляков, первоначально расположенные на мемориальной плите, заменены, дополнены и установлены на лицевой плоскости вновь образованного постамента.

Конструктивно несколько иначе, но по аналогичному принципу задача укрепления основания памятника и одновременно облагораживание его внешнего вида решена при реконструкции мемориального объекта в с. Дзинага. Первая и вторая от основания ступени постамента первоначального обелиска несколько расширены, вынесены вправо и облицованы гранитной плиткой каждая, образуя как бы ступенчатый стилобат. Слева, на образовавшемся стилобате, сохраняется прежний обелиск, а справа, на возникшем дополнительном пространстве, установлена гранитная стела с перечнем фамилий земляков, не вернувшихся с войны.

Всего лишь в результате облицовочных работ принципиально изменился внешний облик и памятников, например, в с. Лескен и Хазнидон.

Выполненный из бетона центральный пятиметровый монумент с шатровым навершием на братской могиле в с. Лескен в настоящее время облицован плотно примыкающими массивными гранитными плитами по 9 с каждой стороны. На каждой из 9 плит лицевой пло-

скости монумента сплошным текстом выгравированы установленные фамилии воинов, покоящихся в братской могиле, с указанием воинских званий.

В с. Хазнидон в качестве облицовочного материала, в отличие от мемориала в с. Лескен, использован двухцветный кирпич. Мемориал в с. Хазнидон, посвященный землякам, оставшимся на фронтах Великой Отечественной войны, включает мемориальную плиту-стелу и примыкающую к ней на переднем плане справа скульптуру воина на постаменте. В настоящее время общее решение памятника в с. Хазнидон остается прежним, но в результате рельефной облицовки мемориальной плиты двухцветным кирпичом, на ее лицевой плоскости образованы и выделены по цветовому оттенку ниши — верхняя и центральная с рельефным изображением ордена Отечественной войны. Верхняя часть мемориальной плиты по отношению к основной плоскости вынесена несколько вперед и оформлена текстовой мемориальной доской. Справа от центральной ниши в рамочном обрамлении установлена мемориальная доска с именами земляков, не вернувшихся с войны. (До реконструкции неполный перечень фамилий размещался в рамке под стеклом.) Облицован и постамент скульптуры, расположенной на переднем плане. Сочетание выпукло-вогнутых плоскостей при облицовке мемориальной плиты и фиксирование их различными оттенками облицовочного материала, облагороженное, примыкающее к мемориалу пространство принципиально изменили зрительное восприятие мемориального объекта, подчеркнули не только его содержательную значимость и эмоциональную выразительность, но и создали принципиально новое сооружение, подарив мемориальному объекту вторую жизнь.

Совсем по-иному решена задача реконструкции памятного объекта на братской могиле в с. Махческ. Взамен физически устаревшего обелиска здесь установлена мемориальная стела из черного гранита. Ее верхний край повторяет очертания развевающегося знамени, а на лицевой плоскости перечислены восемь установленных фамилий воинов с указанием, что имена еще девяти, покоящихся в братской могиле, остаются неизвестны. По сути, это не реконструкция, а замена памятника. Но здесь учтена одна далеко немаловажная деталь: бережное отношение к прежнему мемориальному объекту и уважение к инициаторам его установки. У основания памятника вмонтирована мемориальная доска прежнего обелиска с указанием, что в братской могиле покоятся семнадцать воинов, имена которых неизвестны, и с посвящением от ком-

сомольцев района, на чьи средства и чьими усилиями был установлен памятник.

Существуют варианты реконструкции мемориального пространства, при которых, наоборот, первоначальный мемориал сохраняется полностью и просто дополняется.

При этом варианты, масштабы и тематика дополнений могут быть самыми различными — от одного дополненного объекта до сформированного в результате обширного мемориального комплекса, тематически репрезентирующего, в том числе и различные значимые исторические вехи.

Так, например, отдельные памятные объекты были внесены в мемориалы, посвященные землякам в с. Црау и Дзуарикау. Памятник в с. Црау, включающий две скульптуры: горца преклонного возраста и девочки-подростка, прильнувшей к стилизованной башне, дополнен мемориальной гранитной плитой с именами односельчан, оставшихся на полях сражений. Установленная значительно позже мемориальная плита удачно соотносится с более ранним памятником и вновь сформированное мемориальное пространство воспринимается как единое целое.

К сожалению, не столь удачно, прежде всего, в силу ограниченного пространства, в первоначальный мемориал вписывается памятная стела, посвященная Герою Советского Союза летчику В. Г. Шамшуруну. (В октябре 1942 г. лейтенант В. Г. Шамшурин совершил огненный таран в небе над с. Дзуарикау.)

Дополнительно две мемориальные плиты с симметричным художественно-графическим решением включает после реконструкции первоначальный памятник на братской могиле в с. Нарт. Посвящены они соответственно воинам, покоящимся в братской могиле, и односельчанам, не вернувшимся с войны.

Современные мемориальные комплексы у сохраняющихся первоначальных памятных объектов в результате реконструкции мемориального пространства сформированы на братских могилах в г. Алагире, с. Чикола, с. Майрамадаг и в ряде других населенных пунктов.

Мемориал на братской могиле в г. Алагире, где покоятся 238 воинов, в том числе Герой Советского Союза П. К. Гужвин, включает семь памятных объектов. Первоначальный обелиск занимает центральное положение. Справа и слева от него в настоящее время расположены более поздние мемориальные плиты по три с каждой стороны. Первая из них с графическим погрудным портретом посвящена Герою Советского Со-

юза Петру Гужвину. На всех последующих перечислены установленные фамилии воинов, покоящихся в братской могиле.

С конца 80-х гг. прошлого века усилиями местной администрации и по инициативе родственников воинов 295-й стрелковой дивизии, покоящихся в двух братских могилах, мемориальный комплекс постепенно сформирован и в районе с. Чикола. Установленные на бордюрах братских могил и примыкающих к ним участках многочисленные памятные знаки с фотографиями и текстами-посвящениями, подобными надписи: «Мы нашли тебя дед», формируют эмоционально совершенно особое мемориальное пространство. В 1981 г. на территории тогда еще формирующегося мемориала рядом со своими боевыми товарищами — воинами 295-й стрелковой дивизии — по личному завещанию был похоронен Герой Советского Союза, уроженец с. Чикола А. А. Макоев. Здесь же установлены памятники уроженцам села семи братьям Кобегкаевым, шести братьям Темировым, семнадцати представителям фамилии Тавказаховых, оставшихся на дорогах Великой Отечественной войны.

К крупномасштабным мемориальным комплексам, сформировавшимся в результате реконструкции мемориального пространства, относится и мемориал в с. Майрамадаг, посвященный морским пехотинцам — курсантам Бакинского военно-морского училища, осенью 1942 г. защищавшим выходы к Военно-Грузинской дороге через Суарское ущелье. Сегодня мемориальный комплекс в с. Майрамадаг включает более 140 памятных объектов, в том числе четыре братские могилы, более 100 персональных захоронений курсантов-каспийцев, восемь захоронений останков летных экипажей, обнаруженных республиканским поисковым отрядом «Мемориал Авиа». Побывавшим в республике в середине 1970-х гг. Героем Советского Союза полковником В. Б. Емельяненко здесь, предположительно на месте гибели друга и однополчанина летчика Ф. Н. Антонова, был установлен памятный объект — деталь самолета МиГ-15 с двумя текстовыми посвящениями «Летчикам 4-й Воздушной Армии, сражавшимся за освобождение Северного Кавказа» и «Боевым товарищам, погибшим в небе Осетии». На территории мемориального комплекса находится музей и разбит парк именных деревьев, посвященные морякам-каспийцам — защитникам Суарского ущелья.

Крупномасштабная реконструкция памятников Великой Отечественной войны может осуществляться силами соответствующих республиканских ведомственных структур и республиканским художественным фондом; памятных объектов на местах — администрациями

местного самоуправления с привлечением строительных организаций; инициатива и финансирование могут исходить непосредственно от отдельных граждан и предпринимателей. Во всех случаях активное участие в работах по ремонту и реконструкции памятных объектов Великой Отечественной войны принимают волонтеры [1].

Инициатива и непосредственное участие в осуществлении работ со стороны поколения, не знавшего войны, пожалуй, представляет собой самое наглядное воплощение преемственности поколений и живой опрeдмеченной трансляции исторической памяти.

Использованная литература

1. В горах Северной Осетии благоустроят памятники участникам Великой Отечественной войны // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/v-strane/7843001> (дата обращения: 25.04.2021).
2. Гончаров А. В., Крюков А. В. Воинские монументы как объекты культурного наследия: особенности государственной охраны (на примере Краснодарского края) // Наследие веков. — 2020. — № 3. — С. 73–82. — DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.005.
3. Еремеева А. Н., Коваленко Т. В. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне: региональные практики (1941–1945 гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 23. — № 1. — С. 25–39.

Elizaveta A. DZADZIEVA

Senior Researcher, Traditional Culture and Folklore Department,
Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia —
Alania, Senior Researcher, Funds Department, National Museum
of the Republic of North Ossetia — Alania, Vladikavkaz, Republic
of North Ossetia — Alania, Russia
lizardzadziewa@mail.ru

Reconstruction of Monuments of the Great Patriotic War: Comparative Characteristics of “before” and “after” (Republic of North Ossetia — Alania)

In the proposed article, the reconstruction of memorial objects and complexes of the republican memorial space of the Great Patriotic War is considered on some individual examples.

The relevance of the proposed problem consists not only in the statement of the repair and restoration works of individual morally and physically obsolete monuments of the Great Patriotic War, but also in the definition of works on their reconstruction as imperishable memory of the people and as continuity of generations.

Keywords: *memorial objects, memorial complexes, the Great Patriotic War, Mass graves, monuments, fellow countrymen, participants of the Great Patriotic War, repair, reconstruction.*

С. А. Рагуленко*

К вопросу о методике сохранения объектов культурного наследия (на примере реставрации бронзового бюста И. А. Плиева)

В работе рассматривается проблема сохранения и презентации недвижимых объектов культурного наследия, состоящих на балансе городских или республиканских властей, а также организаций, ведущих мониторинг состояния этих памятников. Показана ситуация привлечения непрофессионалов для проведения регламентных реставрационных мероприятий и их последствий, приводящих к неправомерным изменениям в структуре памятника. При этом привлечение лицензированных реставраторов и применение к объекту методов научной реставрации может кардинально изменить ситуацию и вернуть памятнику экспозиционный вид.

Ключевые слова: памятник, стабилизация, очистка, коррозия, консервация, реставрация, деформация, стабилизация, мероприятия, ансамбль.

Вопрос по охране и использованию объектов культурного наследия в нашей стране стоит очень остро, и Республика Северная Осетия — Алания не является исключением. Реставрация памятников зачастую проводится без должной компетенции, случайными людьми, что может привести объект в катастрофическое состояние или вообще к его уничтожению. На примере истории реставрации бронзового бюста дважды Героя Советского Союза И. А. Плиева демонстрируется, что своевременные меры привлечения соответствующих специалистов и методов научной реставрации может кардинально изменить ситуацию и привести памятник в первоначальный экспозиционный вид.

* РАГУЛЕНКО Сергей Александрович, научный сотрудник отдела сохранения культурного наследия Института истории и археологии РСО — Алания, художник реставратор 1-й категории по металлу, Владикавказ, Республика Северная Осетия — Алания, Россия. Электронная почта: ragus67@mail.ru.

Появление данного мемориала было санкционировано указом, текст которого выбит на лицевой панели постамента: «Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1945 г. о награждении Героя Советского Союза генерал-полковника Плиева И. А. второй медалью «Золотая Звезда» за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японскими империалистами, дающее право на получение звания Героя Советского Союза. Наградить Героя Советского Союза генерал-полковника Плиева Иссу Александровича второй медалью «Золотая Звезда», соорудить бронзовый бюст и установить его на постаменте на Родине награжденного». В 1951 г. в соответствии с этим указом в г. Орджоникидзе (Владикавказ) был установлен бюст советского военачальника, генерала армии, дважды Героя Советского Союза, героя Монгольской Народной Республики, кавалера 26 орденов и медалей Иссy Александровича Плиева. Автор памятника — скульптор С. Д. Тавасиев [3, с. 2–3].

И. А. Плиев изображен в парадной форме с орденами и медалями, без головного убора. Бюст И. А. Плиева расположен в небольшом сквере перед главным входом Горского аграрного университета, на пересечении улицы Кирова и проспекта Мира. Он установлен на четырехугольном постаменте, обрамленном мраморными блоками.

Подобные памятники, расположенные на открытом воздухе, а тем более имеющие статус «памятника культурного наследия», должны с определенной периодичностью подвергаться мониторингу на предмет его состояния. И при необходимости должна проводиться профилактическая реставрация специалистами соответствующего профиля. Эти требования по отношению к бронзовому бюсту И. А. Плиева не соблюдались, вследствие чего памятник со временем приобрел неэкспозиционный вид.

В апреле 2010 г. ввиду неприглядности памятника был дан указ привести бюст в порядок. Не согласовав эти мероприятия с Комитетом по охране памятников, к работам были привлечены исполнители, не имеющие никакого отношения к реставрации. Бюст был аккуратно покрашен черным лаком, а ордена, погоны, пуговицы и оборотка воротника были затонированы краской золотого цвета [2, с.1].

По факту совершенного вандализма сотрудники Республиканского государственного учреждения «Наследие Алании» (организация по охране и использованию объектов культурного наследия) составили акт о нанесении ущерба памятнику, признанному объектом культурного

наследия [1]. Вследствие негативного резонанса по поводу «художественных» новаций на объекте культурного наследия были приняты меры по исправлению ситуации на памятнике. К работе был привлечен тот же самый персонал, который этот бюст красил. Краска с поверхности металла снималась неаккуратно, порой с привлечением наждака (судя по следам, которые остались на поверхности металла), что неизбежно привело к «травмирующему» обнажению металла. В декоре памятника образовались деформации и искажения на трех орденах: полностью стертая центральная часть на ордене «Легиона почета» (США) и ордене «Военного креста» (Франция), на монгольском ордене «Полярной звезды» центральная часть сильно подтерта и едва читается [4, с. 2]. Вскоре на этих обнаженных участках (под агрессивным воздействием окружающей среды) проявились активные участки коррозии меди. И к 2016 г. памятник опять приобретает плачевный вид.

В октябре 2016 г. Комитетом по охране памятников снова был поднят вопрос о приведении бюста И. С. Плиева в экспозиционный вид. И так же, из-за несогласованности действий городской администрации и Комитета по охране памятников, была проведена грубая, некомпетентная работа по памятнику. Поверхность металла была зачищена абрази-

вом, вероятно, кругом на резиновой основе, т. к. были зачищены только выпуклые части поверхности металла.

В сложившихся обстоятельствах Комитет по охране памятников попросил С. А. Рагуленко (художник-реставратор 1-й категории по металлу) написать заключение о состоянии памятника и запретил какие-либо работы на нем без его ведома.

В мае 2020 г. Комитет по охране памятников инициировал реставрационные работы бюста И. А. Плиева с привлечением специалиста. В результате этих мероприятий была проведена оценка состояния памятника, выработана методика реставрационных работ. Поверхность металла была очищена от грязи, очищены и купированы очаги активной коррозии, проведена стабилизация металла для предотвращения появления активных очагов коррозии. Была проведена художественная тонировка поверхности металла и его консервация. После всех реставрационных мероприятий бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза И. А. Плиева приобрел экспозиционный вид [4, с. 3].

По факту реставрации была составлена документация с перечислением всех работ, производимых на памятнике.

Использованная литература

1. Акт по факту нанесения ущерба объекту культурного наследия «Бюст дважды Героя Советского Союза Исы Александровича Плиева...» от 16.04.2010 // Личный архив автора.
2. *Козырев Н.* Память — наша совесть // 15-й РЕГИОН. — URL: www.region15.ru/article/pamyat-eto-nasha-sovest (дата обращения: 22.04.2010).
3. Памятники истории и культуры СССР (недвижимые) // Паспорт бюста дважды Героя Советского Союза, Героя МНР Исы Александровича Плиева. — Орджоникидзе : Б. и., 1980.
4. Паспорт реставрации памятника истории и культуры (недвижимого) // Художник-реставратор первой категории по металлу Рагуленко С. А. — Владикавказ : Б. и., 2020.

Sergey A. RAGULENKO

Researcher, Department for Cultural Heritage Preservation,
Institute for History and Archeology of the Republic
of the Nord Ossetia — Alania, Artist Restorer of the 1st Category in Metal,
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania, Russia
ragus67@mail.ru

**On the question of the method of preserve Cultural Heritage Objects
(on the Example of the Restoration
of the Isa A. PLIEV`S BRONZE BUST)**

The paper deals with the problem of preservation and presentation of immovable objects of cultural heritage that are on the balance of city or national authorities, as well as organizations that monitor the state of these monuments. It shows the situation of attracting non-professionals to carry out procedural restoration activities, and the consequences that lead to unacceptable changes in the structure of the monument. At the same time, the involvement of licensed restorers and the application of scientific restoration methods to the object can radically change the situation and return the monument to its exhibition appearance.

Keywords: monument, stabilization, cleaning, corrosion, conservation, restoration, deformation, stabilization, events, ensemble.

*М. К. Горшенева**

**Корпоративный музей
в системе корпоративной культуры Китая:
особенности виртуализации**

В статье рассматриваются вопросы исследования корпоративного музея как формы корпоративной культуры Китая. Исследование социокультурного феномена корпоративной культуры — актуальная и малоизученная тема. Практический интерес к корпоративной культуре основан на нивелировании проблемы согласования индивидуальных целей и целей организации путем формирования общего культурного пространства, включающего поведенческие модели, ценности, стандарты и нормы, разде-

* ГОРШЕНЕВА Маргарита Константиновна — аспирант кафедры философии, социологии и педагогики Майкопского государственного технологического университета, Майкоп, Республика Адыгея, Россия. Электронная почта: rita03.94@mail.ru.

ляемые всеми работниками. Корпоративный музей как часть компании демонстрирует корпоративное наследие через достижения организации и этапы ее развития. Музейное пространство является информационной площадкой для трансляции ценностей и корпоративной культуры компании, поэтому важным фактором развития деятельности корпоративного музея становится его виртуализация.

Ключевые слова: корпоративный музей, корпоративная культура, ценности, виртуализация, КНР.

Исследование социокультурного феномена корпоративной культуры — актуальная и малоизученная тема, интересующая как ученых, так и практиков. Корпоративная культура формирует отличие организаций одной от другой, определяет их успешность в стратегической перспективе. Понятие «корпоративная культура» для нашего исследования включает ценности, стандарты, установки, принципы, нормы и правила, поддерживающие эффективность функционирования организации. В связи с тем фактом, что корпоративная культура изучается такими областями знания, как социология, менеджмент, психология, культурология, то ее уникальный междисциплинарный характер, с одной стороны, представляет сложности в познавательном плане, а с другой — формирует возможность качественного и эффективного управления организациями.

Активизация глобализации в мировом процессе (гуманитарные и информационные технологии, международная политика, экономическая интеграция) служит причиной того, что культурные различия в указанных сферах уходят на второй план, а традиционная культура ритуализируется, сохраняя воспитательную и образовательную области влияния, лишая индивидуума возможности включенного участия в происходящих событиях общественной жизни.

Общественные изменения под видом естественного социокультурного фона меняют в совокупности устои общества. Для полноценного участия в общественной жизни корпоративному сообществу требуется быть общественно-инициативными, а для осуществления общественных инициатив нужно корпорирование. В данном контексте для конкретного человека реальность участия в общественных инициативах возможна в рамках корпоративной культуры, порождающей корпоративный дух, в котором возможна человеческая самоидентификация и самоопределение.

Практический интерес к корпоративной культуре основан на нивелировании проблемы согласования индивидуальных целей и целей организации путем формирования общего культурного пространства,

включающего поведенческие модели, ценности, стандарты и нормы, разделяемые всеми работниками.

В Китае исследованием проблемы корпорирования начали заниматься лишь в начале XXI в. Китайские организации разных сфер деятельности в этот период столкнулись с изменением мировой парадигмы управления и представлений о ценностях. Общеизвестные ценности, такие как послушание, дисциплина, власть, иерархия стали меняться на коллективные (командные), на раскрытие творческих основ личности. Старые управленческие схемы сложно вписать в новые практики, которые требуют специфических подходов и инструментария. Поэтому целью данного исследования является изучение деятельности корпоративных музеев как формы корпоративной культуры Китая и определение особенностей в практиках их виртуализации.

Со времен античности музеи служили местом общения, диалога между людьми, обсуждения творчества философов и людей искусства. Во второй половине XX в. количество музеев в мире стремительно росло, увеличилась их посещаемость. По мнению Ж. Саллуа, эксперта Международного совета музеев, в это время они становятся культурными учреждениями, где сочетаются принципы управления предприятием с требованиями сферы общественных услуг.

В связи с трансформацией музейного мира Китая на рубеже XX–XXI вв. определение основных типов проявления музейности становится способом прогнозирования дальнейших тенденций эволюции музейных институтов. Для описания музейного мира китайские специалисты применяют два принципа: административной принадлежности и профильной классификации. Однако в последние годы в КНР появились новые и функционируют чрезвычайно многообразные типы и виды музеев с различными культурными ресурсами, предлагаются новые «музейные продукты» [1]. Современные исследователи называют современный музей генератором впечатлений и идей.

Развитие музейной деятельности в Китае говорит о том, что все больше организаций стремится к формированию корпоративной культуры, одним из символов которой выступает корпоративный музей. Прототипом корпоративных музеев выступают промышленные музеи, поскольку именно они сформировались на истории развития конкретных предприятий.

Как показывает практика, корпоративный музей в качестве устойчивой культурной формы является гарантом сохранения традиций,

определяет принадлежность к корпорации общности людей, объединенных общей целью и задачами, влияет на производительность труда и качество продукции, на формирование имиджа организации, на психологический климат внутри организации. Одновременно с корпоративным имиджем складывается индивидуальность и самого корпоративного музея.

Являясь структурой в составе организации, музей, с одной стороны, является хранилищем документов и мемориальных свидетельств ее культурно-исторического наследия, с другой — формирует корпоративную культуру организации и транслирует ее во внешнюю среду.

Согласно «Энциклопедии паблик рилейшнз», разработанной Европейским Институтом PR (Париж), корпоративным музеем можно назвать:

- музей корпоративной истории (ведомственный музей), входящий в структуру организаций с различной формой собственности;
- корпоративную коллекцию [3, с. 112].

Традиции корпоративного музея выступают в качестве истории организации, обращаясь к которой, музеи транслируют эмоциональные мотивы своим целевым группам. С позиций эмоционального подхода история компании представляет не только узнаваемость, но и еще ее уникальность и надежность. Все эти компоненты создают основу для долгосрочного сотрудничества между потребителями и организацией. Основой для экспозиций помимо архивных артефактов, художественных собраний часто выступает продукт или услуга компании. Экспонаты демонстрируют собственную идентичность и историю организации в общем научно-культурном контексте.

Часто корпоративные музеи выполняют роль общественных выставочных центров. Таким образом, в корпоративных музеях помимо постоянно действующей экспозиции и тематических выставок проходят встречи с заслуженными работниками организации, представителями различных уровней власти, конференции, выставки работ сотрудников и их детей и пр. В качестве иллюстрации приведем примеры корпоративных музеев Китая [2].

Штаб-квартира Huawei и кампус компании занимают площадь около 2 кв. км. По сути, это небольшой городок с населением в 70 тыс. «жителей», с разными кварталами и десятками зданий. Выставочный центр Huawei — огромный зал с продуктами, которыми Huawei гордится

и демонстрирует гостям компании и партнерам. Эффективно выстроенная экспозиция с демонстрацией выпускаемой продукции стимулирует привлечение новых партнеров.

Музей науки Sony Explora представляет собой научный зал, в котором раскрывается связь между новейшими технологиями и основными научными принципами. Музей находится в современном здании, расположенном в парке Чаоян. Музей оборудован самой современной аппаратурой фирмы Sony в области развлечений, музыки и кино. Посетители музея в увлекательной игровой форме знакомятся с новейшими технологическими разработками в области электроники. В корпоративном музее на базе мощного проектора создан планетарий, который отображает до двух миллионов звезд.

На территории стекольного предприятия в Шанхае открыт стекольный музей. В нем работают четыре отдела, посвященные развитию стекольной промышленности в Китае: исторические сведения, этап литья, работа стеклодувов всей планеты, важность стекла в современном обществе Китая.

Китайский музей денег находится под руководством Народного банка Китая. Корпоративный музей отражает историю китайской валюты в разных социальных, экономических и культурных условиях страны. В нем представлено около 1000 единиц валюты. Экспозиция музея делится на шесть категорий: древние деньги и монеты, золотые и серебряные монеты, деньги и монеты этнических групп, иностранные монеты, формы монет и нумизматические памятники культуры.

На Южном берегу реки Чжуцзян, на территории завода Brewery Group Co и InBev (самой большой пивоваренной компании в мире), находится музей пива Pearl River-InBev. Среди экспонатов музея можно увидеть старое оборудование 1980-х гг., пивные плакаты, фотографии работников и владельцев компании.

Пекинский колледж традиционной китайской медицины основал свой музей в 1990 г. Здание музея общей площадью 3160 кв. м было построено на пожертвования. Методы лечения, становление и развитие традиционной китайской медицины представлены в экспозициях двух выставочных залов музея. Фонды музея насчитывают порядка 1100 исторических артефактов, 200 книг и 6000 журналов.

В национальном университете Миньцзу в 1951 г. открыт этнографический музей, где находятся уникальные экспонаты и предметы повседневного быта коренных народов Китая. Музейная экспозиция рас-

положена в четырех залах: быт и культура коренных народов, костюмы и украшения северных и южных народов, зал религии. В специальном выставочном зале проходят выставки небольших этнических групп Китая.

Корпоративный музей выполняет функции, присущие классическим музеям: документирование (сбор, хранение и обновление архивов), образовательно-воспитательная функция (взаимодействие гидов, посетителей и экспонатов), организация досуга. Для выполнения двух последних функций, особенно в условиях пандемии коронавируса, основными направлениями развития корпоративных музеев являются интерактивные коммуникации с аудиторией, вхождение в виртуальное пространство с помощью цифровых технологий и различных световых техник, использование социальных сетей. Специалисты в области проектирования современных корпоративных музеев выделяют как тренды применение технологии сторителлинга для представления истории развития компании, а также персонализацию коммуникации с посетителями через дополненную или виртуальную реальности и использование платформ мобильных приложений.

Итак, изучив опыт функционирования корпоративных музеев в КНР, делаем следующие выводы:

- музей как часть компании демонстрирует корпоративное наследие через этапы развития и достижения. От позиционирования и приемов визуализации зависит эффективность коммуникации посетителей с музейным пространством и непосредственно с организацией;
- музей является информационной площадкой для трансляции ценностей и корпоративной культуры компании;
- сформировано несколько трендов в развитии корпоративных музеев. Первый — вхождение в виртуальное пространство при постоянном обновлении ресурсов интернета (сайта, социальных сетей, виртуальных музейных проектов). Второй — внедрение интерактивных способов взаимодействия с аудиторией через игровые техники и мультимедийные технологии в оформлении экспозиций (дополненная или виртуальная реальность, сторителлинг). Третий — формирование навигационной системы для перемещения посетителей. Четвертый, очень важный именно для корпоративного музея, который может стать брендом компании, — разработка фирменного стиля и атрибуции для внешней идентификации компании.

Корпоративные музеи для компаний с мировым именем являются формой продвижения корпоративной культуры и корпоративного престижа, тем более что они служат мощными площадками для рекламной и PR-деятельности, позволяя укреплять отношения с постоянными клиентами, а также создавать комфортное внутрикорпоративное пространство для своего персонала.

Использованная литература

1. Лю Цзин Мин. История развития китайских музеев. — Пекин, Б.и., 2004.
2. Музеи Пекина // Personal Guide. — URL: www.personalguide.ru/kitay/pekin/museum/lmr-muzey-nauki-sony-explora (дата обращения: 17.05.2021).
3. Энциклопедия публичных отношений. — М. : ИМИДЖ-Контакт ; Париж : Изд-во IEERP — L'Harmattan, 2009.

Margarita K. GORSHENEVA

Post-graduate Student, Department of Philosophy,
Sociology and Pedagogy, Maikop State Technological University,
Maikop, Republic of Adygea, Russia
rita03.94@mail.ru

Corporate Museum in the System of Corporate Culture in China: Features of Virtualization

The article examines the research issues of the corporate museum as a form of corporate culture in China. The study of the socio-cultural phenomenon of corporate culture is a relevant and poorly studied topic. Practical interest in corporate culture is based on leveling the problem of aligning individual goals and objectives of the organization by forming a common cultural space, including behavioral models, values, standards and norms shared by all employees. The corporate museum, as part of the company, demonstrates the corporate heritage through the achievements of the organization and the stages of its development. The museum space is an information platform for broadcasting the values and corporate culture of the company, therefore, its virtualization is becoming an important factor in the development of the corporate museum.

Keywords: corporate museum, corporate culture, values, virtualization, PRC.

РАЗДЕЛ 2

Монументальная политика как инструмент сохранения исторической памяти

*А. Н. Еремеева**

Источники по истории советской монументальной политики¹

В статье рассматриваются основные источники по истории монументальной политики в СССР. Особое внимание уделяется законам и подзаконным актам, делопроизводственной документации партийных и правительственных органов, творческих союзов, отражающим как межведомственную коммуникацию, так и диалог власти со скульптурами и архитекторами. Отмечается роль источников личного происхождения, профессиональной и общественно-политической периодики, справочных изданий,

* ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия. Электронная почта: erapna@mail.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Монументальная политика как инструмент сохранения культурной памяти».

устно-исторических интервью и собственно произведений монументального искусства в реконструкции основных этапов и тенденций советской монументальной политики.

Ключевые слова: монументальная политика, СССР, источники, законодательство, делопроизводственные документы, периодическая печать, эго-документы, памятники.

Монументальная политика на различных этапах и в разных странах являлась предметом многочисленных исследований историков, культурологов, искусствоведов, политологов. В последние десятилетия ее рассматривают как часть политики памяти и анализируют в контексте деятельности влиятельных акторов, использующих административный и финансовый ресурсы для закрепления в сознании современников определенных интерпретаций исторических событий посредством различных дискурсивных практик, в том числе установки, сноса или перенесения в другое место памятников. Сами памятники выступают в роли инструментов, с помощью которых государство репрезентирует «официально утвержденную» историю своей страны для формирования национальной идентичности и патриотических настроений.

Обилие работ диссонирует с недостаточным вниманием авторов к источниковому измерению темы. В рамках представленного текста дается характеристика основных источников реконструкции монументальной политики советского периода.

Монументальная политика (в советской традиции — монументальная пропаганда) была важной составляющей идеологической и культурной политики СССР. Учитывая, что исключительно партия и государство являлись ее акторами, большое значение имеет изучение законодательных и подзаконных актов, административных распорядительных документов, касающихся общих подходов к монументальной политике и отдельных монументальных практик. Например, в рамках реализации ленинского плана монументальной пропаганды был принят декрет Совнаркома РСФСР от 12 апреля 1918 г. «О памятниках республики» и многочисленные последовавшие за ним документы о конкурсах (в Москве, Петрограде, провинциальных центрах), возведении и сносе монументов, пополнении списков лиц для увековечения и пр.

Интерес представляют официальные предписания, касающиеся контроля монументов, увековечивающих В. И. Ленина, выявления, учета и охраны памятников историко-революционного движения.

Пока еще слабо изучены законодательные инициативы Межведомственного комитета по охране памятников революции, искусства

и культуры, созданного в августе 1932 г. при Президиуме ВЦИК РСФСР, сектора науки Наркомпроса РСФСР, отдела памятников Дирекции художественных выставок и панорам Комитета по делам искусств Совета Министров СССР (создан в 1940 г.), контекст принятия постановлений ВЦИК РСФСР «По вопросу об участии Исполкомов и Советов, а также отделов народного образования в деле охраны памятников революции, искусства и культуры» (1933) и СНК РСФСР «О порядке сооружения памятников в РСФСР» (1940). Требуется дальнейшего осмысления законодательства периода Великой Отечественной войны о монументальном увековечении подвига советского народа. Это же относится к послевоенным постановлениям ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» (1955), «Об устранении излишеств в расходовании государственных и общественных средств на сооружение памятников» (1961), «О порядке проектирования и сооружения памятников и монументов» (1966), «О плане сооружения в 1967–1970 гг. памятников, имеющих общегосударственное значение» (1967). Последний документ, принятый в преддверии 50-летия Октября, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 50-летия образования СССР, сопровождался множеством региональных постановлений и распоряжений.

Учитывая советскую практику увековечения современников (в том числе при их жизни), плодотворно обращение к постановлениям Совета Министров СССР от 29 мая 1946 г. «О проектировании и сооружении бюстов дважды Героев Советского Союза, памятников и монументов»; от 25 февраля 1955 г. «О проектировании и установке бюстов Героев Социалистического Труда — передовиков сельского хозяйства, награжденных второй золотой медалью “Серп и Молот”»; от 22 ноября 1956 г. «Об изменении существующего порядка утверждения проектов памятников, монументов и бюстов дважды Героев Советского Союза в части утверждения проектов бюстов дважды Героев Советского Союза»; от 11 июня 1973 г. «О порядке проектирования, изготовления и сооружения бронзовых бюстов на родине Героев Советского Союза, награжденных второй медалью “Золотая звезда”, и Героев Социалистического Труда, награжденных второй золотой медалью “Серп и Молот”, а также бронзовых бюстов лиц, имеющих одновременно звание Героя Советского Союза и звание Героя Социалистического Труда». Данные постановления детально регламентировали использование материалов, порядок финансирования, утверждения проектов, давали подробное

описание типовых памятников в зависимости от категории субъектов увековечения.

Документы делопроизводства партийных и советских организаций, творческих союзов дают возможность воссоздать историю создания/снесения памятников, роль отдельных личностей в принятии решений. Ведь как справедливо отмечает знаток истории советской культуры оксфордский профессор К. Келли, ссылаясь на мнения предшественников и собственный опыт, при рассмотрении советских градостроительных и монументальных проектов «человеческий фактор донельзя сокращен, становятся характерными страдательные конструкции», притом что возведение советских памятников было «предметом обсуждения и рефлексии среди профессионалов, результатом сложных процессов медиации» [7, с. 120].

В этом отношении представляет интерес деловая корреспонденция творческих коллективов и отдельных исполнителей с региональным руководством. Например, хранящаяся в архиве г. Сочи переписка местного горсовета с профессором Б. Д. Королевым по поводу сооружения памятника Ленину в центре Сочи в 1934 г. (проект в итоге так и не реализовался). В письме скульптора фактически изложена его концепция включения памятника в городской ландшафт: «Практика последних лет показала, что нельзя составлять проект только одного памятника вне связи с оформлением всей площади. И потому разрешение вопроса о месте строительства памятника, его размеры, архитектура, актуальность должны быть запроектированы одновременно и в общем комплексе со скульптурно-архитектурным оформлением всей площади, окружающими ее улицу и архитектурною прилегающих домов, обработкой лестниц, пандусов и т.п. Только тогда памятник будет играть актуальную роль, будет служить средоточием для военных парадов и демонстраций, иметь агитационно-воспитательное значение и являться действительно центром и ценным художественным украшением всего города» [1, л. 8–10].

«Человеческий фактор» ясно просматривается при анализе актов Государственной комиссии по приемке того или иного памятника, стенограммах заседаний конкурсных комиссий, художественно-экспертных советов (министерства культуры СССР и союзных республик) по монументальной скульптуре. Первые (за период с 1953 по 1992 гг.) хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства [10]; стенограммы художественно-экспертного совета по монументальной скульптуре и живописи РСФСР (с 1968 по 1988 гг.) имеются в Государственном архиве Российской Федерации [4].

Информативны документы, отражающие взаимодействие различных министерств и ведомств в процессе реализации монументальных инициатив. В качестве примера, касающегося раннесоветского периода, приведем переписку 1918 г. комиссариата просвещения и комиссариата имуществ о снятии старых надписей и памятников и замене их новыми [5]. Обширная переписка руководства республик краев, областей, городов с учреждениями Совнаркома/Совета министров различных уровней позволяет воссоздать приоритеты, механизмы и объемы финансирования возведения, восстановления или реставрации памятников. Множество такого рода документов хранится в архивном фонде Совета Министров РСФСР [3]. Там же находятся ежегодные планы сооружения памятников. Они вкупе с поручениями Совета Министров РСФСР о сооружении памятников дают возможность понять динамику складывания советского монументального ландшафта, узнать о нереализованных по разным причинам проектах.

В ряду репрезентативных источников — *периодическая печать*: как специализированная («Искусство коммуны», «Изобразительное искусство» «Творчество» «Искусство», «Архитектура и строительство», «Архитектура и строительство Ленинграда» и т. д.), так и общественно-политическая. В первый интерес вызывают мнения компетентных экспертов, касающиеся стилевых и композиционных особенностей памятников, их роли и месте в пространстве города. В общественно-политических изданиях (газетах) освещались церемонии открытия памятников или их демонтажа, состав участников, речи и пр.

Источники личного происхождения (автобиографии, мемуары, дневники, личная переписка), прежде всего, скульпторов и архитекторов, а также государственных деятелей, участвовавших в производстве монументальной политики, тоже представляют интерес. Множество такого рода документов рассредоточено в государственных и личных архивах. Опубликованы пока единицы. Книгу Е. В. Вучетича — одного из «отцов» советских грандиозных многофигурных ансамблей, культовых памятников, скульптурных портретов лидеров советского государства, военачальников, героев труда, деятелей культуры — можно рассматривать в качестве важного источника по истории советской монументальной политики, невзирая на «ортодоксальные» трактовки явлений и процессов и очевидное редакторское вмешательство [2].

Целесообразным представляется инициирование *устно-исторических интервью* (учитывая, что еще живы участники и свидетели

событий советских лет), которые могут пролить свет на разного рода аспекты темы, в том числе на восприятие памятников населением, коммеморативные ритуалы.

Отдельные материалы, отражающие советскую монументальную политику, опубликованы в сборниках документов по истории культурной политики, культурной жизни, охраны памятников. Среди изданий последних лет — десяти томник под редакцией К. Е. Рыбака «Культура в нормативных актах Советской власти» (см., напр. [8]), сборник «Художественная жизнь Советской России. 1917–1932» [12].

Отметим ценность советских справочных изданий, содержащих перечень и описание памятников и мемориальных досок отдельных городов (см., напр. [6]).

В качестве источников выступают собственно памятники советской эпохи, их макеты, фотографии. Учитывая тот факт, что многие памятники по разным причинам не сохранились, важным представляется обращение к изданным в СССР фотоальбомам с изображениями сооружений советского монументального искусства (см., напр. [9]), материалам специализированных интернет-порталов (см., напр. [11]).

Данные, полученные в результате анализа всей совокупности источников, позволяют реконструировать основные этапы и тенденции советской монументальной политики, персонифицировать ее акторов.

Использованная литература

1. Архив администрации города Сочи. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 202.
2. Вучетич Е. В. Художник и жизнь / ред.-сост. А. С. Федоров. — М. : Изд-во Акад. художеств СССР, 1963.
3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-259.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-501.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 204.
6. Калинин Б. Н., Юревич П. П. Памятники и мемориальные доски Ленинграда. — Л. : Лениздат, 1979.
7. Келли К. «Общепризнанная градостроительная ошибка»: конфликты по поводу застройки Сенной площади в 1960–1970-х гг. в свете антропологии архитектуры // Антропологический форум. — 2016. — № 30. — С. 119–174.
8. Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1922 / сост. К. Е. Рыбак. — М. : Юстицинформ, 2009.
9. Монументальное искусство СССР / авт.-составитель В. П. Толстой. — М. : Советский художник, 1978.

10. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2329.
11. Советские памятники. — URL: <https://sovmonument.ru/> (дата обращения: 18.09.2020).
12. Художественная жизнь Советской России. 1917–1932. События, факты, комментарии : сб. мат-лов и док. / авт.-сост. И. М. Бибикова, Т. И. Володина, С. А. Иникова и др. — М. : Галарт, 2010.

Anna N. EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher,
Department for Complex Problems of Cultural Research,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia
erana@mail.ru

Sources on the History of Soviet Monumental Politics

The article examines the main sources on the history of monumental politics in the USSR. Special attention is paid to laws and regulations, office documentation of party and government bodies, creative unions, reflecting both interdepartmental communication and the dialogue of the authorities with sculptures and architects. The role of sources of personal origin, professional and socio-political periodicals, reference publications, oral-historical interviews and works of monumental art in the reconstruction of the main stages and trends in the development of Soviet monumental politics is noted.

Keywords: *monumental policy, USSR, sources, legislation, office documents, periodical press, ego-documents, monuments*

О. И. Сгибнева*

Монументальность и камерность военных мемориалов: динамика культурного наследия Царицына — Сталинграда — Волгограда

Монументальные сооружения города стали отражением исторических событий XX в. В 1950–70-е гг. именно монументальные комплексы определяли архитектуру

* СГИБНЕВА Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия. Электронная почта: olga.sgibneva@volsu.ru.

тонику города, подчеркивая значимость победы, историческую роль города и его защитников.

В 1980-е гг. создаются военные памятники и мемориалы, которые органично вписываются в культурную среду города, создавая пространство размышления над судьбами людей и преемственностью поколений. Среди них мемориал на Солдатском поле, памятник комсомольцам — защитникам Сталинграда, памятник мирным жителям, погибшим в августе 1942 г. во время массированных бомбардировок города. Такие мемориалы стали результатом уже иной рефлексии военных событий, в них на первый план выходит судьба конкретных людей, спасших мир от фашизма. Сочетание монументальности и камерности способствует более глубокому осмыслению трагедии войны, ценности человеческой жизни, важности объединения людей ради мира на земле.

Ключевые слова: культурное наследие, историческая память, памятник, мемориал, ценность, монументальность, камерность, преемственность.

На рубеже XIX–XX вв. Царицын, небольшой уездный город Саратовской губернии, благодаря развитию железных дорог на юге России становится важным транспортным узлом, который связывает центр империи с южными и восточными регионами. Это определило и бурное развитие самого города, с лихвой воспользовавшегося преимуществами выгодного географического положения на Волго-Донской переволоке. В этот период времени среди городов Поволжья по уровню промышленного развития, духовной жизни и просвещения ведущее место занимала Казань, «краса Востока»; вторым по торгово-промышленному и общественному потенциалу считался Саратов, «Волжский красавец» [2, с. 143, 209]. Бурное развитие Самары послужило источником ее сравнения с быстрорастущими городами Северной Америки: «Новый Орлеан», «русский Чикаго». Последнего сравнения в конце XIX в. удостоился и уездный город Царицын, который по темпам торгово-промышленного развития шел вровень с крупными губернскими городами [3, с. 56].

К началу XX в. Царицын превращается в активно развивающийся транспортный, торговый, промышленный и социокультурный центр, открытый к освоению новаций технического века. В то же время ускоренное и неравномерное развитие города привело к существенным контрастам, образ жизни горожан трансформировался медленно и противоречиво. В городе оставался низким уровень благоустройства, не хватало образовательных и культурных учреждений, инфраструктура города давала довольно скудные возможности для проведения досуга горожан; ускоренный демографический и экономический рост, приток сезонных мигрантов усложнил криминогенную обстановку в городе.

Рабочие окраины были главным дестабилизирующим фактором городской жизни, служили рассадником преступности и инфекционных заболеваний [3, с. 88–89].

И хотя архитектура города начала приобретать некоторые черты законченности и целостности застройки, Царицын начал озеленяться и благоустраиваться, но эта благоустроенность была четко ограничена несколькими центральными улицами и площадями. Так, газета «Волго-Донской листок» пишет в апреле 1896 г.: «Аллея набережной и сквера в настоящее время приводится в более благообразный вид. Главная аллея сквера расширена и на ней установлено несколько деревянных арок для иллюминации, дорожки утрамбовываются... Остается только обнести сквер изгородью в целях предохранения деревьев от поломки и от занесения аллей сквера пылью и песком с улиц» [1, с. 280–281].

На этом этапе развития города о монументальном его оформлении речь пока не шла — не было соответствующих событий. Немало средств городского бюджета, пожертвований купцов и предпринимателей тратилось на благоустройство города, озеленение, мощение дорог, улучшение городского водопровода.

Первыми монументальными сооружениями в начале XX в. становятся памятники революционерам и героям Гражданской войны. Географическое положение города, растущий царицынский транспортный узел определили стратегическую значимость города в период революционных и военных событий. В дальнейшем архитектурный облик Царицына становится отражением его особой исторической судьбы, в силу которой он оказался в XX столетии на пересечении различных исторических альтернатив. Город воплотил в своем внешнем облике и монументальном оформлении победы советской эпохи: победы военные, во многом определившие исход Гражданской и Великой Отечественной войн, и победы трудовые, сделавшие его образцом индустриального социалистического строительства. Центральная Александровская площадь Царицына становится площадью Павших борцов революции. В центре площади на братской могиле участников Гражданской войны устанавливается памятная стела — первое монументально-историческое сооружение города. Вокруг нее формируется градостроительный центр восстанавливаемого по новому плану города, который с 1925 г. получает и новое имя — Сталинград, что также определило быстрые темпы его развития. А после завершения Сталинградской битвы здесь же, в центре города, появляются братские могилы защитников города.

В 1957 г. в послевоенном Сталинграде (с 1961 г. — Волгоград) был открыт новый мемориальный комплекс над братскими могилами участников Гражданской и Великой Отечественной войн. Он становится главной осевой линией Аллеи Героев, ведущей от площади Павших борцов к Волге, к набережной им. 62-й армии. Классические архитектурные формы новых зданий усиливают торжественный пафос центра города. И с этого времени военные мемориалы становятся доминантой плана возрождения города, которому 1 мая 1945 г. присвоено звание «город-герой». В феврале 1963 г., накануне празднования 20-летия Победы в Сталинградской битве, у мемориала зажжен Вечный огонь памяти.

В 1965 г. по инициативе Волгоградского горкома комсомола у Вечного огня установлен первый в нашей стране Пост № 1 волгоградских школьников, наследников подвига отцов и дедов. 14 ноября 1965 г. первые часовые заступили на Почетную вахту памяти. Идею волгоградских комсомольцев в дальнейшем поддержали все города-герои, другие города страны. Движение за право нести вахту у Вечного огня в честь павших защитников Отечества стало мощной патриотической акцией, не утратившей своей значимости до настоящего времени. Часовым у Вечного огня города-героя посвятила свое стихотворение известный волгоградский поэт Маргарита Агашина:

*Горит на земле Волгограда
Вечный огонь солдатский —
Вечная слава тем,
Кем фашизм, покоривший Европу,
Был остановлен здесь.
В суровые годы битвы
Здесь насмерть стояли люди —
Товарищи и ровесники
Твоего отца.
Они здесь стояли насмерть!
К нам приезжают люди —
Жители всей планеты —
Мужеству их поклониться,
У их могил помолчать.
И пусть люди мира видят:
Мы помним и любим погибших.
И пусть люди мира знают:*

*Вечный огонь Волгограда
Не может погаснуть, пока
Живет на земле волгоградской
Хотя бы один мальчишка.
Запомни эти мгновенья!
И если ты встретишь в жизни
Трудную минуту,
Увидишь друга в беде
Или врага на пути,
Вспомни, что ты не просто мальчик,
Ты — волгоградский мальчишка.
Сын солдата,
Сын Сталинграда,
Капля его Бессмертия,
Искра его огня.*

Главную идею возрожденного города очень глубоко и перспективно осмыслил талантливый коллектив архитекторов, скульпторов, инженеров под руководством Евгения Викторовича Вучетича [6, с. 142]. Идея мемориала «Героям Сталинградской битвы» и ее художественное воплощение на Высоте 102,0 — Мамаевом кургане на долгие годы сделали наш город центром притяжения всех людей, кто чтит и помнит подвиг тех, кто остановил вражеское наступление и повернул войну вспять. Победа в Сталинграде — только начало наступления, поэтому меч Родины-матери поднят вверх, она зовет своих сынов на новые сражения ради окончательной победы над фашизмом. Меч опустит уже советский солдат-победитель в Трептов-парке Берлина. В 2008 г. историко-мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане и музей-панорама «Сталинградская битва» объединены в Федеральное государственное учреждение культуры «Историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва».

Мемориал на Мамаевом кургане — не первая работа Е. Вучетича, посвященная героям Сталинградской битвы. В 1953–1955 гг. вместе с группой архитекторов под руководством Л. М. Полякова им создан 16-метровый монумент «Соединение фронтов», посвященный соединению Юго-Западного и Сталинградского фронтов в ходе операции «Уран» 23 ноября 1943 г. Он установлен на насыпном холме у входа в 13-й шлюз Волго-Донского судоходного канала [6, с. 385].

В 1970–1973 гг. у входа в первый шлюз Волго-Донского канала установлен памятник В. И. Ленину работы Е. Вучетича. Из трех авторских копий скульптуры «Перекуем мечи на орала», оригинал которой создан для Организации Объединенных Наций, одна установлена перед управлением волгоградского завода «Газоаппарат», на территории которого велись вспомогательные работы во время сооружения мемориала на Мамаевом кургане.

Грандиозность монументального ансамбля на Мамаевом кургане не остановила создание новых военных памятников в городе-герое. Но, сохраняя черты монументализма, они приближаются к зрителям, делая их порой участниками действия. В 1975 г. на месте гибели рядового Михаила Паникахи установлен памятник, воссоздавший его подвиг (скульптор Р. П. Харитонов, архитектор Ю. Н. Белоусов). Шестиметровая фигура из листового алюминия показывает нам самый напряженный момент жизни бойца, когда одна из бутылок с зажигательной смесью, приготовленных для наступающих вражеских танков, разрывается у него в руках, и охваченный пламенем солдат горящим факелом бросается на головной танк, ценой жизни останавливая его и наступление всей танковой колонны [6, с. 434].

В тяжелейших боях у Сталинградского элеватора, почти у самого берега Волги, отчаянно сражались морские пехотинцы, не давшие врагу прорваться к реке. Героям-североморцам в 1977 г. установлен мемориал, в центре которого — семиметровая фигура морского пехотинца с противотанковым ружьем (скульптор П. Л. Малков, архитектор Г. М. Коваленко). На стеле — фрагменты из поэмы Р. Рождественского «Реквием» и список воинских частей, сражавшихся в боях за элеватор в ноябре 1942 — январе 1943 гг. [6, с. 387].

В самом центре города, на улице Комсомольской, в 1973 г. по инициативе Волгоградского обкома комсомола и на средства, собранные и заработанные комсомольцами области, установлен памятник «Комсомольцам — защитникам Сталинграда» (скульптор А. Криволапов, архитектор В. Калининченко). И название улицы, и памятник стали ответом на слова командующего 62-й армией в его письме в газету «Комсомольская правда» еще в конце 1942 г.: «Когда 62-я армия, с треском выгнав фашистов из Сталинграда, с развернутыми знаменами пройдет по улицам освобожденного города, лучшая его улиц будет названа Комсомольской» [7, с. 156].

И еще один памятник, который приближает нас к ощущению тех событий, которые происходили в дни Сталинградского сражения, — мемориал на Солдатском поле, композицию которого авторам подсказало письмо политрука Д. Петракова, опубликованное в книге «Говорят погибшие герои». Здесь нет крупных элементов монументального характера. Есть девочка с цветком в руке, застывшая над символической воронкой от взрыва, в которой «похоронен металл войны». И письмо на мраморном солдатском треугольнике: «Моя черноглазая Мила! Посылаю тебе василек... Представь себе: идет бой, кругом рвутся вражеские снаряды, кругом воронки, и здесь же растет цветок. И вдруг очередной взрыв, василек сорван. Я его поднял и положил в карман гимнастерки... Мила, папа Дима будет драться с фашистами до последней капли крови, до последнего вздоха, чтобы фашисты не поступили с тобой так, как с этим цветком...» [4, с. 182]. Мемориал на Солдатском поле стал еще одним свидетельством преемственности поколений, данью памяти молодых волгоградцев 1970–80-х гг. XX века героям великих сражений за свободу нашей Родины. Памятник был создан в 1975–1980 гг. по инициативе волгоградского комсомола. Автор идеи — первый секретарь Волгоградского обкома комсомола В. Катунин, архитектор — лауреат Ленинской премии, один из авторов мемориала в Хатыни Л. Лёвин (Белоруссия), скульптор — А. Криволапов (Волгоград). В сооружении мемориала принимали участие комсомольцы области и бойцы студенческих строительных отрядов Волгограда [5].

Одно из трагических событий военного Сталинграда долгое время не было увековечено в мемориальном пространстве возрожденного из пепла города. В августе 1942 г. бои шли за 100 км от города, который жил заботами прифронтовой жизни: работали заводы, школы, больницы, создавались новые военные госпитали. Эвакуация мирного населения только начиналась. И вот на этот город, где не было военных соединений, 23 августа начались мощные налеты фашистской авиации. В первый же день массированной бомбардировки, которую осуществляли около 400 самолетов, центральные районы города были превращены в развалины. Варварскому разрушению подверглись жилые кварталы, больницы, детские учреждения. Горели дома, пристани, вспыхнули нефтехранилища, огненная лава, сползая вниз, накрыла Волгу. За шесть дней ковровых бомбардировок уничтожены заводы, вся система коммуникаций, водопровод, погибли почти 43 тысячи мирных жителей. Не осталось ни одного целого дома, уничтожено 50 тыс. зданий (почти 90 %) и 56 предприятий [6, с. 76–78]. Белоснежный красавец-город был

стерт с лица земли; бои за Сталинград зимой 1942–1943 гг. шли среди развалин, в которых еще прятались оставшиеся в живых дети, старики, женщины... Трагедия мирных жителей Сталинграда была увековечена только в 1995 г. На набережной в парковой зоне открыт мемориал в память о жертвах варварских авианалетов (скульптор Н. Павловская, архитектор В. Калиниченко). При всей глубине трагедии мемориал носит камерный характер, позволят лучше понять и прочувствовать ужас тех летних дней, когда горели город и Волга.

За последние годы в Волгограде появились еще две мемориальные камерные группы, связанные с темой «Дети и война». Скульптором С. Щербаковым создан памятный знак, посвященный детям военного Сталинграда, видевшим погибающий город, впереди у которых была еще суровая зима 1942–1943 гг.

Войну в Сталинграде встретила и наш великий композитор А. Н. Пахмутова. Вместе с мамой она успела эвакуироваться из города до бомбардировок, но в 1941–1942 гг. Аля Пахмутова была в городе, вместе с другими школьниками помогала в госпиталях, с учениками музыкальной школы выступала с концертами перед ранеными бойцами [8, с. 251]. И в год 90-летия композитора в городе появился новый сквер имени А. Н. Пахмутовой, а в этом сквере — фигура девочки в довоенной одежде, с аккордеоном в руках. Это не памятник композитору, у девочки нет портретного сходства с оригиналом, это своеобразный символ, память о детях военного времени. Но в городе уже называют девочку Александрой Пахмутовой...

Вот так динамика военных мемориалов Волгограда в XXI в. приоблизила памятники к людям, их чувствам, давая возможность побыть наедине с прошлым, рядом с теми, кто прошел через огонь войны и завоевал мир для новых поколений... Хотя эта идея все же записана гигантскими буквами в Пантеоне на Мамаевом кургане: «Да, мы были простыми смертными, и мало кто уцелел из нас, но все мы выполнили свой священный долг перед матерью-Родиной...».

Использованная литература

1. *Байкин А. Г.* Царицын: путешествие по страницам городской печати. — М. : Книга, 2013.
2. *Гиляровский В. А.* Путеводитель по городам России. Волга. — М. : Изд-во АСТ, 2009.

3. Максимова И. В., Петрова И. А. «Русский Чикаго». Уездные города Саратовской губернии в условиях модернизации : монография. — Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2012.
4. Письмо гвардии майора Д. А. Петракова дочери. 18 сентября 1942 г. // Говорят погибшие герои. Изд. 4-е. — М. : Политиздат, 1973. — С. 182–183.
5. Сгибнева О. И. Хранители исторической памяти: судьба памятника — судьба поколений // Социология власти. — 2003. — № 2. — С. 131–140.
6. Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943 : энциклопедия / под ред. М. М. Загоруйко. — Волгоград : Издатель, 2012.
7. Чуйков В. И. Письмо командующего 62-й армией в редакцию газеты «Комсомольская правда». Декабрь 1942 г. // Во славу Родины (1941–1945). — М. : Воениздат, 1961. — С. 155–156.
8. Энциклопедия Волгоградской области / под ред. проф. О. В. Иншакова. — Волгоград : Издатель, 2007.

Olga I. SGIBNEVA

Dr. Sci. (Philosophy of Religion), Prof., Sociology Department,
Volgograd State University, Volgograd, Russia
olga.sgibneva@volsu.ru

Monumentality and Chamberness of War Memorials: Dynamics and Cultural Heritage of Tsaritsyn — Stalingrad — Volgograd

The monumental structures of the city have become a reflection of the historical events of the 20th century. In the 1950–1970s, it was the monumental structures that determined the architectonics of the city, emphasizing the importance of the Great victory, the historical role of the city and its defenders in the 1942–1943rd. In the 1980-th, military monuments and memorials were created, which organically fit into the cultural environment of the city, creating a space for reflection on the fate of people and the continuity of generations. Among them is a memorial on the Soldier's Field, a monument to the Komsomol defenders of Stalingrad, a monument to civilians who died in the August 1942nd during the massive bombing of the city. Such memorials are the result of a different reflection of military events, in which the fate of specific people who saved the world from fascism. The combination of monumentality and seclusion contributes to a deeper understanding of the tragedy of war, the value of human life, the importance of uniting people for the sake of peace on earth.

Keywords: *cultural heritage, historical memory, monument, memorial, value, monumentality, intimacy, continuity.*

А. И. Тетуев*

Память о Великой Отечественной войне: практики мемориализации (на материалах Кабардино-Балкарии)

В статье исследуются практики увековечения памяти о Великой Отечественной войне и ее героях на примере Кабардино-Балкарии. Обобщен опыт государственных, муниципальных органов власти и институтов гражданского общества по формированию коммеморативных практик на федеральном, региональном, муниципальном и семейном уровнях. Выявлены и исследованы места памяти в Кабардино-Балкарии: воинские кладбища, братские могилы, памятные места боевых действий воинов Красной Армии, мемориальные доски, Книги памяти, музеи воинской славы, а также улицы, скверы, школы, названные именами героев Великой Отечественной войны. Обобщен опыт работы государственных, муниципальных органов власти и институтов гражданского общества по поиску и установлению имен погибших, захоронению их останков, благоустройству памятников, реконструкции событий военных лет, происходивших в Приэльбрусье в 1942–1943 гг. Анализ исследуемой проблемы показал, что коммеморативные практики создают условия для сохранения памяти о Великой Отечественной войне и консолидации общества.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, мемориализация, дни воинской славы и скорби, государственные органы власти, институты гражданского общества, поисковая работа.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. — одна из важнейших страниц российской истории. Она стала культурным символом для народа, способствовавшим его национальной самоидентификации. В. В. Путин, выступая 29 августа 2011 г. на площади морского вокзала Новороссийска, отметил: «Именно историческая память — великолепный цемент, который из людей разных народов, разных этносов и разных религий делает одну, единую и неделимую российскую нацию, создает и укрепляет единую и неделимую великую Россию» [25].

Процесс формирования государством и обществом исторической памяти тесно связан с применением различных форм коммеморации как особого комплекса мероприятий, направленных на осознанную,

* ТЕТУЕВ Алим Инзрелович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований — филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия. Электронная почта: alim-tetuev@mail.ru.

целенаправленную актуализацию конкретных исторических событий. На современном этапе, когда в российском обществе происходит смена поколений и проблема отчуждения коллективной памяти от событий войны становится все более острой, как никогда ранее актуальна задача поиска новых форм увековечения памяти о Великой Отечественной войне, все более значимым является диалог между представителями научно-образовательного сообщества. Изучение механизма использования коммеморативных практик при развитии исторической памяти стало в последнее десятилетие одной из самых актуальных и обсуждаемых проблем современной исторической науки.

В коллективной работе «Методологические вопросы изучения политики памяти» анализируются вопросы эволюции коллективной памяти как функционирующей системы взаимодействий и коммуникаций, различных акторов относительно политического использования прошлого [16].

Изучению государственной политики по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне посвящена работа О. Ю. Малиновой. Автор полагает, что коммеморация исторических фигур или событий представляет собой совокупность публичных актов их «вспоминания» и (пере-) осмысления в современном контексте [11, с. 10].

Исследованию реализации российско-белорусского проекта «Память о Великой Отечественной войне: направления, тенденции, практики мемориализации в Беларуси и России» посвящена работа И. В. Грибан, В. В. Зданович, Т. П. Савчук [6].

Проблема применения коммеморативных практик легла в основу исследований Е. А. Бесединой, Т. В. Бурковой, Д. Н. Прасолова, В. Х. Тхакакова. Авторы на материалах регионов рассматривают основные направления и особенности коммеморации событий и личностей в постсоветский период (см.: [3; 24; 32]).

Определенный интерес по исследуемой теме представляет книга Ж. М. Аппаевой, посвященная исследованию произведений монументальной скульптуры Кабардино-Балкарии в историческом аспекте. Большинство памятников, сооруженных в республике в послевоенный период, посвящено павшим в годы Великой Отечественной войны. Автор дает искусствоведческий анализ памятников, выявляя их содержательные и художественные особенности [2].

Анализ литературы показывает, что коммеморативные практики о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в регионах не стали еще предметом специального исследования.

Цель статьи — рассмотреть деятельность государственных органов власти и институтов гражданского общества по формированию коммеморативной практики о Великой Отечественной войне на примере Кабардино-Балкарии в постсоветский период.

Методологическую основу исследования составили концепция исторической памяти, комплекс общенаучных и исторических методов, в том числе историко-сравнительный и историко-антропологический.

Прежде всего, следует отметить, что коммеморативные практики предполагают набор способов, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом. Коммеморация может иметь разную смысловую модальность: она является актом не только торжества, предполагающим отмечание/празднование; она также может служить актом скорби/почитания памяти мертвых.

Важную работу по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне осуществляют государственные органы власти и институты гражданского общества.

Во второй половине 1990-х гг. принят ряд важнейших законов, указов и постановлений, оказавших существенное влияние на развитие нормативно-правовой базы. Так, в Федеральном законе «О днях воинской славы и памятных датах России» от 24 апреля 2020 г. № 126-ФЗ в Российской Федерации устанавливаются *дни воинской славы и дни памяти и скорби* [34].

Закон также предусматривает различные коммеморативные практики, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о героических подвигах нашего народа: сооружение мемориальных музеев, установление и благоустройство памятников, обелисков, стел, мемориальных знаков, организация выставок, публикация в СМИ материалов, связанных с днями воинской славы, присвоение имен национальных героев населенным пунктам, улицам и площадям, физико-географическим объектам, воинским частям, кораблям и судам. При этом предусмотрено и расширение форм увековечения памяти воинов России, «которые были бы понятны и близки молодому поколению».

В 1995 г. принят Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [35]. В статье 1 закона установлено: «День 9 Мая является всенародным праздником — Днем Победы. День Победы — нерабочий день и ежегодно отмечается военным парадом и артиллерийским салютом». В статье 5 закона отмечается, что федеральные органы исполни-

тельной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления ответственны за сохранение памятников Великой Отечественной войны, поддержание их в состоянии, соответствующем достойному и уважительному отношению к памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне. Закон направлен не только на сохранение памяти о защитниках Родины, заботу об участниках, ветеранах и жертвах войны, но и на «решительную борьбу с проявлениями фашизма» как важнейшего направления государственной политики России по увековечению Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Данные законы были дополнены Указом Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 г. «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» [33], который предусматривал не только финансовую и материально-техническую поддержку военно-патриотических молодежных и детских объединений, поисковых формирований, но и развитие системы повышения квалификации для организаторов патриотического воспитания, а также предоставление преимущественного права при поступлении в военно-учебные заведения юношам, прошедшим соответствующую подготовку в военно-патриотических объединениях.

Анализ коммеморативных практик Великой Отечественной войны в стране и регионах позволил нам условно выделить три группы в зависимости от уровня памяти.

Первая группа представляет собой коммеморативные практики, создание которых происходило по инициативе партийных и государственных органов власти страны, которые заключают в себе коллективную память о войне на федеральном уровне. Прежде всего, это монументальные места памяти, ставшие главными национальными символами памяти о Великой Отечественной войне, такие как День Победы, День памяти и скорби, День Неизвестного Солдата и другие, указанные в Федеральном законе «О днях воинской славы и памятных датах России» (в редакции от 24 апреля 2020 г.).

Первый военный парад Победы состоялся в Москве 24 июня 1945 г. После этого военные парады Победы проводились 9 мая в юбилейные 1965, 1985, 1990 гг. С 1995 г. военные парады проводятся ежегодно. В 2020 г. из-за пандемии Covid-19 парад Победы, посвященный 75-летию, состоялся 24 июня.

22 июня в День памяти и скорби проводятся памятные мероприятия, различные патриотические акции, приспускаются государственные флаги, возлагаются венки к Могиле Неизвестного Солдата и Вечному огню в Москве и других городах России.

Вторая группа представлена более локальными формами коммеморации, созданными по инициативе государственных органов власти субъектов РФ и институтов гражданского общества. Закон КБР «Об увековечении памяти исторических событий, а также личностей, имеющих выдающиеся достижения и особые заслуги перед Кабардино-Балкарской Республикой» от 18 декабря 2012 г. определяет формы, условия и порядок увековечения памяти исторических событий, а также личностей, имеющих выдающиеся достижения и особые заслуги перед Кабардино-Балкарской Республикой. Классическими местами памяти в Кабардино-Балкарии являются воинские кладбища, братские могилы, памятные места боевых действий воинов Красной Армии, улицы, скверы, школы имени героев Великой Отечественной войны, мемориальные доски, Книги памяти, музеи воинской славы.

На территории Кабардино-Балкарии на государственном учете состоят 218 памятников воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, из них 194 включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации, в том числе 76 братских могил с памятниками, 11 памятников и бюстов Героям Советского Союза (из них семь — уроженцам КБР), 107 памятников воинам, погибшим в годы войны (из них 50 — уроженцам КБР) [22].

Одной из основных проблем, относящихся к коммеморативным практикам в России, в том числе и в Кабардино-Балкарии, является, на наш взгляд, обезличивание памяти о павших воинах. Печальным символом этой обезличенности стали братские могилы, на которых зачастую не содержатся не только поименные списки, но нет даже указания общего числа погребенных. Так, анализ памятников воинам, погибшим в годы Великой Отечественной на территории республики, показал, что из 76 братских могил с памятниками только на 15 внесены имена, на 22 указано число захороненных.

Самым известным из многочисленных памятников, посвященных Великой Отечественной войне, в республике является «Вечный огонь Славы». В 1949 г. на братской могиле советских солдат, павших в боях за город Нальчик, был установлен обелиск именно там, где был последний рубеж обороны. Братскую могилу обустроили 28 июля 1946 г. В нее пере-

несли останки 128 солдат из 32 захоронений на территории Нальчика. В настоящее время на мраморной плите выбиты имена 88 солдат, а еще 40 остались неизвестными. Рядом на плите высечены имена партизан, отдавших жизнь за освобождение Кабардино-Балкарии. Обелиск увенчан позолоченной звездой, к его основанию прикреплена табличка с памятной надписью: «Героям Великой Победы вечная память. 1941–1945».

Мемориальный комплекс — это обелиск, перед которым горит Вечный огонь (архитектор — П. Казанчев). Огонь зажжен в 1965 г. Его усиливают звучащий каждый час реквием и фамилии воинов, погибших в годы войны.

Напротив обелиска вдоль аллеи установлен памятный знак, где на мраморную плитку занесены фамилии уроженцев Кабардино-Балкарии, удостоенных звания «Герой Советского Союза», а также награжденных орденом Славы I, II, III степени.

К главному мемориалу «Вечный огонь славы» приходят граждане, дети и ветераны Великой Отечественной войны, чтобы отдать дань памяти павших. Представители государственных, муниципальных органов власти и общественности, ветераны учащиеся и студенты в дни воинской славы и памятных дат отдают дань глубокого уважения памяти погибших воинов и возлагают цветы к мемориалу «Вечный огонь Славы». Сюда идут молодожены в день создания семьи — возложить цветы, поблагодарить за мирную жизнь, за возможность счастья. Это давняя традиция. В последние годы именно здесь стартует республиканская акция «Георгиевская ленточка».

Всего в городах, районных центрах и сельских поселениях Кабардино-Балкарии бесперебойно функционирует 41 мемориал «Вечный огонь», посвященный памяти павших в Великой Отечественной войне.

Значимым для жителей республики стал памятник 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, который был открыт в 1970 г. при въезде в г. Нальчик, со стороны Пятигорска. Монумент был представлен в виде мужественного солдата, обнимающего своего коня. В постсоветский период администрация города решила возвести новый памятник. По нашему мнению, это связано с тем, что в постсоветский период в Центральном государственном архиве Министерства обороны РФ были выявлены не только героические, но и трагические страницы истории дивизии. Несмотря на исключительные трудные условия боев, огромный перевес противника в живой силе и особенно технике, личный состав дивизии бился с фашистами стойко, мужественно, не жалея

свои силы для выполнения боевого приказа командования. Однако потери дивизии составили 3019 человек (67 %) ее состава [36].

Проведенный нами анализ указанных потерь показал: число погибших — 877, утонувших — 1, раненых — 846, живых — 5, пропавших без вести — 1142, попавших в плен — 5, эвакуированных — 8. Не удалось пока выяснить судьбу 135 человек. Полагаем, что они попали в плен. В результате 15 октября 1942 г. из уцелевших подразделений 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии был сформирован «истребительно-противотанковый дивизион и отдельные дивизионы разведки, вошедшие в 4-й кавалерийский корпус» [30, с. 58].

Открытие нового монумента состоялось в 2005 г., он был выполнен так же скульптором М. Тхакумашевым. Автор запечатлел трагическую минуту в жизни безымянного бойца Кавдивизии: всадник с обнаженной шашкой в руке бросается на фашистский танк. Драматизм ситуации в том, что он идет в атаку, прекрасно понимая, что обречен на гибель. Но выполняя свой воинский долг, жертвуя собой, герой помогает стране выиграть время для подготовки будущей победы. Искусствовед Ж. Аппаева справедливо отмечает, что М. Тхакумашев деликатно решает сложную и противоречивую тему гибели бойца, запечатлев не сам момент смерти, а ее неминуемость. Взор бойца обращен не столько на врага, сколько в вечность [2, с. 15]. Память погибших солдат 115-й кавалерийской дивизии чтут и ветераны войны, и более молодое поколение.

Особое место в коммеморации занимают «места памяти» или «территории памяти», вокруг которых концентрируется и сохраняется коллективная память о прошлом. В этом плане важное значение в битве за Кавказ имела Малгобекская оборонительная операция Северной группы войск Закавказского фронта в Великой Отечественной войне. В ходе ее войскам 9-й и 37-й армий ценой больших потерь удалось остановить продвижение врага на юг и заставить его перейти к обороне. Имея превосходство в танках и авиации, противник не смог в течение месяца сломить сопротивление советских войск и развить тактический успех в оперативный. За период боев Курпская высота, находящаяся на территории Кабардино-Балкарии, переходила из рук в руки множество раз. План гитлеровского командования по захвату к 25 сентября Грозного и Баку с Малгобекского направления был полностью сорван. На этой высоте установлен обелиск в память о семи тысячах советских солдат и офицеров с надписью: «Памяти павших.

Никто не забыт — ничто не забыто. Здесь, на легендарных Курпских высотах, осенью 1942 г. ценой 17 тыс. убитых и раненых советских солдат остановлен враг». Ежегодно в дни воинской славы и памяти общественные организации, молодежные военно-патриотические клубы, юнармейцы и курсанты местных отделений ДОСААФ проводят здесь торжественные патриотические акции. В год 75-летия Великой Победы организовано восхождение на Курпские высоты, посвященное Дню освобождения Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских захватчиков 11 января 1943 г. Участники восхождения возложили венки и цветы к обелиску, почтили память павших защитников Родины минутой молчания [16].

Одновременно с Малгобекской операцией проходила оборона перевалов, ведущих из Кабардино-Балкарии в Закавказье. Боевые действия на перевалах Главного Кавказского хребта были самыми сложными, так как они проходили в экстремальных горных и климатических условиях. Военные события августа — декабря 1942 г. в Приэльбрусье долгое время были неизвестны широкой общественности. И только в последние годы удалось установить их истинные масштабы, осознать трагедию, которая десятилетиями была скрыта в ледяных толщах Эльбруса. Более 70 лет ледники Эльбруса хранили страшную память о павших в неравном бою с беспощадным противником и суровым климатом сотнях советских солдат. Но отступающие под натиском потепления ледники обнажают тайны самого высокогорного в мире фронта, названного историками «заоблачным».

Первый монумент защитникам Приэльбрусья был возведен в 1987 г. (проект Виктора Савостикова, Валерия Корнеева и Николая Кравченко). Памятник представлен в виде семи алюминиевых стел различной высоты, высота центральной достигает четырех с половиной метра, установленных на двухметровом основании, заложенном каменными глыбами. На центральной стеле надпись: «1941–1945. Героям обороны Приэльбрусья», на остальные занесены 219 имен погибших в сражениях на Эльбрусе. Установкой памятника занимались луганские рабочие и альпинисты с завода. Из-за строительства новой канатной дороги в 2010 г. памятник был демонтирован и установлен на другом месте — рядом со станцией «Мир» (высота 3500 м), где находится Музей боевой славы Приэльбрусья. 2 сентября 2010 г. под лозунгом «Никто не забыт, ничто не забыто» на склоне горы Эльбрус состоялся митинг, посвященный открытию самого высокогорного памятника в РФ за-

щитникам Эльбруса и перевалов Главного Кавказского хребта в годы Великой Отечественной войны. К памятнику часто приходят туристы и возлагают цветы [29].

В последние годы на склонах Эльбруса установлены и другие памятники. Например, на «Северном приюте» установлен памятник у могилы Неизвестного солдата. Возле перевала Донгуз-Орун памятником служит противотанковая пушка, на ее гранитном постаменте высечены слова: «Вечная слава героям, павшим в боях за Кавказ в 1942–1943 гг.». На северном склоне Санчарского перевала установлен памятник: воин-альпинист с развевающейся плащ-накидкой на плечах, с автоматом и ледорубом в руках. Постамент украшает надпись: «Они любили горы, как жизнь, но Родину любили больше жизни. Бойцам и командирам отдельных горнострелковых отрядов». Эти слова посвящены бойцам советских горно-стрелковых отрядов, военным альпинистам, которые 13 и 17 февраля 1943 г., сбросив с вершины Эльбруса нацистские флаги, установили государственные флаги СССР [27].

В течение семидесяти лет личности погибших при обороне Приэльбрусья, как и в других местах, не были установлены. Ситуация начала кардинально меняться только после 1988 г., когда на официальном уровне была признана проблема сотен тысяч пропавших без вести и «зеленый свет» получило поисковое движение.

В течение 2012–2016 гг. поисковики отряда «Мемориал-Эльбрус» с/п. Эльбрус Эльбрусского района Кабардино-Балкарской Республики (руководитель Тилова Ф. Ч.) совместно с военнослужащими Южного военного округа Министерства обороны РФ в тяжелейших природно-климатических условиях провели 94 поисковых экспедиций. В результате обнаружены, подняты и захоронены на воинском кладбище в поселке Терскол останки 245 красноармейцев, в том числе установлены персональные данные 52 воинов. В Центральном военном архиве Министерства обороны Российской Федерации удалось выявить поименный список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава частей Красной Армии, участников боевых действиях в Приэльбрусье в 1942–1943 гг. На воинском кладбище поселка Терскол установлены памятник с надписью «Здесь покоятся сыны Отечества, выполнившие свой долг перед Родиной» и мемориальная плита «Вечен ваш подвиг в сердцах грядущих поколений!», высечены имена 366 героев. Впереди на постаменте пятиконечная звезда, где горит Вечный огонь (см.: [19; 31, с. 12]).

В Кабардино-Балкарии используются современные коммеморативные практики. Так, ежегодно с 2017 г. в Приэльбрусье проводится Международный военно-исторический фестиваль «Заоблачный фронт». Учредители фестиваля — поисковый отряд «Мемориал Эльбрус», Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» при поддержке правительства КБР. В фестивале принимают участие поисковики и реконструкторы из 17 субъектов РФ и Украины. В рамках фестиваля состоялась военно-историческая реконструкция боев осени 1942 г. «Их надо сбросить с перевала». Военные реконструкторы в форме и снаряжении бойцов РККА и вермахта максимально достоверно отразили события военных лет, которые происходили осенью 1942 г. в Приэльбрусье между советскими войсками и егерями из дивизии «Эдельвейс» [13].

В рамках мероприятия в базовом лагере реконструкции была организована полевая кухня для всех желающих, работа интерактивных площадок. Участники фестиваля жили в условиях военного времени и старались не пользоваться современными предметами и одеждой. Лагерь был разбит на две зоны — палатки и блиндажи РККА и вермахта соответственно. Также в лагере фестиваля была развернута выставка поисковых отрядов «Тайна солдатского поля» и работала общественная приемная акция «Судьба солдата», где каждый желающий мог оставить заявку на поиск информации об установлении судьбы родных, погибших и пропавших без вести во время Великой Отечественной войны. Зрителями фестиваля были многочисленные жители и гости Приэльбрусья, учащиеся средней школы поселка Терскол, которые уже четыре года принимают активное участие во всех основных памятных мероприятиях, посвященных сражениям в Приэльбрусье в годы Великой Отечественной войны. 15 августа в Терсколе состоялось захоронение в братской могиле останков 19 красноармейцев, найденных в ходе поисковых работ на Эльбрусе [19].

Проведение военно-исторической реконструкции Великой Отечественной войны на примере боевых действий в Приэльбрусье создает новые возможности увековечения всенародного подвига в исторической памяти современного российского общества. Опыт военно-исторических реконструкций в Кабардино-Балкарии показывает востребованность такой зрелищной формы мемориализации, отвечающей современным требованиям, но не как пропаганды милитаризма среди населения региона, а только с целью исключения повторения подобного рода трагических событий.

Во всех городах, районных центрах, сельских поселениях и многих учреждениях установлены памятники погибшим в годы Великой Отечественной войны. Например, памятник нальчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, воздвигнут в 1981 г. (архитекторы В. Чурилов и В. Асанов). На парапетах вдоль дорожки к Национальному музею КБР размещены стихотворные строчки: «Тысячи вас, смертью своею жизнь отстоявших. Помним, и с нами вы — вечно живые», «Вечная память и слава героям-нальчанам, в жестоких боях за Родину павшим».

В хирургическом корпусе больницы г. Нальчика в 1942 г. был госпиталь для фронтовиков. При отступлении Советской Армии ни раненых, ни сотрудников эвакуировать не успели. Четыре врача были расстреляны прямо во дворе больницы и здесь же похоронены. После победы сотрудники больницы собрали средства на памятник, проект которого бесплатно разработал архитектор Р. А. Нигинян.

Более 300 преподавателей, сотрудников и студентов Кабардино-Балкарского государственного пединститута (с 1957 г. — университет) в годы войны были призваны в Красную Армию. Многие из них погибли и пропали без вести. В 1975 г. в сквере Кабардино-Балкарского государственного университета установлен памятник с надписью: «Памяти павших будем достойны!». На мраморных стелах в виде открытых страниц книги вписаны имена 114 погибших [23].

В этом контексте представляет интерес и историко-патриотический проект профессора КБГУ С. К. Башиевой «Аллея «75 лет славы и памяти», посвященный увековечению имен студентов, выпускников, сотрудников Кабардино-Балкарского государственного педагогического института, участвовавших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Поиск осуществляется на сайтах «Память народа», «Подвиг народа», ОБД «Мемориал», в публицистической литературе, в частности в книгах секретаря парткома, проректора КБГУ Виталия Дмитриевича Лесева (1925–1994) [11], в пятитомнике «Боевая слава Кабардино-Балкарии», интернет-источниках. Удалось восстановить биографические данные 122 сотрудников и 155 студентов, выпускников КБГПИ, многие из которых ушли на фронт добровольцами, в том числе и студентки отделения русского языка и литературы литературного факультета [1].

Среди коммеморативных практик в Кабардино-Балкарии, как и в целом в стране, одна из самых значимых — присвоение школам, улицам, площадям и скверам имен погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Так, в республике 23 средним общеобразовательным

школам присвоены имена фронтовиков, что составляет 9,4 % от их общей численности. В городском округе Нальчик из 300 улиц 44 (14,6 %) носят имена героев войны (см.: [28; 23]).

Именами героев Великой Отечественной войны — уроженцев Кабардино-Балкарии названы улицы многих городов России, где они принимали участие в боевых действиях. Например, один из них, уроженец станицы Прохладная (ныне — город Прохладный) Арсений Григорьевич Головкин в годы Великой Отечественной войны беспрерывно командовал Северным флотом.

Он под свою ответственность принял решение 17 июня 1941 г. перевести флот в боевую готовность № 2 из-за участвовавших разведывательных вылетов немецкой авиации над базами флота. Под его руководством флот участвовал в обороне Мурманска и всего Советского Заполярья, в обеспечении проводки северных морских конвоев союзников и внутренних конвоев, в боях у берегов Северной Норвегии, в Петсамо-Киркенесской наступательной операции. Имя А. Г. Головкина носит одна из основных магистралей Нальчика, улицы в городах Прохладном, Североморске, Балтийске. Именем «Адмирал Головкин» были названы ракетный крейсер Черноморского флота (в строю в 1962–2002 гг.) и фрегат (спущен на воду в мае 2020 г.) [18; 28].

Одним из значимых коммеморативных знаков в советский период была памятная табличка. В знак уважения и признания заслуг на всех домах ветеранов в г. Нальчике были установлены памятные таблички (с красной звездой) и надписью: «Здесь живет участник Великой Отечественной войны».

Данная традиция была продолжена в постсоветский период. На здании средней школы селения Псыхурей Баксанского района 24 февраля 2014 г. была открыта мемориальная доска в память о преподававшем там русском учителе, ветеране Великой Отечественной войны Леониде Литовченко. На открытие мемориальной доски собрались сотни жителей селения. Пресс-секретарь администрации Баксанского района Арина Килярова отметила: «Односельчане восхищались учителем: жил он в станице Старопавловской Ставропольского края, от которой до селения Псыхурей 11 километров. Это расстояние учитель преодолевал каждый день пешком». Она также сообщила, что это часть программы сохранения памяти о русских учителях, преподававших в районе перед Великой Отечественной войной. Ранее мемориальные доски были открыты в селениях Крем-Константиновка и Верхний Куркужин [5].

В преддверии 71-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне (6 мая 2016 г.) в Майском районе члены Общественной палаты КБР Юрий Колесников, Виктор Скакунков и руководитель аппарата Общественной палаты КБР, депутат парламента республики Татьяна Саенко провели акцию «Ветеран живет рядом». На воротах и фасадах домов, где живут участники Великой Отечественной войны, были установлены таблички с надписью: «Здесь живет участник Великой Отечественной войны» [7].

27 января 2020 г. в Международный день памяти жертв Холокоста в с/п. Малка Зольского района КБР состоялось открытие мемориальных досок Шабану и Лаурсану Ошхуновым — отцу и сыну, проявившим героизм во время Великой Отечественной войны и спасшим семью горских евреев от расстрела немецкими оккупантами [4].

Анализ изученных материалов показал, что подобная форма увековечения памяти погибших в годы войны и ветеранов проводится постоянно в городах, районных центрах и сельских поселениях республики.

Органы государственной власти и местного самоуправления, образовательные учреждения, институты гражданского общества Кабардино-Балкарии большое внимание уделяют сохранению памяти павших в годы Великой Отечественной войны. С привлечением школьников и молодежи ежегодно проводятся мероприятия по обеспечению сохранности мемориальных комплексов и памятников, возведенных в память о погибших в годы Великой Отечественной войны. В 2017 г. благоустроено 238 памятных мест и 107 воинских захоронений. В мероприятиях приняли участие более 3,5 тыс. волонтеров [20].

В рамках реализации мероприятий федеральной целевой программы «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 гг.» Министерством культуры и местными администрациями муниципальных образований КБР в 2019 г. проведены ремонтные (реставрационные) работы и благоустройство воинских захоронений, и нанесены на мемориальные сооружения воинских захоронений по месту захоронения выявленные имена погибших при защите Отечества. Значимым событием в научной и общественной жизни республики стало издание четырех томов Книги Памяти КБР, позволяющих установить общее количество погибших и имена не вернувшихся с войны уроженцев Кабардино-Балкарии. Всего в Книгу Памяти занесены имена более 38 тыс. человек. В ней помещены фотографии памятников, установленных в городах и селах КБР в честь павших земляков. В приложении Книги

имеется карта КБР с обозначением памятников, обелисков и мест захоронений павших воинов, карты оборонительных и наступательных операций советских войск, участвовавших в боевых действиях на территории Кабардино-Балкарии, список госпиталей, находившихся на территории республики.

К 75-летию Великой Победы на сайте Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (www.kbigi.ru) размещена электронная версия Книги Памяти Кабардино-Балкарской Республики в 4-х томах. Вместе с тем составители переизданной Книги Памяти справедливо отмечают, что к настоящему времени выявлены еще не все имена уроженцев Кабардино-Балкарии, погибших в боях и пропавших без вести в Великой Отечественной войне. Это обстоятельство требует продолжения поисковой работы [9, с. 9–10].

Активную поисковую работу проводит Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» (создано в апреле 2013 г.) Движение объединяет более 42 тысяч поисковиков всех возрастов в составе 1428 поисковых отрядов. Региональные отделения движения функционируют в 82 субъектах Федерации, в том числе в Кабардино-Балкарии, которое объединяет более 40 молодых волонтеров-поисковиков. В 2019 г. организация провела 50 мероприятий патриотической направленности. В ходе архивной работы выявлено 155 имен погибших. В результате 20 полевых поисковых выходов обнаружены останки 12 солдат [26].

Существенные возможности для сохранения памяти погибших в годы Великой Отечественной войны имеют фонды музеев. Специальные экспозиции и документальные фонды по истории Великой Отечественной войны традиционно существуют в Национальном музее Кабардино-Балкарской Республики. Большое место в экспозиции музея отведено периоду Великой Отечественной войны и участию в ней народов Кабардино-Балкарии (зал 7). Например, об уроженце г. Прохладного адмирале А. Г. Головко (1906–1962) рассказывается в специальном комплексе, где представлены портрет адмирала и его личные вещи. А. Г. Головко в годы Великой Отечественной войны командовал Северным флотом, в послевоенное время был командующим Балтийским флотом, затем заместителем главнокомандующего ВМФ СССР [18].

Герою Советского Союза летчику А.-Х. Т. Канкошеву (1914–1943), павшему в борьбе с фашизмом, посвящен стенд, где представлены Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя от

23 сентября 1943 г., личные вещи, авиационные приборы, плакат, посвященный его боевым делам, и книга о его подвигах, выпущенная в Нальчике. На счету отважного летчика 15 сбитых и 13 поврежденных самолетов врага. Представлено множество материалов, фотографий о вкладе народов республики в победу в Великой Отечественной войне [18].

Музей обороны Приэльбрусья — филиал Национального музея Кабардино-Балкарской Республики. Он самый высокогорный музей в мире (3500 м над уровнем моря), открыт в 1972 г. в пос. Терскол, ст. «Мир» канатно-маятниковой дороги на г. Эльбрус.

В Приэльбрусье проходил самый высокогорный фронт Второй мировой войны. Горные перевалы Приэльбрусья являлись ближайшими путями в Закавказье, захватить которые планировали гитлеровцы. Отсюда и крайняя напряженность в боях за перевалы, что и нашло отражение в экспозиции музея (всего 270 предметов основного фонда) через фотодокументальные материалы, коллекцию военного советского и немецкого оружия, найденного в горах на местах боев в Приэльбрусье в 1942–1943 гг. Среднее количество посетителей в год — 9000. Уже само расположение музея на такой высоте и в месте, где шли бои, воздействует очень эмоционально на посетителей. Экскурсия охватывает не только экспозиции музея, но и продолжается вне его на фоне горной панорамы.

В книге отзывов посетителей Музея обороны Приэльбрусья десятки тысяч «живых» впечатлений от тех, кто когда-то посетил храм истории героизма и мужества советских солдат, прикоснулся к прошлому, познакомился с музеем. В ней встречаются исключительно теплые отзывы, в которых посетители благодарят создателей музея и его сотрудников за неоценимый вклад в военно-патриотическую воспитательную работу по воспитанию школьников и молодежи [17].

Важным фактором гражданского и патриотического воспитания учащихся являются музеи, созданные в образовательных учреждениях. В настоящее время на базе общеобразовательных учреждений республики функционируют 60 уголков боевой славы, 68 музеев различной тематической направленности, в которых собрано 8660 экспонатов. Для дальнейшего развития школьных музеев, расширения их возможностей в учебно-воспитательном процессе, обмена опытом работы, внедрения новых форм в организации их деятельности создана Ассоциация школьных музеев Кабардино-Балкарской Республики.

Третью группу представляют коммеморации, созданные по инициативе членов семьи, друзей и самих ветеранов, представляя собой

групповую коллективную память о войне. Местами памяти здесь являются воинские кладбища и частные мемориалы на могилах (стелы, обелиски, мемориальные доски с персональными данными и фотографией погибшего на войне) с целью индивидуализировать и персонифицировать память о каждом участнике войны. Сюда же относятся семейные традиции сохранения памяти о войне: хранение солдатских писем с фронта, фотографий, военных сувениров, наград, медалей, посещение мест сражений, захоронений, памятников, возложение цветов к местам памяти, чтение молитв на могилах погибших фронтовиков.

Анализ дневниковых записей фронтовиков и писем с фронта, опубликованных или сохраненных внутри семьи, помогает пролить свет на способы конструирования памяти «снизу-вверх», а также на роль индивидуальной памяти в общем процессе мемориализации.

Значительную работу по сохранению памяти о Великой Отечественной войне проводят институты гражданского общества. В целях сохранения в семье личной памяти о поколении Великой Отечественной войны в 2011 г. в г. Томске по инициативе журналистов Сергея Лапенкова, Сергея Колотовкина и Игоря Дмитрова было создано движение «Бессмертный полк». День 9 мая 2012 г. стал датой рождения движения в его современном виде. Впоследствии это движение стало всероссийским и международным. Для решения главной задачи — сохранения в семье личной памяти о поколении Великой Отечественной войны — созданы сайт «Бессмертного полка», Межрегиональный центр поисковой работы «Бессмертного полка» для оказания помощи людям самостоятельно устанавливать судьбы своих близких, пропавших без вести, погибших во время Великой Отечественной войны, их боевой путь [21; 12].

В день празднования 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в России прошла беспрецедентная по своим масштабам акция «Бессмертный полк». Она стала народной частью Парада Победы и объединила в своих рядах более 12 миллионов человек. Самое крупное шествие, собравшее более 500 тысяч человек, прошло в российской столице — Москве. Колонну «Бессмертного полка» возглавил Президент России В. В. Путин, который нес в руках портрет своего отца-фронтовика. Президент отметил, что «ценность этой инициативы в том, что она родилась не в кабинетах, не в административных структурах, а в сердцах наших людей. Она показывает уважение, которое люди испытывают к старшему поколению. «Бессмертный полк» прошел

в Тюмени, Санкт-Петербурге, Калининграде, Владимире, Грозном, Владивостоке, Южно-Сахалинске, Ставрополе, Севастополе, всего в 1200 городах. Более 40 тысяч жителей Кабардино-Балкарии вместе с главой КБР Юрием Коковым с фотопортретами своих родственников, воевавших в Великой Отечественной войне, прошли 9 мая 2017 г. в Нальчике маршем от площади 400-летия присоединения Кабардино-Балкарии к России до площади Согласия. Акции этого движения в настоящее время охватывает более 80 государств и территорий (см: [21; 8]).

В 2020 году из-за пандемии коронавируса акции, посвященные 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, проходили в онлайн-формате. Для этого в течение нескольких недель был создан ресурс, способный принять огромный поток информации и организовать трансляцию многочасового видеоряда основных акций: «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка», «Лица Победы», «Флаги России», общероссийское исполнение песни «День Победы», «Окна Победы», «Свет Победы», «Песни Победы», «Сад Памяти».

Движение «Бессмертный полк» позволяет установить и сохранить связь новых поколений с погибшими в годы войны, что также продлевает актуальность Дня Победы.

С 2009 г. в День памяти и скорби 22 июня проводится традиционная мемориальная акция «Свеча памяти». В этот день рано утром представители различных общественных организаций, граждане приходят к памятным местам, связанным с событиями Великой Отечественной войны, с зажженными свечами. Ставшая традиционной акция из-за коронавирусной ситуации 2020 г. прошла в ином формате. С 15 июня все желающие на официальном сайте акции могли зажечь онлайн-свечу. Миллионы граждан страны почтили память во время Минуты молчания, которая состоялась 22 июня в 12:15 по московскому времени по всей стране. Основная акция прошла 22 июня в 22:00: в онлайн-режиме все желающие могли зажечь свечу в знак памяти обо всех погибших в период войны [14].

Таким образом, анализ различных форм коммеморативных практик позволяет утверждать, что они оказывают содействие в поддержке в обществе единого отношения к исторической памяти о Великой Отечественной войне, которая остается одним из краеугольных символов единения народов Российской Федерации, и способствуют формированию чувств патриотизма, сохранению духовно-нравственных ценностей подрастающего поколения.

Использованная литература

1. Аллея «75 лет славы и памяти: сотрудники-фронтовики» // Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова. — URL: <https://kbsu.ru/news/istoriko-patrioticheskij-proekt-svetlany-bashievoy/> (дата обращения: 12.05.2020).
2. *Аппаева Ж. М.* Монументальная скульптура Кабардино-Балкарии. — Нальчик : Тетраграф, 2015.
3. *Беседина Е. А., Буркова Т. В.* «Только здесь и нигде более»: особенности мемориальных досок как знаков исторической памяти // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / под ред. А. Ю. Дворниченко. — СПб : Нестор-История, 2018. — С. 222–225.
4. В КБР увековечили память семьи, спасавшей в войну евреев // РИА «Кабардино-Балкария». — URL: <http://kbrria.ru/obshchestvo> (дата обращения: 12.04.2019).
5. В селении Псыхурей открыли мемориальную доску в память о русском учителе // РИА «Кабардино-Балкария». — URL: <http://kbrria.ru/obshchestvo/v-selenii-psyhurey-otkryli-memorialnuyu-dosku-v-pamyat-orusskom-uchitele-1629> (дата обращения: 12.03.2020).
6. *Грибан И. В., Зданович В. В., Савчук Т. П.* Историки в диалоге: опыт реализации проекта «Память о Великой Отечественной войне: направления, тенденции, практики мемориализации в Беларуси и России» // Педагогическое образование в России. — 2020. — № 2. — С. 21–28 (дата обращения: 23.06.2020).
7. Информация Общественной палаты КБР // Общественная палата КБР. — URL: <http://опкбр.рф> (дата обращения: 12.04.2020).
8. Информация о шествии «Бессмертного полка» в КБР // Глава КБР. — URL: <http://glava.kbr.ru/> (дата обращения: 23.03.2019).
9. Книга Памяти: Российская Федерация. Кабардино-Балкарская Республика. В 4-х тт. / ред. коллегия : К. Ф. Дзамихов (председатель) и др. ; сост. О. Л. Опрышко, А. И. Тетуев, Х. А. Атабиев. — Нальчик : Эльбрус. 2014. Т. 1.
10. *Лесев В. Д.* Поиск продолжается. — Нальчик : Эльбрус, 1975.
11. *Малинова О. Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. — 2017. — № 4. — С. 6–22.
12. Международное движение «Бессмертный полк» // Бессмертный полк. — URL: <http://moypolk.ru/> (дата обращения: 24.10.2019).

13. Международный военно-исторический фестиваль «Заоблачный фронт 2017» // РИА «Кабардино-Балкария». — URL: <http://kbrria.ru/obshchestvo/uchastniki-festivalya-zaoblachnyy-front-gotovyatsya-k-rekonstrukcii-boev-v-prielbruseh> (дата обращения: 24.10.2019).
14. Международный мемориальный центр «Свеча памяти». Официальный сайт // Свеча памяти. — URL: <http://svecha-pamyati.ru/> (дата обращения: 23.03.2019).
15. Методологические вопросы изучения политики памяти : сб. науч. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. — М. — СПб. : Нестор-История, 2018.
16. Мокаев Т. В. Горными и полевыми тропами по местам боевой славы // РИА «Кабардино-Балкария». — URL: <http://kbrria.ru/blogi/tengiz-mokaev/> (дата обращения: 23.03.2019).
17. Музей обороны Приэльбрусья. Официальный сайт // Национальный музей КБР. — URL: <http://museum-kbrglav.ru/visitors/muzey-oboronyi-prielbrusya/> (дата обращения: 12.04.2020).
18. Национальный музей Кабардино-Балкарской Республики. Официальный сайт // Национальный музей КБР. — URL: <http://museum-kbrglav.ru/> (дата обращения: 12.04.2020).
19. Отчет о деятельности местной общественной организации ПО «Мемориал-Эльбрус» с/п. Эльбрус Эльбрусского района Кабардино-Балкарской Республики за период с 2012–2020 гг. // Rusprofile. — URL: <https://www.rusprofile.ru/id/9394806> (дата обращения: 12.04.2020).
20. Отчет о ходе реализации и оценке эффективности подпрограммы «Патриотическое воспитание граждан в Кабардино-Балкарской Республике государственной программы Кабардино-Балкарской Республики «Развитие образования в Кабардино-Балкарской Республике» // Правительство КБР. — URL: <http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minobr/> (дата обращения: 12.04.2019).
21. Официальный сайт гражданской инициативы РПОО «Бессмертный полк». Москва // Бессмертный полк — Москва. — URL: <http://paradm-sk.ru/about-us> (дата обращения: 23.03.2020).
22. Перечень объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Кабардино-Балкарской Республики, зарегистрированных в Едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (на 09.01.2019 г.) // Правительство КБР. — URL: <http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/uprkulnasediya/> (дата обращения: 23.05.2020).
23. Полевой материал автора. Экспедиция в города, районные центры, населенные пункты Кабардино-Балкарской Республики. (Информаторы:

- Шихобахов М. Х.*, 07.01.1943 г.р., председатель Кабардино-Балкарской республиканской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов. Записано 20.05.2020 г. в г. Нальчике; *Абдуллаев М. К.*, 1933 г. р., председатель Нальчикской городской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов. Записано 24.05.2020 г. в г. Нальчике.)
24. *Прасолов Д. Н.* Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // *Неприкосновенный запас*. — 2017. — № 2. — С. 67–82.
 25. *Путин В. В.* Историческая память создает единую и неделимую российскую нацию // *Президент РФ*. — URL: www.kremlin.ru/events/president/news/49442 (дата обращения: 20.03.2020).
 26. Региональное отделение ООД «Поисковое движение России» в Кабардино-Балкарской Республике // *Поисковое движение России*. — URL: <https://ok.ru/poiskkbr/topics> (дата обращения: 12.04.2020).
 27. *Смирнова Н.* Эльбрус. Война. Огненный рубеж за облаками // *Клуб 7 вершин*. — URL: <https://7vershin.ru/articles/all/item/> (дата обращения: 12.04.2019).
 28. Список улиц г. Нальчика // *Города России*. — URL: https://city-address.ru/region-7_nalchik/all-street/ (дата обращения: 12.04.2020).
 29. *Тарим А.* На Эльбрусе открыт памятник воинам-защитникам Приэльбрусья и Главного Кавказского хребта // *Эльбрусский муниципальный район КБР*. — URL: <https://el.adm-kbr.ru/index.php/chitat-vse/> (дата обращения: 12.04.2019).
 30. *Тетуев А. И.* Отечественная историография об участии народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // *Вестник Калмыцкого Института гуманитарных исследований РАН*. — 2015. — № 4. — С. 54–61.
 31. *Тилова Ф. Ч.* Мемориал Эльбрус 1945–2015. — Нальчик : Издательство М. и В. Котляровых, 2015.
 32. *Тхакахов В. Х.* Топонимическая трансформация идентичности и памяти в КБР // *Научная мысль Кавказа*. — 2018. — № 4. — С. 73–80.
 33. Указ Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 г. «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи» (в редакции от 21 апреля 1997 г.) // *Президент России*. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9359> (дата обращения: 12.04.2020).
 34. Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ (ред. от 24 апреля 2020) «О днях воинской славы и памятных датах России» // *Гарант*. — URL: <http://base.garant.ru/3985837/#block> (дата обращения: 12.04.2020).

35. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (с изменениями и дополнениями от 22 августа 2004 г., 9 февраля 2009 г., 4 ноября 2014 г., 2 декабря 2019) // Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7872> (дата обращения: 12.04.2020).
36. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1890.

Alim I. TETUYEV

Dr. Sci. (National History), Leading Researcher,
Sector for Contemporary History, Institute for Humanitarian
Research — Branch of the Kabardin-Balkar Scientific Center,
Russian Academy of Sciences, Nalchik, Nalchik,
Kabardin-Balkar Republic, Russia
alim-tetuev@mail.ru

**Memory of the Great Patriotic War:
Practices of Memorialization
(on the Materials of the Kabardino-Balkaria)**

The article examines the practice of perpetuating the memory of the Great Patriotic War and its heroes on the example of the Kabardino-Balkaria.

The experience of state, municipal authorities and civil society institutions in the formation of commemorative practices at the federal, regional, municipal and family levels is generalized. The places of memory in the Kabardino-Balkaria have been identified and investigated: military cemeteries, mass graves, memorial places of military operations of the soldiers of the Red Army, memorial plaques, memory books, museums of military glory, as well as streets, squares, schools named after the heroes of the Great Patriotic War.

There is generalized the experience of the work of state, municipal authorities and civil society institutions in the search and establishment of the names of the victims, the burial of their remains, the improvement of monuments, the reconstruction of the events of the war years that took place in the 1942–1943 in the Elbrus region.

The analysis of the studied problem showed that commemorative practices create conditions for preserving the memory of the Great Patriotic War and consolidating society.

Keywords: *The Great Patriotic War, memorialization, days of military glory and sorrow, state authorities, civil society institutions, search work.*

А. Х. Абазов*
Д. Н. Прасолов**

Исторические символы в этнополитической коммуникации в Кабардино-Балкарии в начале XXI в.

Актуальность темы доклада заключается в необходимости научного осмысления особенностей влияния коммеморативных образов на динамику современного общественно-политического дискурса (Кенделенские события сентября 2018 г., перманентное воспроизводство титульными народами республики травматической памяти о Кавказской войне и сталинской депортации, предстоящее празднование 100-летия государственности Кабардино-Балкарии и т. п.). Совокупность используемых принципов и методов исследования, а также приемов институционального и междисциплинарного подходов позволяет установить, как власть и общество используют исторические символы в настоящее время, в каких этнополитических стратегиях они эксплуатируются, как юбилейные события становятся памятными датами и т. п.

Ключевые слова: кабардинцы, балкарцы, черкесы, Кабардино-Балкарская Республика, исторические символы, историческая память, историческое сознание, идентичность, коммеморативные практики, историческая политика, Кавказская война, депортация, политический процесс, этнополитическая коммуникация.

Историческая память и разнообразные коммеморативные стратегии являются существенным фактором социально-политического и социокультурного развития современной Кабардино-Балкарии, обеспечивая различные уровни общественной солидарности и этнической мобилизации. В идеологическом обосновании коммемораций принимают активное участие представители национальной гуманитарной интеллигенции. Под воздействием постсоветских трансформаций в их взглядах нашли отражение постколониальное переосмысление исторического прошлого и поиски новых конструктов национальной идентичности.

* АБАЗОВ Алексей Хасанович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований — филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия. Электронная почта: alex_abazov@list.ru.

** ПРАСОЛОВ Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий сектором этнографии и этнологии Института гуманитарных исследований — филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия. Электронная почта: dmprasolov@gmail.com.

К настоящему времени сложилась обширная область междисциплинарных знаний *memory studies*, в которых глубоко разработаны методологические подходы к исследованию репрезентаций прошлого в политике, культуре и социальной практике (см.: [2; 4; 5; 8; 11; 12]). При активном обсуждении этических аспектов исторической политики и ее практической целесообразности в формировании образов желаемого прошлого для управления социальными процессами никто из авторов не отрицает факта осуществления. Поэтому по-прежнему ощущается недостаток эмпирических исследований, обращенных к проблемам региональной и даже локальной исторической политики. Важным и перспективным направлением представляется *public history*, которое ориентировано на анализ прикладных аспектов реализации коммеморативных практик и исторической политики [7].

В. А. Шнирельман внес значительный вклад в исследование роли исторической мифологии в формировании современных национальных идентичностей народов Кавказа. После выхода его фундаментальных монографий (см.: [13; 14]) интерес к историческим образам в практической политике в многонациональных регионах Кавказа не ослабевает, усиливаясь актуальной социально-политической повесткой.

Некоторые аспекты репрезентации образов прошлого в социально-политическом пространстве Кабардино-Балкарии рассмотрены в публикациях А. Х. Абазова, Д. Н. Прасолова, В. Х. Кажарова [3], Д. Я. Рахаева [6], А. Т. Урушадзе [10], В. Х. Тхакахова [10], Т. Х. Алоева [1].

Однако формы влияния исторических символов на этнополитическую коммуникацию в КБР в начале XXI в. к настоящему времени не получили комплексного исследования.

В коммеморативных репрезентациях наиболее выражены апелляции к историческим травмам и современным интерпретациям традиционализма, чрезвычайно престижного в региональном культурном контексте. Важнейшими средствами их воспроизводства и межпоколенной трансляции выступают массовые мемориальные мероприятия и сетевые сообщества.

Учитывая, что наиболее значимые коммеморации связаны с травматическим опытом Кавказской войны, депортации балкарского народа, связанные с ними практики структурируют этнические идентичности, но не консолидируют гражданские, общероссийские. Публичные практики, связанные с памятью о Кавказской войне, апеллируют к историческим представлениям, которые по многим параметрам не совпадают

с академическими нарративами о причинах и целях, хронологии и содержании, и, главное, оценке последствий Кавказской войны. На этой основе возникает феномен «отрицания прошлого», который проявляется в избирательности памяти определенных этносоциальных групп, создающей определенный фактор риска в обеспечении солидарности и стабильности в полиэтничном этнокультурном пространстве КБР.

Примеров игнорирования этого обстоятельства в общественной жизни Кабардино-Балкарии немало. Культурно-возрожденческие процессы и идеализация традиций в 1990-е органично уживались с исламским возрождением.

Интенсивность и разнонаправленность коммеморативных стратегий не избежали драматических столкновений в интерпретации прошлого. Одними из наиболее конфликтных эпизодов этих процессов стали дискуссии об этнических границах, связанные с попыткой раздела республики на кабардинскую и балкарскую в 1991–1992 гг., обострением пастбищного вопроса в 2000-х гг. и рост межнациональной напряженности в связи с празднованием в 2008 г. 300-летия Канжальской битвы и в 2009 г. — 180-летия первовосхождения на Эльбрус. В сентябре 2018 г. противостояние кабардинских и балкарских активистов, мотивированных несопоставимыми представлениями о Канжальской битве 1708 г., у сел. Кенделен имело прямое политическое последствие — смену главы республики. Эти события наглядно продемонстрировали опасность пренебрежения экспертизой социально-политических последствий коммеморативных практик.

В 2021–2022 гг. федеральными властями запланировано празднование 100-летия государственности Кабардино-Балкарии в составе российского государства. Подготовка проведения этого юбилея может создать конструктивные возможности для укрепления межнационального согласия и политической стабильности в республике. Однако это потребует аккуратного обращения с сопутствующей празднованию исторической символикой.

Отчетливость коммеморативных мотивов Кенделенских событий в КБР в сентябре 2018 г., фактор регулярного воспроизводства государствообразующими этносами республики травматической памяти о Кавказской войне и сталинской депортации, а также предстоящее в ближайшие годы масштабное празднование 100-летия государственности сохраняют актуальность изучения роли образов прошлого в социальной практике Кабардино-Балкарии.

Полагаем, что изучение исторической символики в этнополитическом процессе в Кабардино-Балкарии в начале XXI в. во многом позволит актуализировать потенциал регионального экспертного сообщества для мониторинга этнополитической ситуации с целью преодоления сохраняющейся дистанции между практической политикой и фундаментальными и прикладными научными разработками в области *memory studies*.

Использованная литература

1. *Алов Т. Х., Бунькова Ю. В., Жанситов О. А.* Растекающееся беспмятство, или Размышления о “местах забвения” в Кабарде // Диалог со временем. — 2018. — № 65. — С. 165–175.
2. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016.
3. *Кажаров В. Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. — Нальчик : КБИГИ, 2012.
4. *Миллер А.* Историческая политика в Восточной Европе // Ист. политика в XXI в. : сб. ст. / под ред. А. Миллера и М. Липман. — М. : Нов. лит. обозрение, 2012. — С. 7–32.
5. *Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад* / под ред. Л. П. Репиной. — М. : Круг, 2010.
6. *Рахаев Д. Я.* Анализируя травму: историография депортации карачаевцев и балкарцев как форма культурной памяти // Люди и тексты. Исторический альманах. — 2014. — № 5. — С. 350–380.
7. *Репина Л.* Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2015. — № 3. — С. 55–67.
8. *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности* / под ред. Л. П. Репиной. — М. : Аквилон, 2017.
9. *Тхакахов В. Х.* Топонимическая трансформация идентичности и памяти в КБР : Нальчик // Научная мысль Кавказа. — 2018. — № 4. — С. 73–80.
10. *Урушадзе А. Т.* Помнить-нельзя-забыть: Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // Политическая наука. — 2018. — № 3. — С. 106–128.
11. *Франция-память* / пер. с фр. Д. Хапаевой. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.
12. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. — М. : Новое издательство, 2007.

13. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. — М. : Новое литературное обозрение, 2006.
14. Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. — М. : ИКЦ «Академкнига», 2003.

Alexey Kh. ABAZOV

Doct. Sci. (National History), Leading Researcher,
Sector for Medieval and Modern History, Institute for Humanitarian
Research — Branch of the Kabardin-Balkar Scientific Center,
Russian Academy of Sciences, Nalchik,
Kabardin-Balkar Republic, Russia
alex_abazov@list.ru

Dmitry N. PRASOLOV

Cand. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology),
Head, Department for Ethnography and Ethnology,
Institute for Humanitarian Research — Branch of the
Kabardin-Balkar Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Kabardin-Balkar Republic, Russia
dmprasolov@gmail.com

**The Historical Symbols
in the Ethnopolitical Communication in the Kabardian-Balkaria
at the Beginning of the 21st Century**

The relevance of the topic of the report lies in the need for scientific understanding of the peculiarities of the influence of commercial images on the dynamics of modern socio-political discourse (the Kendelen events of September 2018; permanent reproduction by the title peoples of the republic of traumatic memory of the Caucasian War, of Stalinist deportation; upcoming celebration of the 100th anniversary of the statehood of Kabardino-Balkaria, etc.). The combination of the principles and methods of research used, as well as the techniques of institutional and interdisciplinary approaches, makes it possible to establish how the authorities and society use historical symbols at present, in which ethnopolitical strategies they are exploited, how anniversary events become memorable dates, etc.

Keywords: Kabardians, Balkars, Circassians, Kabardian-Balkar Republic, historical symbols, historical memory, historical consciousness, identity, commemorative practices, historical policy, Caucasian war, deportation, political process, ethnopolitical communication.

Н. Г. Соловьёва*

Монументальные комплексы Карачаево-Черкесии как ресурс сохранения исторической памяти

В статье рассматриваются монументальные комплексы Карачаево-Черкесии, ее крупных административных центров — Черкесска, Карачаевска, Усть-Джегуты. Исследуя их состав и тематическое наполнение, следует отметить, что центральные площади устроены однотипно — по принципу парков с преобладанием древесного озеленения и имеют разнообразное тематическое наполнение (памятники разных времен и тематик). Встречаются и самостоятельные, тематически ориентированные комплексы, расположенные как в зоне городской черты, так и непосредственно вблизи нее. Особая актуальность исследования монументальных комплексов Карачаево-Черкесии определяется выявлением проблем, мешающих их развитию, а также поиском путей формирования современной эстетико-культурной среды проживания, где морально-нравственная основа визуального восприятия окружающего пространства является основой для передачи исторической памяти будущим поколениям. Региональные монументальные комплексы должны, как и прежде, служить ресурсом, обеспечивающим решение данной проблемы.

Ключевые слова: монументальные комплексы, тематическое наполнение, Карачаево-Черкесия, административные центры, ресурс, историческая память.

Монументальные комплексы Карачаево-Черкесской Республики разнообразны. Наиболее типичные из них представлены в крупных городах — административных центрах, таких как Черкесск, Карачаевск, Усть-Джегута. К ним относятся центральные площади с целым рядом памятников, а также скульптурных композиций, компактно расположенных в парковой зоне, иногда разделенных друг от друга при помощи приемов ландшафтного дизайна — древесного озеленения. На территории Карачаево-Черкесии имеет место быть и наличие самостоятельных, тематически ориентированных комплексов как в зоне городской черты, так и непосредственно вблизи нее, а также удаленно. Исследование этих монументальных комплексов актуально в свете формирования не только благоприятной, удобной среды проживания и отдыха российского населения, но и в целях формирования высококонвальной молодежи,

* СОЛОВЬЕВА Наталья Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующей отделом этнологии и искусства народов Карачаево-Черкесии Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия. Электронная почта: soloviova_n31@mail.ru.

воспитанной на уроках сохранения исторической памяти народов, населяющих Российскую Федерацию. При этом существует определенная проблема — отсутствие исчерпывающих историко-культурных сведений как об отдельных памятниках, так и комплексах в целом, а также сводной региональной статистики по обозначенному вопросу.

Составить мнение об общей картине формирования монументальных комплексов Карачаево-Черкесии позволит анализ таковых в крупных населенных пунктах, в частности в городах. Так, в республиканском центре — городе Черкесске — имеется много культурных памятников, некоторые из которых за последнее время обзавелись небольшими благоустроенными парковыми зонами и удобными местами отдыха с лавочками и фонтанами. Несмотря на то что Черкесск со дня своего основания (1803) являлся станицей Баталпашинской, затем он приобрел статус города Баталпашинск. С 1936 по 1937 гг. он являлся городом Сулимов [6, с. 8]. Имея богатую историю своего развития, в частности, отразившуюся на его переименовании, с 1931 г. он был и остается городом Черкесском, имеющим несколько монументальных комплексов, отличающихся разными параметрами и характеристиками.

Говоря о современных монументальных комплексах, нельзя не отметить, что к ним можно отнести как комплексы с наличием нескольких памятников одной, так и нескольких тематик своего наполнения.

В годы советской власти на всем пространстве страны шло формирование культурных объектов в строгом соответствии с утвержденным планом застройки населенного пункта и расположения таковых в них, в первую очередь, это касалось памятников идеологической направленности — памятников вождям, которые располагались перед государственными учреждениями на площади, окаймленной парковой зоной. Не исключением стал и Черкесск, в центре которого находится площадь Ленина с возвышающимся на ней памятником В. И. Ленину. Здесь находятся также памятники Кириллу и Мефодию, выдающимся личностям республики, а также скульптурный обелиск участникам Великой Отечественной войны. Следует отметить, что первый памятник В. И. Ленину воздвигнут в Черкесске еще в январе 1924 г. [7, с. 107] Затем он был заменен на бронзовую скульптуру, которая находится и сегодня на одноименной площади. Это главная экспозиция городского монументального комплекса. При этом многослойность тематического наполнения центральной площади Черкесска не мешает говорить о его целостности. Формируясь на протяжении не одного десятилетия, тематическое раз-

нообразии стало отражением всех тех исторических событий, которые произошли в стране. Они постепенно нашли свое отражение в этом культурном объекте городского пространства. Расположение их в относительной удаленности друг от друга (несколько десятков метров) позволяет воспринимать историко-культурную информацию в полном объеме, а разбавление этого культурного массива посредством зеленых насаждений разбитого здесь же парка определяет еще одно назначение монументального комплекса — досуг жителей республиканской столицы. За центральной частью площади действует многоярусный фонтан округлой формы, являясь как бы объединяющим звеном, от которого идут благоустроенные дорожки в разные зоны монументального комплекса. Несмотря на компактность размещения памятников, данный комплекс не диссонирует с общей концепцией формирования зон отдыха горожан — знакомство с историей и сохранение ее в памяти новых поколений.

Обновленный «Зеленый остров» Черкесска как самостоятельный обширный культурно-досуговый комплекс в пределах городской среды состоит из нескольких зон. Куполообразная каменная арка, встречающая посетителей парка отдыха «Зеленый остров», имеет продолжение в виде длинной спускающейся вниз лестницы с высокими перилами. Облагороженные дорожки с удобными лавочками расположены в разных зонах комплекса. Часть его занимает Аллея героев, на которой располагаются бюсты участников войн — Великой Отечественной и Афганской, компактно представлена военная техника (пушка, зенитно-ракетное орудие). Расположение Аллеи героев в форме буквы «Т» удачно для созерцания скульптур как объектов художественного мастерства, а также восприятия информации, нанесенной на мраморные плиты внизу бюстов.

Современным монументальным мемориалом Черкесска является также комплекс, посвященный Великой Отечественной войне, возведенный в 2000х гг. по инициативе местных ветеранов. Участник Великой Отечественной войны Михаил Бобрышев отмечал важность создания комплекса: «Это память для будущих поколений молодежи, для жителей нашего города и республики. Мы и наши правнуки будем приходить сюда, чтобы почтить память своих земляков, отдавших жизнь в этой священной войне, самой кровопролитной в истории человечества. И тогда не прервется связь времен» [1].

Площадь мемориального комплекса составляет более 800 квадратных метров. Центральным элементом комплекса является фигура

советского солдата. Этот образ создан художниками из Российского военно-исторического общества. Участник торжественной церемонии открытия мемориала Николай Байзентинов отмечал, что «если смотреть на памятник фронтально, кажется, будто боец идет в атаку. Если взглянуть на него сбоку, то мы видим воина, преклонившего колено в память о друзьях» [1].

Вокруг скульптуры установлено 12 плит по числу муниципальных районов и городов Карачаево-Черкесии. На них указаны сведения о погибших, пропавших без вести и умерших в годы Великой Отечественной войны. По внешнему периметру располагаются 176 плит, на которых выгравированы имена солдат, призванных из военкоматов Черкесска и не вернувшихся с войны. У подножия центральной композиции горит вечный огонь, имеется выступ для возложения цветов.

Сама площадь вымощена тротуарной плиткой. Она находится как бы в углублении, что создает особую атмосферу тематического наполнения. Здесь проводятся «вахты памяти» подрастающего поколения, уроки, посвященные Великой Отечественной войне, и другие массовые мероприятия городского и республиканского значения. Следует отметить, что это, пожалуй, единственный открытый за последнее время мемориальный комплекс, соответствующий как внешнему, так и внутреннему наполнению и используемый исключительно для сохранения исторической памяти.

Наиболее известным мемориальным комплексом Карачаево-Черкесии, да и всего Северного Кавказа, является архитектурный ансамбль, посвященный защитникам перевалов Кавказа периода Великой Отечественной войны, сочетающий в себе мемориальный комплекс с музейной экспозицией (вблизи города Карачаевска). Его торжественное открытие состоялось 2 ноября 1968 г. [7, с. 243] в ознаменование 50-летия комсомола, так как основные средства на его возведение были собраны местной молодежью. Архитекторы В. Давитая и А. Чиковани являются авторами мемориала. Комплекс расположен на территории общей площадью 1,12 га. Здесь находится также братская могила 150 неизвестных советских воинов, героически погибших при защите Клухорского, Марухского, Санчарского и других перевалов Кавказа.

Конструктивно комплекс наиболее сложен, включает несколько художественно исполненных объектов: сам музей в виде дзота (хорошо укрепленного каменного укрепления, уходящего вглубь земли), а также две массивные плиты — стелы-бойницы, перпендикулярно

встроенные в противоположную дзоту скалу. Вниз от них расположены каменные выступы в виде высоких квадратов, которые по мере приближения к главному входу музея становятся ниже, меньше по размеру. Бетонные надолбы олицетворяют противотанковые сооружения и символизируют неприступность Кавказа. Здесь же находится Вечный огонь.

У входа в музей на небольшой смотровой площадке находится зенитное орудие. Площадь экспозиции музея составляет 110 квадратных метров. В музее представлены материалы, рассказывающие о воинах Советской Армии — героях, защищавших Майкоп, Краснодар, Орджоникидзе, Новороссийск, Туапсе и другие города Кавказа. Среди музейных экспонатов личные вещи, реликвии, фотографии и документы видных военачальников битвы за Кавказ: дважды Героя Советского Союза маршала А. А. Гречко (министр обороны СССР в 1967–1976 гг.), Героя Советского Союза, полного кавалера Георгиевского креста, генерала армии И. В. Тюленева, Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Ф. Д. Захарова, генерал-майора Л. И. Буинцева и других [3].

Следует отметить, что данный мемориальный комплекс разделен оживленной федеральной трассой, ведущей в туристско-рекреационную зону Домбай — Теберда — Архыз, что, однако, не мешает, а даже способствует восприятию его как одного целого — проезжающие могут наблюдать его с двух сторон. Представленный фактический материал в указанном мемориальном комплексе и само его визуальное исполнение, безусловно, содействует сохранению исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Карачаевск, именовавшийся до 1944 г. Микоян-Шахаром, а до 1957 г. — Клухори, городом стал с 1929 г. [4, с. 108]. Сегодня в городе Карачаевске, являющимся административным центром одноименного района, находится типичная площадь Ленина с его памятником во главе, где проходят все официальные мероприятия, массовые гуляния. Каскад ступеней, ведущих к ней и главному административному строению, открывает как бы широкий путь на небольшое возвышение, с которого по обе стороны располагаются памятные доски с именами достойных жителей города и района, героев Великой Отечественной войны, а также жертв политических репрессий. Несомненно, что данный мемориал, хотя и состоящий из разного тематического наполнения, все же не теряет своей актуальности в сохранении и передаче исторической памяти молодежи.

Следует отметить, что данный комплекс, как и многие другие, окаймлен парком, в котором преобладают хвойные деревья. Дорожки благоустроены, имеются удобные лавочки для отдыха. Рядом с площадью пролегает главная автодорога города, которая, делая круг, огибает памятник, посвященный образу Горянки, являющийся визитной карточкой Карачаевска. Он изготовлен из местного известняка и имеет меловую белоснежную основу, удачно подчеркивающую женскую стать на фоне высоких вечнозеленых деревьев центрального парка.

Город Усть-Джегута со дня основания (1861) являлся станицей, с 1975 г. приобрел статус города. Сегодня в этом городе, являющегося центром одноименного района, также находится площадь Ленина. Его памятник смотрит на административное здание через расположенную у его подножия площадь. За спиной находится густой парк, состоящий из смешанных деревьев. Центром мемориального комплекса, расположенного в нем, является стела с высеченными в камне солдатами Великой Отечественной войны. Мрамор красноватого оттенка переходит на шлифованный гранит плит помоста Вечного огня, куда в дни празднеств жители республики возлагают цветы. Справа от него — по обеим сторонам от вымощенной тротуарной плиткой дорожке находятся поклонные камни участникам Афганской войны. По широкой аллее, ведущей к центральному памятнику, разграниченному цветником, установлены плиты с указанием уроженцев города — участников Великой Отечественной войны, погибших на фронтах сражений. Мемориальный комплекс военной тематики располагается на небольшой насыпи, которая выравнивает ландшафт парка по уровню памятника В. И. Ленина. С тыльной стороны стелы располагается православная церковь Архангела Михаила (XIX в.). Каменная ограда не мешает созерцать стелу белокаменной церкви, слышать перезвон церковных колоколов. Рядом, в двадцати метрах от церкви, находится средняя образовательная школа. Напротив мемориального комплекса располагается головное отделение почты России, а также жилые многоэтажные дома, сеть торговых точек.

Таким образом, в городе Усть-Джегуте один комплекс соседствует с другим, при этом четкой границы разграничения не существует. Они живут как бы параллельной жизнью: площадь Ленина — светской, официальной, массовой; парковый комплекс с военным тематическим наполнением — кулуарно, с наибольшим оживлением культурной жизни в дни памяти воинов Великой Отечественной и Афганской войн. При этом наличие мест отдыха — лавочки и беседки, многочисленные до-

рожки — объединяют весь спектр культурных объектов этого мемориального комплекса. Однако плотность их расположения очевидна, что, скорее всего, свидетельствует о необходимости сооружения нескольких тематически ориентированных мемориальных комплексов в пределах городской среды. Эти меры, несомненно, будут содействовать сохранению исторической памяти у подрастающего поколения.

Другим мемориальным комплексом индустриального периода российской истории можно считать группу скульптур разнорабочих, масштабных по своему исполнению, расположенных на главном водосбросе водохранилища в городе Усть-Джегуте. Именно в Усть-Джегуте из Кубани берет начало Большой Ставропольский канал [5, с. 22]. Скульптуры сварщика с приподнятым щитком для лица, держащего в руках сварочный аппарат, и разнорабочей в косынке, в типичной рабочей одежде во весь рост, располагаются на специальной площадке с правой стороны от главного водосброса. Они хорошо просматриваются при движении по автотрассе со стороны поселка Тепличный. Попадая в фокус зрения, монументальные скульптуры постепенно приобретают свою масштабность, вызывая тем самым восторг и восхищение, памятью об огромных затраченных силах рабочих, отданных при строительстве данного социального объекта — водохранилища, столь важного не только для республики, но и региона в целом. Широкополосный мост, недавно возведенный на высоких сваях рядом со старой дорогой, приподнимает ее и приближает к обзору мемориального комплекса. Следует отметить, что он является одним из немногочисленных памятников периода индустриализации, расположенный в Карачаево-Черкесии. Жаль, если в процессе модернизации экономики региона, усовершенствования его инфраструктуры, направленной на улучшение жизни граждан, данный комплекс монументальных памятников будет утрачен.

Таким образом, монументальные комплексы Карачаево-Черкесии имеют типичные характеристики. Центральные площади крупных городов разного тематического наполнения (памятники разных времен и тематик) устроены по принципу парков, которые, в свою очередь, отдают предпочтение большим формам — древесному озеленению. Ландшафт часто подстраивается под окружающую среду, предпочтение отдается естественному природному стилю. При этом северокавказский город не следует рассматривать как «нечто застывшее», устоявшееся и вполне сложившееся, а как «город-процесс», где каждое новое десятилетие вносит существенные изменения в экономику и социальную структуру

населенного пункта» [2, с. 192], а также в его архитектуру, культурное пространство в целом. Современные веянья монументального искусства, хотя и находят слабое проявление в нем, но при активном участии региональных властей в разнообразных федеральных программах следует ожидать применение новых форм, дизайнерских решений не только в благоустройстве городской среды, но и строительстве новых мемориальных комплексов, столь необходимых жителям Карачаево-Черкесии.

Формирование эстетико-культурной среды проживания российского населения невозможно без развития региональных монументальных комплексов. Морально-нравственная основа визуального восприятия окружающего пространства важна в целях передачи исторической памяти, то есть соответствующих знаний будущим поколениям непосредственно через монументальные комплексы городской среды. Они, имея общую динамику развития, сегодня активно используются как ресурс сохранения исторической памяти и должны выполнять эту функцию и в будущем.

Использованная литература

1. Героям былых времен // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2018/05/24/reg-skfo/v-cherkesske-poiavilsia-memorial-voinam-velikoj-otechestvennoj-vojni.html> (дата обращения: 29.07.20).
2. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. (К проблеме развития капитализма вширь) / ред. изд-ва Е. Д. Евдокимова. — М. : Наука, 1981. — С. 192.
3. Музей-памятник защитникам перевалов Кавказа. [Электронный ресурс] // Музей Карачаево-Черкесской Республики. — URL: <https://museumkchr.ru/branches/19-muzej-pamjatnik-zaschitnikam-perevalov-kavkaza.html> (дата обращения: 29.07.2020).
4. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 8. Ит — Кл. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2004. — С.108.
5. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 19. Ун — Че. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. — С. 22.
6. Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 20. Че — Я. — М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. — С. 8.
7. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Советский период / ред. кол.: Р. Х. Джанибекова, И. Х. Калмыков, К. Т. Лайпанов, Д. А. Напсо, М. И. Овчинникова. Т. 2. — Черкесск : Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 1972.

Natalia G. SOLOVYEVA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Head, Department for Ethnology and Art of Peoples of the
Karachay-Circassian Republic, Institute for Humanitarian Studies under
the Government of the Karachay-Circassian Republic, Cherkessk,
Karachay-Circassian Republic, Russia
soloviova_n31@mail.ru

Monumental Complexes of Karachay-Circassia as a Resource of Preserving Historical Memory

The article discusses the monumental complexes of Karachay-Cherkessia, its major administrative centers — Cherkessk, Karachaevsk, Ust-Jeguta. Examining their composition and thematic content, it should be noted that the Central squares are arranged in the same way — on the principle of parks with a predominance of tree gardening — and have a variety of thematic content (monuments of different times and themes). There are also independent, thematically oriented complexes located both in the zone of the city line and directly near it. The special relevance of the study of the monumental complexes of Karachay-Cherkessia is determined by identifying challenges to their development, as well as the search for a modern aesthetic-cultural environment where the moral basis of visual perception of space is the basis for transmitting historical memory to future generations. Regional monumental complexes should, as before, serve as a resource that provides a solution to this problem.

Keywords: *monumental complexes, thematic content, Karachay-Cherkessia, administrative centers, resource, historical memory.*

*Е. С. Студеникина**

«Аврора» и «Фантомас»: монумены в городском фольклоре Краснодара

Памятники (в том числе монумены) являются неотъемлемой частью современного городского пространства. В городской среде они выполняют разные функции: структурируют территорию, являются местами встреч, привлекают внимание к району

* СТУДЕНИКИНА Елена Станиславовна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия, el.studenikina@yandex.ru.

и иногда идентифицируют его, а также становятся объектами культурного творчества горожан. Каждый город имеет свой набор шуток, примет, легенд о тех или иных достопримечательностях. В городском фольклоре Краснодара мы можем встретить подобное отношение к скульптуре около кинотеатра «Аврора» и монументу «Рабочему-созидателю» (получившему у горожан прозвище «Фантомас»). За более чем 50 лет существования этих памятников в городе они стали героями анекдотов и историй и практически были «очеловечены» местными жителями.

Ключевые слова: памятник, монумент, символ, городской фольклор, городская среда.

Современный город трудно представить без монументов. Зачастую мы узнаем местность не столько по архитектуре, сколько по памятникам, которые там находятся.

Чаще всего внимание отечественных ученых привлекают военные мемориалы. Они есть практически во всех городах нашей страны и имеют серьезную эмоциональную составляющую [3].

Исследуя военные мемориалы, А. В. Ваньке и Е. В. Полухина предлагают выделять два понятия, связанных с метафорой «место». Первое понятие — «место памяти», введенное в научный оборот французским историком П. Нора. В данном случае подразумеваются места, превратившиеся в обитель коллективной памяти общества или социальной группы: «многочисленные места памяти... возникают, когда «живая» коммуникативная память очевидцев событий сменяется культурной памятью» [2].

Второе понятие — «памятное место» — означает, по мнению Ассмана, «место, значимое для индивидуальной биографии». Действия человека в памятном месте связаны с человеческими судьбами, переживаниями, воспоминаниями, которые проецируются посредством памятников [2].

В. Г. Басс отмечает, что эффективность сооружений мемориального жанра, посвященных трагедиям прошедшего столетия, в качестве инструмента производства памяти обеспечивается способностью создателей манипулировать зрителем, провоцировать эмоциональный ответ. Если Первая мировая война порождает конвенциональные монументы, восходящие к героической традиции, то после Второй мировой появляются монументы, транслирующие травматический эмоциональный опыт [1].

Однако кроме военных монументов есть много других, вошедших в историю конкретного населенного пункта.

Попытаемся типологизировать их по следующим основаниям: основная идея (что увековечивается) и форма (художественный замысел и исполнение).

В зависимости от основной идеи можно выделить:

- памятники конкретным историческим личностям (самые многочисленные в советский период — памятники В. И. Ленину, памятники Петру I (в Санкт-Петербурге и Москве), Минину и Пожарскому (Москва и Нижний Новгород) и т. д.);
- памятники событиям, повлиявшим на ход истории (в нашей стране, это, в первую очередь, мемориалы, посвященные Великой Отечественной войне и/или отдельным битвам): Мамаев курган (г. Волгоград), Малая земля (г. Новороссийск) и т. д.;
- памятники-символы: статуя Христа (г. Рио-де-Жанейро), Статуя Свободы (г. Нью-Йорк) и т. д.

Если рассматривать только центральную фигуру композиции (так как могут иметь место изображения различных вспомогательных предметов, животных и т. д.), то по форме монументы можно разделить на:

- антропоморфные (или псевдоантропоморфные) фигуры;
- геометрические фигуры и конструкции: куб, шар, пирамида, арка или их сочетание (Триумфальная арка в Париже, «Шар Бухгольца» в Омске и т. д.);
- предметы, сменившие свое обыденное предназначение на символическое («Расстрелянный вагон» в Новороссийске, «Катергерой» в Нижнем Новгороде и т. д.);
- сложные композиции, включающие разные элементы (например, «Исход и возвращение» в Элисте).

Кроме своей непосредственной роли — служить напоминанием о чем-то важном, монументы выполняют в городской среде и другие функции. Они служат ориентиром для структурирования пространства (например, в Краснодаре, объясняя дорогу, могут сказать: «Поверните после двух самолетов») и часто являются местом встреч (г. Ставрополь — «у ангела», г. Улан-Удэ — «у головы»). Кроме того, монументы могут помогать в идентификации района (район «Катюши», район «Авроры» в г. Краснодаре), а также привлекать к городу или району дополнительное внимание. Нередко памятники становятся объектом разнообразного культурного творчества горожан: от произведений классической литературы («Медный всадник» А. С. Пушкина), до различных городских легенд, анекдотов и историй.

Каждый город имеет свой набор шуток, примет, легенд о тех или иных достопримечательностях. Городской фольклор, связанный с монументами, не обязательно носит вербальную форму. В ряде случаев мы можем встретить элементы суеверий, примет и ритуальных действий: прикосновение к определенным деталям памятников, завязывание ленточек, загадывание желания и т. д.

В то же время есть и устное народное творчество, которое может объяснять специфику композиции, ее расположение или предназначение. В Краснодаре объектами городского фольклора являются среди прочих монументы «Рабочему-созидателю» и «Аврора».

Памятник «Рабочему-созидателю» (или «Человеку-созидателю») был открыт в 1967 г. в районе Краснодарской ТЭЦ около трассы, ведущей в аэропорт и на выезд из города. Скульптура высотой 18 метров представляла собой опирающегося на молот рабочего и была выполнена из железобетона под руководством автора О. А. Коломойцева. На постаменте находится надпись: «Мы наш, мы новый мир построим».

Альтернативная народная версия названия монумента — «Фантомас». Портретного сходства с героем суперпопулярной когда-то кинокартины, конечно, нет. Однако, возможно, сыграла свою роль определенная деперсонафикация образа, которая роднит памятник и персонаж фильма. «Рабочий» — это не конкретный человек, а собирательный образ. Другие (очень редкие) варианты народных названий: «Метатель молота», «Молотобоец».

Так как памятник находится перед въездом в район Гидростроителей, его иногда ассоциируют не просто с рабочими, а именно со строителями Кубанского водохранилища. Поэтому городским фольклором на него возлагается ответственность отслеживать уровень воды в «Кубанском море» и предупреждать о его превышении (лицо «Рабочего» развернуто именно в сторону водохранилища).

Разворот головы памятника в сторону въезда/выезда из города обусловил появление вскоре после его установки анекдота, упоминаемого пожилыми краснодарцами: «Зачем мужик с кувалдой в кустах стоит? Жену с моря ждет» (или «жену из Сочи ждет»).

Иногда монумент становится героем первоапрельских розыгрышей горожан (в это вносят свою лепту и местные журналисты): например, шутки о том, что негоревший в атмосфере фрагмент станции «Мир», которую затопили в 2001 г., упал на памятник «Рабочему» и от-

колол кусок постамента, или о возможном переносе данного памятника к кинотеатру «Аврора», к его девушке.

Вообще, местные жители довольно часто «женят» «Фантомаса и Аврору», считая их подходящей парой.

Памятник «Аврора» в Краснодаре расположен около здания кинотеатра с одноименным названием. Скульптура (также как и монумент «Рабочему-созидателю») была изготовлена в честь 50-летия Советской власти (скульптор Иван Шмагун, архитектор Евгений Лашук, отчеканил скульптуру А. Морев).

Общая высота «Авроры», выполненной из кованого алюминия, составляет 14 метров, а высота вместе с постаментом — 16,8 метра. Памятник представляет собой скульптуру девушки-бойца Красной Армии в шинели с ремнем и винтовкой за плечами. В вытянутой вверх руке «Аврора» держит звезду, считавшуюся символом веры в светлое будущее страны. В годы советской власти на постаменте памятника была выполнена не сохранившаяся к настоящему времени надпись «Власть — Советам, мир — народам».

Согласно городскому фольклору, «Аврора равнодушна к Фантомасу», да и вообще всячески сигнализирует рабочему с молотом, что он «не оттуда ее ждет».

Рассматриваемые нами краснодарские монументы были созданы в один временной промежуток — к 50-летию Советской власти. Они имеют явные антропоморфные черты и, более того, могут быть четко отнесены к мужскому и женскому полу соответственно. Оба памятника являются монументами-символами и, так как не посвящены трагическим событиям истории и не связаны с ними напрямую, довольно легко становятся героями местного фольклора, предметами шуток и практически «очеловечиваются» краснодарцами.

Использованная литература

1. Басс В. Г. Монумент: who controls the past? Об одном механизме архитектурной коммеморации // Социология власти. — 2017. — Т. 29. — № 1. — С. 122–155.
2. Ваньке А. В., Полухина Е. В. Политика памяти и военные мемориалы в России: сравнивая Поклонную гору в Москве и Мамаев курган в Волгограде // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (7–10 апр. 2015) : в 4 кн. Кн. 2 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — С. 171–180.

3. Димке Д. В., Руденко Н. И. Когда история дает сдачи: городские пространства и память вещей // Этнографическое обозрение. — 2017. — № 6. — С. 14–29.

Elena S. STUDENIKINA

Cand. Sci. (Social Structure, Social Institutions and Processes),
Assoc. Prof., Sociology Department, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
el.studenikina@yandex.ru

“Aurora” and “Fantomas” are the Monuments in Urban Folklore of Krasnodar

Monuments are an integral part of the modern urban space. In the urban environment, they perform different functions: they structure the territory, are meeting places, attract attention to the area and sometimes identify it, and also become objects of cultural creativity of citizens. Each city has its own set of jokes, signs, legends about certain attractions. In the urban folklore of Krasnodar, we can find a similar attitude to the sculpture near the Aurora cinema and the “Monument to the Worker-Creator” (which received the nickname “Fantomas” from the citizens). For more than 50 years of the existence of these monuments in the city, they have become the heroes of jokes and stories and practically were “humanized” by local residents.

Keywords: monument, symbol, urban folklore, urban environment.

Е. М. Багаева*

Российские монументальные памятники в контрольно-измерительных материалах Единого государственного экзамена по истории

Статья посвящена изменениям в преподавании истории в современной школе, что обусловлено повышением общественного интереса к событиям прошлого, развитием мировой исторической науки, накоплением новых исторических знаний. Неотъемлемой частью школьного исторического образования сегодня является изучение памятников

* БАГАЕВА Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С. М. Штеменко, Краснодар, Россия. Электронная почта: briz1999@mail.ru.

материальной и духовной культуры. В частности, в данном контексте монументы рассматриваются как носители уникальной информации, которая способствует формированию у подрастающего поколения духовно-нравственных ценностей и уважительного отношения к нашему богатому культурному наследию. Не случайно при разработке контрольно-измерительных материалов единого государственного экзамена по истории особое внимание уделяется блоку «История культуры России», который является одним из основных критериев оценки качества и эффективности преподавания истории в образовательных организациях.

Ключевые слова: монументы, памятники, культурное наследие, контрольно-измерительные материалы, единый государственный экзамен, архитектор, скульптор, монументальная политика.

Острые дискуссии сегодня вызывают вопросы, связанные с проведением и подготовкой к единому государственному экзамену, которые сдают выпускники 11 классов образовательных организаций Российской Федерации. Результаты ЕГЭ потом учитываются при поступлении в высшие учебные заведения нашей страны: соответственно, чем выше баллы у абитуриента, тем больше у него шансов поступить в университет или институт на бюджетной основе.

Актуальность данной темы обусловлена возросшими требованиями к качеству преподавания обществоведческих дисциплин, в частности, истории в современной школе, что вызвано повышением общественного интереса к событиям прошлого, развитием мировой исторической науки, накоплением новых исторических знаний. В связи с этим, по поручению Президента Российской Федерации была создана специальная рабочая группа во главе с сопредседателем Российского исторического общества академиком РАН А. О. Чубарьяном, которая 18 сентября 2020 г. представила усовершенствованный вариант Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории в образовательных организациях. 23 октября 2020 г. коллегия Министерства просвещения утвердила дополненную концепцию, законодательно закрепившую переход от концентрической к линейной системе преподавания истории в образовательных организациях: в старших 10–11 классах этот предмет будут теперь не повторять, а изучать хронологически, и на старшие классы придется самый сложный и насыщенный событиями XX век¹.

¹ При линейной системе, переход к которой начался еще в 2014 г., исторический материал излагают последовательно: ученики изучают исторические события в хронологическом порядке, не возвращаясь к пройденным темам. При концентрической системе школьники проходят курс истории дважды.

Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории включает в себя историко-культурный стандарт, являющийся научной основой содержания школьного исторического образования и содержащий принципиальные оценки ключевых событий прошлого, основные подходы к преподаванию отечественной истории в современной школе с перечнем рекомендуемых для изучения тем, понятий и терминов, событий и персоналий.

Одна из важнейших задач преподавания истории в современной школе — освещение проблем духовной и материальной культуры. Изучение культуры и культурного взаимодействия народов России, безусловно, способствует развитию у обучающихся представлений об общей исторической судьбе нашей Родины.

Образы культуры в историческом образовании являются основой формирования мировоззрения обучающихся и главным способом трансляции традиций и ценностей российского общества. Изучая многообразие и взаимодействие культур народов, вошедших на разных этапах истории в состав многонационального российского государства, обучающиеся чувствуют себя частью богатейшего общего культурно-исторического пространства и осознают необходимость уважительного отношения к культурным достижениям и лучшим традициям своего и других народов.

В данном контексте важным является восприятие школьниками памятников истории и культуры как ценного достояния страны и всего человечества, сохранять которое должен каждый. Воспитание бережного отношения к культурному наследию — одна из приоритетных задач школьного курса отечественной истории.

В наши дни увеличивается число желающих сдавать единый государственный экзамен по истории. Конечно, это вызвано, прежде всего, тем, что при поступлении в вузы на многие направления подготовки этот предмет является частью вступительных испытаний.

В контрольно-измерительных материалах ЕГЭ по истории выделены отдельные позиции, на которых проверяется знание истории материальной и духовной культуры России. В частности, по уровню сложности задания делятся на базовый (17 и 19) и повышенный (18).

Теперь следует более подробно остановиться на структуре этих вопросов. Одно из заданий (17) направлено на установление соответствия между памятниками культуры и их характеристиками, а два других (18 и 19) представляют собой комплексную работу с иллюстративным материалом.

Анализ работ выпускников образовательных организаций по истории показал (всероссийские проверочные работы, контрольные диагностические работы), что особые трудности у них вызывают вопросы, связанные с тематическим блоком «История культуры России» (17–19). На специализированных семинарах, вебинарах работники Федерального института педагогических измерений, методисты пытаются представить свои авторские педагогические методики и технологии, призванные помочь ученикам изучить и качественно подготовиться к выполнению данных заданий. И здесь главная задача учителя — предоставить ученику весь необходимый научный инструментарий, который поможет ему, глядя на изображение, научиться не только определять историческую эпоху, но и художественные стили и направления, автора того или иного произведения искусства.

Безусловно, важную роль в изучении отечественной культуры на уроках истории играет наглядность как базовый принцип успешного и качественного обучения истории в образовательных организациях. Основываясь на конкретных образах, она способствует эффективному восприятию обучающимися тем, связанных с историей создания того или иного произведения искусства. Учитель здесь играет роль путевода и помогает ученику научиться «читать» изображение, вызывая у него интерес и уважение к нашей истории и культуре, к тем традициям и обычаям, которые делают ее уникальной и неповторимой.

Работа с иллюстративным материалом способствует формированию у обучающихся чувственного восприятия действительности и непосредственно-эмоционального отношения к ней, что выражается в переживаниях (восхищение, отвращение, сочувствие, сострадание и т. п.) и принципиально отличается от всех других форм постижения реальности.

Изучая памятники культуры, в частности, монументы, ученик должен понимать, что каждый из них несет определенную информацию и смысловую нагрузку. Например, изучая памятник первопечатнику Ивану Фёдорову в Москве, выпускники должны знать следующее: Иван Фёдоров — продолжатель дела Иоганна Гутенберга (первого типографа Европы); Иван Фёдоров является современником первого русского царя Иван Грозного; Иван Фёдоров — создатель первой русской датированной печатной книги «Апостол» (1564 г.) и Азбуки (Букваря), который был издан в Львове в 1574 г.; данный памятник был создан в начале XX в. (1907–1909 гг.) архитектором Иваном Павловичем Машковым и скульп-

птором Сергеем Михайловичем Волнухиным, то есть в период правления императора Николая II.

Одним из важнейших событий истории Нового времени, оказавшим существенное влияние на дальнейшее развитие западной цивилизации, стала Отечественная война 1812 г. Она не только пробудила чувство национального самосознания русского народа и вызвала патриотический подъем в нашей стране, но и послужила мощным импульсом к созданию выдающихся памятников литературы и искусства. Многие деятели российской культуры XIX — начала XX вв. в своих произведениях неоднократно обращались к этой теме, придавая ей новые звучание и краски. Одним из уникальных памятников, посвященных победе русских солдат в войне 1812 г., стал Казанский собор в Санкт-Петербурге, построенный по проекту А. Н. Воронихина (годы строительства: 1801–1811). После смерти М. И. Кутузова в 1813 г. и М. Б. Барклая-де-Толли в 1818 г. император Александр I повелел увековечить их установкой монументов перед Казанским собором, для чего издал высочайший рескрипт от 23 сентября 1818 г.

Автором проекта (архитектором) памятников М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли является В. П. Стасов, а скульпторами — Б. И. Орловский, С. К. Суханов. Монументы были отлиты известным в то время мастером Василием Павловичем Екимовым в литейной мастерской Академии художеств: в 1832 г. — скульптура Кутузова, а в 1836 г. — Барклая-де-Толли.

Под руководством архитектора К. А. Тона памятники были установлены на свои постаменты: 30 мая 1837 г. — фигура М. И. Кутузова, а 15 июня 1837 г. — фигура М. Б. Барклая-де-Толли. Торжественная церемония открытия памятников Кутузову и Барклаю-де-Толли состоялось 25 декабря 1837 г. и была приурочена к двадцать пятой годовщине победы в Отечественной войне 1812 г.

Особый интерес вызывают монументы, посвященные российским императорам: в частности, памятник Петру I, памятник Николаю I, памятник Александру III в Санкт-Петербурге.

Выпускник, изучая историю создания первого памятника, должен знать, что он посвящен первому российскому императору, чьи реформы коренным образом изменили «облик» России и способствовали ее сближению с Европой. Именно при Петре I начинается строительство Санкт-Петербурга, новой столицы российского государства. Автором проекта «Медный всадник» является Этьен Фальконе. Монумент, возводившийся в 1768–1770 гг., был в торжественной обстановке открыт

7 (18) августа 1782 года [1]. Надпись на постаменте гласит: «ПЕТРУ первому ЕКАТЕРИНА вторая лѣта 1782», с одной стороны, и «PETRO primo CATHARINA secunda MDCCLXXXII», с другой, подчеркивая тем самым замысел императрицы: установить линию преемственности, наследия между деяниями Петра и собственной деятельностью [2].

Второй памятник находится на Исаакиевской площади в Санкт-Петербурге и посвящен российскому императору Николаю I, чье правление начинается с подавления восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Смотри на этот монумент, выпускник должен также знать, что именно при этом правителе начинается железнодорожное строительство в Российской империи, положившее начало промышленному перевороту в нашей стране. Автором данного проекта является Огюст Монферран, а скульптором — П. К. фон Клодт. Памятник строился уже после смерти Николая I в 1856–1859 гг. Напротив памятника находится еще одно творение О. Монферрана — величественный Исаакиевский собор, который возводился с 1818 по 1858 гг. (см.: [1; 2; 4]).

Памятник Александру III в Санкт-Петербурге должен рассказать ученику о том, что эпоха правления этого императора — период «контрреформ», время завершения промышленного переворота в России. Российская империя при Александре III не вела войн, и поэтому он получил прозвище «Миротворец». Памятник этот был создан в 1906–1909 гг. по проекту скульптора П. П. Трубецкого и сегодня находится во внутреннем (парадном) дворе Мраморного дворца (ныне филиал Русского музея). Монумент, как писали при создании, посвящен «Императору Александру III Державному основателю Великого Сибирского пути», соответственно, именно при Александре III начинается строительство Транссибирской магистрали (см.: [2; 3; 4]).

С советским периодом отечественной истории, в частности с эпохой руководства страной Н. С. Хрущёвым, связаны два известных памятника, находящихся в Москве: памятник Юрию Долгорукому и памятник В. В. Маяковскому.

Монумент «основателю Москвы», первому ростово-суздальскому князю был установлен в 1954 г. на Тверской площади, которая в 1918–1993 гг. именовалась Советской. Архитектор — В. С. Андреев, а скульпторы — С. М. Орлов, А. П. Антропов, Н. Л. Штамм (см.: [2; 4; 5]).

При этом выпускнику, сдающему ЕГЭ по истории, будет интересно узнать, что раньше на месте этого монумента находилась конная статуя генерала М. Д. Скобелева. Памятник, посвященный выдающемуся рус-

скому военачальнику, «белому генералу» был спроектирован скульптором-любителем, русским офицером П. А. Самсоновым и открыт 24 июня 1912 г. В апреле 1918 г. по приказу большевиков его снесли [2].

Кстати, в 2014 г. в московском парке «Никулино» был открыт новый памятник генералу Михаилу Дмитриевичу Скобелеву. Автором этого проекта является народный художник Российской Федерации А. И. Рукавишников. Очень символично, что этот монумент находится рядом с Военной академией Генштаба Вооруженных сил России, которая считается кузницей высшего офицерского состава России (см.: [1; 3]).

Памятник русскому советскому поэту-футуристу В. В. Маяковскому был установлен в 1958 г. на площади Маяковского (ныне — Триумфальная площадь). Авторы монумента — А. П. Кибальников и архитектор Д. Н. Чечулин. Скульптура является памятником монументального искусства федерального значения (см.: [1; 2; 4]).

Одним из важнейших исторических событий эпохи «оттепели» стал первый полет человека в космос. 12 апреля 1961 г. Юрий Алексеевич Гагарин стал первым человеком в мировой истории, совершившим полет в космическое пространство. Ракета-носитель «Восток» с кораблем «Восток-1» была запущена с космодрома Байконур, который стал первым в мире действующим космодромом, основанным в СССР (на территории Казахской ССР) 12 января 1955 г. и вошедшим в эксплуатацию 15 мая 1957 г. После 108 минут полета Гагарин успешно приземлился в Саратовской области, неподалеку от г. Энгельса [6].

Монумент «Покорителям космоса» был воздвигнут в память достижений советского народа в освоении космического пространства и установлен уже после отставки Н. С. Хрущёва 4 ноября 1964 г. в Останкинском районе Москвы. Автором данного памятника, который возводился с 1958 по 1963 гг., является Андрей Петрович Файдыш-Крандиевский (см.: [4; 5]).

Данной теме посвящен и памятник Юрию Алексеевичу Гагарину работы скульптора Павла Ивановича Бондаренко, который был установлен в Москве 4 июля 1980 г. на одноименной площади к открытию XXII летних Олимпийских игр. Монумент изготовлен из титана — металла, используемого при строительстве космических кораблей (см.: [4; 5]).

Из монументальных памятников, созданных в постсоветский период, в контрольно-измерительных материалах единого государственного экзамена по истории следует выделить памятник Кириллу и Мефодию, памятник Г. К. Жукову и памятник Владимиру Великому в Москве.

Памятник создателям славянской азбуки братьям Кириллу и Мефодию был открыт 24 мая 1992 г. (в День славянской письменности и культуры) на Лубянском проезде недалеко от Славянской площади. Скульптором монумента является В. М. Клыков, а архитектором — Ю. П. Григорьев (см.: [4; 7, с. 143]).

С совместной творческой деятельностью скульптора Клыкова и архитектора Григорьева связано создание памятника выдающему советскому полководцу маршалу Г. К. Жукову, который был установлен в Москве на Манежной площади перед зданием Исторического музея 8 мая 1995 г. [4].

Помимо этого В. М. Клыков разработал проект памятника адмиралу Колчаку в Иркутске, который был открыт 4 ноября 2004 г. к 130-летию со дня рождения Верховного правителя России.

Памятник Великому киевскому князю Владимиру Святославичу в торжественной обстановке был открыт в День народного единства 4 ноября 2016 г. Это монументальное сооружение, установленное на Боровицкой площади в Москве по инициативе Российского военно-исторического общества и правительства города. Автор проекта — С. А. Щербаков, народный художник Российской Федерации, академик Российской академии художеств, заведующий кафедрой скульптуры Российской академии живописи, ваяния и зодчества И. С. Глазунова, архитектор — И. Н. Воскресенский, заслуженный архитектор Российской Федерации, председатель Комиссии по монументальному искусству Московской городской думы [4; 8].

К совместным работам художника С. М. Щербакова и архитектора И. Н. Вознесенского относятся памятник Патриарху Московскому и всея Руси Гермогену и памятник Александру I в Александровском саду в Москве. Первый из них был воздвигнут по инициативе Русской православной церкви и ее главы патриарха Кирилла в 2013 г., а второй — в 2014 г. [4].

Таким образом, изучение монументальных памятников является неотъемлемой частью современного школьного исторического образования. В данном случае они рассматриваются как носители уникальной информации, которая способствует формированию у подрастающего поколения духовно-нравственных ценностей и уважительного отношения к нашему богатому культурному наследию. Не случайно, при разработке контрольно-измерительных материалов единого государственного экзамена по истории особое внимание уделяется блоку «История культуры России», который является одним из основных критериев оценки качества и эффективности преподавания истории в образовательных организациях.

Использованная литература

1. *Бойко А.* Москве вернули памятник Михаилу Скобелеву // Комсомольская правда [Электронный ресурс] // Комсомольская правда в Москве. — URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/26317/3196493/> (дата обращения: 16.05.2021).
2. *Васькин А. А.* Тверская улица в домах и лицах. — М. : Центрполиграф, 2015.
3. В Москве восстановили памятник генералу Скобелеву [Электронный ресурс] // Известия. — URL: <https://iz.ru/news/580492> (дата обращения: 16.05. 2021).
4. *Гевуркова Е. А., Чернова М. Н.* История: задания с иллюстративным материалом и история российской культуры : ЕГЭ 2020. Тематический тренажер. — М. : Экзамен, 2020.
5. Единый государственный экзамен 2021. История. Типовые экзаменационные варианты / под ред. И. А. Артасова. — М : Национальное образование, 2021.
6. Их к звездам мужество зовет! О кубанских ученых — первопроходцах освоения космического пространства и летчиках-космонавтах. — Краснодар : Диапазон-В, 2011.
7. *Романюк С. К.* Вся Москва : Путеводитель. — М. : АСТ : Астрель, 2010.
8. Святейший Патриарх Кирилл освятил памятник святому равноапостольному князю Владимиру на Боровицкой площади в Москве // Русская православная церковь. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4660396.html> (дата обращения: 16.05.2021).

Elena M. BAGAYEVA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Department of Humanities and Socio-Economic Studies,
Krasnodar Higher Military School, Krasnodar, Russia
briz1999@mail.ru

Russian Monuments in the Control and Measuring Materials of the Unified State Examination in History

The article is devoted to the changes in the teaching of history in the modern school, which is due to an increase in public interest in the events of the past, the development of world historical science, the accumulation of new historical knowledge. An integral part of school history education today is the study of monuments of material

and spiritual culture. In particular, in this context, monuments are viewed as carriers of unique information that contributes to the formation of spiritual and moral values and respect for our rich cultural heritage in the younger generation. It is no coincidence that when developing control and measuring materials for the Unified State Examination in History, special attention is paid to the “History of Russian Culture” block, which is one of the main criteria for assessing the quality and effectiveness of teaching history in educational institutions.

Keywords: *monuments, cultural heritage, control and measuring materials, unified state examination, architect, sculptor, monumental politics.*

РАЗДЕЛ 3

Литература и искусство Юга России в контексте диалога культур

*Н. В. Ламосова**

Из истории издательского дела Дона и Кубани на национальных языках (1920–1930-е годы)

Статья посвящена истории становления периодической печати и издательского дела на национальных языках самых многочисленных народностей (армян, греков, украинцев и др.), проживавших на Дону и Кубани в 1920–1930-е гг. По результатам анализа выявленных периодических изданий сделана попытка проследить их трансформацию, реконструировать процесс развития издательского дела и репертуарной политики на национальных языках на данной территории. Особое место в статье занимают страницы истории издательского дела Адыгеи, центр которой находился с 1922 по 1936 гг. в Краснодаре.

Ключевые слова: история печати 1920–1930-х гг., Дон, Кубань, Адыгея, периодические издания, национальные языки, издательское дело.

Важное место в процессе формирования региональной издательской системы Дона и Кубани нового советского типа имел выпуск пе-

* ЛАМОСОВА Наталья Вячеславовна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Литературного музея Кубани (отдела Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына), Краснодар, Россия, nata.lamosova@mail.ru.

риодических изданий и книжной продукции на языках национальных меньшинств. Отметим, что в дореволюционной России подобные издания были редким исключением. Периодическая печать на национальных языках в национальных областях или местах компактного проживания тех или иных национальностей на территории Российской Федерации начала налаживаться практически сразу же с установлением Советской власти. В различных районах Дона, Кубани и Черноморья имелись достаточно представительные поселения национальных меньшинств, т. е. потенциальных читателей — армян, греков, украинцев и др.

На территории Дона самыми распространенными из периодических изданий на национальных языках являлись армянские газеты, которые издавались вплоть до 1938 г., что объяснялось компактностью проживания многочисленной армянской колонии. Армянская секция при Ростовской организации РКП(б) с 3 марта 1920 г. наладила выпуск газеты «Рабочая борьба» («Банвори кривы»), вскоре (с 13 июня) от нее отделился еженедельник, адресованный крестьянскому населению. Но, как и многие другие издания того времени, газета довольно быстро закрылась. Через год, с 8 марта 1921 г., вместо нее в Нахичевани-на-Дону стала печататься городская газета «Рабочий» («Банвор»), которая с 4-го номера приобрела статус областной газеты [8, л. 32], но она также была недолговечной. После введения нэпа и перехода на хозрасчет наступил тягчайший кризис партийно-советской печати, и закрытие газет, в том числе и национальных, было довольно распространенным явлением.

К 1925 г. национальная пресса вышла из состояния кризиса, и 7 ноября Ростовский обком ВКП(б) возобновил издание армянской газеты. Она, в отличие от предыдущих изданий, просуществовала продолжительное время — по 29 марта 1938 г. Вначале она выпускалась издательством «Севкавиздат», позже возникло собственное одноименное издательство. Газета несколько раз меняла свое название: «Молот-серп» («Мурч-Мангах»), «Штурм» («Грох») и, наконец, «Большевик» (по 29 марта 1938 г.) [3, с. 55]. Ее периодичность и тираж не были постоянными и менялись.

В 1932–1933 гг. газета «Штурм» («Грох»), краевой отдел народного образования и общество «Долой неграмотность» издавали в краевом центре одноименную армянскую газету для малограмотных. Журнал-учебник для армянских школ I ступени III–IV групп «Маленькие ударники» под редакторством М. Терумьяна был выпущен крайоно и Армянским сектором издательства «Северный Кавказ» [22, с. 51].

В Екатеринодаре и Армавире армянские газеты были организованы еще до установления Советской власти. Первую кубано-черноморскую армянскую газету «Арцакани» («Эхо») тиражом 600 экз. с периодичностью три раза в неделю издавал в Екатеринодаре в 1918 г. Армянский культурный союз. С приходом Советской власти устав этого союза не был утвержден, и газета закрылась [4]. В Армавире в 1919–1920 гг. священник Аршак Эргевизиан выпускал еженедельную газету «Нор Утп» («Новый Путь»), которая была также закрыта с приходом Красной Армии [5, с. 31]. Предположительно в мае 1920 г. армянская секция Армавирского комитета РКП(б) возобновила выпуск газеты «Голос рабочего» («Банвори дзайн») — издание газеты «Нужда рабочего» («Банвори карик»). Единственное упоминание об этом издании обнаружено нами у исследователя из Армении Г. Д. Левоняна [19, с. 780]. Отметим, что в настоящее время обнаружение в хранилищах подобных редких изданий было бы большой удачей для исследователей.

Армянская секция, созданная при Кубано-Черноморском комитете РКП(б) после установления Советской власти, 7 апреля 1920 г. на своем заседании рассматривала вопрос о собственной газете. Но поскольку возможностей для этого тогда не существовало, было принято решение газету на армянском языке пока не издавать, а просить Ростовский комитет присылать для Кубано-Черноморской области издающуюся там газету на армянском языке [28, л. 4] (речь шла о выходившей в Ростове газете «Рабочая борьба». — Прим. авт.). Преодолев материальные затруднения, с 1 августа 1920 г. армянская секция наладила в Екатеринодаре выпуск газеты «Красная звезда» («Кармир Астх»). Исследователь периодической печати Дона и Северного Кавказа Е. А. Корнилов называл ее «Красный цветок» [17, с. 94]. Выходила она регулярно вплоть до 1922 г., вначале ее тираж составлял около 3000 экз., потом уменьшился до 500. С переходом на самоокупаемость и за неимением средств была закрыта.

Характерной типологической чертой армянских газет было большое внимание к вопросам истории, культуры, просвещения и эстетического воспитания. Наряду с материалами, традиционными для всех общественно-политических газет того времени (декретами, резолюциями, статьями о международном положении, восстановлении народного хозяйства), в них публиковалось большое количество исторических очерков, материалов о развитии письменности, по культуре и искусству, художественные произведения классиков армянской литературы

(Е. Чаренц, А. Акопян), современных армянских литераторов (М. Шагинян, М. Пирумян), русских советских писателей и др.

Таким образом, газеты на армянском языке на Кубани выходили непродолжительное время, в отличие от краевого центра, где под разными названиями армянская газета издавалась с 1925 по 1938 гг. Литература на армянском языке продавалась в книжных магазинах краевого центра и в краснодарском магазине Северо-Кавказского отделения Госиздата Украины.

Непродолжительное время на Дону и Кубани издавались газеты на немецком и латышском языках. Так, в 1921 г. в Ростове было принято решение печатать газету «Новое время» на немецком языке еженедельно в количестве 3000 экз. (1000 экз. для Донобласти и 2000 экз. для края) [9, л. 20]. В 1922 г. в Донгосиздате выходил и журнал на латышском языке «Голос борьбы», тираж которого составлял 1000 экз. [10, л. 2]. Более подробных сведений об этих изданиях обнаружить не удалось.

Достаточно широкое распространение на указанной территории получили газеты на греческом языке. В 1920 г. греческая секция краевого комитета партии начала издавать в Ростове газету «Коммунистис» (редактор В. Петридис). Вначале ее периодичность была 2 раза в пятидневку, потом 1 раз в неделю. В 1928 г. ее тираж составлял 2700 экз. [1]. В 1933 г. выпускалась и греческая газета для малограмотных «Колхозник», ответственным редактором которой был П. Кунтурис.

В связи с расширением изданий на греческом языке в 1929 г. на заседании бюро Крайнациздата был поставлен вопрос о создании собственной полиграфической базы [13, л. 79]. На этом же заседании было принято постановление о создании Севкавполиграфтрестом специальной полиграфической базы для обслуживания издательских нужд нацменьшинств как в отношении периодической, так и непериодической печати на следующих языках: армянском, немецком, еврейском и тюрко-татарском [13, л. 79]. Перед правлением Центроиздата также был поставлен вопрос об открытии в краевом центре книгораспространенческого пункта (магазина) с одновременным обслуживанием наглядными пособиями, канцтоварами и советской книгой на языках армян, немцев, украинцев, тюрко-татар, татов, евреев и др. [13, л. 82–83].

Для выпуска греческой газеты и литературы на греческом языке в Ростове-на-Дону было организовано издательство «Коммунистис» («Коммунист»). Если в 1928 г. оно выпустило всего 3 наименования ти-

ражом 4000 экз., листаж которых составил 8,3 п. л., то в 1932 г. по данным Книжной палаты — уже 83 наименования, объемом 281 п. л., тираж 283 000 экз., листаж 1 112 000 экз. [14, с. 169].

В Черноморье, где имелись многочисленные поселения греков, греческие газеты издавались довольно продолжительное время. Греческая секция при Новороссийском окружном РКП(б), созданная в 1920 г., сразу же наладила выпуск собственной еженедельной газеты «Спартакос» («Спартак»). При Кубано-Черноморском облполитпросвете в 1921 г. была организована греческая секция во главе с Янко Георгиевичем Георгиади, членом коллегии областного отдела народного образования [31]. Кроме греческой газеты «Спартакос», он плодотворно сотрудничал и с областной газетой «Красное знамя».

До конца 1921 г. тираж «Спартакоса» был 2500 экз., но с переходом на самокупаемость снизился до 500. До 1922 г. она распространялась не только в пределах области, но и за границей, в Константинополе и Греции. Первым ее редактором был Д. Саккарелло (Сакарелос). По всей вероятности, газета «Спартакос» была закрыта в 1922 г., но 3 августа 1923 г. на заседании бюро Кубано-Черноморского обкома РКП(б) рассматривался вопрос о ее возобновлении [30, л. 20]. После районирования края выход газеты в Новороссийске был возобновлен под редакцией Ксифоса.

В 1924 г. в Краснодаре тиражом 1000 экз. начала выходить еженедельная греческая газета под названием «Алифия» («Правда»). Издателем был подотдел Нацменобластка РКП(б). Печаталась она в 1-й типографии им. Лиманского (угол ул. Красноармейской и Гоголя), распространялась среди партийных организаций, кооперативных и профессиональных союзов с целью знакомить греческое население области с советским строительством, партийной, профессиональной жизнью, новостями в области кооперации и современным революционным движением. «Алифия» поддерживала связь с Новороссийском, Батуми, Ростовом-на-Дону. Ее литсотрудниками являлись Я. Г. Георгиади, Д. Н. Елевториади, Г. Н. Попандопуло, К. Попандопуло. К сожалению, сведений о том, как долго существовала эта газета, нет (предположительно, она прекратила свое существование в связи с районированием). Однако 3 августа 1925 г. на заседании бюро Кубокружка РКП(б) вновь рассматривался вопрос о газете «Алифия», и было принято решение поставить перед крайкомом партии вопрос о возобновления издания газеты на греческом языке [29, л. 507].

В местах компактного проживания греков — станицах Нижнебаканской, затем Крымской Греческого района, который имелся в составе Северо-Кавказского края с 1930 по 1938 гг., издавалась районная газета «Большевикос» («Большевик») (1931–1937) [3, с. 54].

Историю становления периодической печати Адыгеи мы рассматривали в отдельной статье [18, с. 265–278], поэтому, не касаясь данной темы, остановимся на организации в рассматриваемом регионе издательского дела на адыгейском языке.

В 1925 г. в Ростове-на-Дону при краевом исполкоме было организовано Северо-Кавказское отделение Центроиздата народов СССР (Краевое национальное издательство). Оно начало свою работу в исключительно тяжелых условиях при отсутствии опыта издательской работы и национальной письменности. Крайнациздат не располагал ни типографией, ни национальными шрифтами, ни капиталами, ни кадрами национальных работников печати (авторов, переводчиков, корректоров). Председателем Крайнацсовета и директором Крайнациздата был назначен У. Алиев. Крайнациздат имел уполномоченных в автономных областях, по Адыгейской автономной области уполномоченным являлся А. Чамоков, он же был и уполномоченным от крайкома нового тюркского алфавита.

Центроиздат отпускал Крайнациздату средства из своего бюджета на издание литературы, шрифты, а также содержание специалиста по корректированию и редактированию литературы на языках горских народов. Работников в области печати из числа горцев найти было сложно, но, несмотря на все трудности, с конца 1925 г. в Ростове-на-Дону и Краснодаре начали печататься адыгейские книги: типография Адыгпромторга, впоследствии переданная областному национальному издательству, получила шрифты, что дало возможность выпускать в Краснодаре издания на адыгейском языке.

В 1926 г. была организована Адыгейская издательская секция Крайнациздата во главе с А. Чамоковым. Секция занималась выпуском учебников, учебно-методической, исторической, общественно-политической, краеведческой литературы на адыгейском языке, а также подготовительной работой по созданию собственного адыгейского издательства.

Еще до образования Адыгейского национального издательства, в автономной области осуществлялось издание литературы на арабской графической основе. Так, в 1924–1925 гг. было выпущено 7 назва-

ний книг общим объемом 38,5 п. л. и тиражом 25 000 экз., в 1926 г. — 8 наименований (38 п. л., тираж 21 000 экз.), в 1927 г. — 10 (38,5 п. л., тираж 22 475 экз.). За эти годы в общей сложности издано книг на адыгейском языке 25 названий (115 п. л., 68 475 экз.) [26, с. 22]. Первым изданием, появившемся в Адыгее на латинизированном алфавите, была книга Ю. К. Намитокова «Ленин и национальный вопрос» (1927) [16, с. 5].

В мае 1928 г. после реорганизации Крайнациздата в Ростове-на-Дону во всех областях Северного Кавказа возникли собственные национальные издательства [11, л. 108]. В Краснодаре 8 мая 1928 г. учреждено Адыгейское областное национальное издательство «Адыгейская печать» с правлением в составе трех человек: Тлябичев, Преображенский, Хатанов (председатель). Ему было поручено зарегистрировать положение об издательстве, организовать и руководить изданием газеты и книг, книжным магазином и промышленной (работа типографии) деятельностью. Хозрасчетное предприятие выпускало книги, брошюры, плакаты на черкесском, в исключительных случаях — на русском языке (с особого разрешения президиума облисполкома и применительно к потребностям в этих изданиях населения Адыгейской области и соседних с ней горских областей); вело издание газеты «Адыгейская жизнь» и распространение произведений печати среди населения области [12, л. 2; 11, л. 90]. Кредиты на издательскую работу поступили 5 июня, были заключены 25 договоров с авторами и переводчиками.

В связи с учреждением Адыгейского областного национального издательства книгоиздание в Адыгее резко увеличилось. Уже в первый год издано 19 названий книг общим объемом 74 п. л., тиражом 48 550 экз. [27, с. 397–398]. Большое внимание уделялось изданию учебников на адыгейском языке, учебно-просветительной и учебно-методической литературы. Издательство также выпускало политическую, научно-популярную, сельскохозяйственную, санитарно-просветительскую литературу, брошюры. На долю художественной литературы приходился очень малый процент (например, в 1929 г. вышла пьеса Хасанова и Баракаева «Нечистая сила»; в 1930 г. намечалось только 2,5 п. л.). Это не позволяло удовлетворять даже минимальные потребности населения в художественной книге.

В июле 1930 г. Адыгейское национальное издательство объединилось с газетным, ему была передана небольшая типография, находившаяся в ведении Адыгейской торговой организации по торговле

промышленными товарами. Это позволило в течение года выпустить 47 названий книг общим объемом 145 п. л. и тиражом 89 309 экз. [27, с. 400]. Издательство заботилось о подготовке кадров в типографском деле и в конце 1931 г. открыло полиграфическую школу фабрично-заводского ученичества, в которой обучалось 35 адыгейцев.

10 мая 1931 г. постановлением ВЦИК Адыгнациздат получил в распоряжение солидную по тем временам полиграфическую базу: типографию, литографию и цинкографию, достаточное количество печатных машин. Выпуск книжной продукции начал нарастать. С 1928 по 1932 гг. Адыгнациздатом издано 256 названий книг общим тиражом 648 921 экз., в том числе 81 наименование учебников и учебно-методической литературы тиражом 267 230 экз. [27, с. 400]. В 1932 г. 85 названий книжной продукции, объем которой составил 254 п. л., тираж 199 000 экз., листаж 742 000 [14, с. 169].

После выхода 9 сентября 1933 г. постановления ЦК ВКП(б) «Об издательстве детской литературы» Адыгнациздат предпринял первые шаги по выпуску оригинальной детской литературы. Первыми адыгейскими книгами для детей стали «Заячья тропа» И. Цея, «Старик и старуха» Р. Меркицкого.

Адыгейское областное книжное издательство, пройдя с трансформациями почти вековой путь, существует и в настоящее время. Его преобразовывали в Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, издательско-полиграфическое и книготорговое объединение «Адыгея» и, наконец, с провозглашением Республики Адыгея — в Адыгейское республиканское книжное издательство. В настоящее время оно выпускает прозу и поэзию, брошюры, атласы, ноты, газеты, журналы, в том числе и для детей.

Особую страницу истории издательского дела Дона и Кубани 1920–1930-х составляло книгоиздание и периодическая печать на украинском языке, получившие активное развитие в связи с проведением политики украинизации (1925–1932). Украиноязычная культура в регионе, особенно на Кубани, имела еще дореволюционные традиции: первые попытки организации в Кубанской области украинских газет и журналов (1906–1907) инициировали екатеринодарский «просвитель» С. И. Эрастов и казачий драматург Г. В. Доброскок, но им было отказано из-за политической неблагонадежности [41, с. 248–250; 39, с. 17–22]. В Екатеринодаре в 1912 г. открылся магазин украинской книги, просуществовавший до конца 1932 г. [40, с. 113, 115]. Револ-

люционные события послужили толчком для развития украинской культуры, в том числе издательского дела на Кубани и Черномории. В годы революции и Гражданской войны в Екатеринодаре и Новороссийске непродолжительное время выпускались газеты «Нова Зоря», «Чорноморець», «Нове Життя», «Кубанська Зоря», «Чорноморщина», «Чорноморська Рада» и др. Известный ученый-украинист, профессор В. К. Чумаченко отмечал, что литературное возрождение Кубани 1920-х — начала 1930-х гг., начавшееся спонтанно, затем получило партийно-государственную поддержку, выразившуюся в политике украинизации большей части Кубани [42, с. 113] и частично Дона. В этот период наблюдался расцвет украинского книгоиздания и литературной жизни указанного региона.

Украиноязычную литературу выпускали издательство «Северный Кавказ» и Северо-Кавказское отделение Центрального издательства народов СССР (Крайнациздат в Ростове-на-Дону), Украинская секция Краснодарской ассоциации пролетарских писателей. Позже в Краснодаре было создано Северо-Кавказское отделение Украинского книжного центра (Укркнигоцентр) (в других документах оно называется Северо-Кавказским отделением Государственного издательства Украины) [37, л. 141]. При отделении существовал магазин с широким выбором учебников и литературы на украинском, русском и армянском языках.

Отделение Укргиза в Краснодаре являлось единственным на Северном Кавказе и обслуживало украинское население Краснодарского округа и всего Северо-Кавказского края, численностью 3 100 825 чел. [23]. Правление Укргиза по собственной инициативе ликвидировало свои отделения в Воронеже, Саратове, Ростове, на Краснодарское отделение легли дополнительные обязанности [6, л. 2].

С 1928 г. издание украинской литературы и учебников в крае начали курировать Орготдел крайисполкома и Нацменкомиссия [38, л. 68 об.]. Происходила «почти тотальная украинизация издательства «Северный Кавказ» [2, с. 54]. О выходявшей с середины 1920-х по 1932 г. периодике можно сказать, что первой советской украинской газетой на Кубани стало приложение к окружной газете «Красное знамя» — «Радянський станичник» (окт. 1925 — 29 мая 1926 г.), при которой существовал и свой литературный кружок. На заседании бюро Кубокружка 3 августа 1925 г. было вынесено решение с сентября 1925 г. постепенно переводить газету «Советский станичник» на украинский язык: начав

с отдела «Хутора и станицы», к 1 января 1926 г. сделать ее полностью украиноязычной. Крайком партии поставил вопрос перед правлением «Севкавказки» о дооборудовании типографии (единовременная дотация 10 000 руб. на организационные нужды) [32, л. 514]. В марте 1926 г. было решено, что газета перейдет на самостоятельную подписку тиража (периодичность один раз в неделю). С 1 июня ее ликвидировали, передав подписчиков, селькоров и лучшего сотрудника в краевую газету «Червоний прапор» [32, л. 562].

Газета «Червоний прапор», выходявшая с 23 апреля по 26 сентября 1926 г., затем была переименована в «Червону газету» («Красная газета»), выходявшую до конца 1932 г. Ее основоположником и редактором являлся один из инициаторов создания краевой организации украинских пролетарских и крестьянских писателей, публицист Ф. Чапала, редактировавший также журнал «Ленінським Шляхом». При «Червоної газети» существовал литературный кружок, в разделе «Літературна сторінка» («Литературная страница»), печатались И. Луценко, Т. Иващенко, С. Добровольский, О. Розумиенко, Ф. Прийма, Н. Розин, И. Лирник, В. Очеретько (Очерет), М. Чайка.

Начинавшаяся при одном штатном работнике и 35 экз. тиража, эта единственная в РСФСР газета на украинском языке годом позже имела свой редакционный аппарат и свыше 200 сельских корреспондентов. С 13 августа 1931 по 24 декабря 1932 г. издательство также выпускало газету для малограмотных «Червона газета для малописьменных» (орган Северо-Кавказского крайсовета народного просвещения и общества «Долой неграмотность»), созданную в связи с поставленной задачей активизировать работу по ликвидации неграмотности.

В Армавире в 1925 г. также выпускалась украиноязычная газета «Селяньська правда» [34, л. 15]. В 1930 г. в Краснодаре открылась двуязычная газета «Червоний стяг» — «Красное знамя», орган Краснодарского РК ВКП(б) и райисполкома. Редактором ее был О. Д. Розумиенко [21, с. 196]. С 20 октября 1931 г. эта газета полностью перешла на украинский язык, но выходила она недолго (по 22 декабря 1932 г.), была ликвидирована, как и другие, в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР о прекращении украинизации Кубани от 14 декабря 1932 г.

По требованию Северо-Кавказских краевых органов власти некоторые районные газеты (в Кореновском, Павловском, Северском, Приморско-Ахтарском, Кушевском, Славянском, Темрюкском районах)

перешли на украинский язык к январю 1931 г., с конца следующего года начался обратный процесс, однако в наборных кассах типографий украинские литеры хранились вплоть до самой войны.

Всего в 1932 г. в крае вышло 12 украинских районных газет и 8 газет с украинскими страницами. Общий тираж их превышал 150 000 экз. [43, с. 4]. В Краснодаре и Ростове-на-Дону издавались и литературно-художественные альманахи («Наступ» и «Поступ») и журнал «Новим шляхом» (первый на Северном Кавказе, издававшийся в Краснодаре орган Комитета национальностей Наркомпроса РСФСР, адресованный преподавателям украинских школ и политпросветработникам) [7]. Планировалось, что его первый номер выйдет в апреле 1927 г. [24]. Периодичность (один номер в два месяца) соблюдалась не всегда точно. От номера к номеру менялся тираж (1000–2000 экз.) и количество страниц (60–100). По всей вероятности, финансирования не хватало. В 1928 г. вышло 5 номеров, на 6-й не хватило средств. Ответственным редактором был вначале А. Лисогор, потом — М. Лола.

Постановлением краевого комитета ВКП(б) журнал был реорганизован в краевой общественно-политический педагогический и литературный ежемесячник «Ленінським шляхом» и переведен в Ростов-на-Дону, где и выпускался до закрытия в 1931 г. Тираж 1-го номера за 1930 г. составил 1000 экз., в 1931-м — 2000. Журнал имел разделы: общественно-политический, педагогический, литературно-художественный, хроника. В редколлегию входили: М. Лола, Д. Гончар, М. Михаевич, А. Розин, Е. Розумиенко, И. Шаля и др. Редактор — Ф. Чапала. Среди авторов были Ф. Прийма, И. Луценко, П. Олиянчук, С. Добровольский, Д. Нитченко, А. Волик, М. Лола, О. Розумиенко, В. Очерет, А. Кирий, Т. Иващенко, Л. Доброумов, Е. Овчаренко, П. Зайченко и др.

Примечательно, что в библиографическом указателе советской периодической печати Дона [20] ни одно из указанных периодических изданий не значится.

Что касается украинских книг, издававшихся на Кубани, то архивные документы дают следующие цифры: в 1931 г. в крае издано 149 наименований украинских книг. Общий тираж 968 000 экз., листажа 3 312 000 (против 14 названий тиражом 101 000 экз. и листажом 317 000 в 1930 г.). На 1932 г. планировалось издать 600 наименований общим тиражом 4 800 000 экз. и листажом 13 000 000 [35, л. 94]. В торговой сети Кубани скопилось много нераспроданных украинских книг. Так, в Ейском районе за 1931 г. — на сумму 2500 руб. [15,

с. 194], и учреждениям было предписано в принудительном порядке выкупить эту литературу [37, л. 21]. Поскольку в Краснодарском сельском районе план реализации украинской книги был выполнен на 31,1 % [25, с. 43], 6 января 1931 г. на заседании президиума Краснодарской городской контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции был рассмотрен вопрос о целесообразности дальнейшего существования отделения Укргиза в Краснодаре. Это отделение предпочитало вместо украинской литературы издавать канцтовары, поскольку их лучше покупали. Украинизируемые районы края в сферу его деятельности почти не попадали. Президиум счел возможным осуществить продвижение книги во все украинизируемые районы края путем организации в Ростове специальной базы [35, л. 186]. Отделение в Краснодаре ликвидировали, перенесли в Ростов-на-Дону, 14 декабря 1932 г. вышло постановление о прекращении украинизации. Средства массовой информации подлежали деукраинизации в трехдневный срок.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. в крае сформировалась общая модель издательской системы, в том числе и на национальных языках, и типологическая структура национальной периодической печати. В 1930-е гг. книгоиздание и выпуск периодики на языках национальных меньшинств (армян, греков и др.) были приостановлены. Исключение составили адыги, имевшие свое автономное территориально-государственное образование.

Издательскому делу на национальных языках были присущи тотальная централизация, управление и планирование из центра (в рамках государственной национальной политики). Выпуск периодических изданий на языках других народов на территории Дона и Кубани возобновился в 1990-х — начале 2000-х гг.

Использованная литература

1. Адресная книга издательских и книготорговых предприятий, журналов и газет СССР на 1928 г. — М. — Л. : Госиздат, 1928.
2. *Васильев И. Ю.* Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. — Краснодар : Кубанькино, 2010.
3. Газеты СССР. 1917–1960 : Библиогр. справ. Т. 2. — М. : Книга, 1976.
4. *Гергиади Я. Г.* Национальная печать на Кубани и Черноморья // Красное знамя. 1923. 5 мая.

5. *Городецкий Б. М.* Периодика Кубано-Черноморского края: 1863–1925. — Краснодар : [Б. и.], 1927.
6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 247.
7. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 974.
8. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 2.
9. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 6.
10. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-67. Оп. 1. Д. 13.
11. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 79.
12. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 82.
13. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 87.
14. *Драудин Т.* Очерки издательского дела. — М. — Л. : Соцэкгиз, 1934.
15. *Иванцов И. Г.* Система партийно-государственного контроля РКП(б) — ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе. 1920–1934. — Краснодар : [Б. и.], 2008.
16. Издано в Адыгее. 1928–1978 гг. — Майкоп : Адыг. отд. кн. изд-ва, 1978.
17. *Корнилов Е. А.* Советская печать Дона и Северного Кавказа. 1917–1925 гг.: Историческая типология. — Ростов н/Д : Изд-во Рост. гос. ун-та, 1984.
18. *Ламосова Н. В.* Из истории издательского дела Адыгеи (1920–1930-е гг.) // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. — М. — Краснодар : Ин-т Наследия, 2015. — С. 265–278.
19. *Левонян Г. Д.* Армянская периодическая печать (1794–1934). — Ереван : Изд-во фонда Меликонян, 1934.
20. Периодическая печать советского Дона 1920–1958 гг. — Ростов н/Д : [Б. и.], 1961.
21. *Розуменко Е. Д.* Из литературного наследия // Вторые кубанские лит.-историч. чтения. — Краснодар : Изд-во КГУКИ, 2000. — С. 196–228.
22. Список периодических изданий РСФСР в 1933 г. — М. : Кн. палата, 1933.
23. *Томашевский К.* Об украинизации Кубани // Красное знамя. 1927. 17 июня.
24. Украинский педагогический журнал // Красное знамя. 1927. 4 мар.
25. *Хлынина Т. П.* Украинизация Северо-Кавказского края: замыслы и воплощение // Кубань — Украина : Вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 1. — Краснодар, Київ : ЕДВІ, 2006. — С. 39–43.
26. *Хуако З. Ю.* Адыгейская книга : краткий очерк развития книгоиздания: 1918–1998. — Майкоп : Адыгейск. кн. изд-во, 1998.

27. Хуако З. Ю. Мир печати Адыгеи : энциклопедия. — Майкоп : Адыгейск. кн. изд-во, 2003.
28. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
29. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 89.
30. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 307.
31. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 779.
32. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 89.
33. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8. Оп. 1. Д. 560.
34. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 12. Оп. 1. Д. 56.
35. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4.
36. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 438. Оп. 1. Д. 62.
37. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 8003. Оп. 1. Д. 31.
38. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 711.
39. Чумаченко В. К. Гаврила Васильевич Доброскок (материалы к биографии) // Кубань: проблемы культуры и информатизации. — 1996. — № 1. — С. 17–22.
40. Чумаченко В. К. К истории первого книжного магазина на Кубани // Историческая мысль Кубани на пороге тысячелетия. — Краснодар : Изд-во КГУКИ, 2000. — С. 113–117.
41. Чумаченко В. К. Сквозь цензурные препоны: издательская деятельность С. И. Эрастова на Кубани // Информационная свобода и информационная безопасность. — Краснодар : Изд-во КГУКИ, 2001. — С. 248–250.
42. Чумаченко В. К. Украинская литературная традиция кубанских казаков // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. — Краснодар : Краснодар. изд.-полиграф. произв. арендное предпр., 1992. — С. 11–114.
43. План укаїнізації Північно-Кавказького українського педагогічного інституту. — Краснодар : Тип. им. А. Лиманского, 1932.

Natalia V. LAMOSOVA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology),
Senior Researcher, Literary Museum of the Kuban,
(Department, Krasnodar State Historical
and Archaeological Museum-Reserve), Krasnodar, Russia
nata.lamosova@mail.ru

**From the History of Don and Kuban Publishing
in National Languages
(1920–1930s)**

The article is devoted to the history of the formation of periodicals and publishing in the national languages of the most numerous nationalities (Armenians, Greeks, Ukrainians, etc.), lived on the Don and Kuban in the 1920s and 1930s. Based on the results of the analysis of the identified periodicals, an attempt is made to trace their transformation, to reconstruct the process of development of publishing and repertoire policy in the national languages in this territory. A special place in the article is occupied by the pages of the history of the publishing business of Adygea, the center of which was located from 1922 to 1936 in Krasnodar.

Keywords: *history of the press of the 1920s–1930s, Don, Kuban, Adygea, periodicals, national languages, publishing.*

*Л. Н. Кузнецова**

**Музыка войны и мира
в творчестве отечественных композиторов XX века**

Работа посвящена образно-драматургическому содержанию симфоний отечественных композиторов военного и послевоенного времени, летописи подвига народа в Великой Отечественной войне, развернуто представленной в наиболее концептуальном из музыкальных жанров — симфоническом. Ставя в центр своего внимания военные симфонии Д. Д. Шостаковича, автор статьи показывает их особую публицистичность и раскрытие философски-этических проблем: великая победа России над фашизмом осмыслена в симфониях Шостаковича как победа духовная и нравственная.

* КУЗНЕЦОВА Людмила Николаевна, преподаватель музыкально-теоретических дисциплин Новороссийского музыкального колледжа имени Д. Д. Шостаковича, Новороссийск, Краснодарский край, Россия. Электронная почта: lyuda.kuznetsova.2022@mail.ru.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, музыка советских композиторов 1940–1970-х гг., Д. Д. Шостакович, симфонический жанр, тема Родины, тема Победы.

У искусства есть вечные темы: Родина, личность и народ, художник и время. К этим темам художники обращаются в переломные или трагические периоды истории отечества. Композиторы, для которых эти темы главные в творчестве, — прежде всего, Н. Я. Мясковский и Д. Д. Шостакович. Однако и многие другие музыканты с особой проникновенностью обратились к теме Родины в годы испытаний Великой Отечественной.

Крупные жанры (опера, симфония, оратория, камерная и вокально-симфоническая музыка) в русской музыкальной культуре исторически сформированы двумя типами образной драматургии. Первый тип — эпический (эпико-драматический, героико-эпический) с уравновешенностью контрастов, картинностью; второй — драматический (лирико-драматический, героико-драматический), конфликтный.

В эпическом типе фольклор, песня разных жанров, повествовательность обретала особую роль в драматургии произведения, сближая прошлое с настоящим. Лирика песенности грела душу мыслями о родном доме, о семье; героическое соединяло личное с образом Родины. В произведении это воплощалось как идея противостояния добра злу, победы жизни над смертью, созидания над разрушением.

Композиторы нередко использовали стихи А. Т. Твардовского и других поэтов-современников в качестве поэтического эпиграфа: образы музыки были созвучны поэзии военного времени.

Крупный план исторического пространства способен вмещать в себя многое, сочетать эпос и драму, эпос и героику, эпос и лирику. Здесь и народные плачи, причеты, русская протяжная песня, былинные распевы, плясовые наигрыши — все усиливает патриотическую идею любви к Родине, выражение коллективных, не индивидуализированных человеческих чувств.

Написанные в годы войны Пятая симфония, Восьмая соната С. С. Прокофьева, его же кантата «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным» на стихи П. Антокольского многими чертами близки образности «военной» сонаты № 7 (1942–1943).

Симфония-баллада № 22 Н. Я. Мясковского (1941), Вторая симфония «с колоколами» А. И. Хачатуряна (1943), оратория Ю. А. Шапорина «Сказание о битве за русскую землю» (1944) соединяют и простую проникновенную лирику, и грозную остинатность, и мужественную богатырскую мощь.

Камерная лирическая двухчастная композиция Первой симфонии А. Я. Эшпая продолжает традиции романтического симфонизма. Первая часть — реквием павшим фронтовым друзьям, вторая — отражение радости жизни с цитированием и развитием марийской народной мелодии. Бесконечно тревожна музыка Четвертого квартета «Сны»: в ней живет война.

Образ войны воплощен в Первой (1963) и Второй симфониях Р. К. Щедрина. Вторая — с уникальной композицией, названной автором «25 прелюдий», — имеет эпиграфом слова стихотворения А. Т. Твардовского «К вам, павшие в той битве мировой» (1965). В Первой симфонии «сокровенная» тема Родины и частушка противостоят агрессии ударных «свирепой» кульминации. Поиск сущностей, «смыслов» осуществляется посредством новых композиторских техник сонорики, алеаторики, сериальности [13, с. 64]. Темы войны и мира будут продолжены и в симфонии-оратории № 13 Шостаковича на стихи Е. А. Евтушенко (1962, соч. 113). В ней дано обличение не только фашизма (части «Бабий яр» и «Страхи»), но и тоталитарного отечественного режима. Реквиемом по жертвам фашизма является Восьмой квартет (1960, соч. 110), с личной подписью композитора DSCN (Дмитрий Шостакович), созданный под впечатлением документальных и художественных фильмов о войне.

Образы и идеи Шостаковича продолжает М. С. Вайнберг в Шестой и Восьмой симфониях (№ 8 — симфония-монолог «Цветы Польши», 1964 г., на стихи Ю. Тувима), в операх «Пассажирка» (1967–1968), «Мадонна и солдат» (1970), в «Реквиеме» (1967). Эти произведения — концепции, близкие Шостаковичу своими размышлениями-монологами и мудростью.

Список должен быть продолжен упоминанием о произведениях, звучащих редко: симфония Ю. А. Левитина (1975), оратория ученика Шостаковича Г. Г. Белова «Ленинградская поэма», «Реквием» Д. Д. Кабалевского на слова Р. И. Рождественского (1962–1963), оперы А. А. Николаева «Ценою жизни», К. В. Молчанова «Неизвестный солдат» (1967), «А зори здесь тихие» (1973).

Подлинно великая летопись войны и мира создана Д. Д. Шостаковичем в трех симфониях — Седьмой (1941, соч. 60), Восьмой (1943, соч. 65), Девятой (1945, соч. 70). Картины войны и мира в симфониях диссонантны уравновешенности эпических симфоний. Шостакович продолжает традиции русского и европейского симфонизма, но в выражении своих чувств и мыслей композитор индивидуален и субъективен.

вен. В философско-этических размышлениях, монологах композитора о войне и мире выражена «величайшая сила сострадания» гражданина судьбе своей страны и своего народа. Слушателей как прошлых лет, так и сегодняшних, это не оставляет равнодушными, беспокоит и тревожит всегда. Обязывая душу трудиться, музыка Шостаковича заставляет каждого размышлять, задавать себе вопросы, сострадать. В военных симфониях Шостаковича (Седьмой, Восьмой и Девятой) и последующих пяти качества взаимодействия слушателя и композитора углубляются, конфликты становятся глубже, проблематика глобальнее.

В музыкальной литературе иногда проходила мысль о том, что в довоенных симфониях Шостаковича сложилась особая система музыкального языка и методы ее применения, близкие к «тайнописи» или «эзопову языку». Сторонники такой интерпретации создали миф о «двух» Шостаковичах, который сочетал, таким образом, возможность писать «для себя» и «для власти». Этот миф опровергнут в отечественных и европейских исследованиях последних десятилетий, в воспоминаниях учеников мастера о нем: «Я ощущаю личность моего великого Учителя как человека общественного, жившего не только... горением художника-новатора..., но и неповерхностной гражданской озабоченностью о родном Отечестве» [1, с. 226]. Скрытые в чистой музыке симфоний публицистические идеи композитор обнажил в поздних симфониях № 11 «1905 год» (соч. 103, 1957), № 13 (1962, соч. 113), № 14 (1969, соч. 135), в обращении к литературным текстам, которые без домислов и предположений позволяют слушателям понять содержание произведений.

Проблема взаимоотношений композитора и власти действительно существовала. Жизненные компромиссы Шостаковича объясняются защитой своего творчества, в котором он был свободен. Известны его слова, сказанные в 1936 г. Исааку Гликману после известной статьи «Сумбур вместо музыки», которую напечатала газета «Правда»: «Если мне отрубят обе руки, я буду все равно писать музыку, держа перо в зубах» [9, с. 233].

Посмотрим в свете этого на проблемы, которые волновали Шостаковича особенно в военных симфониях: добро и зло, художник и история, художник и народ.

Слушая симфонии Шостаковича, мы с потрясающей силой ощущаем личное переживание им событий и боли, проходящей через его сердце. Нерв этой музыки — чувства, близкие всем соотечественникам, но переданные в индивидуальном их понимании и применении.

Философско-этическая тема творчества и система выразительных средств Шостаковича начала формироваться в произведениях конца 1920-х — середины 1930-х гг., в опере «Нос», в которой исследуется сущность мещанства, пошлость как источник зла.

Музыкальные идеи этой оперы, «низкую» музыкальную лексику композитор продолжил в военных симфониях и, прежде всего, в симфонии № 7, знаменитой «Ленинградке» (как назвала эту симфонию А. А. Ахматова), которую композитор сочинил в первые месяцы войны.

Образу *Родины* — главной теме, в которой сконцентрированы интонации русской песенности, противостоит в разработке тема нашествия захватчиков, в основе которой цитата арии из любимого произведения Гитлера «Пойду к “Максиму” я» (оперетта Ф. Легара «Веселая вдова»). Так безобидная песенка становится символом фашизма — музыкой толпы, рождающейся из пошлости мышления. А. Росс в своей книге о музыкальной культуре прошлого столетия привел в параллель этому близкую, по сути, интерпретацию С. Эйзенштейна одной из сцен романа «Бесы» Достоевского: «...чувствуется безмерно выпитое вино, бешенство самохвальства, требование миллиардов, тонких сигар, шампанского и заложников, “Августин” переходит в неистовый рев» [8, с. 242]. И как мощно эта мысль продолжена Шостаковичем в III части (Токкате) симфонии № 8, где перед нами уже реальный оскал зла! Так у трех художников (писателя, композитора и режиссера) мещанство приобретает одинаковую характеристику.

Слушая кульминацию I части Седьмой симфонии — эпизод столкновения двух тем, *нашествия и сопротивления*, невозможно согласиться с утверждением А. Росса о том, что это было исключительно пропагандистское сочинение. Оно могло казаться таковым с догматической позиции «ответственных органов», но было выражением истинных чувств для Шостаковича и ленинградцев, для всех мыслящих сограждан. Возникает почти физическое ощущение действия людей, обессиленных и поверженных, которые, собрав последние силы, встают с колен и огромным усилием воли останавливают «триумфальное» шествие фашизма.

Восьмая симфония 1943 г. из триады военных симфоний — одно из самых трагических произведений в музыкальной истории, великий Плач по Земле и Человеку. Таково содержание I части и трагической IV части в жанре пассакальи. Пятая часть пасторального характера звучит как песня утешения и надежды. Вселенское отчаяние выражено аллюзи-

ями тем из Чайковского («Манфред»), Вагнера («Парсифаль»), Сибелиуса («Туонельский лебедь»). «Переосмысливаются, “обесчеловечиваются” все лирические темы, как будто видишь знакомое лицо, искаженное жуткой гримасой» [4, с. 131]. Зло и ненависть захлестывают всё, они заключены в человеке, в людях, лишенных духовности и души.

К Восьмой симфонии образно примыкает фортепианное трио памяти И. И. Соллертинского — друга Шостаковича, человека легендарной эрудиции и образованности (умер 11 февраля 1944 г. в эвакуации), а также, неофициально, памяти талантливого ученика В. Флейшмана, погибшего под Ленинградом в первый месяц сражений. Вселенское отчаяние звучит в этих произведениях. «Какие лунные кратеры породили эту музыку, эту безысходную трагедию — конец мира», — потрясенно промолвил после премьеры знаменитый дирижер Николай Голованов [3, с. 425].

Исполнение «советской» Девятой симфонии обмануло ожидания власти услышать повторение общечеловеческого гимна Девятой симфонии Бетховена. В симфонии Шостаковича есть «гайдновское» озорство, ирония и гротеск, «драгоценная» лирика, высокая трагедия, но нет всенародного официального ликования. Симфония Шостаковича выразила чувства народа, для которого победа над фашизмом имела значение праздника с ярко выраженными чертами лицедейства. «Нельзя правильно понять культурную и литературную жизнь и борьбу... истории человечества, игнорируя особую народную смеховую культуру, которая всегда существовала и никогда не сливалась с официальной культурой» [11, с. 244]. В Девятой неожиданно открывается личность автора, мыслящего категориями народной культуры: смех вместо официального славословия и трагического отчаяния, смех как слезы. Темы симфонии постоянно меняют смыслы: изящная, танцевальная тема I части превращается в гротескную польку в разработке. В Ларго IV части фагот «произносит» скорбный монолог. Эта же тема фагота — гротескный галоп в V части, и она же пафосно звучит в конце, комически «подхихикивает над райской жизнью» в последних тактах симфонии. Да и лирическая тема I части не проста: конец каждой фразы искажается неожиданной интонацией боли, стона. Помимо отсылок к низким жанрам, есть здесь аллюзии из произведений самого автора и Г. Малера.

Театр жизни проявляется не только на уровне семантики тем, но и на уровне персонажности инструментов. В симфонии есть и второй план, отражающий образы войны: дробь литавр и барабана «за кадром» в лирической теме I части.

Завершается цикл условно непрограммных симфоний Шостаковича в 1953 г. созданием 10-й симфонии. Конкретность и глубина, внутренняя многозначность образов позволяет открывать в них скрытые смыслы приемами трансформации, «оборотничества».

Нравственно-этическая оценка существования личности оценивается композитором на каждом этапе симфонического развития.

Важнейшим этапом становления этого момента творчества Шостаковича и, прежде всего, в его военных симфониях, являются медленные части и авторская тема-монограмма DSCН (Дмитрий Шостакович). Впервые она появляется в Девятой симфонии, звучит в Десятой (1953, соч. 93), в Восьмом квартете (1960, соч. 119). Тема возникает именно тогда, когда автору необходимо прокомментировать «событие»: скорбно или иронично, зло или весело. В Десятой симфонии монограмма приобретает особый смысл: она «с маниакальным упорством» заполняет все части, оттесняя сталинскую тему.

Темы медленных частей песенны. Они всегда воспринимаются как моменты прозрения, осознания «героем» симфонии своих корней, себя как части народа. Хорального склада медленные части являются у Шостаковича воплощением высших истин, народных и общечеловеческих ценностей.

Р. К. Щедрин, вспоминая из своего детства тайные походы с друзьями в филармонию, говорил, что они слышали, как во II части Седьмой за инструментальностью вибрирует текст, слово. Об этом пишут и близкие друзья Шостаковича: композитор предполагал положить на музыку II части «Псалом “на крови”» № 59. У Шостаковича никогда нет формального повторения тем. Часто репризы звучат как скорбные монологи автора. Таков монолог-реквием фагота в репризе I части Седьмой симфонии.

Музыкальные образы симфоний, опер, камерных произведений, песен о войне и мире превращаются для сегодняшнего и будущих поколений не только в факт жизни прошедшей эпохи, но в историю высочайшего нравственного человеческого подвига.

В горниле Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. противостояние Добра и Зла приобрело поистине мировой масштаб. И никогда еще не был так прекрасен Человек и Народ, противостоящий Злу реальным подвигом жизни и своим искусством.

Противоречия начала XXI столетия и сегодняшняя картина нашего общего дома — России полны проблем, для разрешения которых

необходимо не забывать взгляд Гоголя и Шостаковича на подоплеку мещанства. Валентин Распутин в своем последнем интервью сказал, что Россия по природе своей молодая цивилизация, однако и для нее опасны навязываемые глобализацией условия: ей «грозит не старость, не усталость, не изношенность, а “красивая” жизнь в пучине безнравственности и отвержения традиций» [7].

Искусство, хранящее в себе память истории человечества, дает опоры крепкие и вневременные. Эту линию саморазвития духовной сущности человечества и утверждает музыка, рожденная волей к жизни и стойкостью к испытаниям, которые с честью преодолел наш народ в годы Великой Отечественной.

Использованная литература

1. Белов Г. Г. Загадочный Шостакович // Музыкальная академия. — 1997. — № 4. — С. 224–230.
2. Валькова В. Б. «Рыдать над смешным»: традиции русского юродства в творчестве Шостаковича // Искусство XX в.: Парадоксы смеховой культуры. — Нижний Новгород : Нижегородская гос. консерватория имени М. И. Глинки, 2001. — С. 229–239.
3. Волков С. М. Шостакович и Сталин. Художник и царь. — М. : Эксмо, 2005.
4. Данилевич Л. В. Дмитрий Шостакович. Жизнь и творчество. — М. : Сов. композитор, 1980.
5. Никитина Л. Д. Советская музыка. История и современность. — М. : Музыка, 1991.
6. Новоселова Л. А. Творчество А. Эшпая. — М. : Сов. Композитор, 1981.
7. Распутин В. Г. Сколько мы еще будем запрягать? : Интервью [Аргументы и факты. 2008. 19 мар.] // Peoples.ru. Интересно о людях. — URL: <https://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/rasputin/interview3.html> (дата обращения: 10.12.2020).
8. Росс А. Дальше — шум. Слушая XX век. — М. : Астрель, 2012.
9. Сабина М. Д. Было ли два Шостаковича? // Музыкальная академия. — 1997. — № 4. — С. 233–237.
10. Сабина М. Д. Шостакович-симфонист. — М. : Музыка, 1976.
11. Терехин А. В. Социально-философский аспект концепции народной смеховой культуры // Искусство XX в.: Парадоксы смеховой культуры. — Нижний Новгород : Нижегородская гос. консерватория имени М. И. Глинки, 2001. — С. 240–250.

12. Хентова С. М. Шостакович в годы Великой Отечественной войны. — Л. : Музыка, 1979.
13. Холопова В. Н. Путь к центру. Композитор Родион Щедрин. — М. : Композитор, 2000.

Lyudmila N. KUZNETSOVA

Lecturer, Musical and Theoretical Disciplines,
Novorossiysk College of Music, Novorossiysk,
Krasnodar Region, Russia
lyuda.kuznetsova.2022@mail.ru

Music of War and Peace in the Works of Russian Composers of the XX Century

The article is devoted to the figurative and dramatic content of the symphonies of Russian composers of the war and post-war period, the chronicle of the feat of the people in the Great Patriotic War, fully presented in a most conceptual of the musical genres — in a symphonic. Putting the military symphonies of D. D. Shostakovich in the center of his attention, the author of the article shows their special journalistic nature and disclose of philosophical and ethical problems: the great victory of Russia over fascism is understood in Shostakovich's symphonies as a spiritual and moral victory.

Keywords: *The Great Patriotic War, music of Soviet composers of 1940–1970s, D. D. Shostakovich, symphonic genre, the theme of the Motherland, the theme of Victory.*

А. В. Лексина*

Философская аксиология символики войны и гор в поэзии Ю. П. Кузнецова

Анализируя философский аспект поэзии Ю. П. Кузнецова, автор статьи обнаруживает смысловую общность между образом гор и символическим смыслом ряда стихотворений поэта о трагических событиях Великой Отечественной войны. Эти соот-

* ЛЕКСИНА Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент факультета повышения квалификации Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников, Москва, Россия. Электронная почта: leksina.a@yandex.ru.

ветствия позволяют выявить определенную художественную аксиологию, рассмотреть духовно-нравственную парадигму, стержень которой у Юрия Кузнецова детерминирован биографическими факторами (гибель отца на войне). Сделан вывод об особенностях интенциональной модели художественного мира этого одного из самых ярких поэтов XX столетия.

Ключевые слова: Ю. П. Кузнецов (1941–2003), Великая Отечественная война, тема подвига, тема гор, философская символика бытия/небытия, художественная аксиология, поэтика, биографический контекст творчества.

Творчество Юрия Кузнецова, по его собственным утверждениям, было следствием войны — того горя, что унесло из семьи отца, той боли, что продолжала звенеть в нем до последних секунд его жизни. И большая часть стихотворений Кузнецова вырастает из протеста — смерти должна быть противопоставлена жизнь, забвению корней — преемственность между поколениями отцов и детей, зависимости от общественного мнения, норовящего диктовать и поэтам, как и о чем им писать, — взвездная, антимещанская, вневременная свобода.

Горы и война стали для поэзии Юрия Кузнецова источниками личной философско-аксиологической картины мира: при штурме Сапун-горы в Крыму погиб его отец, смертью своей вызвавший пробуждение стихии поэтического творчества в своем младшем сыне. В автобиографическом очерке «Под знаком Водолея» поэт прямо говорит о смерти отца как первопричине своего поэтического пути: *«Он погиб в 1944 году в Крыму. В моем детстве образовалась брешь. Это была сосущая загадочная пустота отцовского отсутствия, которую я мог заполнить только словом. Я много написал стихов о безотцовщине и постепенно перешел от личного к общему. Я въяе ощутил ужас войны и трагедию народа. Ведь кругом почти все были сироты и вдовы. Я коснусь запретного. Мой отец погиб не случайно. Это жестокая правда моей поэтической судьбы. Если бы он вернулся с войны живым, трагедия народа была бы для меня умозрительной, я был бы ненужным поэтом; пошел бы по боковой линии народной жизни, как обеспеченный генеральский сынок. Я бы неминуемо впал в духовное одичание метафоризма. Я недолго увлекался метафорой и круто повернул к многозначному символу. С помощью символов я стал строить свою поэтическую вселенную...»* [2, с. 20].

И здесь можно увидеть проникновение поэтического предвидения Кузнецова в глубинные философско-аксиологические слои русской народной культуры: отрицание войны как противоестествен-

ного действия, порождающего трагедию народа. Но здесь же мы видим и важную аксиологическую миссию личности поэта и гражданина: преодоление и продление личной боли ради сохранения исторической памяти о народных бедствиях и потерях, ради преемственности между поколениями отдавших жизнь отцов и продолживших жизнь детей.

По свидетельству поэта, главным художественным средством, помогающим выразить важность этой народной миссии, становится символ. О специфике мифосимволического мышления Юрия Кузнецова немало сказано в вышедших за последние полтора десятилетия книгах о поэзии Юрия Кузнецова (см.: [1; 10]) и в сборниках конференций по его творчеству (см.: [4; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 12] и др.). Однако тема далеко не исчерпана.

Ее важную грань представляет собой символ, объединяющий философские смыслы образа восхождения в горы как духовного преобразования, совершенствования, но и принятия огня на себя, отвлечения противника от тех, кто остался на мирных равнинах, проявившийся в стихотворении Юрия Кузнецова «Вечный снег» [3, с. 151].

Название стихотворения подсказывает читателю, с одной стороны, вечность противостояния жизни и смерти, с другой — важность сохранения памяти о смерти тех, кто принес свою жизнь в жертву будущей жизни, пал на не знающей пощады войне.

Кузнецов показывает символ сначала с объективной в аксиологическом и онтологическом отношении стороны:

*Непричастная злу и добру,
Вечным снегом вершина блистает.*

Мир природы, незапятнанной страстями человеческими и действиями, ставшими следствием этих страстей, выступает здесь как недостижимый аксиологически индифферентный идеал, исключаящий как зло, так и добро.

Однако природа не может выступать носителем духовно-нравственных ценностей, их создают и воплощают в жизнь люди. И поэт показывает, как люди, разрушая самую главную ценность — сохранение жизни, становятся вечным памятником страдания, в назидание потомкам.

Кузнецов для связи аксиологического полотна культуры часто использует особый прием художественной ретроспекции: живые сегодня

получают возможность в его стихах беседовать с ранее жившими, но ушедшими в мир иной по «неполной причине», имя которой — смерть.

Этот образ, ставший для поэта центральным, появляется в его цикле «Из Сталинградской хроники. Комсомольское собрание». В последующей части цикла «Связист Путилов» [3, с. 308–309] поэт, рассказывая о подвиге связиста, зажавшего оборванный провод зубами и своей смертью продолжившего жизнь других людей, высказывает свою главную поэтическую мечту:

*Кто натянет тот провод на лиру,
Чтоб воспеть славу этому миру?..
Был бы я благодарен судьбе,
Если б вольною волей поэта
Я сумел два разорванных света:
Тот и этот — замкнуть на себе.*

Почему для Кузнецова смерть — это причина неполная? Как поэт, обеспечивающий связь между мирами, он призывает людей, живущих сегодня, воспринимать ценности, помогавшие жить ушедшим из нашего нынешнего мира, такими же важными и непреложными. Смерть не может разрушить эти ценности: любовь к жизни, к родной земле, красоте природы и красоте души, заботы о детях, как главных продолжателях дел своих отцов и дедов, сохранении гармонии в познании мира с любовью к нему.

В стихотворении «Вечный снег» все эти ценности сохраняются не столько благодаря отстраненности семантического поля, порождаемого образом-символом горной-горней, вершинной, надмирной запредельности. В философско-аксиологических воззрениях народов, традиционно связавших свою жизнь с парадигмой восхождения на вершину, такие ценности связаны и с символическим потенциалом жертвенного служения своему народу, как никогда более явственно проявляющим себя в военной тематике.

Герой стихотворения — старик-пастух, не досчитавшийся овец на горном пастбище, силой поэтического воображения переносится на границу двух миров: мира мертвых и мира живых, где прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно и одновременно. Эпитет «вечный» выступает в стихотворении лейтмотивом, указывающим на важность исторической преемственности и памяти каждого народа, а подчеркивает значение данного лейтмотива оппозиция «человеческое-природное»,

где природные объекты изображаются аксиологически нейтральными: «непричастными злу и добру»; субъекты же, люди, действовавшие как в прошлом, так и в настоящем, должны нести на себе бремя ответственности за ценности, направленные в будущее.

Кузнецов изображает своего героя в ситуации откровения, а значит — преобразования, которое не случайно связано с восхождением в горы, поскольку они сближают человека с небом, с миром вечных ценностей, освещающих путь всем поколениям прошлых, настоящих и будущих жителей Земли:

*Но очнулся старик, наконец,
От сиянья, идущего с неба,
По следам запропавших овец
Он добрался до вечного снега.*

*Он увидел овец и солдат,
Полегли и свои, и чужие
Много лет или больше назад
И лежат меж овец, как живые.*

*Может быть, это сон поутру?..
Но овца в изголовье стояла,
Непричастная злу и добру,
И замерзшие слезы сбирала.*

Кузнецов не случайно сопрягает природные явления и проявления человеческой деятельности: тем самым он подчеркивает единство мира, обретаемое через ответственность людей за жизнь на земле:

*Видно, плакал далекий юнец,
Не сдержался от страха и боли,
Превратился солдат в солонец...
Вон, благая, из этой юдоли!*

*Обошел он овец и солдат,
А солдаты лежат, как живые,
Много лет или больше назад
Ждут и смотрят — свои и чужие.*

Поэт настраивает бинокль читательского восприятия на вневременность проблемы войны, отнимающей жизни и у молодых, и у старых,

и у своих, и у чужих, и здесь его философско-аксиологическая система сближается с символикой религиозного возрождения — преображения — воскресения, предшествует которому жертвенная смерть:

*От густого дыханья овец
Пробудились замерзшие звуки,
Отодвинулся страшный конец
И оттаяли крестные муки.*

Поэтическое прозрение всеохватывающе, и Кузнецов провозглашает, в который раз, тезис о победе жизни над смертью, пусть даже это жизнь потомков, почитающих память погибших предков. Ибо живые заступают на пост и становятся часовыми вечной памяти, вечных ценностей, вечной жизни:

*И раздался неистовый свист
Там, где в вечность упала граната.
Старый по снегу кинулся вниз
И ожег своим телом солдата.*

*И протаял, как искра во мгле,
Хриплый голос далекого брата:
«Знайте правду: нас нет на земле,
Не одна только смерть виновата.*

*Наши годы до нас не дошли,
Наши дни стороной пролетели.
Но беда эта старше земли
И не ведает смысла и цели...»*

Онтологическое противоречие бытия-небытия, тем самым, возводится Кузнецовым в разряд первопричин, предшествовавших даже тем изначальным шагам человечества, которые первые люди совершали вместе с созданием космогонических мифов, наделявших смыслами и функциональностью все явления и события, вызывавшие поначалу страх своей необъяснимостью. И смысложизненным ориентиром на пути в неизведанной и страшной реальности становится правда жизни, свидетельствующая о том, что только жизнь является правдой, оправдывает существование человека на земле:

*После долго старик вспоминал,
Ничего, кроме правды, не вспомнил,
Ничего, кроме правды, не знал,
Ничего, кроме правды, не понял.*

*Кто там был? Он мудрец иль святой?
Пал, как все, безымянным героем.
Все легли под небесной плитой.
Все молчат перед вечным покоем.*

Проводя параллели между «крестными муками» Христа и жертвенным подвигом миллионов солдат, погибших в войнах, которые так же вечны, как вечна смерть, вечен снег, вечен покой, Кузнецов предостерегает грядущие поколения от бессмысленных и бесконечных жертв, уносящих все новые и новые жизни, вместо того, чтобы совершенствоваться, отказываясь от страстей, выбирая путь горный и благой, сохраняя ценности любви к ближнему, добра, взаимопомощи и созидания.

Использованная литература

1. «Звать меня Кузнецов. Я один»: Воспоминания. Статьи о творчестве. Оценки современников. — М.: Лит. Россия, 2013.
2. Кузнецов Ю. П. Стихотворения (Библиотека избранных стихотворений). — М.: Мол. гвардия, 1990.
3. Кузнецов Ю. П. Стихотворения. — М.: Эксмо, 2011.
4. Кузнецовские чтения 2013–2014: Русский мир и Европа. Пространство и время в творчестве Юрия Кузнецова : матер. VII и VIII междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–15 февр. 2013 г.; Москва, 20–21 февр. 2014 г.). — М.: Изд-во ИН Яковлев, 2015.
5. Кузнецовские чтения 2015–2016 гг. Юрий Кузнецов и русская поэзия XX в. / Образ будущего в творчестве Ю. П. Кузнецова : сб. ст. по итогам конф. (Москва, 19–20 февр. 2015 г.; Москва, 11–12 февр. 2016 г.). — М.: Б. и., 2017.
6. Миф и действительность в творчестве Юрия Кузнецова : матер. III науч.-практ. конф., посв. творч. наследию Ю. П. Кузнецова (Москва, 12–13 февр. 2009 г.). — М.: Изд-во СП России, 2009.
7. Он стоял перед самым ответом: Вера и судьба России: век XX, век XXI: Юрий Кузнецов — поэт и философ : матер. конф. (Москва, 14–15 февр. 2007 г.): В 2-х ч. — М.: Изд-во СП России, 2007.

8. Первые литературные Кузнецовские чтения : матер. конф. — Краснодар : Кубанькино, 2006.
9. Сын Отечества : II ежегодная международная конференция, посвящ. творческому наследию Юрия Кузнецова (Москва, 13–14 февр. 2008 г.). — М. : Изд-во СП России, 2008.
10. *Третьякова Е. Ю.* Юрий Кузнецов: зрелое новаторство. — Краснодар : Краснодарский ун-т культуры и искусств, 2013.
11. Юрий Кузнецов и мировая литература : материалы V междунар. науч. конф. (Москва, 9–10 февр. 2011 г.). — М. : Изд-во Литинститута имени А. М. Горького, 2011.
12. Юрий Кузнецов и Россия : матер. IV междунар. науч. конф. (Москва, 14–15 февр. 2010 г.).— М.: Изд-во Литинститута имени А. М. Горького, 2010.

Anna V. LEKSINA

Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof.,
Faculty of Advanced Training, Center for Continuous
Professional Development of Teachers,
Moscow, Russia
leksina.a@yandex.ru

Philosophical Axiology of the Symbolism of War and Mountains in Yury P. Kuznetsov'S Poetry

Analyzing the philosophical aspect of Yury P. Kuznetsov's poetry, the author of the article discovers a semantic commonality between the image of mountains and the symbolic meaning of a number of the poet's poems about the tragic events of the Great Patriotic War. These correspondences allow us to identify a certain artistic axiology, to consider the spiritual and moral paradigm, the core of which in Yuri Kuznetsov is determined by biographical factors (the death of his father in the war). The conclusion is made about the features of the intentional model of the artistic world of this one of the most prominent poets of the XX century.

Keywords: *Yury P. Kuznetsov (1941–2003), The Great Patriotic War, the theme of heroism, the theme of mountains, philosophical symbolism of being/non-being, artistic axiology, poetics, biographical context of creativity.*

С. А. Колесникова*

Тенденции театрального репертуара в области военной темы: эволюция или инволюция?

Анализируя репертуарные тенденции второй половины XX — начала XXI в., автор статьи впервые дает точную сводку военных пьес, поставленных в Краснодарском драматическом театре имени М. Горького. В круг рассмотрения включена и тема осмысления событий Великой Отечественной, их влияние на характер человека, историческую память и гражданское чувство. Прослежена динамика смены приоритетов, сделаны выводы о причинах, вследствие которых число постановок уменьшилось в 1980-е, военная тема совершенно исчезла со сцены к концу столетия. Военная пьеса 1960–1970-х гг. была одним из главных направлений репертуара не по одним соображениям идеологии и политики, но по художественным основаниям, как нравственная потребность драматургов и деятелей театра старшего поколения. Затем подходы к военной теме изменились в силу объективных и субъективных причин, связанных с кардинальными сдвигами в восприятии понятия «героизм».

Ключевые слова: Отечественная драматургия 1960–2010-х гг., героика, военная пьеса, Краснодарский драматический театр имени М. Горького, репертуарная политика, тема Великой Отечественной войны, политика памяти.

Главная тенденция театрального репертуара в области военной пьесы на рубеже XX–XXI вв. на отечественной сцене состоит в явном вымывании темы героики, чего не наблюдалось в предшествующий период, 60–80-е гг. XX в. Подтвердим этот факт анализом репертуара Краснодарского драматического театра имени М. Горького. Обозначенная нами тема вполне репрезентативна на его примере. Уважаемый, дееспособный творческий коллектив, которому в 2020 г. исполнилось 100 лет, накопил в своей истории немало творческих свершений, равно как и проблемных моментов.

Под военной пьесой мы понимаем не только прямое, сюжетное отображение героики. Нередко реальное боестолкновение, события военных операций бывают вынесены за пределы сценического повествования; на сцене же осмысляются совершающиеся события, их нравственные и иные последствия. Вопросы войны в таком случае являют собой фокус важнейших сдвигов в историческом сознании человека —

* КОЛЕСНИКОВА Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия. Электронная почта: ck16@mail.ru.

современника войны, военнослужащего, военнопленного, прошедшего или, наоборот, пережившего войну и сохранившего о ней условные представления.

Итак, репертуарный лист, начиная с 1960-х гг. и по настоящее время, с датами и краткими попутными комментариями и отсылками в критику, которой мы специально касаться здесь не сможем.

Тему открывала в 1961 году «Северная Мадонна» братьев П. и Л. Тур (реж. Т. Д. Гогава). Вдова нашего военного летчика посещает его могилу в одной из стран на Севере Европы. Героиня встречает как участие, так и настороженность со стороны американских военных летчиков у границ нашей страны. Закончена одна война, это не значит, что не может быть следующей [3, с. 3].

В 1965 г. были осуществлены две постановки: приключенческая драма М. Б. Маклярского, К. И. Рапопорта «Пресс-атташе в Токио» о последних днях жизни разведчика Рихарда Зорге, его раскрытии и гибели в Японии (реж. М. В. Нагли) [1, с. 3], и драма Ариадны и Петра Тур «Перебежчик» из жизни немецкого офицера, добровольно перешедшего в расположение нашей части в период вынужденного отступления Красной Армии. Он встречает недоверие начальника разведки армии полковника Рубцова, только что потерявшего сына на фронте, но и любовь русской девушки-летчицы Гали Хмелько. Спектакль не вызвал доверия со стороны военных и гражданских зрителей своей надуманностью (реж. В. И. Ясногородский).

В 1966 году были также две постановки по пьесам С. И. Алешина. Героическая драма «Каждому свое» о русском танкисте, попавшем в концлагерь. Его моральный подвиг поражает фашистов, они не выдерживают очный — лицом к лицу — спор с патриотом, отказавшимся работать на рейх. Спектакль в постановке М. А. Куликовского исполнялся на гастролях в Москве [5, с. 3].

Инсценировка популярного романа В. М. Кожевникова «Щит и меч» стала основой спектакля, где русские разведчики действуют в логове врага под прикрытием обер-лейтенанта Иоганна Вайса и танцовщицы из офицерского кабаре Эльзы Вольф. Этот увлекательный военный детектив можно назвать предшественником «17 мгновений весны».

Сразу три постановки осуществлены в 1968 г. В драме В. Н. Собко «Сохрани мою тайну» (реж. А. Исаев) молодая журналистка разыскивает отца, бросившего ее с матерью, военной медсестрой. Девушка знает, что отца звали Федор, и находит его в городе, где когда-то формировалась

воинская часть, — искалеченного инвалида в военном госпитале. Он не хотел быть обузой для ее матери, которая, умирая, так и не узнала о его ранении. Бравада и безапелляционность девушки, готовой нападать, разлетается в прах перед лицом реальности, причиной которой стала война [2, с. 3]. В пьесе «Призраки возвращаются» — инсценировке романа Яна Рудского — прибывший в западногерманский город польский журналист расследует военное прошлое, и призрак нацизма, с которым, казалось, покончено, оживает (реж. К. Ю. Баранов) [4, с. 3]. Лирическая драма А. Н. Арбузова «Мой бедный Марат», одна из самых репертуарных, до сих пор ставится с успехом. Основа сюжета — треугольник, который только любовным назвать нельзя. Военное прошлое, кажется, преодоленное, навсегда входит в жизнь военного поколения (реж. С. И. Шмаков).

Итожила репертуар 1960-х поставленная в 1969 г. драматическая хроника начала атомной эры «Человек и глобус» — пьеса В. В. Лаврентьева из жизни атомщиков, показывающая их мир, их философию истории, видение будущего и опасения просвещенных людей, лучше других понимающих перспективы атомного оружия в послевоенной реальности.

Среди персонажей — Гарри Трумэн и Уинстон Черчилль (реж. М. А. Куликовский). Спектакль также показывали в Москве.

Тема была продолжена в 1970-е гг.

В сезон 1969/1970 гг. ей соответствовали две героические драмы, обе в постановке Куликовского: «День седьмой» — кубанского писателя и журналиста Б. М. Каспарова — о семидневном противостоянии полка Красной Армии, сковавшего авангард вражеского корпуса на границе с Польшей в самом начале войны [13, с. 3], и «Цемесская бухта» известного драматурга и публициста А. В. Софронова. Образец типичной позднесоветской публицистики с боями, взрывами и Вечным огнем в начале и в конце (см.: [9, с. 3; 14, с. 3; 15, с. 3]).

1971 год принес два ярких репертуарных события: «Трибунал» А. Е. Макаенка — историю личного мужества простой сельской белорусской семьи (реж. М. А. Куликовский) [11, с. 3] и инсценировку ставшей всеобщим потрясением повести Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие...» — о героизме девушек-зенитчиц (реж. К. Ю. Баранов) [12, с. 3]. В 1972 г. состоялась премьера драматической повести Н. П. Анкилова «Солдатская вдова», одно из самых пронзительных воплощений военной темы в нашем театре. Спектакль был возобновлен через 10 лет на новой сцене в 1984 г. (реж. М. В. Нагли) [6, с. 3]. В 1974 г. поставлена драма

А. Н. Арбузова о военном поколении «Годы странствий» (реж. М. А. Куликовский) [7, с. 3; 8, с. 3.]. В 1975 г. была поставлена знаменитая пьеса Л. М. Леонова «*Нашествие*» (реж. М. А. Куликовский), действие которой проходит в городке, оккупированном немцами, и где вопросы героики тесно сопрягаются с вопросами выживания. Что первично — героическая гибель или собственное благополучие? Закрывала 1970-е инсценировка известного романа Ю. В. Бондарева «*Берег*» (1978, реж. М. В. Нагли).

Таким образом, 1960-е гг. в целом дали девять постановок, 1970-е — восемь.

В 1980-е за 10 лет поставлено лишь два военных спектакля: героическая баллада белорусского драматурга А. А. Дударева «*Рядовые*» (1984, реж. В. В. Бухарин) и инсценировка драматической повести Бориса Васильева о поколении молодых, закончивших школу 21 июня 1941 г. «*Завтра была война*» (1986, реж. М. В. Нагли). На этой отметке (1986 год — начало перестройки) список прерывается на 25 лет. Ровно столько репертуар драматического театра был свободен от жанра военной пьесы. Она вернулась в 2011 г., но — в каком качестве? Драма Э. Т. Аكوпова «*Остров*» (камерная сцена) не вызвала у зрителей никаких чувств. В 2015 г. также на камерной сцене прошел спектакль «*Свеча. Две истории одного дня*» (инсценировка произведений К. М. Симонова, реж. А. В. Фогелев), тоже очень скромная работа. В 2018 г. был выпущен, возможно, самый одиозный из всех спектаклей в военном жанре, имевших место в истории театра: «*Мартышка*» (реж. Г. В. Николаева) по пьесе кубанского журналиста В. В. Рунова из жизни Кубани в Великую Отечественную войну. Пьеса о кубанском пареньке-партизане, попавшем к фашистам во время оккупации края, была публицистикой в чистом виде. Давались документальные кадры шествия «Бессмертного полка», крупный план с участием нашего президента и проч. [10, с. 10].

Наконец, в 2019 г. вернулся (на камерную сцену) спектакль по повести «*А зори здесь тихие...*» Б. Л. Васильева, увы, в профессиональном качестве не превышавший уровня студенческих постановок Краснодарской академии культуры. Реж. А. Русанова — выпускница этого вуза, и это было сильно заметно.

Дважды, в 2005 и 2014 гг., возникал спектакль-концерт «*Вера. Надежда. Любовь*» (реж. С. Ш. Калинин) — тематический вечер на военную тему, когда театру нечего было предъявить взамен.

Вот, собственно, и все, о чем говорят факты, из которых возможны два следующих вывода.

Военная пьеса в 1960–1970-е гг. являлась одним из главных направлений репертуара не только по соображениям идеологии и политики, но и по художественным основаниям. Она была нравственной потребностью драматургов и деятелей театра того поколения.

Резкий отказ от темы, ее фактическое закрытие в театре мы не можем объяснить лишь беспамятством, поскольку явление беспамятства просто так в народе не возникает, равно как и, наоборот, сохранение исторической памяти. В этом и состоял репертуарный парадокс рубежа веков. Объем вводимых в научный оборот и в общественное сознание новых исторических знаний о Великой Отечественной войне нарастал, шли споры о подлинной/неподлинной историографии, о фальсификации истории, о политизации темы и пр. В такое время театр берет паузу и заполняет ее репертуаром прошлого («*А зори здесь тихие...*», «*Севастопольский вальс*» и т. д.). С одной стороны, это дало эволюционный рывок в освоении темы в общественном и научном сознании; с другой — инволюцию в ее образном, сценическом освоении.

Сделанные из наблюдений за репертуаром Краснодарского драматического театра имени М. Горького в 1960–2010-е гг. выводы применимы и к большинству российских театров. Объективная сторона этой реальности — общая ситуация с исторической памятью, отсутствие единого учебника по истории, малое количество часов по этому предмету в школе; либерализация темы, по которой кто только не высказывается и не строит концепций — о причинах и начале войны, потерях, роли Сталина и нашего командования в первые месяцы. К ряду объективных причин следует отнести и реакцию театров на практику навязывания «репертуара к памятным датам» и, как следствие, усталость от этой практики, протест против нее.

Есть и субъективные факторы. В творчестве отдельных авторов военная тема приобретает новые очертания. Немало военных драм в последнее время снято в кино на основе новых технологий, с новым поколением артистов. Успех этих лент бывает огромный. Самый последний по времени пример: фильм «*T-34*».

За освоение соответствующей темы на экране вроде бы творчески конкурируют. Но в итоге и она воплощается будто бы по чьей-то установке.

Несколько лет назад, в День Победы, когда сетка вещания тематическая (и это понятно), переключая каналы телевизора, можно было увидеть: историю заброшенного в наши части резидента; подрывную

деятельность на временно оккупированной врагом территории; некомпетентность военного командования, пытающегося свою растерянность скрыть, и т. д. В сюжетной основе каждой ленты лежали факты предательства. Взятые по отдельности, снятые с участием известных актеров ленты представляли интерес для зрителя. Однако когда они одна за другой сошлись в день 9 мая, само понятие Победы, только что восславленное утренним парадом на Красной площади и шествием «Бессмертного полка», все же размывалось, исподволь подтачивалось.

Словом, причины исчезновения военной пьесы из репертуара многосоставны. В заключение скажем еще об одной важной тенденции. Тема военной героики на сцене, собственно, и должна претерпеть редукцию традиционных представлений под напором новых технологий в кино и новых знаний. Некоторые театры начинают осмысливать прошедшее историческое событие с совершенно другой стороны — без единого выстрела Т-34, а именно: как общечеловеческий феномен; неотвратимый зигзаг эволюции человечества; как результат неизбежного противостояния государств.

Обратим внимание на спектакль Малого театра «*Большая тройка (Ялта-45)*» по шведской пьесе (автор Л. Свенссон). В Ливадийском дворце, неподалеку от Ялты, три человека решают, каким быть миру после разгрома фашистской Германии. Они названы не по фамилиям, а по должностям: Председатель Совета Народных Комиссаров СССР, Президент США, Премьер-министр Великобритании. Жанр спектакля — художественная реконструкция исторических событий — имеет в подоснове установку на жажду правды и подлинности.

Сегодня театрам невозможно работать по-старому, играть лживые, залитованные советские пьесы или пропагандистские сервильные эрзацы. Но также невозможно по собственному желанию или по заказу импровизировать с правдой прошедшей войны. Такой волонтаризм непродуктивен ни в области науки, ни в области искусства.

Использованная литература

1. *Багин И. И* вновь встреча с Зорге: пьеса М. Маклярского и К. Рапопорта «Пресс-атташе в Токио» на сцене Краснодарского драматического театра им. М. Горького // Советская Кубань. 1965. 3 апр.
2. *Бакалдин В. Б.* О тех, кто отстоял жизнь // Советская Кубань. 1968. 14 февр.

3. *Березовская Е.* Сердца простых людей верны миру // Красное знамя. Сочи. 1962. 6 июня.
4. *Беретарь Х.* Люди, будьте бдительны... // Советская Кубань. 1969. 22 янв.
5. *Бойко В.* Именно: каждому свое: пьеса С. Алешина «Каждому свое» на сцене краевого драматического театра им. М. Горького // Советская Кубань. 1966. 6 мая.
6. *Валентинов С.* Есть женщины в русских селеньях // Черноморская здравница. — Сочи. 1972. 10 июня.
7. *Ветрова Л.* Найти себя // Советская Кубань. 1974. 1 дек. — С. 3.
8. *Данилова И.* Вечности в запасе нет // Комсомолец Кубани. 1974. 18 дек.
9. *Кинелев Г.* Вечно живые: пьеса А. Софронова «Цемесская бухта» на сцене Краснодарского театра драмы им. М. Горького // Советская Кубань. 1970. 10 янв.
10. *Колесникова С. А.* Краснодар. Решили не заморачиваться // Страстной бульвар, 10. — 2019. — № 4. — С. 10–14.
11. *Макаренко Ю.* Суд по законам совести // Советская Кубань. 1971. 7 окт.
12. *Макаренко Ю.* Прикоснись сердцем к подвигу // Сов. Кубань. 1971. 23 нояб.
13. *Маркосянц С.* Первые страницы войны // Сов. Кубань. 1970. 20 мая. — С. 3.
14. *Самойленко В.* Героическая страница войны // Крымская правда. 1970. 24 июня.
15. Сегодня о войне: к гастролям Краснодарского краевого драматического театра им. М. Горького // Новороссийский рабочий. 1970. 4 июля.

Svetlana A. KOLESNIKOVA

Cand. Sci. (Russian Literature), Assoc. Prof.,
Department of Foreign Languages No. 2,
Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
ck16@mail.ru

Trends of the Theater Repertoire in the Field of Military Themes: Evolution or Involution?

The article is devoted to the analysis of repertory trends in the field of military themes in the second half of the XX — early XXI centuries. The author gives an accurate

summary of the plays staged in different periods of theatrical history by the Krasnodar drama theater named after M. Gorky. The number of productions decreased dramatically in the 1980s. By the end of the XXth century the military theme completely disappears from the scene. The author highlights the main reason for this trend. The war play in 1960–1970th was a moral need of that generation. Today, approaches to the military topic have changed. Approaches to the military topic have changed due to objective and subjective reasons associated with cardinal shifts in the perception of the concept of heroism.

Keywords: *National drama of 1960–2010, heroics, military play, Krasnodar Drama Theater, repertoire policy, the Great Patriotic War theme, memory policy.*

С. В. Толстопятый*

Военно-патриотические произведения советской грамзаписи в период Великой Отечественной войны

В статье проанализирован военно-патриотический репертуар советской грамзаписи в период Великой Отечественной войны. Показано, что для этого периода было характерно сокращение числа звукозаписывающих производств, эвакуация их документно-учетной базы. В частности, имело место временное изменение матричной нумерации грампластинок с пятизначной на трехзначную. Сосредоточив свое внимание на грамзаписи созданных в годы Великой Отечественной новых произведений военно-патриотического характера, автор статьи детализирует репертуар грамзаписи с учетом сведений об исполнителях и музыкальных коллективах. Прослеживается, как продукция отечественной грамзаписи 1941–1946 г. отразила события войны (блокада Ленинграда, создание антифашистских организаций, работу радиокомитетов, агитационная деятельность). Уделено внимание динамике изменений репертуара. В заключение статьи автор формулирует программу более углубленного изучения наиболее важных аспектов заявленной темы.

Ключевые слова: история отечественной грамзаписи, звукозаписывающие производства, Великая Отечественная война, военно-патриотический репертуар, учетные документы, Апелевский завод грамзаписи.

* ТОЛСТОПЯТЫЙ Сергей Владимирович, научный сотрудник Литературного музея Кубани (отдела Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына), Краснодар, Россия. Электронная почта: lit_muz@mail.ru.

Существуют некоторые сложности, сопряженные с определением военно-патриотического репертуара периода Великой Отечественной войны: списком произведений, годом и местом создания грамзаписей. Во-первых, не все грампластинки с записями, сделанными в этот период, известны. Во-вторых, не вполне очевидно количественное соотношение новых грамзаписей с переизданиями, записанными на основе довоенных матриц. В-третьих, репертуар советских грампластинок времен Великой Отечественной, как и тираж, был, по понятным причинам, ограничен. В-четвертых, имеются экземпляры грампластинок (например, «Синий платочек» в исполнении Л. Руслановой) с неопределенным местом и временем записи. Все это требует отдельной работы по рассмотрению довоенного (до 1940 г.) и основного периода.

Наконец, главной причиной, затрудняющей изучение проблемы, можно назвать то, что с осени 1941 г. производство на Апрелевском заводе было приостановлено, часть оборудования и книги учета эвакуированы. Производство возобновили в октябре 1942 г., но так как книги учета были по-прежнему недоступны из-за эвакуации, решено было ввести систему трехзначной (временной) нумерации матриц грампластинок. Выпуски с временной нумерацией являются самыми сложными для изучения по причине малого количества фактически известных грампластинок данного периода. Возврат к стандартной пятизначной нумерации совпал с переломным периодом войны и возвратом эвакуированной документации завода в конце 1943 г.

Считается, что к номерам прежней серии (последний в ней номер — 11056) были прибавлены 503 номера из трехзначной нумерации (однако эти данные нельзя считать абсолютно точными), и от итоговой суммы продолжен учет матричных номеров. В дальнейшем система сквозной нумерации матриц грампластинок не претерпевала изменений до 1947 г.

Еще одной сквозной темой, достойной изучения, мы бы назвали снабжение радиоточек и прямую перепись с пластинок на «американское стекло» и целлулоид во время войны для обеспечения радиовещания. Подобные грампластинки зачастую не имеют никаких обозначений, кроме иностранной фирмы-поставщика. Также интересны сделанные в кремлевской студии звукозаписи, переписанные с европейских грампластинок, и пробные, не пошедшие далее ограниченного тиража записи конца 1943 и 1945 гг. Этот вопрос нужно анализировать при более узком рассмотрении темы [2].

В довоенный период на территории СССР действовало несколько крупных предприятий, входивших в Грампластрест НКТП: Апрелевский завод, Ленмузтрест и Ногинский завод (перемещенный в 1942 г. в Ташкент) и несколько артелей в Московской и Ленинградской областях. В период войны функционировали: Ленинградская экспериментальная фабрика граммофонных пластинок, Апрелевский завод памяти 1905 года, «Пластмасс» НКМП ММП (существуют перепечатки с матриц Грампластреста с 1943 г.), Московский Дом звукозаписи (особенности его функционирования в период Великой Отечественной войны требуют уточнения). В процессе работы над статьей мы убедились, что внимательное изучение образцов предвоенного и военного репертуара, представленного на сайте Russian-Records.com (по названиям, тексту произведений и матричным номерам), дает повод для пересмотра дат создания произведения, времени его записи на пластинку, уточнения состава исполнителей.

Перемены первых дней войны — резкое изменение репертуара и значительные временные промежутки между записью произведений. Апрелевский завод (в Подмосковье) встретил начало Великой Отечественной срочным обновлением репертуара. Если выстроить примерную хронологию выпуска грампластинок в первые дни войны, получится:

- 18.06.1941. Матрица № 10999. «Тройка» (П. П. Булахова). Исполняет Краснознаменный ансамбль песни и пляски под управлением А. В. Александрова. Соло П. Твердохлебов;
- 25.06.1941. Матрица № 11010. «Бейте с неба самолеты» (муз. А. В. Александрова, сл. С. Я. Алымова). Исполняет Краснознаменный ансамбль песни и пляски под управлением А. В. Александрова;
- 28.06.1941. Матрица № 11015. «Мы фашистов разобьем» (муз. В. И. Мурадели, сл. С. Я. Алымова). Исполняет профсоюзный ансамбль песен и плясок при ВЦСПС под управлением И. Г. Лицвенко. Соло А. М. Куслеев;
- Без указания даты. Матрица № 11019. «Священная война» (муз. А. В. Александрова, сл. В. И. Лебедева-Кумача). Исполняет Краснознаменный ансамбль песни и пляски под управлением А. В. Александрова;
- 06–07. 1941. Матрица № 11042. «Будет Гитлеру конец» (муз. Р. М. Глиэра, сл. И. И. Доронина). Исполняет ансамбль пе-

сен и плясок Московского военного округа под управлением В. П. Побединского;

- 06–07. 1941 г. *Матрица № 11045. «До свиданья, города и хаты»* (муз. М. И. Блантера, сл. М. В. Исаковского). Исполняет духовой оркестр Министерства вооруженных сил СССР под управлением С. А. Чернецкого и хор ВРК под управлением А. С. Крынкина.

Наглядно видно, насколько быстро записывались на грампластинки и рассылались по союзным радиокомитетам новые военно-патриотические произведения. Агитация посредством радиовещания активно шла с первых дней войны, новые патриотические произведения зазвучали из радиодинамиков на призывных пунктах и по всем радиоточкам Советского Союза. Начался процесс выделения из общего репертуара подлинных художественных произведений, которые в дальнейшем стали «камертоном», эталоном военно-патриотической песни.

Звукозаписывающая индустрия работала и в сфере пропагандистско-идеологической. Фронту помогала созданная при политическом и организационном центре немецких антифашистов «Свободная Германия» (Nationalkomitee Freies Deutschland) артель, которая производила грампластинки для передвижных радиостанций с речами немецких генералов, перешедших на советскую сторону — Вальтера фон Зейдлиц-Курцбаха, Вальтера Ульбрихта, Антона Аккермана, Эрлиха Вайнерга. Они агитировали немцев переходить на сторону победителей ввиду очевидного поражения Германии в войне. Первые такие записи были сделаны в Красногорске 11 сентября 1943 года [3, с. 86].

Некоторые передвижные радиостанции использовали в своей работе так называемые «записываемые диски» — заготовки, на которые напрямую записывались патриотические речи, песни. Политуправления военных округов занимались их рассылкой. Вопрос, где и кем они были записаны, остается открытым: в данном случае определить конкретное место и год записи невозможно. В период войны в СССР для Ленинградского и Московского радиокомитетов поставлялись заграничные диски Audiodisc и Presto (в разное время существовало несколько наименований подобных дисков, произведенных в США и Великобритании). Примерно в 1946–1947 гг. организованное в СССР производство аналогов Presto на некоем Экспериментальном заводе активного развития не получило в связи с переходом к технике магнитозаписи.

Темой отдельной статьи может стать история создания радиофильма «Блокада» («900 дней»). В частных коллекциях обнаружены несколько самозаписываемых дисков Audiodisc, на которых сохранились оригиналы стихов, радиопьес и обращений к жителям Ленинграда через Ленинградский радиокомитет. Найдено лишь четыре диска из 16 (на 15 сторонах). В 1944–1945 гг. они были переведены на магнитную пленку и смонтированы в радиофильм «Блокада», который впервые транслировался 27 января 1945 г. в годовщину освобождения города. Его повторили многократно уже в мирное время.

В радиокомитете гордились этой работой. В одном из отчетов говорилось, что фильм представляет собой «исторический документ, впервые созданный средствами радиовещания». На данный момент считается, что магнитозапись радиофильма не сохранилась. Таким образом, существующие диски Audiodisc являются единственным свидетельством работы Ленинградского радиокомитета по фиксации выступлений в период оккупации города. В книге «Говорит Ленинград» О. Ф. Берггольц описывает все этапы, предвалявшие и позволившие осуществить эту работу, — от появления идеи до трансляции записей [1].

В период войны было написано много талантливых произведений, переживших время и ставших в один ряд с признанными образцами исполнительского искусства. Однако были и произведения рядовые, не отличавшиеся художественностью и не удержавшиеся в репертуаре Грампластреста.

У некоторых известных песен военных лет («Синий платочек», «Жди меня», «В землянке», «Минуты жизни») любопытны истории их создания и варианты исполнения.

Песня «Синий платочек», музыку к которой написал композитор и пианист Е. Я. Петербургский, разлетелась по всему Советскому Союзу благодаря Клавдии Шульженко. Имя исполнительницы в течение многих лет ассоциировалось с этой песней, однако не она была первой исполнительницей.

Ежи Петербургский во время гастролей в Днепропетровске (1940 г.) написал музыку вальса на одном из московских концертов ансамбля «Голубой джаз» Генриха Гольда. Присутствовавший в зрительном зале поэт и драматург Я. М. Галицкий набросал в блокноте первый куплет песни и, получив одобрение композитора, придумал полный текст. Тем же летом песня-вальс «Синий платочек» была исполнена, а вскоре и записана на грампластинки Екатериной Юровской и Изабеллой Юрьевой.

Первой записью песни во время войны можно считать грампластинку, сделанную 27 апреля 1942 г. в студии Московского Дома звукозаписи на толстом целлулоиде, — «Синий платочек» и «В землянке» в исполнении Лидии Руслановой (баянист Н. Егулов). Впоследствии эти записи перенесли на шеллачный диск с присвоением матричных номеров Э-134 (для обеих сторон). По всей видимости, в тираж эти записи не вышли.

В то же время песню стала включать в свою концертную программу и Клавдия Шульженко, выступавшая с организованным тогда джаз-оркестром под управлением В. Ф. Коралли. Однако Шульженко не очень нравился вариант текста, написанный Я. М. Галицким. Однажды в начале войны, отвечая на вопросы бойцов о любимых песнях, в том числе о «Синем платочке», артистка призналась: «Песня популярна в народе... но нужны другие слова...». Услышав это, корреспондент фронтовой газеты «В решающий бой!» лейтенант Михаил Максимов взялся переделать текст песни. Весной 1942 г. он справился с этим замыслом, а в ноябре 1942 г. была произведена запись на пластинку (*матрица № В 139*) Грампласттреста «Апрелевский завод грампластинок памяти 1905 года» в сопровождении фронтового джаз-оркестра под управлением В. Ф. Коралли. Этот вариант песни вошел в фильм «Концерт — фронту» и приобрел широкую популярность.

Песня «Жди меня» на стихи К. М. Симонова. Замечательные строки написаны в 1941-м, напечатаны на страницах газеты «Правда» в январе 1942 г. В том же году М. И. Блантер написал музыку, и Апрелевский завод выпустил грампластинку (*матрица № В 142*) с этой песней в исполнении Георгия Виноградова — ее первого исполнителя.

Следующей песней, непосредственно связанной с военным временем, является танго «Минуты жизни» (музыка Б. И. Фомина, стихи П. Д. Германа). Эту песню в 1942 г. композитор написал специально для Тамары Церетели. Песня вошла в репертуар певицы и наряду с романсами исполнялась ею много лет, вплоть до ухода со сцены (1960 г.). Это танго не было записано во время войны — в дискографии певицы полностью отсутствуют сессии звукозаписи с 1940 по 1945 г. Свои первые записи 1945 г. на подмосковном Апрелевском заводе (*матрица № 12445, разрешительный № 988*) Тамара Семеновна начала с этого произведения, записанного в сопровождении оркестра под управлением С. П. Горчакова.

Примером того, что репертуар советской грамзаписи 1941–1943 гг. не ограничивался патриотическими песнями, являются грампластинки с записями произведений оперы и классического романса в исполнении С. П. Преображенской, С. Я. Лемешева, Н. А. Обуховой и др. После возврата к стандартной нумерации (в 1943 г.) стало больше записей народных песен и оперных арий в исполнении М. П. Максаковой, Г. П. Виноградова, С. Я. Лемешева, П. Г. Лисициана и др. Значительная их часть предназначалась для радиотрансляций (в том числе ЛЭФ с 1943 г.). Некоторые из этих произведений переиздавались в послевоенный период; иные были записаны заново в другом исполнении.

На основании сказанного определим направления дальнейшего изучения грамзаписи данного периода:

- обнаружение существующих хронологических лакун и устранение пробелов в имеющемся корпусе сведений о фактически выпущенных объединением Грампластрест грампластинках;
- сбор и обобщение материала об истории радиовещания в период войны, поиск в частных коллекциях не внесенных в интернет-каталоги «самозаписываемых» и целлулоидных дисков, в том числе к радиофильму «Блокада»;
- систематизация и оценка репертуара советской звукозаписи в период 1940–1946 гг.;
- определение исполнительского состава каждого из записанных в 1940–1946 гг. произведений с целью проследить изменения, имевшие место в военный и послевоенный период.

Использованная литература

1. *Берггольц О. Ф.* Говорит Ленинград. — М : АСТ, 2018.
2. *Веглевич В.* Каталог советских грамзаписей 1942 года. — Краков, 2013 // Мир русской грамзаписи. — URL: https://www.russian-records.com/details.php?image_id=19592 (дата обращения: 20.05.20).
3. Документы русской истории: Прил. к журналу Родина. — М. : Пресса, 1993.

Sergey V. TOLSTOPYATY
Researcher, Literary Museum of the Kuban,
(Department, Krasnodar State
Historical and Archaeological Museum-Reserve), Krasnodar, Russia
lit_muz@mail.ru

Military-Patriotic Works of Soviet Recording during the Great Patriotic War

The article analyzes the military-patriotic repertoire of Soviet recordings during the Great Patriotic War. It is shown that this period was characterized by a reduction in the number of sound recording industries, the evacuation of their documentary base. In particular, there was a temporary change in the matrix numbering of gramophone records from five-digit to three-digit. Focusing on the recordings of new works of a military-patriotic character created during the Great Patriotic War, the author of the article details the repertoire of the recording, taking into account information about performers and musical groups. It is traced how the production of the domestic recording of the 1941–1946-st reflected the stages of the war and its events (the blockade of Leningrad, the creation of anti-fascist organizations, the activities of radio committees, campaigning). Attention is paid to the dynamics of changes in the repertoire. At the end of the article, the author formulates a program for a more in-depth study of the most important aspects of the stated topic.

Keywords: history of domestic recording, recording production, the Great Patriotic War, military-patriotic repertoire, accounting documents, Aprelevsky Recording Plant.

А. М. Канкошев*

Тема войны в черкесской литературе XX века

Анализ военной темы в материале младописьменных литератур региона и в контексте всей многонациональной литературы стал традицией, которая дает возможность проверить достижения молодых северокавказских литератур на общероссийском уровне.

* КАНКОШЕВ Арсен Мухадинович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора народов Карачаево-Черкесии Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия. Электронная почта: ms.arsen.cankoshev@yandex.ru.

не, изучая проблему взаимодействия и взаимообогащения литератур народов страны. В статье исследуется тема Великой Отечественной войны в черкесской литературе XX в. Предлагаемый анализ дополняет представленное в работах коллег осмысление литературного процесса в творчестве черкесских писателей и поэтов. Показано, что в своем развитии проза в черкесской литературе опиралась, прежде всего, на традиции русской классической литературы. Автор статьи раскрывает в этом свете содержательную сторону произведений черкесских писателей и поэтов периода Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война в литературе, А. Шогенцуков, Х. Андрухаев, А. Гадагатль, Х. Гашоков, С. Хатуов, Г. Братов, Ф. Кабардиева.

Тема Великой Отечественной остается одной из главных в литературе. Война оставила незаживающую рану в жизни советского народа, судьбах людей, прошедших через тяжелые испытания. Это была самая жестокая из всех войн, которое знало человечество. Советский народ достойно отстоял свою Родину от фашистских захватчиков в самой справедливой из всех войн, известных в истории человечества. Он показал свою верность, мужество, преданность, нравственность. Защищали Родину и писатели. Именно в эти тяжелые для страны и народа годы как никогда было востребовано художественное слово. Более 20 писателей ушли на фронт из Карачаево-Черкесии. «Сражаясь на различных фронтах, писатели оставались на литературном посту, издавали армейские газеты, писали очерки о своих боевых друзьях, письма-обращения к соотечественникам, укрепляя в них веру в победу над фашизмом» [1, с. 25].

В лучших произведениях писателей, создавших новый героический эпос («Живые и мертвые» К. Симонова, «Горячий снег», «Берег» Ю. Бондарева, «Блокада» А. Чаковского, «Потерянный кров» И. Авижюса, «Пастух и пастушка» В. Астафьева, «Обелиск» В. Быкова и др.), мера ответственности людей за мир на земле приобретает общечеловеческое значение.

Великая Отечественная война явилась испытанием жизненности, несокрушимой прочности советского общественного и государственного строя. В связи с этим особое развитие получила в литературе Северо-Кавказского региона тема братства, интернационализма. Героика, обогатив все жанры литературы, подняла и общественный авторитет писателя, художника, поэта — глашатаев, поднимающих народ на борьбу. Тема войны занимала большое место в советской многонациональной поэзии. По зову сердца на войну ушли А. Шогенцуков, Х. Андрухаев, А. Гадагатль, А. Кешоков, А. Евтых, Д. Костанов, Б. Куашев, А. Шорта-

нов, Ад. Шогенцуков, Б. Карданов, Х. Гашоков, А. Ханфенов, С. Хатуов, Г. Братов, другие поэты и писатели.

Из-под пера поэтов — участников войны появлялись стихи, подобные стихотворениям Аскера Гадагатля «Этих господ угостим по заслугам» (оно перекликается со стихотворением М. Ю. Лермонтова «Бородино»), Аскера Евтыха «Ни одного врага не оставим на нашей земле».

Адыгские поэты использовали традиции фольклора, где многогранно представлена героическая тематика. Пример тому — стихотворение Али Шогенцукова «Призыв». Сам поэт умер в застенках концлагеря фашистов, гордо перенося пытки немцев. Последние стихи Алима Шогенцукова стали песней, популярной среди бойцов. Тема Отечества и защиты Родины нашла отражение в произведениях таких адыгских писателей и поэтов, как А. Евтых, Х. Уджыху, А. Шогенцуков, Х. Гашоков, А. Охтов, С. Хатуов, Г. Братов, Ф. Кабардиева.

Участие в войне сформировало гражданские и патриотические чувства писателей. Ветеран войны и труда Сайдин Хатуов особенно ярко раскрыл эту сторону своего таланта в повести «Дорогой любви». Он родился в ауле Бесленей в 1914 г., в предрассветную пору новой жизни, на заре Октябрьских событий. Это дало толчок к творческому созидательному труду. Не гладким и однозначным был его жизненный путь. На своем веку он познал горечь унижительного труда на кулака-хозяина, увидел трагедию и разрушительную силу Отечественной войны (вместе со сверстниками, совсем юным, ушел добровольцем, был ранен вражеской пулей). В повести «Дорогой любви» воспроизведены значительные моменты героико-патриотической биографии народа. В поле зрения писателя такие извечные нравственные категории, как мужество, бесстрашие, стойкость и самоотверженность, показанные писателем в многообразии форм их проявления в годы испытаний. На примере созданных образов писатель утверждает художественную концепцию советского человека, по которой героизм во имя счастья народа, на благо Родины, — норма поведения советских людей, когда того требует долг. Герои повести — рядовые советские люди, горцы и горянки, исполняющие свой патриотический долг перед Родиной.

Уроженец аула Бесленей, жители которого приютили в лихую годину детей из блокадного Ленинграда, С. Хатуов вновь возвращается к этому, уже осмысленному литературой факту. Гражданский подвиг аульчанок, разделивших «черствый хлеб лихолетья» между своими и ленинградскими детьми, свидетельствует не только об эмоциональном

порыве души человеческой, но и о развитии нового общественного сознания матерей-горянок, принявших, как все матери, тяготы и лишения войны. Трогательна в своей трагической простоте и достоверности сцена обретения вторых родителей. Гневно звучат слова-проклятья в адрес фашистов, отнявших у детей самое дорогое — отцов и матерей:

«— Да пусть обрушатся на них (немцев) все несчастья. В чем повинны эти дети, откуда их привезли? — сказала хозяйка.

— Оттуда, из Ленинграда, где терпят самые большие бедствия от войны, — ответил Хаджимурза. Нам их судьбы доверило время, и мы их жизни должны сохранить, — продолжил он. Так, переименовав Романа на черкесское Рамазан, горянки стали растить советских ленинградских детей в родном для писателя ауле.

В гнев и горе зывали они обуздать врага: «О горькая, горькая година, как тяжело бремя твое, как жестоко ты!

О время, почему же ты не слышишь голоса матерей, чьи дети горят в огне пожаров войны? Горы, почему вы не сдвинетесь с места и не сотрете злобного врага? Разве вы не видите страдания, не слышите стоны людей, помогите им, время, защитить святое, что враг хочет сжечь в огне. Холодно, голодно, горько и темно в русских станицах, черкесских аулах. И чтобы отстоять землю, люди воюют и стоят насмерть» [5, с. 47–48].

В сборнике А. Гадагатля «Память лет» [2] мы видим, кому посвятил свои стихи поэт: фронтовикам, людям разной судьбы. Всех героев объединяет чувство единой семьи, желание быть полезным и справедливым и на войне, и в мирное время. Он посвятил произведение поэту-герою Хусену Андрухаеву, получившему первым из советских писателей «Золотую звезду» Героя посмертно. Он ушел молодым на фронт, погиб в двадцатилетнем возрасте. Память осталась о нем, остались его стихи. Пророческими были слова его стихотворения «Я буду петь»:

*Я песню свою до конца допою,
Мне с нею и смерть не страшна.
И если мне трудно придется в бою,
Оружием станет она.*

(пер. В. Твороговой)

В произведениях адыгских поэтов и писателей, помимо взрослых, рассказывается и о маленьких героях, которые ценой своей жизни совершали немислимые подвиги. Это мы можем увидеть в произведении

прозаика Х. Гутукова «Партизан Павлик», где повествуется о мальчике, который остался сиротой. Его родители погибли от рук немецко-фашистских захватчиков, зверствовавших в его деревне. Мальчик задумал отомстить за смерть своих родителей и уходит к партизанам в лес. Писатель сосредоточивает свое внимание на сцене смерти маленького героя.

Такой же подвиг мы видим и в произведении Х. Хавпачева «На берегах Баксана»: подросток Тута с советскими солдатами переправляется через реку и взрывает вражескую пушку.

Вопросы, связанные с поведением детей на войне, ставили и решали представители того поколения, которое видело войну в собственном детстве. Характерной особенностью их стихов, раскрывающих тему «дети на войне», является то, что произведения пронизаны ощущением боли, страдания, горечи, — и это нормальная реакция человеческой души на творящееся зло.

«Звезда героя не гаснет» Г. Братова — значительное произведение черкесской литературы. Главный герой Умар — типичный представитель народа, проявляющий на войне свои подлинно национальные черты, человек, выросший в условиях нового мира советской действительности. Он не просто храбрый парень, перед нами вполне зрелый воин, осознанно посвятивший жизнь защите Отечества.

На страницах повести «Звезда героя не гаснет» прослеживается мысль о том, что война с фашистами отстаивает завоевания Великой Октябрьской революции. Умар в сражении с врагом защищает свою честь и честь народа, ибо недостойн звания человека тот, кто смиряется с рабством, не поднимается на врага, разрушающего его родной очаг.

Х. Гашоков был участником Великой Отечественной войны, очевидцем великого всенародного героизма советских солдат, спасших мировую цивилизацию от фашистских варваров. Поэт в своей первой поэме «После большой битвы» вдохновенно рассказал о героической борьбе маленького черкесского народа, осознавшего свою роль защитника Родины в рядах великой армии-освободительницы. В некоторых из глав рассказывается о матери героя поэмы. Массовому читателю вспоминается образ лермонтовской Бэлы, пушкинской черкешенки, — символы, романтически опоэтизированные великими русскими поэтами.

Совсем немногим была известна простая крестьянка горного аула, девушка, которая с малых лет затягивалась в жесткий кожаный корсет, чтобы придать стройность девичьей фигуре и в не менее строгий «кор-

сет» обычаев адата и строгих законов шариата. Мало кто знал о труженице, которая вставала чуть свет, чтобы вручную смолоть горсть кукурузы для чурека; натирала весь день на пальцах мозоли от трехгранной старинной иглы, которой шьют сыромятные чевяки; вечером поливала на руки из медного кубгана хозяину-мужу. Судьба старой Даду, матери Али, была бы безрадостной, если бы не Советская власть. Нам близок этот правдивый образ, понятна радость матери, чей сын получил профессию учителя. Счастье пришло в ее семью, а знамя, реющее алым крылом над сельским советом, стало для нее символом глубоких и добрых перемен.

Поэт освещает высокую человечность чувств и помыслов этой простой женщины. Она любит мужа и тяжело переживает его смерть. Она заботливо пестует сына, помогает ему выйти в люди. Она преисполнена благодарностью к строю, который открыл ей путь к счастью. Но мирную жизнь обрывает война. Мать не покинула аул, когда пришел враг. Осталась потому, что здесь могила ее мужа. Как мать она выполнила свой долг перед Родиной, благословив на битву единственного сына. В ее облике даны черты традиционного образа матери-вдохновительницы. Иначе она и не могла поступить, когда по улицам родного аула проходят наглые пьяные фашисты. В светлой комнате Али пьют враги. С сельсовета сорвано алое знамя. И вид израненного, поруганного знамени потрясает, производит глубокий переворот в ее сердце, облитом кровью. Личная боль получает гражданский размах. Женщина уносит знамя, сберегает его и, совершив этот подвиг, вырастает душевно, нравственно.

В ее чувствах и поступках воплощены проснувшиеся силы народа, встретившего ненавистью незваных гостей. И то, что подвиг совершает неграмотная старуха, рядовая женщина-черкешенка, имеет большой символический смысл.

*И будто кто влил в нее силу,
Разгладил ее складки морщин.
Свернув, она шелк положила
В старинный черкесский кувшин.
В ресницах слеза задрожала —
В тот час ей припомнился сын —
И вырыла яму кинжалом,
Что муж на черкеске носил.*

(пер. А. Седугина) [3, с. 78–79]

В образе Даду сливаются воедино материнское чувство и желание противостоять врагу. Рассказывая о подвиге старой черкешенки, поэт показал качественно новое в моральном облике своего народа, на простом рядовом примере продемонстрировал его нравственное совершенство, высокое самосознание, отчетливо раскрывшееся в тяжелые годы испытаний.

Тема борьбы возмущенного народа наполняет и мастерски сделанные пейзажи. Это мрачные картины опечаленной природы. Даже луна не хочет светить врагам, негодует. Земля, на которую ступает вражеский сапог, сжимается от боли. Пейзаж-символ говорит о единении природы с народом, сражающемся за свое будущее:

*Из-за хребтов зубчатых, из-за скал,
Луна испуганная тихо поднималась
И, не желая свет свой лить врагам,
За тучей черной снова укрывалась.
Звериный лик, безжалостность врагов
Она с тоской и болью наблюдала,
За кровь невинную погубленных людей,
Она терзалась, мучилась, страдала [3, с. 77].*

Образ матери в произведении многозначен, символичен. Он ассоциируется с образом Матери-Родины. Потому-то и лучшие черты в облике Али воспринимаются как черты национальные, преемственные, свидетельствующие о его кровном и духовном родстве с матерью. Недаром же в поэме председатель колхоза, которому Даду приносит спасенное знамя, говорит, что сын, возвращенный молоком такой матери, не может не быть героем, «чистым, как молоко, светлым, как солнце, которое светит в ее сердце»:

*Наша мать, уважаемая, дорогая,
Сердце у тебя светлое и светит в нем солнце.
Частлив тот, кто вскормлен твоим
Чистым грудным молоком.*

Эти слова передают идею всей поэмы. Образ старой горянки встает как могучий образ великой Матери-Родины, вырастившей своих сыновей для небывалых подвигов.

Продолжая и развивая эту мысль, Гашиков ведет нас на поле битвы, где сражается за Родину Али — молодой учитель, который воспитыв-

вал в детях отвагу и преданность своей Родине. Гашоков обстоятельно рассказывает о воинском пути героя. Вот он подрывает танк, вот он, тяжелораненый, лежит в госпитале.

*...Злобные строчили пулеметы,
Вражьи танки врассыпную шли,
Встали насмерть против танков рота
С командиром молодым Али.
Он сказал:
— Умрем, но не отступим,
Нет, друзья, у нас пути назад.
Нашей жизнью мы победу купим! —
И привстал со связкой гранат.
Вражеских чудовищ приближенья
Молча ждали верные друзья.
И Али казалось в те мгновенья —
К сердцу приближается змея.
Он метнул в чудовище гранаты.
Танк, пылая, замер в трех шагах.
И тогда почувствовал он нарта
Силу небывалую в руках.
(пер. А. Седугина) [3, с. 87]*

В заключительных главах поэмы образ Али дополнен новыми чертами, они раскрывают помыслы возвращающегося с поля боя солдата-победителя, его радостное настроение, поддерживаемое картинами окружающей действительности.

Ф. Кабардиева пришла в литературу зрелым человеком с достаточно солидным жизненным и духовным опытом. Она из того поколения, которое пережило ужасы, тяготы и лишения, выпавшие на детскую долю в годы Великой Отечественной войны. В этом смысле не случайно стихотворение «Обелиск», с которого начинается подборка из ее 24 стихотворений в коллективном сборнике молодых авторов «Не бледнеет любовь» (Черкесск, 1979). Это стихотворение, посвященное матери, не дождавшейся своих сыновей, спешащей каждое утро, в любую погоду на свидание к памятнику, установленному в их честь, открывает большую тему Памяти, предваряет разговор о гражданском долге человека перед Родиной, о непреходящем значении чести, дружбы, любви, достоинства. В стихотворении «Памятник» воочию предстает гордый образ матери

советского солдата: не зарастает тропа к памятнику героев, не гаснет след памяти в сердцах людей. И здесь, на обелиске, Родина запечатлела имена четырех сыновей матери-черкешенки.

Образ матери, благословившей сыновей не щадить жизни в битве с врагом, символичен, он вобрал лучшие черты всех советских матерей, воспетых поэтами. Вот почему так близки сердцу каждого адыга и звучат как традиционная похвала строки: «...Анэ-Хэкум къыщхъэ-щыжу, Лыгъэ иныр зэрахъащ» («...Защищая Родину, прославили себя») [4, с. 123]. С высотой гор сравнивает Ф. Кабардиева мужество и стойкость солдат, отстоявших землю отцов; да не померкнут имена героев и жива будет память, как живы деревья, посаженные в их честь.

Великая Отечественная война явилась не только школой интернационального воспитания, но и подлинной школой реализма для писателей народов страны в понимании и отражении правды войны.

Использованная литература

1. *Бекизова Л. А., Курмангулова Ш. А.* Не молкнет память жизни горькой // 65 Победных лет : сб. произв. писателей Карачаево-Черкесии. — Черкесск : Карачаево-Черкесское респ. кн. изд-во, 2010.
2. *Гадагатль А.* Память лет : сб. стихов. — Краснодар, 1980.
3. *Гашиков Х.* Свет в горах: сб. стихов. — Черкесск : Облиздат, 1952.
4. Не бледнеет любовь: сб. молодых авторов. — Черкесск : Облиздат, 1979.
5. *Хатуов С.* Дорога любви : повесть. — Ставрополь. 1986.

Arsen M. KANKOSHEV

Cand. Sci. (Languages of People of the Russian Federation),
Senior Researcher, Department for Folklore of the Peoples
of the Karachay-Cherkess Republic, Karachay-Cherkess Institute
for Humanitarian Studies under the Government of the Karachay-Cherkess
Republic, Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic, Russia
ms.arsen.cankoshev@yandex.ru

The Theme of War in Circassian Literature of the 20-th Century

The analysis of the military theme in the matal of the young literatures of the region and in the context of all multinational literature has become a tradition that makes it possible to test the achievements of young North Caucasian literatures at all-Russian

level, studying the problem of the interaction and mutual enrichment of the literatures of the peoples of the country. The article examines the theme of the Great Patriotic War in the Circassian literature of the XX century. The proposed analysis complements presented in the works of colleagues the understanding of the literary process in the work of Circassian writers and poets. It is shown that in its development prose in Circassian literature was based primarily on the traditions of Russian classical literature. The author of the article reveals in this light the content side of the works of Circassian writers and poets of the period of the Great Patriotic War.

Keywords: *The Great Patriotic War in literature, A. Shogentsukov, H. Andrukhaev, A. Gadagatl, H. Gashokov, S. Khatuov, G. Bratov, F. Kabardieva.*

М. С. Журков*

Механизм наследования коммуникативного пространства «сцена — зритель»

В центре внимания исторические истоки коммуникативного пространства «сцена — зритель» отечественного театра. Предлагается экспликация в область театроведения положения реляционной теории коммуникации о метамодели преодоления диалогической напряженности, которое с помощью типологии и исторической периодизации эволюции коммуникативного пространства «сцена — зритель» раскрывает механизмы культурного наследования.

Ключевые слова: наследование, история театра, коммуникация, институционализация, архаичный театр, устный театр, русский театр.

Культурологический междисциплинарный подход, подразумевающий онтологическую системную целостность исторических и современных явлений культуры, позволяет, в том числе, объединять достижения отдельных гуманитарных и социальных дисциплин в плане осмысления механизмов наследования культурных традиций и межкультурной интеграции, восстановления причинно-следственной логики исторического процесса и исторических истоков культурных явлений. Актуальность рассмотрения исторических истоков коммуникативного пространства «сцена — зритель» обусловлена разночтениями театроведов по вопросу

* ЖУРКОВ Максим Сергеевич, преподаватель кафедры театрального искусства Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия. Электронная почта: kabukinet@mail.ru.

возникновения отечественного театра. В контексте концепции истории как культурного текста [7] теоретический конструкт «коммуникативное пространство «сцена — зритель»» обосновывается исходя из положения реляционной теории коммуникации (см.: [15; 16]) о стремлении людей посредством метамоделей общения к преодолению непонимания (диалогической напряженности). Этот конструкт в некоторой степени снимает существующие расхождения в понимании сущности театра, если особым образом организованное за рамками сакральных обрядовых практик коммуникативное пространство «сцена — зритель» принять за одну из важнейших сущностных характеристик феномена театра.

Так, к примеру, с опорой на работы Э. Лича, М. Мосса, А. Бергсона, Ю. М. Лотмана, Ж. Делёза и др. Г. В. Бакуменко отождествляет мета-модель кинокоммуникации с одной из форм организации социальной автокоммуникации [1, с. 85–87, 97–102]. И представляется уместным экспликация реляционной метамоделей коммуникации в область театроведения.

Объектом исследования является исторический процесс эволюции коммуникативных отношений, порождающих коммуникативное пространство «сцена — зритель» в обозримой ретроспективе отечественной истории.

Предмет исследования — исторические истоки коммуникативного пространства «сцена — зритель» отечественного театра.

Цель исследования — с помощью типологии и периодизации способов организации коммуникативного пространства «сцена — зритель» в ретроспективе отечественной истории проследить, какие из них импортируются русской культурой, а какие развиваются в ней на протяжении исторического времени.

В тренде современного театроведения институциональный подход, в котором появление театра связывается с институционализацией процесса его становления как синтетического вида искусства, объединяющего драматургию, музыку, режиссерское и актерское мастерство и пр., в пространстве зрелищного досуга.

Так, к примеру, А. В. Белов достаточно однозначно связывает появление театра на Руси с Комедийной хороминой при дворе Алексея Михайловича, апеллируя к первоисточнику: «...иноземцу магистру Ягану Готфриду учинить комедию и на комедии действовать из библии книгу Эсфири и для того действия учинить хоромину вновь, а на строение... и по тому... указу комедийная хоромина построена в селе Преображен-

ском со всем нарядом, что в тое хоромину надобно» [3, с. 24]. С опорой на исследование наследия Симеона Полоцкого, уроженца Польши и первого драматурга в Московии времени Алексея Михайловича, к тому же выводу приходит и Н. Г. Ефремова [8; 9]. Из этих соображений делается преждевременный вывод, что театр импортируется русской культурой из Европы.

Однако культуры, в которых, как и в Древней Греции, театр самозародился в уникальных архаических формах путем секуляризации обряда (Древняя Индия, Древний Китай), по мнению авторитетных ученых [17; 6], первоначально не знали драматургии, и архаичный театр существовал исключительно в устной форме на базе мифологического сюжетного канона. Если же говорить об институционализации, то надо, с одной стороны, не забывать о Потешном дворе Ивана Грозного, который пополнялся приглашенными (выписанными) актерами — тоже институция, а с другой — учитывать, что как развлечение для знати придворный театр от Комедийной хоромины до Императорского театра переживал и взлеты, и падения, но не был социокультурным институтом вплоть до организации Дирекции императорских театров Екатериной II (1766). Ведь институциональность подразумевает устойчивость социокультурного процесса, обеспеченного механизмами воспроизводства. Т. е. первоначально идут не царские указы и потехи, а социальные механизмы воспроизводства культурного явления, лишь затем можно говорить о его институционализации.

Известный в России и за рубежом режиссер, теоретик и историк театра Н. Н. Евреинов предлагает считать, что в отечественной культуре еще задолго до постановок по приказу Алексея Михайловича параллельно развивались два театра: «обрядовый театр крестьянской Руси» и «церковный театр Московской Руси», на почву которых ложится «театральный соблазн Западной Европы» [8, с. 7–70]. Ряд ученых связывает зарождение театра на Руси с бродячими группами скоморохов [2; 11; 12; 13; 14], древнейшее свидетельство творчества которых, как известно, запечатлено на фреске Софийского собора в Киеве (1037) [5]. С опорой на историческую этимологию слова «сказка» (то, что сопровождает показ), В. А. Воронцов идет еще дальше, утверждая, что в устной форме рассказа-сопровождения драматического действия бытовали мифы, волшебные сказки и басни в культуре славянских племен изначально, а письменная их фиксация происходит, начиная с XII в., в том числе в образе легендарного Бояна [4].

Обзор литературы позволяет утверждать, что особым образом организованное за рамками сакральных обрядовых практик коммуникативное пространство «сцена — зритель» складывается в культуре восточных славян задолго до принятия Владимиром Великим христианства. Фреска «Скоморохи» не только изображает процесс подобной коммуникации, но и отражает посредством иерархии образной сферы стремление христианской культуры к ассимиляции языческих традиций. На это обращено внимание еще советско-украинскими этнографами С. А. Высоцким и И. Ф. Тоцкой [5]. Во главе изображенных на фреске инструментов орган — символ величия Вселенской церкви до ее раскола, и под орган уже пляшут дудари и гусельники.

Христианизация привела к параллельному развитию церковных и мирских театрализованных практик. При этом церковь боролась за монополию на определение сакральных смыслов, что усиливало секуляризацию коммуникативного пространства «сцена — зритель» в театрализации мирских развлечений и событий. В результате, с одной стороны, во второй половине XIV в. в православных храмах появляется уникальный сакральный зритель — русский многоярусный иконостас, который символизирует многоликий горный мир, взирающий на действие православного чина. Торжественные церковные службы обретают форму театрализованного представления по типу древнегреческой архаической драмы. В этом, безусловно, обнаруживается византийское влияние, но многоярусный иконостас — это уже уникальное явление древнерусской культуры. Можно без преувеличений говорить о становлении уникального жанра в рамках торжественного православного действия. С другой же стороны, традиции ряжения по праздникам под прессингом христианской десакрализации у скоморохов складываются в «профанную комедию», которая восходит к культурной форме фаллических песен дионисийских массовых гуляний. Центральным персонажем профанной комедии становится дурак — трикстер.

На основе этих двух жанров, источником которых следует считать русскую обрядово-праздничную культуру, ко времени царствования Алексея Михайловича складываются два уникальных явления русской культуры. Они развиваются исключительно в устной форме. И если устные постановки без драматурга, по аналогии с древнейшими архаическими драмами Греции, Индии и Китая, относить к театральным формам, то следует согласиться с Н. Н. Евреиновым в том, что до проникновения европейской театральной культуры в культурное простран-

ство Руси там уже существовали две сложно организованные формы архаичного театра [8, с. 7–12]: в одном театре по праздничным сезонам в рамках годового литургического цикла под сенью храмов ставилась сакральная драма, а в другом по праздникам трудового календаря как любителями, так и профессиональными актерами под открытым небом разыгрывалась профанная комедия.

Таким образом, исторические истоки коммуникативного пространства «сцена — зритель» отечественного театра уходят в глубокое историческое прошлое времени. Если сложную устойчивую систему отношений в рамках коммуникативного пространства «сцена — зритель» принять за исторически развивающийся социальный институт, то уже в институциональную систему уникальной русской культуры проникает влияние европейского театра, а синтез двух своеобразных театральных культур (Руси/России и Европы) в итоге дал мировой художественной культуре универсальный эталон классического режиссерского театра.

Использованная литература

1. Бакуменко Г. В. Символизация успеха в современном кинематографе : дис. ... канд. культурологии. — Краснодар, 2019.
2. Белкин А. А. Русские скоморохи. — М. : Наука, 1975.
3. Белов А. В. Становление «русского» театра в Москве как часть процесса национальной и столичной самоидентичности: Основные этапы // Славянские чтения : сб. мат. междунар. науч. конф. Института славянской культуры (Москва, 10–12 декабря 2019). — М., 2019. — С. 19–34.
4. Воронцов В. А. Визуальный показ как исходная форма басни, волшебной сказки и мифа. — Казань : Центр инновационных технологий, 2019.
5. Высоцкий С. А., Тоцкая И. Ф. Новое о фреске «Скоморохи» в Софии Киевской // Культура и искусство древней Руси : сб. ст. в честь проф. М. К. Каргера. — Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1967. — С. 50–57.
6. Гайда И. В. Китайский традиционный театр сицью. — М. : Наука, 1971. — 126 с.
7. Горлова И. И., Бакуменко Г. В., Коваленко Т. В. История как культурный текст: к вопросу о методе интерпретации символов успеха в культуре // Право и практика. — 2017. — № 1. — С. 183–188.
8. Евреинов Н. Н. История русского театра. — М. : Эксмо, 2011.

9. *Ефремова Н. Г.* Драматургия Симеона Полоцкого и школьный театр в России конца XVII — начала XVIII вв.: предпосылки, истоки и первые опыты : автореф. дис. ... канд. искусствовед. — М. : Государственный институт искусствознания, 2019.
10. *Ефремова Н. Г.* Драматургия Симеона Полоцкого: первая русская школьная комедия // Вопросы театра. — 2016. — № 3–4. — С. 166–196.
11. *Петрухин В. Я.* Скоморохи // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого ; Институт славяноведения РАН. — М. : Межд. отношения, 2012. Т. 5 : С (Сказка) — Я (Ящерица). — С. 18–20.
12. *Пропт В. Я.* Русские аграрные праздники. — СПб. : Терра-Азбука, 1995.
13. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. — М. : Наука, 1981.
14. *Хайченко Е. Г.* Почтеннейшая публика, или Зритель как актер. — М. : ГИТИС, 2016.
15. *Baxter L. A.* Voicing Relationships: A Dialogic Perspective. — Thousand Oaks, CA : SAGE Publications, Inc., 2011.
16. *Craig R. T.* Metacommunication // The International Encyclopedia of Communication Theory and Philosophy / eds. K. B. Jensen, R. T. Craig, John Wiley & Sons, Inc., 2016. — P. 1–8.
17. *Indian Theatre: Traditions of Performance* / ed. F. P. Richmond, D. L. Swann, P. B. Zarrilli. — Honolulu, Hawaii : University of Hawaii Press, 1990.

Maxim S. ZHURKOV

Lecturer, Department of Theater Arts,
Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia
kabukinet@mail.ru

The Mechanism of Inheritance of the “Scene — Spectator” Communicative Space

The focus is on the historical origins of the “stage — spectator” communication space of the Russian theater. An explication into the field of theater studies of the position of the relational theory of communication about the metamodel of overcoming dialogic tension, which, with the help of typology and historical periodization of the evolution of the “scene — viewer” communicative space, reveals the mechanisms of cultural inheritance.

Keywords: *inheritance, theater history, communication, institutionalization, archaic theater, oral theater, Russian theater.*

О. А. Гудимова*

Русский язык и языки коренных народов в национальных театрах Карачаево-Черкесии

Рассматривая историю и современное состояние национальных театров Карачаево-Черкесской Республики, автор статьи уделяет особое внимание вопросу грантовой поддержки (грант, учрежденный в 2011 г. главой КЧР в области театрального искусства) театров, развития культуры и реализации творческих проектов, направленных на повышение профессионального уровня исполнителей. Показано, что в целях сохранения родных языков карачаевский, черкесский, абазинский и ногоайский театры, соответствующие национальным районам республики, ставят пьесы на языках коренных народов. Активно осуществляемые постановки спектаклей на русском языке позволяют не замыкаться в национальном кругу, быть открытыми для широкого зрителя и решать, в том числе и материальные, проблемы.

Ключевые слова: культура Северного Кавказа, Карачаево-Черкесская Республика, история национальных театров (карачаевский, черкесский, абазинский, ногоайский), репертуар на национальных языках, репертуар на русском языке.

У любого народа свой путь к театру, к драматургическому действию. Говорить о том, каким мог бы стать театр абазин, карачаевцев, ногоайцев, черкесов позволяет наличие у каждого из этих народов своих истоков драматургии, связанных с традиционной обрядово-культурной жизнью. Но исторически становление современных национальных театров в Карачаево-Черкесии неразрывно связано с русским (шире — с европейским) театральным искусством.

Исследователи театральной культуры карачаевцев (З. Б. Боташева) и черкесов (З. Н. Алеметдинова) отмечают, что традиционные народные зрелища и игры «имели в себе все элементы театрального действия: определенную форму и организацию, перевоплощение, маскировку, диалоги, импровизацию, а также разнообразие зрелищных жанров (героические, комические, турнирные, свадебные <...> действия) и органическую связь драматического действия с песней, пляской и музыкальным аккомпанементом» [2]. Народы Северного Кавказа поступательно шли от обрядов,

* ГУДИМОВА Ольга Анатольевна, старший научный сотрудник отдела фольклора народов Карачаево-Черкесии Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия. Электронная почта: gudimovaolga@mail.ru.

народных игр к становлению своего истинно национального театра, пока с принятием ислама запрет на изображение всего живого и воплощение образа человека и животного мира в различных зрелищно-обрядовых представлениях не задержал «развитие изобразительного и сценического искусства мусульманских народов» [2]. Наряду с этим, «ислам в высшей степени способствовал совершенствованию искусства слова — поэзии, построения диалогов, декоративно-прикладного искусства, танца, церемоний, иносказаний», что опосредованно также относится к театру [2].

Национальные театры, по справедливому замечанию исследователей, развивались не на пустом месте: в народной среде так легко приняли и полюбили сценическое искусство. Принципиально новый толчок к развитию театра у народов Кавказа дала Великая Октябрьская социалистическая революция, принеся глобальные изменения и в духовную жизнь всех народов России.

Знакомство народов современной Карачаево-Черкесии с театром, как сложилось исторически — на русском языке, происходило в городах Кавминвод, а также в станице Баталпашинской (ныне г. Черкесск). «Предпосылки создания русского театра в будущей Карачаево-Черкесии возникли еще в 1918 г. Связаны они с деятельностью Николая Федоровича Тягни-Рядно (1888–1977), профессионального актера провинциальных театров» [4, с. 5]. Он начинал свою карьеру на Украине и в Ростове-на-Дону, потом переехал в станицу Баталпашинскую, по настоянию жены, к ее родственникам, где и собрал театральную труппу, пригласив в нее своих единомышленников. Репертуар Театра русско-украинской оперетты (так он именовался на афишах) состоял из русско-украинских пьес, чаще музыкальных. Население казачьей станицы Баталпашинской говорило на кубанском диалекте и, в силу этого, прекрасно понимало русскую речь и украинскую мову.

«Творческий путь русского театра был напрямую связан с политическими особенностями формирования административно-территориальной единицы — Карачаево-Черкесии и ее столицы, города Черкесска (бывшего Баталпаши́нска), неоднократно менявших свой статус и названия в XX в. Карачай, Черкесия и Баталпашинский район Армавирской области, за короткое после революции 1917 г. время успевшие побывать в составе нескольких скоропалительно образованных автономий, в 1922 г. создали «первую объединенную Карачаево-Черкесскую автономную область, в которой, несмотря на экономические трудности, стал успешно функционировать драматический театр...» [4, с. 5]. В годы

становления КЧАО на партийных курсах организовывались театральные кружки: учащимся давали «необходимый минимум знаний для постановки любительского спектакля», знакомили «с азами актерского мастерства, популярной русской драматургией» [4, с. 33]. Х. Ю. Урусов, прошедший учебу на этих курсах, вспоминал: «Будучи слушателем совпартшколы в Баталпашинске, я участвовал в драмкружке, созданном товарищем Тягны-Рядно. Наши репетиции в большинстве своем проходили в театре им. Луначарского. В поздние вечерние часы проводил занятия там. В нашем кружке были представители всех национальностей области. Мы работали над различными пьесами. Особенно хорошо помню нашу работу над «Мертвыми душами» Гоголя. Здесь, в драмкружке, я узнал, что такое театр, получил навыки работы над постановкой пьес. Страстная любовь Тягны-Рядно передавалась и нам. И с этого времени я на всю жизнь сохранил любовь и привязанность к театру. Когда я вернулся с учебы в аул Верхняя Теберда, то там организовал при школе драмкружок» [4, с. 33].

Очередное разделение в 1926 г. Карачаево-Черкесской области по национальному признаку приостановило как развитие русского театра, так и становление национальных драматических коллективов. В 1931 г. Баталпашинский район решили соединить с Черкесской автономной областью. Станица Баталпашинская вновь стала городом. В нем возродился театр, получивший название «Черкесский областной драматический». В 1937 г. его труппа пополнилась артистами Буденновского колхозно-совхозного театра (Ворошиловского — ныне Ставропольского края) и Ставропольского краевого театра; в 1948 г. — Георгиевского городского театра. Черкесский областной драматический театр часто гастролировал в Карачаевской автономной области (которая в 1943–1957 гг. перестала существовать в связи с депортацией). Весь репертуар игрался на русском языке.

З. Н. Алемединова в монографии «Художественная культура черкесов. Театр Карачаево-Черкесии (страницы истории)» приводит цифры из исследования И. К. Калмыкова («О культуре и быте народов Карачаево-Черкесии». — Черкесск, 1970): «...только в 1953 г. при культурно-просветительских учреждениях работало 57 драматических кружков <...> которые дали 825 (!) спектаклей и концертов» [1, с. 89].

В январе 1957 г. произошло повторное образование Карачаево-Черкесской автономной области в составе Ставропольского края. «А театр как один из культуuroобразующих элементов автономии» был пере-

именован в “Карачаево-Черкесский областной драматический театр”, работающий, как и прежде, на русском языке» [4, с. 8]. В рамках помощи Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края Совет министров РСФСР постановил организовать с 1957–1958 учебного года при Ленинградском театральном институте имени А. Н. Островского группу в составе 20–30 чел. коренных национальностей области по подготовке кадров для национальных театров. В 1962 г. выпускники ЛГИТМиК влились в основной состав труппы как исполнители текущего репертуара. Но из-за трудностей в комплектовании студии и неготовности руководства области и администрации театра обеспечить полнокровную работу национальной труппы «её быстро расформировали. Часть актеров была уволена. Оставленные в штате артисты влились в русскую труппу» [4, с. 8]. Но благодаря им в 1963 г., по свидетельству И. К. Калмыкова, «впервые на профессиональной сцене были показаны пьесы “В нашем ауле” на черкесском языке и “Огурлу”» на карачаевском» [1, с. 89].

Вторая попытка создания национальной труппы была предпринята в 1968 г., когда в театр влились выпускники Грузинского театрального института им. Ш. Руставели, которые и составили ядро будущих национальных театров. С марта 1972 г. по ноябрь 1987 г. в областном драматическом театре появились две национальные труппы: карачаевская и черкеская. В 1987 г. областной драматический театр разделился на Русский и Национальный театры: Карачаевский и Черкесский [4, с. 9]. В 2001 г. был создан Абазинский театр (Абазинский район в составе КЧР выделен в 2005 г.); в 2014 г. перешел из статуса народного в республиканский Ногайский театр.

Каждый из национальных театров имел своей задачей пропаганду классического и современного театрального искусства, сохранение языка, традиций и обрядов — национальной культуры народов республики.

Главой Карачаево-Черкесской Республики Р. Темрезовым в 2011 г. был утвержден грант для поддержки значимых творческих проектов театральных коллективов республики, создания равных конкурентных возможностей в реализации творческого потенциала. Понимая значимость театров для многонациональной республики, в состав Совета по гранту главы Карачаево-Черкесской Республики в области театрального искусства вошли: первый заместитель руководителя администрации главы и правительства Карачаево-Черкесской Республики Н. Пивоварова; заместитель председателя правительства КЧР М. Озов, заместитель

министра культуры КЧР Т. Алиев (в 2019 г. — А. Хабов), заместитель председателя Союза театральных деятелей КЧР Х. Урусов, научные сотрудники РГБУ «Карачаево-Черкесский ордена “Знак почета” института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР»: З. Алемединова; Р. Керейтов; А. Дзыба, О. Гудимова (представители всех национальностей, имеющих государственный театр в Карачаево-Черкесии, специалисты в области перевода пьес и истории творческих коллективов).

Работа в составе Совета показала, что национальные театры не всегда ставят спектакли на родном языке. За 8 лет (2012–2019) поставлено два грантовых спектакля на родном языке (черкесском и ногайском), хотя уже в 2016 году Совет отмечал необходимость активизировать работу национальных театров Карачаево-Черкесии: для сохранения и развития национальных языков играть пьесы на родных языках.

В театрах шли спектакли и на родных языках, но на грант главы республики в основном выдвигались постановки на русском языке. Обсуждая написанную директором Абазинского драмтеатра У. Кишмаховым пьесу «Страна Ашуя», которая вызвала несомненный интерес у зрителя как основанная на реальных событиях (источник сюжета составила книга ученого-лингвиста Г. Ф. Турчанинова «Открытие и расшифровка древнейшей письменности Кавказа»), Р. Керейтов, подчеркивая, что национальные театры должны играть на своем национальном языке, предложил автору поставить эту пьесу на абазинском. Х. Урусов, напротив, отметил: пьеса на русском языке расширяет круг получателей услуг театра (решает экономические проблемы) и дает возможность интегрировать творческий проект в межрегиональное культурное пространство. Один из путей решения дилеммы — синхронный перевод пьесы для зрителей, не владеющих языком оригинала. Следует оснастить здание, в котором выступают все национальные театральные труппы республики, необходимым оборудованием.

Первым грантополучателем в республике в 2012 г. стал Карачаевский драмтеатр. Постановка сценической композиции Х. Урусова «Электра» по произведениям Софокла и Эсхила на русском языке в 2014 г. была представлена в московском «Театре луны» (первые гастроли Карачаевского государственного драматического театра имени Ш. М. Алиева в Москве). Спектакль прошел с аншлагом.

Черкесский драматический театр им. М. Акова вошел в число победителей конкурса по поддержке современной драматургии, объявленного Министерством культуры России в 2017 г. На конкурсе отмечен

поэт и драматург, автор пьесы-сказки для детей Зураб Бемурзов. Его пьеса «Великан и украденный огонь» написана на двух языках: русском и черкесском [3].

Бесспорно, русская театральная культура оказала огромное влияние на развитие театрального искусства народов Карачаево-Черкесии, и сейчас использование русского языка при постановках способствует интеграции театров в межрегиональное культурное пространство, позволяет не замкнуться в национальных «границах» и расширить круг зрителей, которые через театр знакомятся с народной культурой.

Использованная литература:

1. *Алемединова З. Н.* Художественная культура черкесов: Театр Карачаево-Черкесии (страницы истории). — Нальчик : Изд-во ИПК КБГУ, 1998.
2. *Боташева З. Б.* Истоки карачаевского и балкарского театров : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — М., 2001.
3. Республиканский черкесский драматический театр выиграл грант Министерства культуры РФ по поддержке современной драматургии // Официальный сайт главы и правительства Карачаево-Черкесской Республики. URL: <https://www.kchr.ru/news/> (дата обращения: 07.08.2019).
4. *Хабичева-Боташева З. Б., Алемединова З. Н.* Очерки истории Русского театра драмы и комедии Карачаево-Черкесской Республики (1918–2010). — Ставрополь : Сервис школа ; Черкесск : КЧИГИ, 2015.

Olga A. GUDIMOVA

Senior Researcher, Department for Folklore
of the Peoples of Karachay-Cherkessia, Karachay-Cherkessia Institute
for Humanitarian Studies under the Government of the Karachay-Cherkess
Republic, Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic Russian Federation
gudimovaolga@mail.ru

Russian Language and Languages of Indigenous Peoples in the National Theaters of Karachay-Cherkessia

Considering the history and current state of the National Theaters of the Karachay-Cherkess Republic, the author of the article pays special attention to the issue of grant support (a grant established in 2011 by the head of the KChR in the field of theatrical art) to the theaters, the development of culture and the implementation of

creative projects aimed at improving the professional level performers. It is shown that in order to preserve the native languages, a Karachay, Circassian, Abazin and Nogai theaters, relevant to the national regions of the republic, are placed on the languages of indigenous peoples. Actively implemented theatrical performances in Russian allow us to not close in the national circle, to be open to a wide viewer and decide, including material, problems.

Keywords: *culture of the North Caucasus, Karachay-Cherkess Republic, the history of national theaters (Karachai, Cherkess, Abazin, Nogai), a repertoire in national languages, a repertoire in Russian.*

Н. В. Юрченко*

Казачество, еврейство, революция как три смысловых пласта «Конармии» Исаака Бабеля

В цикле рассказов «Конармия» И. Э. Бабеля два традиционно сложившихся мира — мир еврейства и мир казачества — противопоставлены новому миру революции. В языке этого произведения автор статьи ищет ключ к пониманию настоящего и будущего столкнувшихся культурных миров. Два разных русскоязычных культурных общности выступают как антиподы. Наблюдая за бабелевским «фотографическим» подходом к лексике, поведению и бытовому укладу, автор статьи анализирует речь персонажей (представителей казачества и еврейства) и дает свою интерпретацию образно-философского содержания цикла новелл, в котором Бабель отобразил свои наблюдения времен участия в событиях Гражданской войны.

Ключевые слова: «Конармия» И. Э. Бабеля, речевые характеристики героев, образ казачества, образ еврейства, образ революции.

Годы Гражданской войны стали переломными для судеб казачества как служилого сословия, разделили его на красных, белых, зеленых, вольных и проч. Изменения казачьей среды тех лет зафиксированы в текстах литературных произведений. Событийный ряд новеллистического цикла Бабеля соответствует событиям, совершенно по иному описанным в дневнике времен Советско-польской войны (1919–1921) командующим Первой конной армии С. М. Буденным. Они имели ме-

* ЮРЧЕНКО Наталия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского авиационного института (Национального исследовательского университета), Москва, Россия. Электронная почта: welesenta@yandex.ru.

сто на территориях Польши, которые до революции входили в состав Российской империи.

В данном случае важна личность автора: где, когда, при каких обстоятельствах он взаимодействовал с казачеством?

Исаак Эммануилович Бабель (1894–1940) — сын одесского торговца сельхозтехникой, обучался (1904–1911) в Николаевском коммерческом училище имени С. Ю. Витте. Знал иврит (читал Библию и Талмуд), французский и в начале своего творческого пути писал на французском. Закончив экономическое отделение Киевского коммерческого института в 1917 г., он на свой страх и риск (евреям было запрещено жить в столицах) направился в Петроград, где поступил сразу на 4-й курс юридического отделения психоневрологического института. В 1913 г. опубликовал свое первое произведение. После знакомства с М. Горьким при его поддержке опубликовал еще два рассказа, за которые был привлечен к ответственности, но от кары «за кощунство и покушение на ниспровержение существующего строя» его спасло начало Февральской революции.

Дореволюционная биография Бабеля не была связана с казачеством. В Петрограде он перенял от большевистского писателя представления о казаках как о «нагаечниках», «душителях свободы», и эти представления не расходились с тем, что мальчик повидал в Одессе и Киеве. В районах с еврейским населением за чертой оседлости царские власти также использовали казачьи части для наведения порядка.

Чтобы скрыться от уголовных преследований, Бабель оставил университет и жил случайными заработками, был рекрутирован в армию (несколько месяцев отслужил на Румынском фронте, откуда ушел как дезертир, от наказания его спасла вторая революция — Октябрьская).

По протекции Горького Бабель в начале 1918 г. попал переводчиком в иностранный отдел ЧК, затем в Наркомпрос. В 1920 г. под псевдонимом Лютов Кирилл Васильевич был послан военным корреспондентом на советско-польский фронт в Первую конную армию под командованием красного донского казака Буденного. Сражался наравне с остальными, выполнял обязанности комиссара [2] и вел как военный корреспондент «Конноармейский дневник 1920 г.», — основу будущей книги «Конармия». Политика военного коммунизма в период Гражданской войны позволила превратить страну в один военный лагерь, на основе всеобщей воинской повинности была создана массовая Красная Армия. Используя в качестве опытных командных кадров офице-

ров царской армии, в войска ставили политкомиссаров для контроля за деятельностью «военспецов».

То, с чем столкнулся Бабель, служа в конармии, то, как он это описал, вызвало бурные дискуссии. М. С. Буденный публично обозвал Бабеля «литературным дегенератом», И. В. Сталин полагал, что Бабель не понимает, о чем пишет, но Горький увидел подлинный героизм конноармейцев в рассказах Бабеля.

Объясняя, каким виделись Бабелю события Советско-польской войны, можно наметить несколько основных векторов. Действия шли на территории герцогства Варшавского, которое как Царство Польское входило в состав Российской империи с 1814 г. На этой территории проживало множество евреев, оттесненных за черту оседлости еще при Екатерине II [5]. Условно жители Польши были Бабелю роднее пришедших с ним казаков. Однако он сам пришел с конармией устанавливать советскую власть, которую, видимо, считал справедливой. Все, что делали казаки, для Бабеля было чужим, новым, но совершаемым во имя справедливости. Его «фотографическое» описание казачества сделано так, как это сделал бы этнограф, — не изнутри, не так, как видели сами казаки (Буденный) или авторы масштабного политического проекта (Сталин). Бабель и дальше не смог свыкнуться с жестокостью, которой сопровождалось все «новое» и «справедливое», в частности коллективизация. За фотографическую точность, с которой он старался передавать увиденное, советская власть рассчиталась с ним. Бабеля расстреляли в 1940 г., реабилитировали в 1954 г.

Новеллы «Конармии» рисуют казачество глазами представителя другого народа — еврейского — с момента поселения в Российской империи (XVIII в.), после раздела Польши находившегося в культурной оппозиции к казакам. Формально после революции красные казаки конармии Буденного стали не гонителями, а защитниками тех, кто был угнетен при царизме. Лютов (Бабель) пытается понять и принять новый образ жизни и позицию солдат конармии. Но казаки «Конармии» — это новый мир революции, который разрушает старый еврейский мир, материальный (действия конармии происходят в еврейских местечках Польши) и духовный (еврей Лютов пытается подражать казакам, стать своим в их глазах). Все увиденное автор переводит в понятные ему библейские образы; героике страдания, испытания он отождествляет с героическим прошлым еврейского народа и тем самым приобщается к новому для него революционному, справедливому казачьему миру.

Главный мотив, единый для еврейского и казачьего мира у Бабе-ля, — дорога. Поход, в котором участвует Лютов, и образ жизни казака-воина есть движение страны из прошлого в будущее, из имперской России в революционную. Казаки-воины всегда живут «на походе»: казачья станица традиционно организована так, что дом может обходиться без хозяина. Задача воина — защищать жен, детей, стариков, а они и без него управляются с повседневными делами.

Дома для казака-воина существуют общие правила, которые мало чем отличаются и от еврейских и подчинены тем же заповедям: не убей, не укради, почитай отца и мать... «На походе» все иначе. Казак попадает во враждебный мир, в котором домашние правила для него не действуют, и допустимы любые способы выживания, вплоть до грабежа и убийства. И это не делает казака преступником, наоборот, — он герой, которому удалось справиться с внешними враждебными силами, да еще вернуться с подарками-гостинцами к жене, детям, отцу с матерью. Отсюда грабежи, убийства и другое непотребное поведение казаков конармии в Польше.

В еврейском понимании выход в большой мир также связан с опасностью, но решение предлагается другое: никого не задеть, не спровоцировать конфликта, оставить о себе мнение как о добропорядочном еврее — и скорее вернуться домой.

Казак «на походе» всегда готов к встрече с опасностью и знает состояние безудержной радости, ощущаемое конниками во время кавалерийской атаки. Радость преобразуется в лихую казачью походную песню, разлетающуюся по степи в предупреждение врагам: «Бойся, враг! Казаки идут!». Как отмечал Г. Гачев в книге о логосе русского народа, логос — не только дорога, он вмещает и «песню, поэзию, мат, блатной язык — и безмолвие» [3, с. 222]. Допущение обсценной лексики — особенность казака «на походе»: большое физическое напряжение, боль от ран, постоянная близость к смерти, требуют сильного эмоционального выброса, который иначе невозможен. Еврей в такой ситуации будет плакать, казак — материться.

Мы узнаем казаков через их отношение к еврею Лютову. Начдив, узнав, что Лютов грамотный, окончил университет, кричит ему: «Ты из киндербальзамов... и очки на носу»; «Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки» [1, с. 32]. «Канитель тут у нас с очками. И унять нельзя. Человек высшего отличия — из него здесь душа вон», — говорит Лютову квартирьер. И добавляет: «А испорть вы даму, самую чистенькую даму, тогда вам от бойцов ласка...» [1, с. 33].

Лютов — интеллигент, боится крови. Подобные черты характера негативно воспринимаются конармейцами. И чтобы стать своим для казаков, ему приходится зарезать гуся (новелла «Мой первый гусь»). Но все его существо протестует, он стал «своим» только внешне. О ночи после убийства гуся он вспоминает: «Я видел сны и женщин во сне, и только сердце мое, обогренное убийством, скрипело и текло» [1, с. 34].

Выходя в мир, полный опасности, Лютов стремится остаться незамеченным, оставить после себя доброе впечатление, как поступил бы каждый еврейский мальчик. Он идет в бой, а патроны «незалаживает», чтобы никого не убить; деликатно ухаживает за учительницей, которой обещает ей светлое будущее (увезти в Москву). Казаки берут женщин, не обещая им ничего, но могут облегчить страдания товарища последним выстрелом.

Образ казачьей станицы и взаимоотношений казака со своей матерью можно почерпнуть из письма Васьки Курдюкова домой (новелла «Письмо»). Патриархальный рай, по которому тоскует казак, противопоставлен «большому миру», по которому «идет походом» конармия: «Могу вам описать также, что здесь страна совсем бедная, мужики со своими конями хоронятся от наших красных орлов по лесам, пшеницы, видать, мало, и она ужасно мелкая, мы с нее смеемся. Хозяева здесь сеют рожь и то же самое овес. На палках здесь растет хмель, так что выходит очень аккуратно; из него гонют самогон»; «за Воронеж могу вам описать, любимая мама Евдокия Федоровна, что это городок очень великолепный, будет поболее Краснодара, люди в ем очень красивые, речка способная до купания» [1, с. 12–14]. Мать осталась далеко в станице, «на походе» женщина как таковая воспринимается иначе. А. В. Подобрый отмечает, что образы женщины и матери у казаков разные: «Для казака, как и для всех других людей, Мать — святое. Но “обманную” мать-мешочницу, не задумываясь, Балмашов “бьет из винта”; Лютов, чтобы быть похожим на буденновцев, бьет кулаком в грудь старуху (“Мой первый гусь”); Прищепа оставляет после себя “подколотых старух” (“Прищепа”); Трунов за обман (“фабричная у тебя matka”) убивает польского юношу» [6, с. 224–235].

Отношение к матери в еврейском мире показано в новелле «Сын рабби». Отступающая конармия подобрала умирающего еврейского юношу, которого Лютов знал прежде и даже был на субботней молитве у его отца. Зовут умирающего от ран юношу Илья Брацлавский.

- «— Четыре месяца тому назад, в пятницу вечером, старьевщик Гедали привел меня к вашему отцу, рабби Моталэ, но вы не были тогда в партии, Брацлавский.
- Я был тогда в партии, — ответил мальчик, царапая грудь и корчась в жару, — но я не мог оставить мою мать...
 - А теперь, Илья?
 - Мать в революции — эпизод, — прошептал он, затихая. — Пришла моя буква, буква Б, и организация услала меня на фронт...» [1, с. 122].

Ничто не могла заставить еврейского мальчика оставить мать. Но вмешались новые законы революции, «организация услала на фронт», и гражданская война отняла его жизнь.

Приземленное отношение к женщине у казака компенсируется трепетным отношением к коню: «Конь — он отец, бесчисленно раз жизнь спасает» [1, с. 84]. Лютов зафиксировал замечательные проявления этих взаимоотношений в новелле «Афонька Бида». Казак плачет и прощается с конем Степаном как с человеком: «Прощай, Степан.., как вочуюсь без тебя в тихую станицу?.. Ну, не покорюсь же судьбе-шкуре, ну, беспощадно же буду рубать несказанную шляхту! До сердечного вздоха дойду, до вздоха ейного и богоматериной крови... При станичниках, дорогих братьях, обещаю тебе, Степан...» [1, с. 72].

Бабелю удалось показать, что конь является полноправным бойцом казачьего войска. Отсюда понятна обида Хлебникова на Савицкого, забравшего коня («История одной лошади»; «Продолжение истории одной лошади»); понятна ненависть Тихомолова к рассказчику, загубившему Аргамака («Аргамак»). Казак не просто отождествляет коня с человеком, он весь мир видит через коня: «Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг, по которому ходят женщины и кони»; «Облитый духами и похожий на Петра Великого, он [Савицкий] жил в опале с казачкой Павлой, отбитой им у еврея-интенданта, и с двадцатью кровными лошадьми, которых мы считали его собственностью» («История одной лошади»); «Жалко было жеребца. Большевичок был жеребец, чистый большевичок... Ликвидировал я эту лошадку. Рухнула она, как невеста...» («Конкин»).

В «Учении о тачанке» Лютов начинает отождествлять себя с казаками: «Я — обладатель тачанки и кучера в ней. Тачанка! Это слово сделалось основой треугольника, на котором зиждется наш обычай: рубить — тачанка — кровь...» [1, с. 41]. Казалось бы, он справил-

ся с поставленной задачей, понял казака изнутри и преобразился в него. В конармии все выворачивается наизнанку: еврей становится казаком, богатый пан бежит из своего поместья. «Возы с сеном, построившись в боевом порядке, овладевают городами. Свадебный кортеж, подъезжая к волостному исполкому, открывает сосредоточенный огонь, и чахлый попик, развевая над собой черное знамя анархии, требует от властей выдачи буржуев, выдачи пролетариев, вина и музыки» [1, с. 117]. Но все возвращается назад, как только Лютов попадает в разоренное еврейское местечко, где «узкоплечие евреи грустно торчат на перекрестках»; «прикрытая раскидистыми хибарками, присела к нищей земле синагога, безглазая, щербатая, круглая, как хасидская шляпа». «...Я понял жгучую историю этой окраины, повествование о талмудистах, державших на откуп кабаки, о раввинах, занимавшихся ростовщичеством, о девушках, которых насиловали польские жолнеры и из-за которых стрелялись польские магнаты» [1, с. 43]. Это понимание возвращает Лютова в свой мир, мир еврейства.

Филологи (А. В. Подобрый) отметили, что «Конармия» фиксирует множественные маркеры казачьей речи. «Народная этимология», создающая новые слова в условиях нового интернационального мира, обогатила лексику красных казаков: «Провести приказом и зачислить на всякое удовольствие, кроме переднего» («Мой первый гусь»); «Вот деточка глазнапы выкатил...» («Сашка Христос»); «Фармазонщик он, а не глухарь» («Иваны»); «Развесишь губы — тебя враз уконтрапупят» и проч. Как новые пословицы воспринимаются фразы: «Помрем за кислый огурец и мировую революцию» («Конкин»); «Вы... выймете палец из носу и воспоете новую жизнь» («Вечер»), «И так вилась веревочка до тех пор, пока товарищ Ленин с товарищем Троцким не отворотили озверелый мой штык и не указали ему предназначенную кишку и новый сальник поудобнее» («Измена»).

Новелла «Путь в Броды» содержит лирическое отступление о пчелах, итожащее общую судьбу традиционных миров — казачьего и еврейского: «Я скорблю о пчелах. Они истерзаны враждующими армиями. На Вольни нет больше пчел». Пчела в еврейской культуре имеет символическое значение как мать-Дебора [7] и образ жителей земли обетованной, текущей млеком и медом.

Другое отношение к пчелам у казака: «За пчелу и ее душевность рассказывают бабы в станицах, — начал взводный мой друг». Пчела

(баба) должна потерпеть, пока мужики совершают революцию: «Нехай пчела перетерпит. И для нее, небось, ковыряемся».

В «Конармии» несовместимое совмещено как лоскутность строящегося нового мира. Построение России советской, интернациональной возможно только при наличии большой общей идеи, в данном случае — идеи революции как масштабного действия, способного заставить противоположные, зачастую враждующие, культуры сделать шаг к взаимопониманию.

Через противопоставление двух традиционных культур — еврейской и казачьей — Бабель показал многое. Казаки Бабеля оставили дом, вышли в поход (реально — за польские территории, фигурально — за светлое будущее). А «на походе» казаку дозволено убивать, грабить, насиловать, сквернословить, поскольку он находится во враждебной среде (не дома). В «Конармии» мы видим казаков, которые сохранили свое предназначение как воины. Они и их «язык» у Бабеля выглядят самыми яркими. У каждого из казаков своя манера, «свой сказ», невозможно спутать речь этих колоритных персонажей с речью русского командира, польского еврея или самого Лютова. Все они используют новые революционные слова, однако окраска речи казаков особенная, «самостийная».

Яркость не затмевает глубину — две ипостаси пласта еврейского: язык польских евреев и язык библейских пророков (изображаемые события возведены повествователем на уровень испытаний, пройденных праотцами иудейскими Авраамом, Исааком, Иаковом и достойных высокого библейского слога). В этой высокой ипостаси язык вечно гонимого народа, привыкшего жить за чертой оседлости, терпеть обвинение во всех бедах соседей-христиан, выступает хранителем корней и богоизбранности.

Язык революции — язык приказов и мандатов, аббревиатур и сокращений. Он не выражает ничего, кроме наплыва перемен жизни, которые еще не скоро уложатся во что-нибудь понятное и приемлемое для большинства.

Использованная литература

1. *Бабель И. Э.* Сочинения : В 2-х т. Т. 2. — М. : Худ. лит., 1990.
2. *Бабель Исаак* // Еврейская электронная энциклопедия. — URL: <https://eleven.co.il/jewish-literature/in-russian/10369/> (дата обращения: 08.06.2020).

3. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. — М. : Academia, 1998.
4. *Гросул В. Я.* Красные генералы Гражданской войны // Военная интервенция и Гражданская война в России (1918–1920 гг.). — М. : РУСО, 2009. — С. 55–90.
5. *Мордовин-Залесский А. К.* Черта оседлости [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. — URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4683900 (дата обращения: 06.06.2020).
6. *Подобрий А. В.* «Диалог» национально-культурных традиций и принципы построения образа поликультурного мира в новеллах «Конармии» И. Бабеля // Вестник Челябинск. гос. пед. ун-та. — 2008. — № 6. — С. 224–235.
7. *Собаева Н. В.* Отголоски материнского культа древнееврейских скотоводческих племен в Библии // Взаимодействие мировых цивилизаций: история и современность : матер. конф. аспирантов каф. всеобщей истории РУДН. Вып. 2. — М. : РУДН, 2001. — С. 131–133.

Natalia V. YURCHENKO

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Department of History, Moscow Aviation Institute
(National Research University), Moscow, Russia
welesenta@yandex.ru

Cossacks, Jewry, Revolution as Three Semantic Layers of Isaac Babel's "Konarmia"

In the series of short stories "Konarmiya" by Isaak E. Babel, two traditionally formed worlds — the world of Jewry and the world of the Cossacks—are — contrasted with the new world of the revolution. In the language of this work, the author of the article is looking for a key to understanding the present and future of the colliding cultural worlds. Two different Russian-speaking cultural communities act as antipodes. Observing Babel's "photographic" approach to vocabulary, behavior and everyday life, the author of the article analyzes the speech of the characters (representatives of the Cossacks and Jews) and gives his interpretation of the figurative and philosophical content of the cycle of short stories where Babel reflected his observations from the time of participation in the events of the Civil War.

Keywords: "Konarmiya" by Isaak E. Babel, speech characteristics of the heroes, the image of the Cossacks, the image of Jewry, the image of the revolution.

М. Е. Шалак*

Развитие ногайской литературы через популяризацию ногайского героического эпоса: проблемы перевода и публикации

Цель статьи — обобщить накопленный более чем за сто лет массив научных работ о ногайском героическом эпосе, а также публикаций, в которых содержатся переводы отдельных дастанов на русский язык. Источниками исследования послужили как сами героические поэмы (например «Эдиге»), так и работы ученых, занимавшихся анализом ногайского героического эпоса. Методологическую основу проведенного в статье исследования составили эвристический, сравнительно-сопоставительный, историко-описательный методы. Освещая в хронологической последовательности все известные на сегодняшний день работы по ногайскому героическому эпосу, автор уделяет особое внимание анализу содержания дастана «Эдиге». Показано, что ногайский героический эпос содержит ценный фактологический материал, который позволяет использовать его в качестве исторического источника. Сделан вывод о необходимости полного издания и перевода на русский язык всего комплекса дастанов для дальнейшей популяризации этой жемчужины эпического наследия человечества.

Ключевые слова: ногайский героический эпос, русскоязычные переводы эпоса, сравнительное изучение дастанов, Эдиге, Золотая Орда, Дешт-и Кипчак, Ногайская Орда, Монгольская империя.

Ногайский эпический цикл, представляющий собой свод сказаний (дастанов) о богатырях и героическом прошлом ногайского народа в эпоху Средневековья, является ярким образцом национальной литературы мирового масштаба. Весь цикл дастанов объединяется в общий свод под названием «Сорок богатырей». Из общего названия можно заключить, что когда-то героев ногайского богатырского эпоса было столько же, но на сегодняшний день их известно гораздо меньше [16, с. 24].

Впервые весь дошедший до нас комплекс ногайских эпических сказаний был детально исследован академиком В. М. Жирмунским [10]. Большое внимание ученый уделил изучению ногайских, и не только, сказаний об Эдиге и его потомках. В. М. Жирмунский убедительно сумел показать, что относительно поздние сказания об Эдиге и ногайских богатырях обладают большой степенью исторической достоверности. По

* ШАЛАК Максим Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент Института истории и международных отношений Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия. Электронная почта: shemjchich@mail.ru.

мнению исследователя, эти сказания служат своеобразным рекордом по соответствию эпических преданий историческим фактам, содержащимся в исторических источниках. В то же время В. М. Жирмунский считал, что нельзя в ногайском эпосе искать прямые параллели с реально происходящими событиями, поскольку фольклорная интерпретация героев и событий не обязана соответствовать своим историческим прототипам.

В. М. Жирмунский первым попытался разобраться, кем в действительности доводились друг другу герои, упоминаемые в сказаниях, происходили ли на самом деле богатырские походы и битвы, упоминаемые в эпосе [10, с. 434]. Ученый сумел сопоставить десятки вариантов сказаний об Эдиге с материалом о нем из исторических хроник. В итоге он сделал вывод, что еще при жизни Эдиге его личность и биография стали обрастать легендами и сверхъестественными подробностями [10, с. 377–378]. Большую ценность представляет определение ученым состава и численности ближайшего потомства Эдиге, в особенности его правнука Мусы [10, с. 400, 431]. Много внимания уделил В. М. Жирмунский и бию Исмаилу, поскольку тот выступает однозначно отрицательным персонажем во всех произведениях ногайского героического цикла.

Также большой вклад в изучение ногайского героического эпоса внес А. И.-М. Сикалиев [15]. Ногайский ученый разобрал и рассмотрел эпический фольклор своего народа, проанализировав упоминаемые в нем реалии. Он ввел в научный оборот тексты не издававшихся ранее сказаний и сочинения ногайских средневековых поэтов, таких как Асан-Кайгы, Шал-Кийиза, Каз-Туган [15, с. 44–55]. Следует отметить, что А. И.-М. Сикалиев открыл для исследователей собственно ногайскую устную литературу — вторую группу из сохранившихся источников, созданных самими ногаями, наряду с дипломатической перепиской.

Исходным звеном ногайского героического цикла является дастан об Эдиге. Именно его различные варианты публиковали неоднократно исследователи XIX–XX вв. Известны также эпические повествования о Мусе б. Вакасе, Мамае и Ураке, бие Ураз-Мухаммеде, Гази б. Ураке, Хорошае и др. Помимо этих реальных исторических персонажей существуют отдельные дастаны, посвященные незнатным, потому и неизвестным по историческим источникам богатырям.

Центральная поэма ногайского эпоса — дастан об Эдиге — была записана в разное время практически у всех народов, населявших когда-то обширные пространства Дешт-и Кипчак: казахов, каракалпаков, уз-

беков, ногайцев, туркмен, башкир, крымских татар, сибирских татар и горных алтайцев. Ногайский вариант поэмы был напечатан одним из первых на языке оригинала арабской графикой и без русского перевода М. Османовым в 1883 г. [11]. Помимо «Эдиге» в этот сборник вошли поговорки, песни и исторические предания, собранные у ногайцев Северного Кавказа и у кумыков Дагестана. Из богатырских поэм это были «Нарик и Шора-батыр», «Предание о Мирзе Мамае», «Предание о Адиль Солтане», «Предание о Арю Амед, сыне Айсула», «Предание о Эсен-Булате» [15, с. 8]. Как замечает известный ногайский ученый А. А. Ярлыкапов, текст ногайских эпических поэм был набран не в северокавказской письменной традиции, в которой обычно присутствуют огласовки, а в татарской, где огласовок нет. Из-за этого читать тексты, записанные М. Османовым, довольно затруднительно, поскольку допускается двоякое толкование написанных слов. Осложняет чтение и полное отсутствие знаков препинания. Тексты содержат много устаревших слов, не употребляемых ныне ногайцами [19, с. 16–17].

Подробный перевод ногайской версии дастана был записан Н. Семеновым в Дагестане, на берегу Аграханского залива Каспийского моря, в 1880–1881 гг. и опубликован им сначала под названием «Яммай» в газете «Кавказ», а затем в 1895 г. в книге «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» уже под названием «Эдыге» [14, с. 469–481]. Несмотря на то что Н. Семенов считал эпос об Эдиге монгольским, им была предпринята первая попытка изучения ногайского эпоса.

В 1896 г. казахский вариант дастана об Эдиге был опубликован А. А. Диваевым по рукописи в сопровождении перевода на русский язык [9]. Его вариант заметно отличается от архетипа эпического сказания. Четыре прозаических переложения «Эдиге» в казахской версии были записаны Г. Н. Потаниным в 1897 г. [12]. Они заметно отличаются друг от друга в сюжетных подробностях, отклоняясь от исторического повествования в сторону сказки. Еще один перевод поэмы об Эдиге, а также дастанов «Мирза Мамай», «Адиль-солтан Крымский», «Арю-Амед, сын Айсулы», «Нарит и Чора-батырь» был сделан Г. Ананьевым и опубликован в краеведческом издании в 1900 году [2]. Позже они были переизданы им в 1909 г. в Ставрополе [3].

Большой вклад в изучение ногайского эпоса внес казахский ученый Ч. Ч. Валиханов. Занимаясь изучением казахских и киргизских эпических преданий, он первым обратил внимание на поразительную общность сюжетов и персонажей ногайского эпического цикла у разных

народов, населявших Дешт-и Кипчак. Особенно это относится к дастану об Эдиге. В своих работах Ч. Ч. Валиханов высказал предположение о тесных связях, некогда существовавших между ногаями и казахами. Он разобрал, перевел на русский язык и опубликовал казахский [7] и ногайский [8] вариант дастана об Эдиге.

Каракалпакская запись дастана была сделана в 1903 г. в Чимбае И. А. Беляевым, она опубликована в 1917 г. в Ашхабаде и снабжена русским переводом [6]. Ногайские материалы дастана об Эдиге были дополнены очень подробной записью этой эпической поэмы, сделанной в 1958 г. в Карачаево-Черкессии А. И.-М. Сикалиевым и опубликованной с переводом в его позднейшей монографии [15, с. 242–322]. Он же в 1991 г. в Махачкале издал сборник «Сорок ногайских богатырей» на ногайском языке [20]. В этот сборник были включены героические поэмы «Эдиге», «Мамай», «Адиль-Солтан» и «Шора-Батыр», а также лирический дастан «Толеген и Кыз-Йибек».

Недавно коллективом Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований было издано собрание всех известных текстов эпического дастана «Эдиге», снабженное научными приложениями, по большей части из уже опубликованных работ [18]. Следует сказать, что другие известные нам дастаны не заслужили пока еще подобного масштабного издания.

Таким образом, можно заключить, что на сегодняшний день мы не имеем опубликованного и переведенного на русский язык полного собрания ногайского героического эпоса, объединенного в академическое издание. И это несмотря на то, что интерес к нему начал проявляться у российских исследователей еще с конца позапрошлого века. В то же время необходимо отметить, что в XXI в. эта работа активно проводится в Республике Казахстан. В частности, героические сказания из цикла «Сказания о сорока крымских богатырях» вышли в многотомном издании «Батырлар жыры». Весь цикл ногайлинских (так в традиционной казахской устной историографии обозначается позднее золотоордынское и постордынское время) дастанов, посвященный сорока крымским (ногайлинским) батырам, был издан в Казахстане в 2005 г. под названием «Кырымнын кырык батыры» по программе «Культурное наследие». Параллельно этому, с 2004 по 2013 г. Институтом литературы и искусства имени М. О. Ауэзова были изданы 100 томов казахского фольклора «Бабалар сөзі» («Слово предков»), куда вошел и весь героический эпос [1, с. 35].

На фоне этих фундаментальных проектов соседнего государства российская научная деятельность, направленная на систематическое издание героического эпоса тюркских народов нашей страны, выглядит весьма неубедительно. Поэтому одной из актуальнейших задач, стоящих сегодня перед российскими историками, культурологами, филологами и фольклористами, является полномасштабное издание всего массива дошедшего до нас эпического наследия тюркских народов нашей страны вообще и Северного Кавказа в частности, снабженного научными комментариями и примечаниями. В первую очередь это относится к собственно ногайским героическим поэмам, историческая первооснова которых послужила фундаментом для эпических сказаний всех тюркских народов, населявших просторы Дешт-и Кипчак.

В силу ограниченных возможностей в рамках представленной статьи, попытаемся вкратце охарактеризовать хотя бы один из ногайских героических дастанов, посвященных реально существовавшему историческим персонажам ногайской истории. Как отмечалось нами выше, центральным персонажем, с которого, собственно, и начинается история Ногайской Орды, является Эдиге. По мнению академика В. М. Жирмунского, из всего множества вариантов дастана об Эдиге ближе всего к предполагаемому архетипу сказания текст, изданный Ч. Ч. Валихановым и поддержанный ногайской версией Н. Семенова [10, с. 354]. Согласно этому дастану, Эдиге был сыном мирзы Кутлу-кая, служившего кравчим у хана Тохтамышша (1380–1395). Заведую ханскими охотничьими птицами, он тайно отправил два соколиных яйца эмиру Тимуру (1370–1405), который страстно желал заполучить заветных соколов Тохтамышша. Узнав об этом от исконного врага Кутлу-кая — мирзы Джамая, золотоордынский хан приказал казнить своего неверного кравчего и весь его род. Молочный брат (эмчек) опального придворного, некто Эсебий, пожалел Кутлу-кая и втайне ото всех подменил спящего в колыбельке Эдиге на своего сына Кубугула.

Неизвестно, как проходило детство Эдиге, но, возмужав, он под именем Кубугула поступил на службу к Тохтамышшу в качестве телохранителя (саклау). По своим качествам Эдиге превосходил всех воинов хана, и тот очень скоро обратил на него внимание, выказывая ему знаки почтения. Это вызвало негодование у других мирз и те решили выяснить причину такого предпочтения через жену хана — Дана-Бике. Та незаметно приколола платье своего мужа к подушке, на которой тот сидел, и когда вошел Эдиге и произнес слова обычного приветствия,

хан невольно приподнялся с места и потянул за собой подушку. Тут, со слов сказителя, «глаза у Тохтамыша открылись», и он задумался, почему безродный воин вызывает у него такое почтение и страх [14, с. 420–421].

Однажды Тохтамыш созвал на совет своих князей и советников, на высоком кургане. Он поочередно спрашивал у них, кто такой этот Кубугул? Но никто не знал о его происхождении. Примечательно, что в состав совета при хане входили представители родов Аргын и Кыпчак, известные нам по своему влиянию на дела Крымского ханства в XV–XVII вв. Не найдя ответа на свой вопрос, хан посылает своих воинов в Хиву за 180-летним певцом Парздаком.

Прибыв ко двору, хивинский старец рассказывает о себе, что он настолько стар, что видел еще живьем Чингисхана (1206–1227), «носителя железного панциря, покинувшего этот свет язычником» [14, с. 424]. Далее следует интереснейшее перечисление ханов, которых также застал на своем веку Парздак, при этом каждому из них он дает небольшую характеристику. Так, следом за Чингисханом, он видел «сорокасаженную башню Союн-хана и видел Гокай-хана, строителя железного неба, и противника Бога, наказанного за это истреблением его потомства» [14, с. 424].

Под Союн-ханом следует понимать Батая (1237–1256), которого потомки прозвали Саин-ханом, что значит «добрый, хороший хан» [17, с. 58]. Его «сорокасаженная башня» может отождествляться с основным им городом Сараем — столицей улуса Джучи. Гокай-хан — это, по видимому, монгольский хан Угэдей (Огодай) (1229–1241), построивший столицу империи Каракорум с «Дворцом десяти тысяч лет благоденствия» («железное небо» в дастане?), приверженец тенгрианства («противник Бога?»), потомки которого были уничтожены в годы правления хана Мунке (1251–1259).

Затем старец упоминает, что «видел без вести пропавшего Юша-хана и видел того хана, обладателя золотого лука, который властвовал над Татар-тупом и Джулатом и назывался Султан Берки-хан и Алтун Берды-бек» [14, с. 424]. Здесь, в первом случае, речь идет, скорее всего, об Улагчи (1256–1257), сыне не то Бату, не то Сартака, умершем в малолетнем возрасте [17, с. 60]. В имени второго хана легко угадывается Берке (1257–1266), следующий правитель улуса Джучи, формально не носивший ханского титула и в сочинениях современников именуемый «огулом», т. е. представителем ханского рода, не обладающим титулом

монарха [13, с. 33]. Возможно, из этого обстоятельства вытекает его второе имя в сказании.

Дальше поэма устами хивинского сказителя упоминает «Борак-хана, сына Бодыка, владетеля земель от родника Балта до Таш-гечу, и <...> хана Амед-Самета, владетеля Агистана и Дагестана» [14, с. 424]. Получается, что после ханов Монгольской империи и правителей улуса Джучи ханский список перемещается в улус Чагатая, откуда, собственно, родом и был певец Парздак. Так, Борак-хан правил в Чагатаевом улусе с 1265 по 1271 год и был сыном Есун-Тувы, внука Чагатая [4, с. 509]. А следующий за ним Амед-Самед эпоса может соответствовать уже ильхану улуса Хулагу — Султану Ахмеду (1282–1284), первым из ильханов принявшему ислам, во владения которого действительно входила часть территории современного Дагестана [5, с. 510].

«Я видел хана Янгурчи, владетеля земель от Гуен-гала до Сагыз-коль, и видел хана Тохта-хана, жившего в “торъать башиакъ чатырь”», — продолжает свою песнь Парздак [14, с. 425]. Относительно хана Янгурчи-Ямгурчи ничего определенного сказать нельзя. Возможно, в ногайском эпосе под ним подразумевается приемник Султана Ахмеда, ильхан Аргун (1284–1291). Что касается Тохта-хана, то он был ханом Золотой Орды с 1291 по 1312 год. Непонятное для Н. Семенова название места жительства Тохты — «торъать башиакъ чатырь» — исследователь переводил дословно как «белый шатер на голове гнедой лошади» [14, с. 457].

Следующих ханов поэма описывает так: «Я видел хана Буденейтей-Борденкей. Я видел хана Тенибека, имевшего тебенги из кованого золота, который царствовал только вчера» [14, с. 425]. Кто именно скрывается в эпосе под именем «Буденейтей-Борденкей», не понятно. Однако если учесть, что это единственный хан, не удостоившийся в песне никакой характеристики, можно предположить, что это не личное имя хана, а неправильный перевод каких-то эпитетов, относящихся к хану Тенибеку, правившему в Золотой Орде после смерти своего отца Узбека с 1341 по 1342 гг. Тебенги-тебенъки — это лопасти из кожи, подвешиваемые на пряжках по бокам седла. Идущий в целом в хронологической последовательности список ханов в поэме нарушается на хане Узбеке (1313–1341), который упоминается сразу после своего сына Тенибека: «Я видел хана Узбека, обладателя стремян из золота, который сам сделался ханом» [14, с. 425].

Пожалуй, самая обширная характеристика дана в поэме хану Джанибеку (1342–1357): «И видел хана, запрещавшего народу пить воду

некоторых источников. Почетную стражу его составляли тысячи кута-соносцев (кутас — украшение в виде кисти на шлеме. — *Прим. М. Ш.*), садившихся на тысячу аргамаков; дворец его был окружен тенистыми деревьями, у него было восемьдесят сараев, в которых жгли собираемый руками саксаул и которые соединялись между собою тысячью труб. Бурка его была вышита золотом, и золотом же было покрыто одеяло, — хан этот Джанибек, сын Узебека!». Затем певец упоминает ханов Бердибека (1357–1359) «с верблюжьими локтями» и Тоу-Ходжа, «в панцире которого каждое звено стоило тысячу золотых». Завершает свой ханский перечень певец Парздак следующим выражением: «Высших ханов я видел тридцать и низших видел десять. И ныне, в цветущие времена Крыма, я вижу последнего из десяти ханов, сына Тоу-Ходжа, еще вчера бегавшего босым и с непокрытою головою, вижу смотрящего на меня торболинновыми (птичьими. — *Прим. М. Ш.*) глазами Тохтамыша!..» [14, с. 425]

Зная, что отцом хана Тохтамыша был Туй-Ходжа-оглан из рода Ту-га-Тимура, эмир Мангашлыка [13, с. 156], который никогда не был ханом, мы можем предположить, что в эпическом хане Тоу-Ходжа произошло наложение похожих имен среднеазиатского правителя Туй-Ходжа и хана Золотой Орды Темур-Ходжа, правившего всего две недели в 1361 году [17, с. 137]. Кого сказитель ногайского эпоса считал высшими, а кого низшими ханами — непонятно. Ясно только, что последним, десятым низшим ханом эпос называет Тохтамыша, всего же в дастане певец Парздак перечислил 15 ханов, свидетелем правления которых он был. Интерес вызывает и то место в поэме, где время правления Тохтамыша, перед которым исполнял свою песню Парздак, обозначается как «цветущее время Крыма». Возможно, это может свидетельствовать, что данный вариант эпоса об Эдиге создавался во времена расцвета Крымского ханства в конце XV–XVI вв.

Закончив перечислять известных ему ханов, мудрый старец отвечает, наконец, на вопрос Тохтамыша, о том, кто же на самом деле этот Кубугул? Он — «хан Эдиге», сын «страшного Кутлу-кая», который в скором времени заберет у Тохтамыша не только власть и страну со всеми ее богатствами, но и его красавиц дочерей Ханыке и Газыке. Ошеломленный хан приказывает схватить Кубугула, но тот с верными ему нукерами бежит к шаху Темиру, «Боракову сыну» [14, с. 429]. По дороге Эдиге встречается со своим молочным братом, сыном когда-то спасшего его аталыка Эсебия. Далее он нанимается на службу к калмыцкому хану Кабардыну, сыну Агока, похитившему дочь грозного шаха Темира Фердауз.

С помощью пленной красавицы Эдиге хитростью убивает Кабардына, берет ее себе в жены и со всем войском поверженного калмыцкого хана прибывает к Темиру.

По прошествии многих лет службы у своего грозного тестя Эдиге наконец-то уговорил Темира выступить в поход против Тохтамышша. В произошедшей битве престарелый хан был разбит и бежал, преследуемый сыном Эдиге — Нурадилем (Нураддином). Настигнув Тохтамышша, Нурадил отсекает ему голову, в качестве трофея привозит ее в лагерь Темира, чтобы бросить к ногам своего отца Эдиге. Однако вскоре между отцом и сыном разгорается ссора из-за дочерей Тохтамышша, которых Нурадил собирался взять себе в жены, но те обманули его, заявив, что уже беременны от Эдиге. С этого времени Нурадил «воспылал ненавистью к отцу своему и принял решение жестоко отомстить ему» [14, с. 439].

Тем временем Темир, сокрушив Тохтамышша, вернулся в свои среднеазиатские владения, оставив правителем Золотой Орды Нурадила, а советником при нем его мудрого отца Эдиге. Но вскоре сын изгнал шестидесятилетнего отца из ханства, который вынужден был теперь скитаться по степи. Спустя много лет Нурадил тяжело заболел, и никто не мог его излечить. Тогда вспомнили об Эдиге, который приобрел славу могущественного шейха. Его нашли в жалком состоянии, совершенно нагого и питающегося ягодами и кореньями. Старика одели и привезли в стан сына. По молитвам Эдиге его сын Нурадил выздоровел и стал управлять ханством по-прежнему, а шейх Эдиге «жил с сыном до самого того дня, когда душа его отошла к престолу великого Бога» [14, с. 445].

Заканчивается ногайский эпос об Эдиге рассказом о том, как сын поверженного хана Тохтамышша — Кадыр-Берды Султан, мстя за смерть отца, вступает в ожесточенную борьбу со своим кровным врагом Нурадилем. Реальный Кадыр-Берди действительно сражался за престол отца и добыл его в 1419 г. в борьбе с Эдиге, однако вскоре погиб в Крыму, а по одной из версий оба противника встретились в сражении, в котором Кадыр-Берди погиб, а Эдиге умер от ран [13, с. 195, 338]. Эпический же Кадыр-Берди сражался с Нурадилем и, заманив его хитростью безоружным в свой шатер, подверг мучительным истязаниям, заставив пройтись по деревянному помосту, утыканному гвоздями концами вверх и сесть в кресло, из которого также торчали гвозди. Видя, с каким мужеством Нурадил переносит страдания, Кадыр-Берди приказал снять его с гвоздей, перевязать ему раны и сделал его первым полководцем в своем ханстве, наградив улусом в ногайской степи [14, с. 454].

Так заканчивается ногайский героический эпос об Эдиге. Как нами было показано, он во многом историчен и в основе своей имеет реальные события, происходившие в Великой Степи в конце XIV — начале XV в. Историчность многих описываемых событий — характерная черта, присущая практически всем известным на сегодняшний день ногайским героическим сказаниям. Отсюда может вытекать его широкое использование в исторических исследованиях по истории народов Дешт-и Кипчак в эпоху позднего Средневековья, чем и вызвана потребность в полном издании и переводе на русский язык всего комплекса ногайского героического эпоса. Полное издание и перевод необходимы и для дальнейшей популяризации, доведения до массового читателя этой жемчужины эпического наследия человечества.

Использованная литература

1. *Абткаримов У.М.* Ногайлинский героический эпос «Карасай-Кази» и лиро-эпос «Әділ-сұлтан»: историческая параллель на основе письменных источников // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва. Серия : Исторические науки. Философия. Религиоведение. — 2019. — № 2 (127). — С. 34–46.
2. *Ананьев Г.* Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. — Тифлис : Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе К. Казовского и М. Мартирозианца, 1900. — С. 1–38 (отд. паг.).
3. *Ананьев Г.* Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Северном Кавказе / ред. Г. Н. Подозрителев. — Ставрополь, 1909. Т. 2. — С. 1–29 (отд. паг.).
4. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 2. Ч. 2. — М. : Наука, 1964.
5. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. 7. — М. : Наука, 1971.
6. *Беляев И.А.* Сказание об Едигее и Тохтамыше: Каракалпакская народная поэма // Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. 3. — Ашхабад, 1917. — С. 1–39 (отд. паг.).
7. *Валиханов Ч. Ч.* Идиге (джир) // Сочинения. — СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1904. — С. 222–264.
8. *Валиханов Ч. Ч.* Эдигей // Сочинения. — СПб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1904. — С. 265–273.
9. *Диваев А. А.* Этнографические материалы. Вып. 5. — Ташкент, 1896.

10. Жирмунский В. М. Избранные труды : Тюркский героический эпос. — Л. : Наука, 1974.
11. Османов М. Ногайские и кумыкские тексты. — СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1883.
12. Потанин Г. Н. Тюркская сказка о Идыге // Живая старина. 1897. Вып. 3–4. — С. 294–350.
13. Почекаев Р. Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. — СПб. : Евразия, 2010.
14. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). — СПб. : Тип. А. Хомского и К., 1895.
15. Сикалиев А. И.-М. Ногайский героический эпос. — Черкесск : Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований, 1994.
16. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. — Казань : Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016.
17. Шнулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.
18. Эдиге : Ногайская эпическая поэма. — М. : Наука, 2016.
19. Ярлыкапов А. А. Образ ногайского казака в фольклоре: жизнь, мораль, доблесть // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения) : матер. всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.). — Ростов-н/Д. : Изд-во Альтаир, 2017. — С. 15–21.
20. Ногайдынъ кырк бабтири: Ногай халк дестанлары. Дестанларды йыйган, баспага азырлеген, йыйынтыкты тюзген, кирис соьзин эм соьзлигин язган А. Сикалиев. — Махачкала : Б. и., 1991.

Maxim E. SHALAK

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
shemjchich@mail.ru

Development of Nogai Literature through Popularization of the Nogai Heroic Epic: Problems of Translation and Publication

The purpose of the article is to summarize the accumulated over a hundred years of scientific works on the Nogai heroic epic, as well as publications that contain translations of individual dastans into Russian. The sources of the study were both

the heroic poems themselves (for example, “Edige”), and the works of scientists who were engaged in the analysis of the Nogai heroic epic. The methodological basis of the research carried out in the article was made up of heuristic, historical-comparative, and descriptive methods. Covering in chronological order all the works known to date on the Nogai heroic epic, the author pays special attention to the analysis of the content of the dastan “Edige”. It is shown that the Nogai heroic epic contains valuable factual material that allows it to be used as a historical source. The author concludes that the entire set of dastans should be fully published and translated into Russian in order to further popularize this gem of the epic heritage of mankind.

Keywords: *Nogai heroic epic, Edige, Golden Horde, Desht-i Kipchak, Russian-language translations of the epic, comparative study of the Dastans, Nogai Horde, Mongol Empire.*

Р. А. Керимова*

О художественно-стилевых особенностях карачаево-балкарской поэзии XXI века

Работа представляет собой панорамный срез новейшей карачаево-балкарской поэзии конца XX — начала XXI в. Впервые исследуется творчество нового поколения карачаево-балкарских авторов. Вводя в научный оборот имена А. Баккуева, Л. Ахматовой, А. Куцетеровой, А. Газаевой, Н. Байрамкулова, Д. Рахаевой, Ш. Аппаева, Ш. Узденова, автор делает попытку воспроизвести целостную картину современной художественной мысли региона, формирующейся на базе теснейших взаимосвязей с этнонациональным бытием и социокультурной динамикой российского общества. Выявлены специфика, характер эволюции и перспективы развития художественного сознания в литературном регионе.

Ключевые слова: карачаево-балкарская литература, новое поколение авторов, конец XX — начало XXI в., жанровое разнообразие, женская поэзия, этнорелигиозное мировоззрение, фольклор.

В творчестве нового поколения кабардино-балкарских авторов рубежа XX–XXI столетий, на наш взгляд, явно прослеживается преодоление концептуализма. Оно декларируется привнесением прямого вы-

* КЕРИМОВА Раузат Абдуллаховна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований — филиала Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия. Электронная почта: k.roza07@mail.ru.

сказывания, подчеркнутым авторским «Я» и нарочитым помещением в текст реалий бытования того или иного весьма узкого круга личностей.

Новейшая поэзия демонстрирует «новую женственность» через характерную для нее «инаковость» женского сознания. Это реализовано как столкновение идеалов материнства с паттернами социальной реализованности; стереотипов служения и жертвенности — с чувством творческой самодостаточности; противопоставление активности и пассивности.

При этом женская ментальность не утрачивает привязки к факторам культурной традиции. Это предопределено основной функцией женщины как хранительницы культурных текстов. Поэтессы чутко воспроизводят в своем литературно-художественном творчестве малейшие изменения в сфере действия этих культурных данностей, хотя на нынешнем этапе повышенный интерес к собственному внутреннему миру — одно из основных гендерных отличий «женской поэзии».

Для старшего поколения («Ветер унес звезды» Л. Ахматовой, «Провожая осенний вечер» А. Кушетровой, «Ночной ветер» Ш. Богатыревой) характерно построение драматического сюжета с усилением «психологизма» и аналитического начала [9, с. 3]. В произведениях авторов молодых, до 30 лет, любовные истории часто излагаются в более простой форме, в рамках народной образности и с использованием фольклорной фразеологии («*Чакгырма оноугъа*» [«Не зови меня советоваться»], «*Сюймеклик деген бумуду?*» [«Это и есть любовь?»] Д. Рахаевой; «*Къалай сюе эдим, нени да унутуп...*» [«Как я любила, забывая про все»], «*Жюрек сюеди...*» [«Сердце любит...»] А. Газаевой).

Безусловно, любовная лирика занимает одно из центральных мест в новейшей поэзии, но не основное.

Внимание авторов сосредоточено на вопросах социального неравенства и поиске идеала в «несовершенном мире». Их цель — раскрыть своеобразие этнической психологии карачаево-балкарского народа посредством этнографической лексики и соблюдения обычаев, характерных для народной традиции норм поведения (адет, намыс). Примером может служить творчество А. Баккуева «*Ата аманаты*» [«Завещание отца»], Ш. Узденова «*Атамы айтъуу*» [«Поговорка отца»], Н. Байрамкулова «*Атамы сёзю*» [«Слово отца»], Д. Рахаевой «*Атамы насийхаты*» [«Наставление отца»].

Для нового поколения авторов важен процесс этнической самоидентификации в художественном тексте, где четко проявляется чувство национальной гордости («Отчизна бесценна» Л. Ахматовой; «Я балкар-

ка» Д. Рахоевой; «Я балкарка» Ж. Аппаевой; «Моя Балкария» Ш. Узденова; «О край родной» Н. Байрамкулова). Свою любовь поэты выражают в первую очередь безупречным знанием языка, проявляющимся в разнообразии стилистических возможностей, блистательно реализованных в целом ряде произведений.

Обращение авторов к пассивному словарному запасу карачаево-балкарского языка дает основания охарактеризовать присутствие архаической лексики как общую тенденцию поэтического словоупотребления. Она играет важную роль и должна быть учтена при оценке значимости мотивов и языковых ресурсов, задействованных для художественного раскрытия той или иной темы.

В карачаево-балкарской литературе традиция выступает как основная система, формирующая эволюцию национального литературного процесса. В новейшей поэзии авторы демонстрируют высшую форму преемственности, «если при этом сходство позднего с ранним и сохраняется, то сохраняется как нечто общее в разных индивидуальностях, как сходство отдельных аспектов в непохожем целом» [4, с. 50].

Для новой плеяды авторов характерно использование традиционных художественных образов и переосмысление их в индивидуальной интерпретации.

Центральные для карачаево-балкарской словесности темы родины и природы доминируют у Л. Ахматовой («Элим» [«Мое село»], «Таулу кийиз» [«Балкарский ковер»]; А. Баккуева («Хабазчыла» [«Жители Хабаза»], «Жаннет» [«Рай»]); Ж. Аппаевой («Бирликде» [«В единстве»], «Таулума мен» [«Я балкарка»], «Таулу къыз» [«Балкарка»]; И. Байтуганова («Чегем таула» [«Чегемские горы»], «Туугъан жерим» [«Родина»]); Д. Рахоевой («Бызынгы череги» [«Безенгийская речка»], «Бойсунмайдыла таула» [«Не покоряются горы»]; А. Куштеровой («Тау кёл» [Горная речка]); Н. Байрамкулова («Тыш джерде» [«На чужбине»], «Кечеги шахарда» [«В ночном городе»]); А. Газоевой («Туугъан жерим» [«Родина»], «Къыйналгъанды халкъым» [«Настрадался мой народ»]); Ш. Узденова («Уллу Къарачайда» [«В большом Карачае»], «Малкъарым» [«Балкария моя»], «Къарачай») (см.: [2; 1; 5; 8]). Однако пейзажные картины имеют не самоценный, а функциональный характер. Символическое восприятие ландшафта уходит, как правило, на второй план, менее важный, чем первостепенная задача выразить через внешний природный и предметный мир внутренние ощущения (переживания, душевные надломы, смятение).

Радикальные преобразования и переоценка ценностей, сказавшаяся на художественном сознании авторов, пополнили литературную атмосферу страны иными красками восприятия жизни.

Отталкиваясь от эстетического опыта предшественников, новое поколение авторов оказалось весьма далеким от идеологических проблем, которые остро волновали их старших собратьев по перу. Поколение, не достигшее 30 лет, озабочено не проблемами «страны и мира», а тем, что акцентирует внимание на вопросах национальной идентичности (сохранение языка, традиций) сугубо в пределах родного края. Устремленность к масштабным темам и широкому охвату событий, присутствовавшая в произведениях писателей советского периода, в новейшей поэзии утрачена. Складывается иная шкала и иерархия приоритетов при изображении исторических событий. К примеру, обращение к теме Великой Отечественной уступает место осмыслению этнических ценностей: род, дом, народные традиции структурируют авторский идеал, аксиологию, векторы нравственной проблематики.

Таким образом, патриотическая тема остается на центральном месте, но в поле зрения поэтов нового поколения доминируют и задают всему смысл проблемы этноса. В определенной степени это отклик на вызов глобальных переустройств. Стремление отстоять свои внутренние базовые составляющие — ответная реакция этноса. Мифологемы дома, отчей земли (Балкария/Карачай) выступают в качестве сквозных образов, через посредство которых поэты в художественной ткани текстов стремятся объединить архаическое сознание, исторический и социальный опыт народа с личностными началами индивидуальности.

Интенсивная работа с этнокультурным материалом (фольклор, обряды, бытовые традиции, национальные версии эпоса «Нарты») дает возможность воплотить чувство родины в богатой палитре образов. Они и конкретно-предметны (родные места, отчий дом, природа), и несут в себе философско-обобщенное содержание (Вселенная, где сквозная метафора — камень — выступает символом вечности).

В центре человек, чье мироощущение преисполнено тревогой за судьбу своей родной земли. Родина и историческая память (выселение и возвращение на землю предков) рассматриваются как художественное целое.

В выселенческой лирике используются поэтическая гипербола (воспевание идеального обобщенного образа народа) и гипербола-гро-

теск (при создании образов карателей и показе низменных человеческих качеств).

В развитии и становлении творческого мировоззрения молодых авторов огромную роль играет национально-религиозный аспект. Ислам занимает важное место в жизни карачаевцев и балкарцев [6, с. 470].

В числе характерных трансформаций мировосприятия, запечатленного новейшей поэзией, — особый интерес к религиозно-дидактическому жанру с его каноническими концептами «грех», «покорность», «судьба», «рок», «терпение». Нравственная составляющая произведений сфокусирована на проблемах духовного развития и совершенствования человека в современном обществе. Авторское восприятие и субъективная интерпретация ислама синтезированы с этическими установками карачаево-балкарского народа, не противоречащими заповедям о служении человека Богу и соблюдении предписаний Священного Корана. Поэты опираются на традицию карачаево-балкарских религиозных просветителей, наполняя мотивы и образы новыми смыслами.

Подтверждая тезис Ю. М. Лотмана об «открытости духовного портала культуры для осмысления каждым поколением» [7, с. 14], современная карачаево-балкарская поэзия проявляет устойчивую ориентацию на национальную художественную традицию. Будучи в достаточной мере открыта и восприимчива к усвоению достижений мировых художественных практик, она адаптирует их к собственным духовно-ментальным запросам.

Использованная литература

1. *Баккуев А. И.* Таула татыуу [Очарованность горами] : Стихотворения / на балк. яз. — Нальчик : Эльбрус, 2007.
2. *Байрамкулов Н. И.* Корабли воспоминаний : Стихотворения и проза / на карач. и рус. яз. — Черкесск : Аланский Эрмитаж, 2012.
3. *Богатырева Ш. А.* Под знаком вечности : Проза, поэзия, публицистика. — Черкесск : Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2008.
4. *Бушмин А. С.* Преимственность в развитии литературы : Литературная критика. — Л. : Художественная литература, 1978.
5. *Газаева А. Х.* Барама кёпюрге [Иду к мосту] : Стихи / на балк. яз. — Нальчик : Эльбрус, 2015.
6. *Керимова Р. А.* Карачаево-балкарская поэзия новейшего времени: проблема национальных художественных традиций // Вестник Российского

-
- университета дружбы народов. Сер. : Литературоведение. Журналистика. — 2020. — Т. 25. — № 3. — С. 468–478.
7. Лотман Ю. М. Феномен культуры / Труды по знаковым системам. — Тарту : Тартуский государственный университет, 1978.
 8. Узденов Ш. А. Чекде [На границе] : Стихи / на балк. яз. — Черкесск : Карачаевский НИИ, 2008.
 9. Тейри кылыч [Радуга] : Сб. произведений молодых балкарских авторов : Стихи, рассказы, сказки / на балк. яз. / Сост. Б. А. Глашев, М. М. Ольмезов. — Нальчик : Эльбрус, 2011.

Rauzat A. KERIMOVA

Cand. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation
(Kabardino-Balkarian and Karachay-Circassian Literature),
Researcher, Sector of Karachay-Balkar Literature,
Institute for Humanitarian Research — Branch
of the Kabardin-Balkar Scientific Center, Russian Academy
of Sciences, Nalchik, Nalchik, Kabardin-Balkar Republic Russia
k.roza07@mail.ru

Artistic and Stylistic Features of Karachay-Balkarian Poetry of the XXI century

The work is a panoramic cross-section of the latest Karachay-Balkar poetry of the late XX — early XXI centuries. For the first time, the work of a new generation of Karachay-Balkar authors is studied. Introducing the names A. Bakkuev, L. Akhmatova, A. Kushcheterova, A. Gazaeva, N. Bayramkulov, D. Rakhaeva, Sh. Appaev, Sh. Uzdenov, the author makes an attempt to reproduce a holistic picture of the modern artistic thought of the region, which is formed on the basis of the closest relationships with the ethno-national existence and socio-cultural dynamics of Russian society. The specifics, the nature of the evolution and the prospects for the development of artistic consciousness in the literary region are revealed.

Keywords: Karachay-Balkar literature, new generation of authors, the late XX — early XXI century, genre diversity, women's poetry, ethno-religious worldview, folklore.

РАЗДЕЛ 4

Межнациональное взаимодействие: язык, общество, культуры

*И. В. Василенко**

Проблема падения престижа русского языка как фактора обеспечения суверенитета и идентичности российской нации

Исходя из того, что основные функции языка связаны со способностью быть средством объединения, интеграции, идентификации индивидов, сообществ и групп, автор статьи обращает внимание на современные изменения языковой ситуации, трансформирующие национально-культурную идентичность носителей данного языка. Языковая ситуация в современной России характеризуется падением престижа русского языка, что приводит к кризису российской государственности, снижает интегрированность Российской Федерации как государства, объединяющего более 100 коренных народов, представителей славянских, тюркских, финно-угорских, монгольских, северокавказских и других этнических групп. Основными причинами понижения статуса русского языка, по мнению автора статьи, явились: ослабление политической мощи российского государства и, как следствие, изменение расстановки властных сил в мире; невысокий уровень развития экономики и инноваций в современной России. Следствием этого является

* ВАСИЛЕНКО Инна Викторовна, доктор философских наук, профессор кафедры социологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Россия. Электронная почта: inna.asilenko@yandex.ru.

неравновесное состояние, внутренние конфликты в российском обществе, создающие неопределенность и риск, что требует кардинального изменения проводимой государством политики в области языка.

Ключевые слова: современная языковая ситуация, падение престижа русского языка, сужение его функционального пространства, идентичность российской нации, трансформация национально-культурной идентичности этносов.

Языковые факторы играют заметную роль в развитии сложных политических, экономических и культурных процессов современной России. Межкультурный диалог и бытующая языковая модель общества претерпевают значительные трансформации [6], возникает конфликт культурных и языковых показателей разных стран. Глобализация формирует и выводит вперед культуру, детерминируемую уровнем технико-экономического развития. Это усиливает гонку инноваций и риск маргинализации культур [9, р. 49]. Крупные культурные общности в силу политической и экономической экспансии ассимилируют более мелкие и слабые культурные образования, судьбы периферических языков зависят от связей между ними и центральной культурой (см.: [2; 8]), и это вызывает обеспокоенность.

Россия долгое время сдерживала усиление неравенства культур и языков за счет поддержания баланса сил и в целях создания поликультурного сообщества. После распада СССР баланс разрушился, а Россия сама оказалась перед лицом языковых и культурных проблем не только на международном, но и внутреннем уровне.

Язык способен быть средством интеграции людей в одно государство, единую культуру, но он также выступает в качестве признака принадлежности его носителя к определенной группе, служит идентификации индивидов и сообществ. Изменения языковой ситуации постепенно трансформируют национально-культурную идентичность носителей языка. В возможности воспользоваться этим заинтересованы те, кто желает изменить естественный ход истории, внося раздоры между носителями разных языков и культур, вызывая конфликты, в том числе и сепаративные.

Культурно-национальную общность современной России можно представить в виде двухуровневой системы, на каждом из уровней которой как общенациональный, так и этнический язык выполняет разные функции. Институциональный уровень обеспечивает высшие коммуникативные функции (создает философию культуры и язы-

ка, регулирует языковую политику и речевое поведение, формирует правила культуры речи), личный уровень обеспечивает общение и коммуникацию в условиях повседневных (речевое поведение с ослабленной регулируемостью), как на общенациональном, так и этническом уровне.

В условиях современности языковая политика государства зачастую выступает инструментом реализации внешней политики, ее характером определяется отношение к процессам развития культуры и языка внутри страны. Феномен информационных войн зачастую играет решающую роль в борьбе за овладение общественным мнением внутри страны и за геополитическое влияние на мировой арене. Немаловажный фактор — рассредоточение власти в руках привлекательных для молодежи негосударственных субъектов (некоммерческих организаций, финансируемых из США, неформальных групп экстремистской и религиозной направленности).

Кто же в России определяет основные принципы языковой политики и внедряет их в жизнь? К сожалению, управленческими полномочиями и властью наделены структуры и лица, не в должной мере сознающие необходимость сдерживать экспансию английского языка, который в конкурентной борьбе одерживает верх, и как язык экономического успеха и социального престижа сейчас стал вторым языком для большинства населения планеты. Оно получает информацию из источников англоязычных, в том числе и модифицированных для реализации чьих-то корпоративных или государственных интересов, и на основе этих источников судит о происходящих в мире событиях. Приобщение к этому языку способствует проникновению соответствующей культуры в сознание масс, формирует иные ценности и национальную идентичность. В настоящее время английский язык функционирует в статусе официального языка более чем в 70, как иностранный язык в академической сфере — более чем в 100 странах.

В условиях глобализации наиболее сильные мировые языки стараются противостоять экспансии английского языка, чтобы сохранить свою функциональность. Еще труднее справиться с этой задачей языкам периферическим. На российское общество распространяются свойства современных обществ с их неравновесностью состояний. Ученые-лингвисты и педагоги указывают на опасность засилья иностранных слов, пренебрежения литературной нормой в языке СМИ, на отказ от грамотной речи в интернет-опосредованной коммуникации.

В контексте указанных проблем для России необходима политика не только встроенная в общую мировую систему [7, с. 9], но и возвращающая русскому языку его прежний статус и влияние в мире [1]. Немалая роль в этих процессах отводится науке и образованию, которые как институты способны добиваться своих целей привлекательностью и убедительностью результатов исследований, программ и совокупности дисциплин, в частности, социолингвистики.

К сожалению, глобальные тенденции воздействуют на систему образования и науки Российской Федерации негативно. Чиновники этого министерства ориентированы на международный рейтинг и придание английскому языку дополнительного потенциала (вплоть до идеи переводить учебные планы и рабочие программы на английский язык) в ущерб русскому. До сих пор отсутствует концепция языковой политики, направленная на возвращение русскому языку статуса престижного языка мирового уровня, с одновременным расширением спектра его функциональных возможностей. На фоне стран, имеющих большую силу мирового влияния (США, Австралия, Германия, Япония), и набирающего силу Китая становится жизненно важным сохранение и укрепление позиций российской культуры и языка на международном уровне.

В то же время остается без решения вопрос о повышении общей грамотности населения. Уровень культуры владения русским языком падает не только в национальных республиках РФ, но и в центральной России.

Ученые подчеркивают значение русского языка как языка мысли и общения, языка, выражающего народную ментальность [6, с. 1277], говорят, что Россия не должна оставаться на положении «донора» для развитых стран. Надо вернуть русскому языку, российскому образованию престижную роль — при сохранении накопленного потенциала системы образования времен СССР совершенствовать ее конкурентоспособность в общемировом масштабе.

Геополитические и социокультурные трансформации современного мира, меняющие направление научно-образовательного развития России, усугубил распад социокультурных установок (мотивационных систем современной личности, которые внедряются в сознание при взаимодействии с культурой в процессе социализации).

Концептуальную опору языковой политики должны составить базовые основы русской культуры и личностного мировоззрения. Без контекстуализации языковых знаний это невозможно, а соответствующую

щие процессы инициируются институтами науки и образования. Таким образом, языковая политика должна быть ориентирована на основы русской цивилизации, на ее историческую и культурную идентичность, а также на динамику повышения жизнеспособности, соответствующую ментальности и современному образу жизни нынешнего поколения россиян [4]. Это предполагает:

- моделирование смысложизненных концептов, на которых строится мировоззрение личности, формирование контекстного мышления в диалоге личности с социумом и культурой;
- формирование контекстуализации знания о широком и глобальном контексте для обеспечения целостности мировоззренческих и нравственных установок. В настоящее время сфера образования ориентирует новое поколение на усвоение конкретных знаний без глубокого их осмысления в контексте социокультурного холизма.

На сегодня решение языковых вопросов в некоторых регионах РФ протекает в условиях противоречивых, на фоне непростых официальных и межличностных взаимодействий между представителями структур федерального и регионального уровней. Положения федеральных и региональных законов о языке трактуются неоднозначно. Как отмечают исследователи (И. Ивойлова, А. Артеменко, А. Лалетина), курс на сохранение родного (национального) языка зачастую проводится за счет сокращения часов изучения русского (государственного) языка. В результате многие выпускники школ и вузов республик Российской Федерации недостаточно хорошо владеют русским языком, что снижает потенциал их дальнейшей самореализации [5].

Падение престижа русского языка приводит к кризису российской государственности, снижает интегрированность культур Российской Федерации, на территории которой проживают более 100 коренных народов, а также целый ряд этнических групп (славянских, тюркских, финно-угорских, монгольских, северокавказских и др.). На территории РФ на русском языке говорит 98,0 % населения, однако на постсоветском пространстве во многих странах русским языком как разговорным и семейным пользуются менее 9 %. По прогнозам некоторых ученых, к 2025 г. доля владеющих русским языком в общей численности населения Земли составит 2,6 % (215 млн чел.).

Все это влечет за собой не только деформацию аксиологической шкалы идентификации и самоидентификации населения, как русско-

го, так и любого другого, не только ослабление интеграционных процессов, но и частое использование языка в качестве идеологического оружия. Это опасно для системы толерантного культурно-языкового взаимодействия народов: нарушается атмосфера психологического комфорта и межэтнического согласия, меняются профессиональные и социальные акценты. В ходе целенаправленной стратификации населения по этническому признаку усиливаются процессы, грозящие суверенитету страны, ее устойчивости в борьбе с внутренними и внешними угрозами.

В этом контексте хотелось бы вспомнить время расцвета языковой политики в истории российской государственности — первую половину XX в. Бесписьменные языки народов СССР получили алфавит и письменность, была ликвидирована безграмотность. Русский язык как язык межнационального общения стал средством коммуникации многочисленных народов и народностей, интегрировав их все в одну страну. Мозаика российского общества исторически подтвердила естественность реализации разнонаправленных, но не противоречащих друг другу векторов: возможность для каждого народа сохранить свой родной (зачастую стоявший на грани вымирания) язык, свою «малую» этнокультурную идентичность; возможность всем влиться в общий поток существующих реалий, став полноправными участниками широкой коммуникации в рамках многонационального государства и мирового сообщества.

В сегодняшней России предпринят ряд мер для развития, защиты и поддержки русского языка как государственного языка. С 2014 г. существует Совет по русскому языку, в 2015 г. утверждена Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, разработана и функционирует федеральная целевая программа «Русский язык», направленная на развитие интереса к российской культуре, расширение поля функционирования русского языка. Языковая политика государства обретает современные формы пропаганды грамотности (около 20 лет существует портал «Грамота.ру»). Однако это не отменяет необходимости выработать целостную концепцию языковой политики, предназначенную нормализовать языковую ситуацию в России, снижая остроту межэтнических и межязыковых противоречий. Это возможно лишь путем развития русского языка как государственного и языка взаимопонимания всех народов, проживающих на территории России.

Необходима целостная система мер по повышению общей грамотности населения и уровня владения русским языком в центральной России и в национальных республиках Российской Федерации.

Важно регулировать миграционные потоки и обеспечивать безопасность иностранных граждан, пребывающих в стране длительное время, путем обязательного требования овладеть русским языком на уровне, достаточном для осуществления бесконфликтной конструктивной коммуникации в трудовой деятельности и в основных сферах жизни. А также обеспечивать реализацию геополитических интересов государства через расширение зоны влияния и поддержку русскоязычной диаспоры за рубежом.

Использованная литература

1. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. — 2013. — № 5. — С. 8–28.
2. Гришаева Е. Б. Язык как инструмент реализации политической власти и как объект воздействия политики // Язык и культура. — 2018. — № 41. — С. 55–71.
3. Гураль С. К., Смокотин В. М. Межъязыковая и межкультурная коммуникация в период глобализации // Язык и культура. — 2013. — № 4. — С. 14–23.
4. Касьянова К. О русском национальном характере. — М. : Институт национальной модели экономики, 1994.
5. Лалетина А. О. Глобализация и языковая политика в сфере образования: опыт России и США // Политическая лингвистика. — 2013. — № 1. — С. 158–163.
6. Мишатина Н. Л. Русский язык: «игра на понижение», или какому языку мы учим // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2016. — № 5. — С. 1275–1280.
7. Селиверстова О. А. Языковая политика как инструмент реализации «мягкой силы» в политическом дискурсе XXI в. (на материале российских, американских и китайских СМИ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Великий Новгород, 2017.
8. Phillipson R. Linguistic Imperialism. — Oxford : Oxford University Press, 1992.
9. Le français, le défi de la diversité. — Paris : FIFE, 2005.

Inna V. VASILENKO
Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof.,
Department of Sociology and Social Technologies,
Volgograd State University, Volgograd, Russia
inna.asilenko@yandex.ru

Decline in the Prestige of the Russian Language as a Factor of Ensuring the Sovereignty and Identity of the Russian Nation

One of the main functions of language is its ability to be a means of uniting, integrating, and identifying individuals, communities, and groups. Changing the language situation transforms the national and cultural identity of native speakers of this language. The language situation in modern Russia is characterized by the loss of prestige of the Russian language, which leads to a crisis of Russian statehood, reduces the integrity of the Russian Federation on the territory inhabited by over 100 indigenous peoples, as well as a number of the ethnic groups (Slavic, Turkic, Finno-Ugric, Mongolian, North Caucasus, etc.). The main reasons for downgrading the status of Russian language were the following: the weakening of the political power of the Russian state and, as a consequence, the changes in the placement of the power forces in the world; low level of economic development and innovation in modern Russia. The result is an unbalanced state, internal conflicts in Russian society, creating uncertainty and risk, which requires a radical change in the policy.

Keywords: *the current language situation, the decline in the prestige of the Russian language, the narrowing of its functional space, the identity of the Russian nation, the transformation of the national and cultural identity of ethnic groups.*

Е. А. Жесткова*

Этнокультурный подход к изучению русского языка и родных языков народов России с целью сохранения поликультурного наследия

В статье изложено содержание проекта «Родной язык — душа народа», разработанного кафедрой методики дошкольного и начального образования Арзамасского

* ЖЕСТКОВА Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики дошкольного и начального образования Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Арзамас, Нижегородская область, Россия. Электронная почта: ezhestkova@mail.ru.

филиала ННГУ. Этот проект, основанный на этнокультурном подходе к изучению родных языков народов России, приобщает ребенка к культуре его народа и народов, проживающих на территории его региона. Автор статьи освещает комплекс методических разработок, апробированных (2019–2020 гг.) в школах Нижегородской области и делится идеями по приобщению современных школьников к историческим корням, привитию базовых ценностей национального и общечеловеческого характера.

Ключевые слова: этнокультурный подход, начальное образование, изучение родных языков, русский язык, фольклор народов Нижегородской области, поликультурное наследие.

В Примерной программе по учебному предмету «Русский родной язык» для образовательных организаций, реализующих программы основного общего образования, подчеркивается непреходящая ценность родного языка в сохранении культурных традиций, истории народа, постижении смысла жизни: «Межличностное и социальное взаимодействие людей обеспечивается за счет родного языка, который не только является средством общения, формирования и выражения мысли, но и оказывает колоссальное влияние на формирование самосознания личности, мировоззрения человека» [11]. Только люди, владеющие родным языком на достаточно высоком уровне, имеют способность четко формулировать свои мысли, адекватно воспринимать как устную, так и письменную речь собеседника. Без соответствующих языковых компетенций человеку трудно приобщиться к миру высоких духовно-нравственных ценностей, нелегко разобраться в современности, находить пути решения сложных неоднозначных проблем. И главное — обучение родным языкам способствует формированию национального самосознания, осмыслению накопленных человечеством ценностей и традиций [7, с. 110–120].

О глубокой связи языка с национальным самосознанием, менталитетом говорили отечественные писатели, педагоги. К. Д. Ушинский утверждал: «Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории... Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое живое целое. Он не только выражает собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык, — народа нет более!» [14, с. 145–159].

Известные отечественные лингвисты Ф. И. Буслаев, И. И. Срезневский, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба неоднократно подчеркивали важность обучения языку с целью формирования и развития духовно-нравствен-

ных способностей подрастающего поколения, приобщения к настоящему и прошлому своего народа. Только посредством «языка человек становится членом общества», думающим, оценивающим происходящее (см.: [5; 6]), поэтому современная школа утверждает в качестве основного этнокультурный подход к обучению. С опорой на работы В. В. Краевского, А. Б. Афанасьевой [1, с. 189–195], С. В. Мажаренко [8, с. 231], Т. В. Поштарёвой [10, с. 45–32], Э. Р. Тюлепаевой [13], можно выделить четыре компонента этнокультурного подхода к обучению: языковой, историко-культурологический, художественно-эстетический, природоведческий и здоровьесберегающий [12]. Согласно такому подходу, каждый ученик, являясь носителем национальной психологии (национального характера, национального самосознания), через призму культуры своего народа приобщается к базовым ценностям национального и общечеловеческого характера. Это и формирует личность, созидает человеческое в человеке.

Учитель в данной модели обучения становится неким посредником между учеником, с одной стороны, культурой и языком, с другой.

В современной школе в процессе обучения родным языкам, в том числе и русскому, должна вестись планомерная работа, направленная на приобретение учащимися знаний о разнообразии этнических культур, их нормах, ценностях и особенностях жизни их представителей; приобщение к этнокультурным ценностям; формирование толерантности и способности к межкультурному общению, взаимодействию и сотрудничеству (см.: [3; 4]).

Кафедрой методики дошкольного и начального образования Арзамасского филиала ННГУ успешно реализован в 2019–2020 гг. в школах Нижегородской области проект «Родной язык — душа народа» [2, с. 31].

Цель проекта — приобщить современных школьников к историческим корням, сформировать положительное отношение к базовым ценностям народов, населяющих Нижегородскую область (русские, татары, мордва, удмурты, башкиры, чуваша, марийцы); способствовать сохранению этнической идентичности.

Для реализации поставленной цели разработчиками проекта создан виртуальный музей языков народов Нижегородской области. Музей знакомит посетителей с историческими сведениями о языках (происхождение, становление), с устаревшими словами, фразеологизмами, с особенностями говора нижегородской глубинки; со словарями; с народными праздниками, семейными традициями, укладом жизни.

Раздел «Живое народное слово» предлагает народные песни, произведения поэтов и писателей Нижегородского края, песни и романсы на стихи поэтов разных национальностей (русские, татарские, мордовские и др.).

Раздел «Известные люди о языках народов Поволжья» знакомит с высказываниями известных писателей и ученых-исследователей о языковых особенностях того или иного народа. Кроме того, нами разработаны методические рекомендации для уроков русского языка и литературного чтения в начальной школе (в том числе интерактивный материал).

В раздел «Из истории слова» мы включили более 300 устаревших слов, называющих части тела человека и отражающих национальную специфику материальной культуры (предметы быта, одежды, меры длины и веса и др.). В их числе словарные единицы, имеющие воспитательное значение и отражающие ценности этнокультур народов Нижегородской области: патриотизм (любовь к России, к своему народу, к малой родине); гражданственность (служение Отечеству); любовь к земле и заповедной природе; уважение к труду; творчество и созидание, целеустремленность и настойчивость), наука (ценность знания, стремление к истине, к освоению научной картины мира). Помимо словарных статей приводятся примеры из текстов художественных произведений, в том числе на языке-оригинале (с пояснениями, переводом отдельных слов и предложений; в некоторых случаях — с переводом всего текста), для наглядности используются иллюстрации (репродукции картин и др.).

В разделе «Мудрое родное слово» содержится информация об истории, этнокультуре и традициях народов Нижегородской области. Собрано более 250 пословиц, в которых описываются особенности быта, семейные традиции жителей Нижегородской области. Часть материала дается в сопоставлениях:

- *Поспешишь — людей насмешишь* (у рус.) — *Ашыккан ашка пешкэн* [Кто поспешил, тот в супе сварился] (у татар);
- *Сначала подумай, потом говори* (у рус.) — *Васенда арьсек, тоса вал аст* [Сначала подумай, потом слово скажи] (у морд.);
- *Кто не работает, тот не ест* (у рус.) — *Пуян нурйнас тесен кймака шинче ларма юрамасть* [Если хочешь жить богато, то нельзя валяться на печи] (у чув.);
- *Женщина-хранительница домашнего очага* (у рус.) — *Ава кумыл кече дечат шокишо* [Мамино сердце теплее солнца] (у марийц.) и др.

Достаточно широко в данном разделе представлены русские пословицы и поговорки, описывающие народные обычаи, события прошлого: *выносить сор из избы, не всякое лыко в строку, заваривать кашу; вольный казак и др.*

Помимо того, в раздел включены пословично-поговорочные выражения, отражающие типичные черты национального характера:

- миролюбие — *Он мухи не убьет* (у рус.);
- терпение — *Век живи, век надейся; Терпи, казак, атаманом будешь* (у рус.);
- любовь к труду — *Не то работа, что много работы, а то работа, как ее нет; Без дела жить — только небо коптить* (у рус.); *Батыр познается в бою; Где единство — там жизнь; Радость человека — труд* (у тат.); *Не хвались языком, а хвались делом* (у морд.);
- умение дружить — *Птица крыльями сильна, а человек — дружбой* (у чув.);
- умение постоять за себя — *Мокишане простые с виду, да не дадут себя в обиду* (у морд.).

Учителям адресована методическая страничка. В качестве примеров ее содержания приведем описание нескольких разработанных нами уроков для младших школьников (см: [6; 9]).

Тема: *«Поволжских буквиз, великая краса»* (рукописные книги Поволжья).

Цель — изучить фото фрагментов старинных мордовских, марийских, чувашских, удмуртских, татарских, башкирских рукописных книг и найти сходства в оформлении, буквах, цветовой палитре.

Задачи: познакомить младших школьников с периодом в истории региона, когда знания передавались в уникальных книгах, написанных вручную известными летописцами, проживающими в Поволжье (Иван Орехов, Павел Петров, Иван Иванович Комаров, Петр Аверьянович Смирнов, Лазарь Васильевич Соколов и др.); дать представления о схожести тематики данных книг у всех этносов нашего региона.

Тема: *«Дружная семья народов»*.

Цель урока — выявить и подчеркнуть базовые национальные ценности народов Нижегородского края, хранимые в социально-исторических, культурных, семейных традициях народов (марийского, мордовского, чувашского, татарского, русского, удмуртского) и передаваемые от поколения к поколению. В их числе: патриотизм — любовь к России, к своему народу, к своей малой Родине; труд и творчество — уважение

к труду, творчество и созидание, целеустремленность и настойчивость; семья — любовь и верность, здоровье, достаток, уважение к родителям, забота о старших и младших, забота о продолжении рода и др.

Тема: *«Малые жанры фольклора разных народов Нижегородского края».*

Цель урока — раскрыть учащимся содержание понятия «фольклор», ознакомить с малыми жанрами фольклора народов Нижегородского края; пробудить интерес к устному народному творчеству.

Содержание занятия: чтение загадок, пословиц, поговорок, потешек разных народов; исполнение частушек, колыбельных; исследование схожести тем фольклора у разных народов; разучивание пословиц о дружбе.

Иллюстративный материал: рисунки к русским, татарским, мордовским и другим малым жанрам фольклора.

Тема: *«Песни народов Нижегородского края».*

Цель — познакомить учащихся с русскими, татарскими, удмуртскими и другими народными песнями.

Задачи: способствовать усвоению содержания понятия «жанры народной песни» (колыбельная, частушка, хороводная, шуточная, заклички); показать обращение всех народов Нижегородского края в песнях к силам природы; сформировать эмоциональное отношение к народным песням в процессе исполнения, слушания и размышления о них.

Тема: *«Фольклорные праздники народов Нижегородского края».*

Цель — сформировать у учащихся знания о фольклорных праздниках, традициях и ценностях культуры разных народов: «Шорькйол» (марийский праздник); «Масленица»; «Гербер» (летний праздник удмуртов); «Сабантуй» (татарский праздник).

Тема: *«Сказки народов Поволжья».*

Цель — знакомство со сказками этносов Поволжья, с их героями. Содержание занятия: прочтение сказок «Ястреб и петух» (башкирская), «Заячий домик» (марийская), «Лиса и дятел» (чувашская); определение детьми главных героев сказок, темы и главной мысли произведений, рисование иллюстраций к любимейшим эпизодам.

Посетителям виртуального музея предлагаются темы исследовательских проектов:

- «Мордовская пословица гласит: *«Кельсь сембонть сяфтсы: мяльтьке касфтсы, тефтьке срафтсы. (Язык многое может сделать: и настроение поднять, и дело испортить)».* В чем ее смысл?»

- «О каком человеке говорят татары: “Теле озынның намусы кыска — У кого язык длинен, у того совесть коротка?”»
- «С каким историческим явлением связан фразеологизм “Язык до Киева доведет?”» и др.

Виртуальный музей, содержащий материал об особенностях языка, культуре, быте, традициях, обычаях, духовных ценностях народов, живущих в Нижегородской области на протяжении нескольких сотен лет, позволяет раскрыть уникальность каждой этнокультуры; осмыслить ценности межкультурного взаимопонимания и сотрудничества, понять взаимовлияние и взаимопроникновение культур народов России — способствует сохранению своеобразия поликультурного региона.

Использованная литература:

1. *Афанасьева А. Б.* Этнокультурное образование: сущность, структура содержания, проблемы совершенствования. — М. : Спецкнига, 2009.
2. *Жесткова Е. А.* Виртуальный музей современного русского языка – средство приобщения школьников к культурному наследию России // Начальная школа. — 2019. — № 9. — С. 31–34.
3. *Жесткова Е. А.* Культурологический подход к обучению русскому языку как способ формирования ценностных ориентаций младших школьников // Проблемы социализации и индивидуализации личности в образовательном пространстве : сб. материалов Международной научно-практической конференции : в 2-х ч. Ч. 1. (Белгород, 22–23 ноября. 2018 г.) — Белгород : ИД «Белгород» ; НИУ «БелГУ», 2018. — С. 133–139.
4. *Жесткова Е. А.* Культурологический подход к преподаванию родного (русского) языка // Начальная школа. — 2016. — № 12. — С. 28–32.
5. *Жесткова Е. А.* Отражение в языке особенностей русского национального характера (на материале «Словаря пословиц и поговорок русского народа» В. И. Даля) // Устойчивое развитие науки и образования. — 2017. — № 11. — С. 223–229.
6. *Жесткова Е. А.* Формирование у младших школьников позитивного отношения к базовым национальным ценностям в процессе языкового образования // Социальная среда как фактор гражданского воспитания : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Арзамас, 27–28 апр. 2017 г.). — Арзамас : Арзамасский филиал ННГУ, 2017. — С. 110–119.
7. *Критарова Ж. Н., Александрова О. М.* и др. Развитие и сохранение родных языков народов РФ как стратегическое направление образователь-

- ной политики страны // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2019. — Т. 1. — № 6. — С. 110–120.
8. *Мажаренко С. В.* Формирование этнокультурной осведомленности детей в дошкольном образовательном учреждении. — Владикавказ : ИП, 2009.
 9. *Петрова Т. Н., Жесткова Е. А.* Виртуальный музей культуры русской речи для студентов педагогического вуза посредством технологии веб-квест как средство приобщения к национальной культуре // Патриотическое воспитание: от слов к делу : сб. ст. — М. : Полиграф-сервис, 2018. — С. 241–244.
 10. *Поштарёва Т. В.* Формирование этнокультурной компетентности // Педагогика. — 2005. — № 3.
 11. Примерная программа по учебному предмету «Русский родной язык» для образовательных организаций, реализующих программы основного общего образования // Министерство просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс] — URL: [https://fgosreestr.ru/ registry/ primernaya-rabochaya-programma-po-uchebnomu-predmetu-russkij-rodnoj-yazyk-dlya-obshheobrazovatelnyh-organizatsij-5-9-klassov](https://fgosreestr.ru/registry/primernaya-rabochaya-programma-po-uchebnomu-predmetu-russkij-rodnoj-yazyk-dlya-obshheobrazovatelnyh-organizatsij-5-9-klassov) (дата обращения: 12.02. 2021).
 12. *Соколова П. Ю.* Формирование этнокультурной осведомленности учащихся начальных классов в общеобразовательной школе : автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. — Саранск, 2014.
 13. *Тюлепаева Э. Р.* Становление этнокультурной компетенции детей дошкольного возраста: дис. ... канд. пед. наук. — Челябинск, 2011.
 14. *Ушинский К. Д.* Избранные педагогические сочинения : В 2 т. Т. 1. — М. : Педагогика, 1974.

Elena A. ZHESTKOVA

Cand. Sci. (Russian Literature), Assoc. Prof.,
Preschool and Primary Education Methods Chair, Preschool and Primary
Education Department, Arzamas Branch, Nizhny Novgorod National
Research State University, Arzamas, Nizhny Novgorod Region, Russia
ezhestkova@mail.ru

**Ethnocultural Approach to the Study
of the Russian Language and the Native Languages of the Peoples
of the Russian Federation to preserve the Multicultural Heritage**

The article describes the content of the project “Native language — the soul of the people”, developed by the Department of Methods of Preschool and Primary Education

of the Arzamas branch of the UNN. This project, based on an ethno-cultural approach to the study of the native languages of the peoples of Russia, introduces the child to the culture of his people and the peoples living in the territory of his region. The author of the article highlights a set of methodological developments tested in 2019–2020 in schools of the Nizhny Novgorod region and shares ideas for introducing modern schoolchildren to their historical roots, instilling basic values of a national and universal nature.

Keywords: ethno-cultural approach, primary education, native language learning, Russian language, folklore of the peoples of the Nizhny Novgorod region, multicultural heritage.

Р. З. Сагов*

Ингушский язык в современных условиях двуязычия

Статья посвящена проблемам состояния и функционирования ингушского языка в условиях двуязычия. Материалом для обобщения и анализа служат опубликованные с 1990-х гг. по настоящее время научные исследования, выступления ведущих республиканских СМИ, а также результаты социолингвистических исследований автора (опросов населения Республики Ингушетия, проведенных в 1995–2015 гг. с целью выявления знания языка его носителями, наличия и доступности литературы на родном языке и проч.). Автор статьи обращает внимание на недостатки в организации школьного обучения родному языку в Республике Ингушетия. В числе основных выводов статьи сформулированы следующие положения: наличие и доступность литературы на родном языке — одна из важнейших предпосылок возрождения основ национальной культуры в целом; активное использование родного языка в общественной жизни — важная характеристика состояния этнокультурной ситуации.

Ключевые слова: ингушский язык, современная культурно-языковая ситуация, культура, двуязычие, развитие языков в поликультурном окружении, литература на родном языке.

Как хранитель тайн истории, источник информации и стержень национальной культуры и этничности родной язык является важнейшим элементом общения, способом мышления и средством приобщения к ценностям, которое обеспечивает преемственность поколений, развитие национального самосознания. В соответствии с Конституцией

* САГОВ Руслан Закреивич, старший научный сотрудник отдела этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева, Магас, Республика Ингушетия, Россия. Электронная почта: aroslan@mail.ru.

Республики Ингушетия [5], русский и ингушский языки равнозначно объявлены государственными языками республики. Похоже, что это, скорее, формальность, в действительности, здесь слишком глубокий разрыв между языками, слишком большая разница. Общественные функции этих языков, их реальная роль, значение и условия функционирования далеко не одинаковы.

По различным экспертным оценкам, как и по результатам наших социологических опросов, этноязыковая ситуация в Республике Ингушетия неблагоприятная. Речь идет, прежде всего, о полноценном состоянии и функционировании ингушского языка. Вызывает озабоченность то, как основная часть современного ингушского населения владеет родным языком. В последние десятилетия в ингушском обществе, особенно среди женщин, чаще можно слышать смешанную русско-ингушскую или русскую речь, чем собственно ингушскую. По данным социологического опроса 1995 г., женщин, знающих ингушский язык и говорящих на нем, вдвое меньше, чем мужчин [2]. Хорошо это или плохо, — непраздный вопрос, ведь родная речь, материя родного языка есть важнейшая составляющая национальной культуры, от которой во многом зависит поведение отдельной личности и общество в целом.

Народ — это не просто люди, живущие в одной стране, а исторически сложившаяся национально-культурная общность, уникальная этносистема, со своим особым типом поведения и мировоззрения. Стержнем ее является язык, и до тех пор, пока эта этносистема функционирует, народ существует, даже если демографические показатели его численности невелики.

Неоднократно проблема современного состояния ингушского языка поднималась в республиканских СМИ, обсуждалась на уровне правительства республики. Была создана, хотя и не выполнила своей задачи, Орфографическая комиссия при правительстве Республики Ингушетия. Хотя проблема так или иначе обсуждается, ситуация не меняется к лучшему и складывается впечатление, что она все же остается вне поля зрения властей, специалистов и даже творческой интеллигенции.

Разумеется, ситуация сложилась не сегодня, она унаследована от прошлых, особенно советских, времен, когда языки малых народов являлись несовершенными и бесперспективными. Ингушский язык также был отнесен к этой категории и подлежал унификации. Это, в частности, отметил О. А. Варданян: «В советский период здесь проводилась политика нивелирования этнической и культурной самоидентификации,

что привело не к появлению нового типа “хомо советикус”, а к заполнению пустот в исторической памяти и морали самым широким спектром ценностей антигуманного и криминогенного порядка» [7, с. 21]. Как отмечают Н. А. Никишина, В. Ю. Дукельский, «долгие годы культурная политика государства выстраивалась на приоритете интеграционных процессов, поощрения взаимодействий, взаимовлияний, а главное — сближении и слиянии различных наций и народностей» [6, с. 45]. В этом русле, как утверждает специалист по языкознанию С. У. Патиев, практика слияния языков и народов была признана пагубной [8].

В свое время были разработаны директивы по созданию единого чечено-ингушского языка (постановление Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) «О едином чечено-ингушском литературном языке»), принятые еще в 1934 г. На 2-й конференции по просвещению горцев в Ростове-на-Дону (1925) было принято постановление об унификации алфавитов по близко родственным группам языков. Для этой цели должны были быть созваны специальные конференции (черкесская состоялась в Кисловодске в июле 1925 г.). К сожалению, «предполагавшаяся чечено-ингушская конференция по этому вопросу во Владикавказе до сих пор еще не собралась, несмотря на то, что представители Чечни поднимали этот вопрос», отмечал в докладе «Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей» (1925) проф. Н. Ф. Яковлев [11, с. 6]. Он считал вопрос присоединения Ингушской автономной области к Чеченской области делом времени и поддерживал политику сближения ингушского и чеченского языков в целях объединения народов [11, с. 5]. Это вошло в число факторов, которые привели к современному состоянию ингушского языка. Тем не менее письменность была создана и, перейдя на качественно иной уровень, язык получил возможность дальнейшего развития на пути, фиксирующем естественно-исторические и неповторимые особенности, в соответствии со своими законами, сохраняющими его природу: фонетический, лексический состав, морфологию. Но с ингушским языком, в отличие от других, получилось иначе. По мнению ряда экспертов, став письменным, он стал терять свои позиции и природные особенности. В конечном итоге, это свелось к «эрозии» устной речи, к различным вариантам орфографии. Газета «Сердало» в 2015 г. подняла вопрос о том, что чуть ли не у каждого из современных литераторов, пишущих на ингушском языке, «своя орфография, не совпадающая с традиционной грамматикой». Я. Патиев в статье «На каком языке пишут наши авторы» высказался об этом: «По долгу службы приходилось направлять тексты

для перевода с русского на ингушский язык. Стоит уже переведенный на ингушский язык текст дать другому такому же профессионалу, как его возвращают тебе основательно переделанным не по стилистике, а именно по орфографии! И попробуй докажи правоту любой из сторон. Не получится, поскольку аргументированных оснований ингушское языкознание им не предоставляет» [9, с. 2]. Таковы самопроизвольные попытки отхода от наличной, пагубной, на самом деле, грамматики.

Безусловно, нельзя утверждать, что письменность сыграла негативную роль: благодаря ей стало возможным на языке оригинала зафиксировать историческое наследие ингушского языка и культуры. В то же время литературный язык подвергся определенной «деформации» из-за того, что разработанная и существующая по настоящее время письменность не совсем отвечает природе ингушского языка. По этой причине, как нам представляется, литературный язык в процессе функционирования оказывает негативное влияние на живой этнический язык. Литературный язык, закрепленный грамматикой ингушского языка, для большинства ингушских читателей непривычен вследствие несоответствия отдельных его элементов природе его этнического источника.

Результаты исследования, проведенного нами в середине 1990-х гг., вызывали тревогу о том, что владение разговорной речью у современных носителей ингушского языка ослабевает. Социологический опрос выявил следующий спектр мнений о том, почему читать на ингушском языке трудно:

- из-за непривычного чтения — 40 %;
- несовершенной грамматики ингушского литературного языка — 21 %;
- несовершенного алфавита, который не соответствует природе ингушского языка — 7 %;
- из-за плохого преподавания ингушского языка в учебных заведениях — 22 %.

Затруднились ответить 7 % респондентов.

Частоту (40 %) ссылок на непривычность чтения можно объяснить как несовершенной грамматикой, так и привычкой ингушского читателя читать русскоязычные книги. Стимулом к ее развитию послужил выход в конце 1960-х книги И. М. Базоркина «Из тьмы веков». Легко читаемый и интересный роман о жизни ингушей в прошлые времена пользовался спросом, его многократно переиздавали. В реальной жизни постепенно сложились условия, стимулирующие к отходу ингушского читателя от

ингушской литературы и родного языка. В настоящее время идет очередной этап аналогичных процессов: в республике число литераторов, пишущих на ингушском языке, меньше числа пишущих на русском.

В прошлом круг русскоязычных писателей замыкался именами нескольких, кому сегодня пытаются придать статус классиков ингушской литературы, а их текстам — статус произведений ингушской литературы на том основании, что произведения написаны на ингушские темы или ингушскими авторами. Данная ситуация вызывает недоумение. Нам представляется, что условия двуязычия, вследствие которых ингушский язык оказался «в тени» русского языка, играют негативную роль. Такое положение, имевшее место долгое время, привело к худшей форме смешанного (нечистого) двуязычия, о котором Н. В. Галич в 1988 г. писал: «Характер двуязычия неодинаков и проявляется различно в зависимости от условий, его породивших. Л. В. Щерба различает “естественное двуязычие” и “искусственное двуязычие”, “чистое двуязычие” и “смешанное двуязычие”» [6, с. 18]. В условиях «чистого двуязычия» языки сосуществуют на равных, обогащая друг друга и развивая интеллект их носителей. «Смешанное двуязычие» есть, по сути, слабое владение языком: незнание ни одного языка на должном уровне ведет к оскудению культурно-языкового потенциала (в рассматриваемых условиях — к потере родного языка, ущербу родной речи). Проблема типична для многих национальных республик Российской Федерации, ее неоднократно отмечали исследователи. Доминирующий во всем русский язык как государственный язык Российской Федерации, естественно, функционирует во всех сферах жизни. Понятно, что в условиях многонационального Северного Кавказа его роль не умалется, исторически он стал вторым родным языком для народов края, средством межнационального общения. Без этой объективной реальности немыслима общественно-политическая, экономическая и культурная жизнь на Кавказе. Однако должны быть созданы условия, которые позволили бы сохранить полноценное функционирование этнических языков.

К сожалению, в Ингушетии не было в прошлые, советские времена, и нет до сих пор ни одной национальной школы, где обучение велось бы на родном языке хотя бы в начальных классах. И преподавание родного языка в большинстве школ республики, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Специалист Министерства образования Республики Ингушетия С. А. Хамчиев 20 лет назад публично высказал сожаление о том, что «с первого класса обучение велось на русском языке. Говорить

в школе на родном языке неформально запрещалось. Дети родителей на праздниках, утренниках приветствовали на русском языке. Если в школе родной язык изучался как предмет, то в дошкольных учреждениях родному языку вообще не учили. Все это делалось, чтобы превратить нас в народ без истории, без территории, без своего этнического лица» [10, с. 79]. Ограничение это сказалось, несомненно, и на развитии национальной литературы, национальной культуры, стало препятствием для становления национальной творческой интеллигенции.

В ингушском случае дело обстоит хуже, чем в других республиках. В Республике Дагестан, например, обучение на родных языках происходит с 1-го по 4-й класс. В Республике Ингушетия об этом и речи нет, хотя она считается мононациональной. Сужение функционирования ингушского языка заметно во всех сферах, начиная с семейно-бытовой (сегодня в ингушских семьях родители чаще разговаривают со своими детьми на русском языке) и заканчивая религиозной (есть примеры перехода духовных лиц в общении с верующими на русский язык). Каковы бы ни были причины плохого знания родного языка населением республики, понесенные потери особенно неблагоприятны для младшего поколения, молодежи Ингушетии.

Нами много лет ведется мониторинг комплекса проблем, связанных с отношением населения республики к собственной культуре, родному языку, традиционным ценностям. В поле зрения, как уже отмечалось, оказались и проблемы ингушского языка и литературы: насколько хорошо ингуши знают ингушский язык, читают ли книги на ингушском языке. По результатам социологического опроса 1995 г. 19 % респондентов ответили, что знают ингушский язык хорошо; 47 % — владеют разговорной речью на уровне бытового общения; 31 % — говорят на смешанном русско-ингушском языке; 3 % — знают родной язык очень плохо [1, с. 9]. Через 20 лет, в 2015 г., мы повторно провели социологическое исследование, чтобы выяснить, насколько население хорошо владеет навыками письма и чтения на родном языке. В целом оказалось, что нет особых изменений: достаточно хорошо знают ингушский язык 22 % опрошенных; не очень хорошо — 39 %; плохо — 38 %; очень плохо — 3 %. Мнения о причинах утраты позиций родного языка в ингушском обществе распределились следующим образом:

- говорить на ингушском языке стало немодно (19 %);
- необходимость в ингушском языке сужается (9 %);

- родной язык плохо преподают в учебных заведениях (9 %);
- ингушский язык вытесняется искусственно (31 %).

Недобросовестное отношение к ингушскому языку отметили 28 %; затруднились дать ответ 1,5 %. Итак, число желающих читать и читающих на ингушском языке в республике все же, хоть и незначительно, возросло по сравнению с 1995 г.

В каких социальных слоях лучше знают ингушский язык и говорят на нем? На этот вопрос ответили: представители духовенства (30 %); рядовые граждане (24 %); научная интеллигенция (18 %); преподаватели общеобразовательных школ (8 %); представители средств массовой информации (3 %). Затруднились ответить 13 % опрошенных, 3 % дали ответ «никто».

На вопрос: «Как часто Вы читаете на ингушском языке?» респонденты ответили: читаю редко (41 %); каждый день (37 %); в неделю раз (10 %); не читаю вообще (10 %), затруднились ответить 1 %.

Сегодня произведения классиков ингушской литературы стали редкостью, малодоступны республиканскому читателю. Произведения современных авторов издаются, однако не все положительно влияют на знание языка и способствуют улучшению этноязыковой ситуации в республике. Старейшая общенациональная газета «Сердало» справедливо задает вопрос: «По каким книгам должны учиться читать и писать наши дети»? И отвечает: «Если подходить с рациональной точки зрения, то только по произведениям ингушских классиков» [9, с. 2].

В анкете нашего мониторинга мы просили ответить: «Как Вы считаете, литература на ингушском языке достаточно доступна для населения или нет?» Получили 47 % ответов «да»; 40 % — «нет», 12 % — «затрудняюсь ответить». Как видим, считающих, что литература на ингушском языке доступна, меньше половины из числа опрошенных. В графе «Как Вы считаете, произведения ингушских писателей необходимо переиздать или нет?» 90 % респондентов поставили «да»; 8 % — «нет необходимости», 2 % затруднились с ответом.

Интересно было узнать, насколько хорошо знают читатели своих писателей и поэтов и их произведения, написанные на ингушском языке. При подведении итогов мы выделили произведения на ингушском языке, которые, по мнению респондентов, можно отнести к классике ингушской литературы. Первые восемь позиций в рейтинге голосов получили:

1. «Беке кьоньгаш» (А. Бокова);
2. «ГалгГай» (И. Кодзоева);

3. «Бертий бийсаш» (С. Чаккиева);
4. «Хала урхе» (М-С. Плиева);
5. «Аьтгув» (А. Матиева) и «Дошо бЮагГий» (С. Чаккиева);
6. «Балан ди» (М-С. Плиева);
7. «ЦИийенна сайре» (А. Бокова);
8. «Турпалхочун вахара ийс ди» (Б. Зязикова).

Опрошенные назвали имена своих любимых писателей и поэтов, которые мы также приводим в соответствии с числом полученных голосов:

1. Саид Чахкиев;
2. Ахмед Боков, Идрис Базоркин;
3. Джамалдин Яндиев, Гирихан Гагиев;
4. Магомед-Саид Плиев;
5. Иса Кодзоев;
6. Салман Озиев;
7. Хамзат Осмиев;
8. Хаджибикар Муталиев, Ибрагим Дахкильгов, Абас Матиев;
9. Тембот Беков, Али Хашагульгов, Ахмед Веджижев, Багаудин Зязиков, Ваха Хамхоев, Бадрудин Горчханов;
10. Заурбек Мальсагов, Дошлуко Мальсагов, Капитон Чахкиев, Абдул-Гамид Гойгов, Магомед Вышегуров, Марьям Льянова.

Относительно имен молодых писателей и поэтов, которых они знают, в первые шесть позиций рейтинга вошли:

1. Б. Горчханов;
2. Э. Теркакиева;
3. Б. Евлоев;
4. В. Хамхоев, М. Вышегуров, С. Арчаков, Р. Дидигова, Р. Мах-лоева;
5. А. Евлоева, М. Баркинхоев, М. Дударова, Т. Чаниева, А. Гагиева;
6. М. Ахильгов.

Как видно из списка, ряд названных респондентами авторов (В. Хамхоев, М. Вышегуров, С. Арчаков, Б. Горчханов, М. Ахильгов, Р. Дидигова), творческая деятельность которых известна давно, не совсем правильно оказались отнесены к числу «молодых».

Автор статьи в газете «Сердало», обратив внимание и на язык песен, исполняемых на ингушском языке современными «звездами» эстрады, задал вопрос: «На каком языке они поют»? Трудно не согласиться в данном случае с его мнением, как и с утверждением о том, что

«также перенасыщены чуждыми нашему языку словами и религиозные песни — назамаш» [9, с. 2].

Особый раздел нашего социологического исследования составили вопросы лингвистического характера — о лексемах, вызывающих споры относительно их произношения и написания на ингушском языке. Покажем полученные нами результаты опроса:

1. *худда* или *хургда*? (‘будет’) — 16 % и 18 % соответственно;
2. *ханний* или *хиннай*? (‘была’) — 17 % и 18 %;
3. *хилда* или *халда*? (‘была, быть’) — 18 % и 14 %;
4. *мегадда* или *мегаргда* (‘хорошо’) — 15 % и 17 %;
5. *бусалба дин да* или *бусалба ди ба* (‘религия Ислам’) — 16 % и 15 %;
6. *КъурІан да* или *КъорІа да* (‘Коран’) — 18 % и 16 %.

Затруднились с ответами 7 %. Мнения, как видим, расходятся, но колебание небольшое — около 2 %.

Займствованные из других языков слова произносятся несколько иначе, чем в языке-оригинале (в соответствии с фонетическими особенностями принимающего языка). Так и получилось в ингушском, однако делаются попытки переименовать займствованные слова, искажая термины, ставшие уже лексическими единицами ингушского языка. Пример тому *КъорІа* (инг.) — *КъурІан* (араб.) и другие арабоязычные заимствования: *мурд* — *мурид*; *хъаккъат* — *Іакъикъат*; *ди* — *дин*. Сегодня их предлагают произносить исключительно по-арабски: *КъурІан*, *мурид*, *Іакъикъат*, что неверно. Подобное тому случалось в 1960–1970-х: подверглись изменениям заимствования из русского языка, ставшие уже ингушскими словами. Вышло распоряжение обкома КПСС писать *ишкола* (инг.) как *школа* (рус.), *кинишка* — *книжка* и т. д. Был другой пример, когда лексемы ингушского языка заменялись инородными словами: ингушское *ГІинбухе* — на чеченское *къулбаседа* (‘север’). К чему эти языковые «реформы», вопрос пока остается открытым. С одной стороны, это как будто мода. Так было и в России, когда дворянская элита щеголяла французским языком. Образованная молодежь, писал Ф. Н. Глинка, «...прекрасно говорила и писала по-французски, не умея написать правильно несколько строк на своем природном языке. Я заметил, что люди эти умны только по-французски. Послушай их говорящими по-русски — и вся ловкость, все обороты; вся замысловатость исчезают!»; «По-русски совсем иначе: надобно сочинять свой разговор, изобретать выражения, — а для этого нужен не заемный ум.

Суворов прекрасно знал французский язык, а говорил по-русски. Он был русский полководец!» [4, с. 128]. Вслед за языковедом, профессором Р. И. Ахриевой мы бы сослались на слова А. Н. Толстого, что «обращаться с языком кое-как значит, и мыслить кое-как: неточно, приблизительно. Почему так хорош и художественен язык народной речи? Потому что в народной речи живут и всегда действуют законы рождения языка» [3, с. 104].

Изложенные факты и результаты исследований позволяют прийти к выводу, что для современного состояния ингушского языка в условиях смешанного двуязычия сохраняются риски, опасные для национального развития культуры в целом. Этот аспект проблематики ингушского национального вопроса требует к себе особого внимания и скорейшего решения.

Использованная литература

1. Акиев Б. А., Сагов Р. З., Абирова М. С. Проблемы духовного возрождения (Опыт социологического исследования) // Духовное возрождение ингушского народа: история, современность, перспективы : тезисы докладов респ. науч.-практ. конф. — Назрань : Б. и., 1995. — С. 5–13.
2. Акиев Б. А., Сагов Р. З. Проблемы духовного возрождения ингушского народа (Опыт социологического исследования) // Ингушетия. — 1995. — № 74 (287).
3. Ахриева Р. И. Возрождение духовной культуры ингушей как средство консолидации народа // Материалы науч.-практ. конф. — Назрань, 1997.
4. Глинка Ф. Н. О борьбе с заимствованиями // Русские писатели о языке. — М. : Русское слово, 2012.
5. Конституция Республики Ингушетия [Электронный ресурс] // Сайт Конституции РФ. — URL: https://constitution.garant.ru/region/cons_ingush/ (дата обращения: 20.12.2020).
6. Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру : тезисы II Международного конгресса. — Пятигорск : Изд-во Пятигорского лингвистического университета, 1998.
7. Никишина Н. А., Дукельский В. Ю. Концепция развития Таймырского окружного музея. — М. : Российский ин-т культурологии, 1993.
8. Патиев С. У. К вопросу о «вайнахских» языках // Ингушетия. 2004. — № 18.

9. *Патиев Я.* На каком языке пишут наши авторы // Сердало. — 2015. — № 22 (11357).
10. Роль духовно-нравственных ценностей ингушского народа в социально-экономическом развитии республики : материалы респ. науч.-практ. конф. (Назрань, 21 дек. 1996.). — Саратов : Детская книга, 1997.
11. *Яковлев Н. Ф.* Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей // Многоликое прошлое ингушей. — СПб. : Изд-во АЙЮ, 1999. — С. 5–33.

Ruslan Z. SAGOV

Senior Researcher, Ethnology Department,
Ingush Research Institute for Humanities, Magas,
Republic of Ingushetia, Russia
aroslan@mail.ru

Ingush Language in Modern Conditions of Bilingualism

The article is devoted to the problems of the state and functioning of the Ingush language in the conditions of bilingualism. The material for generalization and analysis are the scientific research published from the 1990s to the present, the speeches of the leading republican mass media, as well as the results of the author's sociolinguistic research (surveys of the population of the Republic of Ingushetia conducted in the 1995–2015 in order to identify the knowledge of the language by its native speakers, the availability and accessibility of literature in their native language, etc.). The author of the article draws attention to the shortcomings in the organization of school teaching of the native language in the Republic of Ingushetia. Among the main conclusions of the article, the following provisions are formulated: the availability and accessibility of literature in the native language is one of the most important prerequisites for the revival of the foundations of national culture as a whole; the active use of the native language in public life is an important characteristic of the state of the ethno-cultural situation.

Keywords: *Ingush language, modern cultural and linguistic situation, culture, bilingualism, development of languages in a multicultural environment, literature in the native language.*

З. Х. Гучетль*

Языковая политика в Республике Адыгея (на материале социологического опроса)

Статья обобщает данные социологического исследования по проблеме этнокультурных потребностей: запрос жителей Республики Адыгея на этнокультурное образование, исполнение закона «О языках народов Республики Адыгея». В качестве методов использовались анкетирование и экспертное интервью. Результаты исследования показали, что необходимо усилить меры по пропаганде и сохранению адыгейского языка в регионе. В процессе реализации исследования решались следующие задачи: выявление реального уровня знаний адыгейского языка школьниками из семей его этнических носителей; уточнение механизма реализации потребностей в изучении адыгейского языка; анализ проблемы его преподавания в школах; выработка рекомендаций для органов государственной и муниципальной власти, образовательных учреждений и организаций, общественных организаций и иных заинтересованных сторон, способствующих сохранению, освоению и развитию адыгейского языка.

Ключевые слова: языковая политика, национальные языки, региональное законодательство, закон «О языках народов Республики Адыгея», адыгейский язык, школьное образование.

Знание родного языка приобщает его носителя к родной национальной культуре. Вот почему каждому важно знать свой родной язык, владеть им в совершенстве. Иными словами, судьба народа всецело зависит от судьбы его языка. Как справедливо заметил К. Д. Ушинский, «пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив народ... вымер язык в устах народа — вымер и народ...» [4, с. 542].

Огромна роль родного языка в становлении каждого человека как языковой личности. Поскольку родной язык раскрывает все способности ребенка, становится путем к единству воспитания и полноценного развития умственных способностей человека, очень важно каждому человеку дать возможность пользоваться родным языком во всех сферах его жизнедеятельности и прежде всего — учиться на родном языке, особенно в детском возрасте, когда человек формируется как социальная и как языковая личность [1, с. 789].

* ГУЧЕТЛЬ Зухра Хачмафовна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, Майкоп, Республика Адыгея, Россия. Электронная почта: zuchraguchetl@mail.ru.

Язык — это вклад каждого народа в общую копилку человечества. Будучи утраченным, он не может быть воссоздан из небытия [2, с. 40–41]. Иными словами, когда мы теряем язык, теряем культуру с ее интеллектуальным богатством и достижениями искусства. Значит, исчезновение языков — огромная потеря для человечества. Необходимо приложить все усилия, принять все возможные меры, чтобы сохранить язык.

Проблема сохранения и развития адыгейского языка в Республике Адыгея является актуальной [5, с. 546], поскольку в регионе доминирует русский язык. Адыги составляют 24,5 % общего состава населения. При этом не все из них свободно владеют адыгейским языком, т. е. могут свободно на нем писать, читать и говорить. Адыгейский язык функционирует и воспроизводится, в основном, в местах компактного проживания адыгов, в моноэтнических семьях, в других локальных моноэтнических группах. Его функционирование поддерживается также учебными заведениями, телевидением и радио на адыгейском языке, выпуском литературы и периодики на адыгейском языке. Однако в школах учебных часов на изучение национального языка выделяется мало. Времени в телевизионном и радионном эфире для передач на национальном языке уделяется также недостаточно, газета («Адыгэ Макъ») выходит небольшим тиражом и не пользуется популярностью. Адыгейский язык в существенной мере вытеснен в семейно-бытовую сферу, и среду его функционирования нельзя назвать благоприятной для полноценного сохранения и развития языка. В долгосрочной перспективе ему угрожает постепенное исчезновение.

Проблема сохранения и развития адыгейского языка тревожит общественность, ученых, представителей органов власти. Она занимает видное место в трудах региональных ученых [7, с. 219]. Неоднократно проводились конференции с участием Адыгейского института гуманитарных исследований, Адыгейского государственного университета, других учебных заведений, в том числе и из других республик (КБР, КЧР, где также используется адыгский язык), издаются научные статьи и книги [6, с. 489].

Органы государственной и муниципальной власти уделяют внимание данному вопросу: проводятся парламентские слушания, по проблемам языка с различными инициативами выступают руководители республики, осуществляет свою деятельность Министерство образования и науки Республики Адыгея. Общественные организации неоднократно выдвигали различные инициативы с целью улучшения ситуации в вос-

производстве национального языка. Однако усилия, предпринимаемые общественностью, учеными и органами власти, не дали пока решающего эффекта — проблема сохранения и развития адыгейского языка остается одной из самых острых. Необходим поиск более эффективных путей по его сохранению и развитию.

Для того чтобы способствовать решению этой задачи, в АРИГИ имени Т. Керашева был реализован проект «Оптимизация путей сохранения, освоения и развития адыгейского языка», результаты которого представлены в данном докладе.

В 2018 г. проведено социологическое исследование по теме «Общественный запрос на этнокультурное образование в Республике Адыгея», в рамках которого уточнялся, в частности, общественный запрос на изучение адыгейского языка. Географию опроса составили г. Майкоп и ряд сельских населенных пунктов по репрезентативной выборке. Было опрошено 480 чел. разных национальностей, в том числе 180 лиц из числа взрослого населения (в дальнейшем мы их будем именовать экспертами), 300 учащихся и студентов. По длительности проживания 81 % опрошенных учащихся и студентов живут в Адыгее 10 и более лет (77 % с момента рождения); 11 % — 2 года и менее. Подавляющее большинство экспертов живут в республике свыше 10 лет.

В условиях глобализации, расширения языковых контактов, взаимодействия языков приобретают особую значимость вопросы о языковой норме, о способах и средствах регулирования процессов инноваций в языке, о необходимости создания условий для защиты языка и гарантии его дальнейшего существования [3, с. 46].

Тех, кто использует национальный язык в общении, и тех, кто не общается на нем, среди опрошенных учащихся и студентов оказалось примерно поровну. Изучает или изучали один из языков народов России также примерно половина опрошенных. Все молодые респонденты отметили, что имеют только один родной язык, при этом 10 % из них указали, что имеют две национальности.

Согласно итогам опроса, почти треть учащихся и студентов (31 %) предпочла бы обучение без национального языка, более трети (34 %) — «стандартное изучение национального языка» в школе. В пользу углубленного или дополнительного изучения национального языка высказались 15 %. Вариант «полное обучение на национальном языке» выбрали 2 % респондентов. Обращает на себя внимание и тот факт, что обучение без иностранного языка предпочло меньшее количество респондентов

(13 %), чем обучение без национального языка (31 %). Таким образом, предпочтение отдается языку иностранному. 17 % учащихся и студентов сказали о том, что ограничились бы только общим знакомством с национальным языком.

Относительно большая доля не желающих учить национальный язык (в основном, это неадыги) позволяет сделать негативный или на умеренно негативный краткосрочный и среднесрочный прогноз освоения адыгейского языка учащимися и студентами неадыгами. С другой стороны, в собственно адыгской среде спрос на изучение языка выражен достаточно ярко. Однако и он, на наш взгляд, может иметь тенденцию к снижению.

Полученные в ходе опроса учащихся и студентов данные коррелируют с опросом экспертов. Около 42 % из их числа считают, что в ближайшие годы в регионе будет достаточное количество родителей учащихся, заинтересованных в школьном или вузовском обучении своих детей национальному языку. Однако почти каждый пятый (19 %) имеет противоположную точку зрения. Большое количество экспертов (39 %) затруднились сказать что-либо определенное на этот счет.

Результаты социологического опроса показали также, что, помимо явного общественного запроса на изучение адыгейского языка, имеется запрос на другое этнокультурное образование. Он выше, чем запрос на изучение языка. Учащиеся и студенты в наибольшей степени заинтересованы в изучении истории родного края (54 %), истории народа (37 %), а также национальной кухни (43 %).

Кратко подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Общественный запрос на использование образования в сфере адыгейского языка фрагментирован и зависим от этничности. Значительная часть учащихся из числа неадыгов хотела бы ограничиться стандартным изучением национального языка или вообще не учить его. Однако среди учащихся адыгов запрос на изучение языка выражен явно.

2. Общественный запрос на этнокультурное образование (изучение региональной истории, культуры и др.) выше, чем запрос на изучение адыгейского языка.

3. С формальной точки зрения ситуация в сфере этнокультурного образования может быть оценена, в основном, как благополучная: образовательные учреждения исполняют функции, предусмотренные действующим законодательством и иными нормативными актами, ре-

гулирующими преподавание адыгейского языка и предметов этнокультурной направленности. Однако количество учебных часов, выделяемых на изучение указанных предметов, явно недостаточно и неспособно, на наш взгляд, обеспечить усвоение учащимися языка на должном уровне.

Исходя из этих выводов, можно дать следующие рекомендации:

1. Совершенствовать и усиливать среди учащихся, в том числе неадыгов, пропаганду и меры по воспитанию потребности в изучении адыгейского языка. Выработать перечень акторов (индивидов, организаций), чья деятельность включала бы в себя решение данной задачи. Пропаганда должна носить системный характер и быть тщательно продуманной по содержанию, срокам и исполнителям.

2. Расширить перечень предметов этнокультурной направленности в школах и вузах.

3. Добиваться увеличения количества учебных часов, выделяемых в образовательных учреждениях для изучения адыгейского языка.

В заключение отметим, что языковая политика должна включать в себя разработку скоординированных на макросоциолингвистическом уровне современных программ и проектов, основанных на персональном и территориальном принципе, или же принятие смешанных решений.

Как показывают исследования, в данный момент отсутствует социальная нетерпимость к изучению адыгейского языка среди всех национальностей, следовательно, необходимы продуманные действия, чтобы языковое планирование могло стать успешным.

Использованная литература

1. *Закирьянов К. З.* Проблема сохранения родных языков // Вестник Башкирского университета. — 2018. — Т. 23. — № 3. — С. 787–792.
2. *Кристал Д.* Английский язык как глобальный / пер. с англ. — М. : Весь мир, 2001.
3. *Лалетина А. О.* Язык и норма в условия глобализации и виртуализации общения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. — 2011. — № 14. — С. 44–50.
4. *Ушинский К. Д.* Избранные педагогические сочинения : В 2 т. Т. 2. — М. : Педагогика, 1974.

5. Ханаху Р. А., Гучетль З. Х. Культурная политика как консолидирующий фактор полиэтничного общества // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. — Грозный : Изд-во Чечен. гос. пед. ун-та, 2019. — С. 545–551.
6. Ханаху Р. А., Гучетль З. Х. Этнические культуры в контексте глобализация: вызовы и риски // Межкультурная коммуникация и проблемы толерантности (междисциплинарный подход). — Краснодар : Юг, 2017. — С. 219–226.
7. Цветков О. М., Гучетль З. Х. Адыгейский язык: поиск путей сохранения и развития // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа : матер. VI междунар. конф. — Магас : КЕП, 2018. — С. 36–49.

Zukhra Kh. GUCHETL

Cand. Sci. (Sociology of Culture and Intellectual Life),
Leading Researcher, Department of Philosophy and Sociology,
Adyghe Republican Institute of
Humanitarian Studies, Maykop, Republic of Adyghea, Russia
zuchraguchetl@mail.ru

**Language Policy in the Republic of Adyghea
(Based on a Sociological Survey)**

The article summarizes the data of a sociological study on the problem of ethno-cultural needs: the request of the residents of the Republic of Adyghea for ethno-cultural education, the implementation of the Law “On the Languages of the Peoples of the Republic of Adyghea”. The methods used were questionnaires and expert interviews. The results of the study showed that it is necessary to strengthen measures to promote and preserve the Adyghe language in the region. During the implementation of the study, the following tasks were solved: the identifying the real level of knowledge of the Adyghe language by schoolchildren from families of its ethnic speakers; the clarifying the mechanism for implementing the needs for learning the Adyghe language; the analysis the problems of its teaching in schools; the developing recommendations for state and municipal authorities, educational institutions and organizations, public organizations and other interested parties that contribute to the preservation and development of the Adyghe language.

Keywords: language policy, national languages, regional legislation, law “On the languages of the peoples of the Republic of Adyghea”, Adyghe language, school education.

Н. Д. Санджиев*

Культурологический аспект художественного перевода в структуре межкультурной коммуникации

Переводы художественных произведений никогда не теряют значимости как важная составляющая межкультурной коммуникации. Рассматривая эту сферу литературной деятельности с культурологической точки зрения, автор статьи исходит из широкого понимания культуры как совокупности результатов человеческой активности во всех сферах, включая все факторы (идеи, верования, обычаи, традиции), которыми обусловлен образ жизни нации, класса, группы людей в определенный период времени. В статье на примерах переводов калмыцкой поэзии на русский язык показано, что эффективная работа с инокультурными художественными текстами требует от переводчика высокого уровня кросс-культурной грамотности. Статью заключает вывод о том, что только глубокое проникновение в суть других культур, понимание их различий в идеях, обычаях, традиционном наследии, знание их истории и менталитета обеспечивает высокую степень культурной эквивалентности перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, современная калмыцкая поэзия, национальная картина мира, межкультурная коммуникация, кросс-культурная грамотность.

Неостановимый процесс глобализации не столько формирует культурную целостность мира, сколько по-новому обостряет проблемы распада культурной целостности народов. Защищать целостность нужно по всем фронтам, в том числе и в такой важной сфере межкультурной коммуникации, как переводческая деятельность. Интерес к соответствующей проблематике все более заметен в разных отраслях гуманитарных наук. Цель нашей статьи — выявить на материале переводов калмыцкой поэзии и проанализировать культурологический аспект, и очертить методологические позиции перевода как эффективного средства межкультурной коммуникации.

Мнение о том, что взаимодействие культур — объективный процесс, в рамках которого должна существовать потребность в импорте, высказано и обосновано Л. М. Дробужева [6, с. 167]. Анализ процессов диалога культур предполагает, согласно концепции М. М. Бахтина [3], В. Библера [4], равноценное общение одной культуры с другой: при диа-

* САНДЖИЕВ Николай Джамбулович (1956–2020), кандидат культурологии, заместитель министра Республики Калмыкия, доцент кафедры социально-культурной деятельности Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова, Элиста, Республика Калмыкия, Россия. Электронная почта: arnik56@mail.ru.

логовой встрече они не сливаются, не смешиваются, а взаимно обогащаются.

Существует теория о том, что диалог культур необходимо ведет к переоценке культурной идентичности на основе идей толерантности. Однако если это обернется нивелировкой, помешает адекватному восприятию культурных различий, «переоценка» станет препятствием, а не предпосылкой для эффективных взаимоотношений между культурами, базирующихся на взаимопонимании между их носителями. Например, при переводе текстов с языка на язык, что, по большому счету, дает право рассматривать перевод как факт состоявшейся межкультурной коммуникации? Только внимательный учет особенного, специфического для данного художественного текста как части породившей его национальной культуры. Задача переводчика состоит не в том, чтобы игнорировать культурную дистанцию, а в том, чтобы эту дистанцию творчески освоить — и тем самым помочь читателю ее преодолеть. Это коммуникация в контексте двух языков, живое соприкосновение двух культур.

В инокультурный контекст труднее всего перенести смыслы очевидные, почти не требующие проговаривания для носителя исходной культуры. В рамках восприятия носителей другой культуры это не улавливается — образуются лакуны, которые делают высказывание частично, а иногда и полностью непонятным. Художественный перевод как коммуникативная деятельность должен обеспечить отсутствие лагун в общении между двумя культурными целыми, что, с одной стороны, направлено к содержанию исходной культуры, а с другой — обогащает новыми смыслами культуру, на язык которой выполняется перевод. Этим и оправданы усилия переводчика в качестве связующего посредника, иницирующего коммуникативный акт (перевод), обусловленный другим, уже свершившимся в исходной культуре творческим актом (художественное произведение на другом языке).

Как это ни затруднительно, переводчик, умея поставить себя на место инокультурного читателя, должен особенно бережно передать на языке перевода те места в подлиннике, содержание которых в силу межкультурных различий недостаточно понятно, скрыто смысловыми лакунами. Мастер перевода тот, кто знает, какие в каждом таком случае преобразования необходимы для достижения цели.

Качественный перевод (как художественный, так и подстрочный) требует детального, тщательного изучения мира носителей языка-ис-

точника, особенностей культуры, образа жизни, менталитета, фактов истории народа. К несущим национально-специфическую окраску компонентам принадлежат в первую очередь соционормативная культурная среда (обычаи), отрефлектированная часть устойчивых элементов культуры (традиции) и неотрефлектированная их часть (обряды), так называемая бытовая культура, привычки повседневного поведения (включая мимический и пантомимический коды, характерные для носителей некоторой лингвокультурной общности). Вбирая в себя специфику восприятия и особенности мышления представителей той или иной культуры, эти компоненты формируют национальную картину мира.

Зеркалом культурных традиций этноса в письменные эпохи выступает национальная художественная литература. При переносе художественного текста в инокультурный дискурс переводчики действуют по-разному, в зависимости от цели, которую они перед собой ставят. И если перевод осуществляется добросовестно, — учитывают и находят способы преодолеть «пропасть различий», препятствующих пониманию сюжетно-событийной основы произведения читателями.

В художественных текстах всегда проглядывает не только личность автора, но и совокупность культурных ценностей народа, к которому он принадлежит. Отпечаток национальной специфики особенно заметен в фольклоре. Пословицы и поговорки, утверждает С. Г. Воркачёв, являются «важнейшей составляющей памяти народа» [5].

Согласно одной из известнейших поговорок, калмыки свято хранят заветы гостеприимства: калмык лучшую пищу отдает другу (гостю) и лучшую одежду надевает на себя. Обращаясь к этой черте национального характера, можно отметить, что уважение и щедрость к гостям — существенная часть образа жизни: калмыки считают гостя посланником неба, его нельзя ни в чем обидеть, нельзя не встретить с угощением. Существующие на эту тему пословицы и поговорки, к сожалению, при переводе на русский язык становятся гораздо менее выразительными — теряют оттенки, не передают истинную остроту смысла, иногда и вовсе утрачивают свое оригинальное значение. Для подтверждения сошлемся на один пример. «Герин орк сян, оркын утан сян» — букв. «Хороша труба у дома, а трубы дым хорош»; перевод на русский язык: «Красива труба у дома и дым ее красив». В этой поговорке заложен смысл, что дым, видный издали, является для путника не только ориентиром, но и знаком того, что здесь готовят пищу.

Раскрывая затронутые нами аспекты межкультурной художественной коммуникации, актуализируемые в сфере художественного перевода, мы воспользуемся в качестве примера строфой из стихотворения народного писателя Калмыкии Алексея Балакаева:

*...Мини һазрт ирсн гиичян
Манһдур, эндр тевчняв,
Хальмг теегин аһуд
Хот-хоолар тоонав... [2, с. 23]*

(букв. «...Гостей, приехавших к нам, / Я уважу и сегодня, и завтра / На степных просторах ковыльных / Угощу их разноявствами я...»). В переводе этого стихотворения, выполненном астраханским поэтом Юрием Щербаковым, читаем:

*...Рады мы гостям в степи,
Ничего не жалко нам.
На роскошном дастархане
Места хватит мне и вам... [9, с. 34]*

Однако нет у калмыков слова «дастархан». У казахов это сервированный стол (обычно прямоугольный или квадратный), высотой 30–35 см. Значит, в стихотворении о гостеприимстве степняков-калмыков «роскошный дастархан» ни к чему.

Василий Андреевич Жуковский сказал, что переводчик в прозе раб, в стихах соперник. Несомненно, художественный перевод, будь то проза или поэзия, требует обширного знания предмета, искусного обращения с языком. Неспроста даже маститые писатели сходятся во мнении, что это поприще — самое сложное. Они признают кардинальные отличия художественного перевода от делового (где официальная фраза должна передать ту информацию, которую ждут), синхронного перевода (где важны быстрое реагирование, краткая формулировка мысли), подстрочного перевода (где может быть передана только фабула, а не все сюжетное целое художественного текста).

В практике межкультурных контактов нередки случаи, когда авторы по собственной воле снабжают переводчиков доброкачественными текстами-подстрочниками, стараются познакомить с реалиями культурной среды, поведать наиболее важное о традициях, нормах жизненного поведения, древних и новых обычаях своего народа. Так

достигается «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного действия, принадлежащих к разным национальным культурам» [7, с. 68].

В аспекте межкультурной коммуникации перевод «как одно из орудий культуры» неизбежен и необходим [8], он должен служить преодолению культурной дистанции ради соприкосновения двух культур. В этой своей функции он создает предпосылки сближения народов и наций, ведет к интеграции культур в единую мировую культуру. И чем больше переводчик осведомлен о межкультурных различиях, тем лучше он справляется со своей работой. Таким образом, художественный перевод как самостоятельный феномен межкультурной коммуникации призван осуществлять понимание культурной идентичности, репрезентируя в культуре переводящего языка фрагменты культуры языка исходного оригинала.

Перевод транслирует этническую память (прошлое, настоящее и будущее этносов), позволяя обществу и государству избежать выхолащивания культуры как таковой. В этом смысле он причастен к квинтэссенции человеческого бытия — деятельно участвует в преемственном наследовании и сохранении исторического опыта разных культур, несхожих мировоззрений.

Ушедшее неповторимо, однако его опытом жива этносоциальная память. Присутствуя в настоящем и развивая будущее, эта память становится субстанцией бытия социума на новых этапах развития этносов, человечества, человека.

Можно утверждать, что переводческая деятельность отражает не только состояние национальных языков (степень их развития, литературные художественные пристрастия общества, картина его духовной и интеллектуальной жизни). Она влияет на границы и способы взаимодействия языков, раздвигает их ареалы, транспортируя культурные смыслы. С культурологической точки зрения художественный перевод важен как «тренинг» для преодоления барьеров, препятствующих качественной межкультурной коммуникации. Неотъемлемые признаки профессионально выполненного художественного перевода созидают коммуникативную равноценность в функциональном, содержательном и структурном отношениях. То есть способность текста на одном языке выступать в качестве полноправной замены другого. Как тип взаимодействия равноценный диалог способствует взаимообогащению разных народов, защищает их культурную самобытность.

Культура мирового сообщества, как любая динамическая система, складывается из динамичных компонентов. Функционированию и коммуникации разных культур не должно препятствовать то обстоятельство, что представители каждой из них воспринимают иные культуры через призму своей (реализуя в процессе коммуникативной деятельности некий вариант языковой личности, выступают как индивиды, представители определенного национально-культурного общества). Если сегодня приветствуется знание иностранных языков и знание культур, на языке которых ведется общение, это не должно уничтожить равенство в диалоге. Взаимный интерес (постижение другого образа жизни, видения мира, менталитета, национального характера, результатов духовной, общественной и производственной деятельности) целесообразен и плодотворен как путь, позволяющий людям усвоить нечто отличное от своего ближайшего биологического и этнического наследия. Но в высшем, наиболее полном смысле слова, культура — феномен не материальный. Это способ организации всего, содержащегося в сознании людей, — модель восприятия и интерпретации отношения к миру [1].

Равновесность диалога возникает только тогда, когда составляющие инокультурного бытия для сознания реципиента не менее ценны и важны, чем параметры существования его собственной культуры. Миссия переводчиков — быть подвижниками равновесного диалога, при котором содержание оригинального произведения не теряет в глазах реципиента своеобразия, которое было заложено автором. На сегодняшнем этапе развития межкультурного общения крайне необходимо воспитывать кросс-культурную грамотность переводчиков — глубокое понимание специфики других культур, осознание различий в идеях, обычаях, культурных традициях, истории. Этим определяется эквивалентность перевода и в значительной степени зависит эффективность культурной коммуникации в масштабах глобального мира.

Использованная литература

1. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение. — М. : Академия, 2004.
2. *Балакаев А. Г.* Избранное (на калм. яз.). — Элиста : Джангар, 1989.
3. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. — М. : Искусство, 1979.
4. *Библер В. С.* Нравственность. Культура. Современность. — М. : Просвещение, 1988.

5. Воркачѳв С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Филологические науки. — 1995. — №. 3. — С. 56–66.
6. Дробижева Л. М. Этничность в современном обществе // Мир России. — 2001. — Т. 10. — С. 167–180.
7. Межова М. В. Толерантность как основа межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы социокультурных исследований : материалы конф. аспирантов и соискателей. — Кемерово : КемГУКИ, 2008. — С. 68–72.
8. Фесенко Т. А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. — Тамбов : Изд-во ТГУ, 2002.
9. Щербаков Ю. Н. На разбуженной земле : сб. стихов. — М. : Лит. газета, 2017.

Nikolai Dzh. SANDZHIEV (1956–2020)

Cand. Sci. (Theory and History of Culture),

Deputy Minister of the Republic of Kalmykia, Assoc. Prof.,

Department of Socio-Cultural Activities,

Kalmyk State University,

Elista, Republic of Kalmykia, Russia

arnik56@mail.ru.

The Cultural Aspect of Literary Translation in the Structure of Intercultural Communication

Translations of works of art as an important component of cross-cultural communication never lose their importance. Considering this sphere of literary activity from a culturological point of view, the author proceeds from a broad understanding of culture as a set of results of human activity in all spheres, including all factors (ideas, beliefs, customs, traditions) that determine the lifestyle of the nation, of class, group of people in a certain period of time. The article shows that effective work with literary texts from other cultural tradition requires a high level of cross-cultural literacy from the Russian translator. The article concludes that only a deep insight into the essence of other cultures, understanding their differences in ideas, customs, traditional heritage, knowledge of their history and mentality provides a high degree of cultural equivalence of translation.

Keywords: *literary translation, modern Kalmyk poetry, national picture of the world, cross-cultural communication, cross-cultural literacy.*

А. Х. Дзыба*

Роль перевода в становлении писателей-билингвов (на материале абазинской литературы)

Статья о роли художественного перевода в судьбе абазинской литературы показывает ретроспективу (от 1930-х) и современный срез проблемы. Показана ключевая значимость процессов, обогативших национальную художественную традицию и обеспечивших естественное функционирование младописьменных литератур Кавказа в условиях развитой межкультурной коммуникации. Причину активного обращения современных писателей к русскоязычному автору статьи видит в потребности выхода к более широкому кругу читателей. Подчеркнуто, что индивидуальный авторский стиль писателя-билингва формируется в общем пространстве взаимодействующих художественных литератур, но при конкретных условиях, которые окружают национального автора. Поставлен вопрос об актуальности изучения индивидуальных стилей авторов, которые пишут на абазинском и русском языке (М. Шанов, М. Узденова, Р. Пазова и др.).

Ключевые слова: абазинская литература, русская литература, художественный перевод, писатели-билингвы, этноментальность, межкультурная коммуникация.

Как часть национального культурного наследия литература занимает особое место в общении между народами. Абазинская литература — одна из так называемых новописьменных литератур народов России, продемонстрировала огромные успехи в формировании и развитии повествовательных и лирических жанров. Сегодня она по значимости своих реальных завоеваний не уступает литературам, опирающимся на более давние, подчас многовековые, достижения и традиции.

В своей статье мы дадим обзор ее первых шагов и далее сосредоточимся на генезисе жанра исторического романа и его роли в истории становления и развития абазинской литературы.

Как младописьменная она выросла на своей национальной почве, черпая силы в сокровищнице традиций устного народного творчества. Успешному быстрому развитию во многом способствовало влияние русской литературы. Основы современного спектра жанров были заложены в период 1920–1930-х, к концу 1930-х в абазинской литературе

* ДЗЫБА Айшат Хамидовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом фольклора народов Карачаево-Черкесии Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, Черкесск, Карачаево-Черкесская Республика, Россия. Электронная почта: ms.dzyba@mail.ru.

получили известность и развитие такие жанровые разновидности, как художественный очерк, рассказ, повесть.

А. М. Горький сказал участникам Первого Всесоюзного съезда писателей: «Идеально было бы, если бы каждое произведение каждой народности, входящей в Союз, переводилось на языки всех других народностей Союза. В этом случае мы все быстрее научились бы понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга, а это понимание, разумеется, очень ускорило бы процесс создания той единой социалистической культуры, которая, не стирая индивидуальные черты лица всех племен, создала бы единую, величественную, грозную и обновляющую весь мир социалистическую культуру» [1, с. 671].

Конец 1930-х гг. был ознаменован и появлением новых возможностей в плане межнациональных связей и контактов. Это способствовало созданию условия для повышения культурного уровня народа, включая широкий фронт работы по ликвидации неграмотности населения и создание первых учебников на абазинском языке. Знаменательным фактом — публикацией первого произведения, переведенного с русского на абазинский язык, была отмечена середина 1930-х гг. На страницах газеты «Черкес плъыж» 15 июня 1935 г. был напечатан перевод революционного гимна «Интернационал». Спустя два с половиной месяца, 31 августа 1935 г., газета поместила стихотворение И. Табулова «Ленинцы», написанное на абазинском языке.

В конце 1936 г., 22 декабря, был напечатан перевод басни И. А. Крылова «Мартышка и очки» («Амимуни аларбаг|выгакви»), выполненный А. Магажковым.

В связи с обретением письменности абазинским литераторам приходилось работать над созданием учебников грамматики и других учебных пособий.

Их переводческая деятельность сыграла значительную роль в становлении нового эпоса и повествовательных жанров, в частности. Осуществляя переводы на абазинский язык произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Гюго и других писателей, представители передовой интеллигенции знакомили абазинского читателя с практически неведомым ему тогда миром. Каждый человек выступает носителем определенной картины мира — основы мировидения, в которой исследователи выделяют когнитивный (совокупность знаний человека о мире и о себе) и языковой уровни [2]. Переводы, несомненно, расширяли кругозор пишущих и читающих, закладывали основы развития абазин-

ского литературного языка. «Переводное произведение, — справедливо отметил профессор К. Г. Шаззо, — не изолировано от окружающего его исторического бытия. По своей сущности, оно явление социальное. Это выдвигает на первый план необходимость социально-генетического подхода к переводной книге, который раскрывает его связь с эпохой и дает возможность понять ее социальную природу, социальный генезис» [3, с. 118].

Обретением высокого уровня художественного мастерства отличилась переводческая деятельность Т. Табулова, Н. Меремкулова, М. Малхозова, Н. Озова, И. Табулова. Они по праву стали основоположниками абазинской литературы. Их переводные произведения, составившие органическую часть родной литературы, приблизили для земляков многие шедевры русской и мировой литературы и навсегда вошли, благодаря мастерству их создателей, в золотой национальный фонд.

Благодаря переводам иноязычных произведений, абазинская литература вбирала новые идеи, постигала новую широкую проблематику, обогащалась новыми художественными средствами и темами. Заметим, объектами перевода послужили выдающиеся образцы русской классики, наполненные духом гуманности и человечности («Ванька» А. П. Чехова, «Гаврош» В. Гюго, «Обломов» И. А. Гончарова). Высокую эстетическую планку в поэзии задавали такие образцовые произведения, как «Осень», «Зима» А. С. Пушкина (пер. Н. К. Меремкулова), переводы стихотворений Н. А. Некрасова («Мужичок с ноготок»), К. Хетагурова («Мать сирот») и др.

Оказывая благотворное воздействие на формирование литературного языка, все это помогало молодой абазинской литературе овладеть новыми понятиями и лексикой, придавало поэтическому слогу гибкость и выразительность. Так перевод стал действенной формой творческого общения абазинского народа с русским народом и другими народами братских республик, средством распространения передовых идей, путем обмена культурными ценностями, укрепляющими интернациональное сознание.

В 1934 г. появился альманах «Идем на пробу», задуманный в честь Первого Всесоюзного съезда писателей. На его страницах вышли два произведения Нуха Озова на абазинском языке — рассказ «Сверкающий» и очерк «Соцсоревнование в колхозе», своеобразно совмещающий в себе элементы заимствования, подражания и перевода. Например,

в уста героя произведения — коммуниста Сахата Лагучева — Н. Озов вложил слова, известные из романа «Поднятая целина»:

«... “Все в наших руках, все наше! Чего ты боишься, чудак!” — бодрил его Давыдов, а про себя думал: “Умру на пашне, а сделаю! Ночью при фонаре буду пахать, а вспашу десятину с четвертью, иначе нельзя. Позор всему рабочему классу” ...» [4, 241].

Таким образом, активист, зачинщик коллективизации в абазинском ауле, оказался братом-близнецом шолоховского героя. Хотя у Сахата Лагучева имелся реальный прототип, автор счел необходимым воспользоваться аналогией с образом Семена Давыдова. Это дало новую лексику, которой создатель очерка «Соцсоревнование в колхозе» не мог иначе ввести в свою картину обновления абазинского аула. Очерк Н. Озова был попыткой нарисовать образ нового человека и запомнился надолго, хотя автору далеко не все целиком удалось, так как у него было мало профессионального опыта. Очерк «Соцсоревнование в колхозе» положил начало разработке темы коллективизации в абазинской прозе. Более полное воплощение она получила в дальнейшем в романе Х. Жирова «Пробуждение гор».

Для освоения инонационального художественного опыта молодыми писателями были необходимы такие факторы, как определенная идейно-эстетическая подготовка в сочетании с освоением национальных художественных традиций. Обмен между развитой письменной культурой и культурой, только зарождающейся, тогда только начинался. «Время требовало от писателей скорейшего отзыва на события. Для освоения опыта старших литератур необходима была определенная историческая дистанция. И поэтому, хотя молодые писатели национальных окраин в своих произведениях подражали Горькому, Маяковскому, Д. Бедному, все-таки они испытывали большее влияние своего устного наследия. Только после глубинного постижения этого наследия и создания первых значительных письменных произведений младописьменные литературы стали интенсивнее обращаться к мировому художественному опыту» [3, с. 54].

Произведения современной абазинской прозы и поэзии активно переводятся на языки народов России и зарубежья. Книги К. Джегутанова, Б. Тхайцухова, К. Мхце, М. Дагужиева, Р. Пазовой переведены на русский и немецкий языки. Сокровищница национальной литературы продолжает пополняться переводами из русских, английских, французских, немецких, абхазских, осетинских, адыгских, карачаевских

авторов. Немало абазинских литераторов пишут на русском и родном языке.

Одними из самых важных для них поныне остаются темы национально-культурного своеобразия и межнациональных контактов. Кавказ как культурный мир ярок и неоднороден. Заветы предков грядущим поколениям, своеобразный кодекс горской чести, жизнелюбия и уважения несут абазины, адыги, карачаевцы, ногайцы в большой дом человечества. В совокупности это образует многонациональную культурную общность.

Билингвизм как современное завоевание новых рубежей художественного слова и специфическое средство межкультурной коммуникации можно назвать каналом двусторонней культурной дипломатии в диалоге культур. Писатели, создающие произведения не на своем родном языке, тем не менее представляют в искусстве национальный мир своего народа.

Феномен художественного билингвизма в современной абазинской литературе — социально обусловленное явление, характерное для всех литератур многонациональной России, в том числе и для литератур Карачаево-Черкесии.

Современный литературный процесс в нашей республике характеризуется обращением национальных писателей к русскому языку как к языку художественного творчества (Р. Пазова, М. Узденова, М. Шанов, П. Чекалов и др.). Дальнейшее исследование их творчества раскроет пути развития национальной художественной традиции в лоне естественного этнопродуцирующего функционирования и с точки зрения проявлений национального мышления в индивидуальном авторском стиле двуязычных писателей.

Использованная литература

1. *Горький М.* Советская литература. — М. : Гослитизат, 1934.
2. *Касевич В. Б.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. — М. : Наука, 1988.
3. *Шаззо К. Г.* Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. — Тбилиси : Мацниереба, 1978.
4. *Шолохов М.* Поднятая целина. — М. : Советский писатель, 1979.

Aishat Kh. DZYBA

Cand. Sci. (Literature of People of the Russian Federation),
Assoc. Prof., Herd, Department Department for Folklore
of the Peoples Karachay-Cherkess, Karachay-Cherkess Institute for
Humanitarian Research under the Government of the Karachay-Cherkess
Republic, Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic, Russia
ms.dzyba@mail.ru

The Role of Translation in the Development of Bilingual Writers (Based on the Material of the Abaza Literature)

The article on the role of literary translation in the fate of Abaza literature shows a retrospective (from the 1930s) and a modern cross-section of the problem. The key significance of the processes that enriched the national artistic tradition and ensured the natural functioning of the young Caucasian literatures in the context of developed intercultural communication is shown. The author sees the reason for the active appeal of modern writers to the Russian language in the need to reach a wider range of readers. It is emphasized that the individual author's style of a bilingual writer is formed in the general space of interacting fiction, but under specific conditions that surround the national author. The article raises the question of the relevance of studying the individual styles of authors who write in the Abaza and Russian languages (M. Shanov, M. Uzdenova, R. Pazova, etc.).

Keywords: *Abaza literature, Russian literature, literary translation, bilingual writers, ethnomentality, intercultural communication.*

РАЗДЕЛ 5

Современное общество и культурное наследие: опыт актуализации и репрезентации

*К. Г. Ачмиз**

Федеративное устройство — основа самосохранения и процветания народов России

Статья посвящена истории образования Адыгейской автономной области и тому многотрудному пути, который она прошла после революционных событий 1917 г. в России до повышения ее статуса и преобразования автономии в самостоятельный субъект Российской Федерации — Республику Адыгея. В общественное мнение проживающих на постсоветском геополитическом пространстве периодически вбрасываются идеи о том, что Россию ждет судьба СССР, если не будут упразднены автономии и республики. В статье обосновывается несостоятельность этого тезиса.

Ключевые слова: Республика Адыгея, история государственного строительства РФ, национальный вопрос, автономия, независимость, самоопределение.

* АЧМИЗ Казбек Гучипсович, доктор исторических наук, заведующий отделом истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева, Майкоп, Республика Адыгея, Россия. Электронная почта: kazbek.achmiz@mail.ru.

Характеризуя исторический путь, пройденный Адыгеей, необходимо учитывать, что нынешнее национально-государственное устройство страны связано с событиями более чем столетней давности — Февральской и Октябрьской революциями (1917). Если первая из них, как и отречение императора Николая II от престола, явилась полной неожиданностью для многих политических партий и движений, то в свершении второй участвовали широкие массы рабочих и крестьян всей многонациональной империи. Хотя все политические партии, существовавшие в России, имели свои программы по национальному вопросу, наиболее привлекательной для России оказалась программа большевистской партии во главе с В. И. Лениным. Она гарантировала всем национальностям Российской империи «право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства».

Задолго до этих событий Ленин («Критические заметки по национальному вопросу») сформулировал: «Для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом, причем к этим округам могли бы “тяготеть” и вступать с ними в сношения и свободные союзы всякого рода, члены данной национальности, рассеянные по разным концам страны или даже земного шара» [3, т. 24, с. 148–149]. Право на самоопределение рассматривалось как принцип социалистической демократии. «Мы требуем, — писал Ленин за два года до Октябрьской революции, — свободы самоопределения, т. е. независимости, т. е. свободы отделения угнетенных наций не потому, чтобы мы мечтали о хозяйственном раздроблении или об идеале мелких государств, а, наоборот, потому, что мы хотим крупных государств и сближения, даже слияния, наций, но на истинно демократической, истинно интернационалистской базе, немыслимой без свободы отделения» [3, т. 27, с. 68].

Социалистическая революция не ограничилась провозглашением равных прав для наций и народностей. Во всех областях государственного, экономического и культурного строительства был взят курс на осуществление фактического равенства народов.

Большое значение для демократизации общественно-политической и культурной жизни народов Северного Кавказа имело обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 г.: «Устраивайте свою национальную жизнь

свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [1, с. 114].

В условиях многонационального Северного Кавказа важнейшей предпосылкой экономического и культурного строительства явилось признание политической независимости всех народов, решение вопроса об их государственном строительстве. Факт создания на II съезде Советов Кубани (апрель 1918) комиссариата по горским делам, который возглавил Мос Шовгенов, был шагом к практическому осуществлению программы по национальному вопросу. Решение было подтверждено и на III Чрезвычайном съезде Советов Кубани и Черноморья.

Постановлением Совнаркома РСФСР от 23 июля 1918 г. представители всех национальностей получили право совещательного голоса (по вопросам, касающимся какой-либо отдельной национальности — право решающего голоса) в коллегии Народного комиссариата по национальностям. Каждый спорный вопрос они имели право вносить на рассмотрение Совета Народных Комиссаров. Однако Гражданская война отодвинула решение вопросов национально-государственного строительства на Северном Кавказе.

Разъяснению политики РКП(б) и советского правительства среди горского населения придавалось большое значение. В телеграммах на имя Г. К. Орджоникидзе Ленин требовал проявлять в отношении к горцам максимум осторожности и доброжелательности, всячески демонстрировать симпатии Советской власти к мусульманам, широко провозглашать, что Советская власть несет горским народам свободу, независимость и автономию. В ответ на просьбу Орджоникидзе оказать денежную помощь горцам, он телеграфировал: «Уполномочиваю Вас объявить горцам, что я обещаю провести через Совет Народных Комиссаров денежную помощь им. Выдайте им в счет этого до 200 миллионов» [3, т. 51, с. 178]. В дополнение к этому приведем еще один факт. Осенью 1920 г. уполномоченный Наркомнаца Умар Джашуевич Алиев обратился к Ленину с докладной запиской о беспорядках, об отсутствии милиции в горских районах Кубани, о том, что трудящиеся горцы испытывают земельный голод, нужду в мануфактуре и проч. По предложению Ленина, ЦК РКП(б) оказал кубанским горцам большую помощь продовольствием, мануфактурой и другими товарами первой необходимости [4, с. 21, 166–167].

Процесс выделения черкесов (адыгов) в отдельную автономию несколько затянулся по сравнению с другими народами Северного Кавказа. К примеру, в марте 1921 г. делегация черкесов от Баталпашинского отдела Кубанской области, видя препятствия, которые искусственно чинит руководство Кубано-Черноморского облисполкома, покинуло II областной съезд трудящихся горцев, мотивируя это желанием войти «в состав Горской Республики, территориально смежной с ними». В резолюции по этому вопросу было отмечено, что данное заявление «облегчает разрешение вопроса о выделении остальных горцев (адыгов. — *Авт.*) в самостоятельные административные единицы» [4, с. 189]. Ускорению вопроса способствовала кооптация Ш. У. Хакурате в состав Горского исполкома, созданного ранее при Кубано-Черноморском ревкоме. Фельдшер по профессии, он со времен революции 1905–1907 гг. имел опыт революционной работы среди русского и черкесского населения Кубани. 20 июля 1921 г он был избран председателем Горского исполкома.

Пленум Горского исполкома вынес 13 сентября 1921 г. решение о созыве III съезда трудовых горцев Кубани и Черноморья. Съезд 7–12 декабря поручил Горскому исполкому в срочном порядке возбудить перед центром ходатайство о выделении горцев Кубани и Черноморья в отдельную автономную область. Всю эту работу приходилось проводить, преодолевая вмешательство отдельных исполкомов во внутреннюю жизнь в аулах (31 аул находился на территории Екатеринодарского, 13 аулов — на территории Майкопского отдела, 9 аулов — в Туапсинском округе). Отдельские исполкомы издавали свои указы и распоряжения относительно этих аулов, Горский исполком тоже. Хакурате неоднократно в письменной форме напоминал, что аулы должны подчиняться лишь Горскому исполкому. «Вмешательство соответствующих отдельных исполкомов в работу Горского исполкома в аулах, — отмечалось в докладе Ш. У. Хакурате о деятельности исполкома на заседании Президиума Кубчероблисполкома 19 сентября 1921 г., — главным образом, в области земельной, крайне вредно отражается на работе Горского исполкома» [5, с. 90]. Все это входило в противоречие с решениями II съезда горцев Кубани и Черноморья, и циркулярным письмом Кубано-Черноморского областного исполкома местным исполкомам сообщалось о том, что с 1 июня 1921 г. все аульные исполкомы Краснодарского и Майкопского отделов и Туапсинского округа подчиняются «Горскому исполкому и должны обращаться к нему и соответствующие его отделы по всем делам по принадлеж-

ности» [4, с. 195]. Несмотря на трудности, Горский исполком сумел успешно провести советизацию аулов.

Мусульманская секция, Горская секция и, наконец, Горский окружной исполком — таковы первоначальные этапы национально-государственного строительства в Адыгее. В числе партийных работников черкесов было чуть более 20. Ш. У. Хакурате писал, что относительно способных вести советскую работу будет не менее 100 (докладная записка в комиссию ВЦИК от 15 июля 1922 г. с изложением просьбы о выделении их в автономную область). При условии свободного самоопределения народа, отмечал Хакурате, «быстро будет прогрессировать как число партийных работников, так и советских» [4, с. 229]. Это было ответом на претензию со стороны Кубано-Черноморского облисполкома, что в их (черкесской) среде нет достаточного количества партийцев и представителей интеллигенции, способных вести советскую работу в массах.

Почти два года длившаяся борьба за выделение адыгов в самостоятельную автономию завершилась принятием постановления ВЦИК от 27 июля 1922 г.: «Выделить из Краснодарского и Майкопского отделов Кубано-Черноморской области территорию, ныне населенную черкесами (адыгейцами), с включением в нее чересполосных селений и хуторов, с юртовыми землями и лесами, входящими в эту территорию, и образовать из таковой Черкесскую (Адыгейскую) автономную область» [4, с. 231–232]. Так на карте России появилась еще одна автономная область — Адыгейская, которая стала составной частью РСФСР. Не все аулы, к сожалению, вошли в ее состав. В упомянутой докладной записке Ш. У. Хакурате в комиссию ВЦИК речь шла о 52 аулах, имеющих 35 исполкомов с населением 104 тыс. душ обоего пола [4, с. 229]. В образованную автономную область вошло только 44 аула, 7 волостей с 14 селами и хуторами [4, с. 232]. Не был определен центр автономной области: аппарат управления временно (до 10 апреля 1936 г.) располагался в Краснодаре.

И даже после I съезда Советов Адыгейской (Черкесской) автономной области, когда были сформированы органы управления нового субъекта РСФСР, со стороны Кубано-Черноморской области создавались препоны плодотворной деятельности исполнительных органов автономии. Потребовалось вмешательство Наркомнаца РСФСР: 11 мая 1923 г. на заседании бюро Кубано-Черноморского комитета РКП(б) с докладом об Адыгейской (Черкесской) автономной области выступил член

коллегии Наркомнаца и предложил исполкому Кубано-Черноморского облсовета, всем советским органам «ни в коем случае не вмешиваться во внутренние дела Адыгейской (Черкесской) автономной области, имеющей права самостоятельной губернии, не допускать столкновений и самочинов» [5, с. 92].

Отсутствие правовой защищенности автономных областей приводило к искажению национальной политики на местах в период утверждения командно-административной системы (1924–1937 гг.). Что касается Адыгеи, на первоначальном этапе в Москве у нее было постоянное представительство в Наркомнаце. Из субъекта РСФСР Адыгея, пройдя стадии вхождения в более крупные федеративные образования (Северо-Кавказский, Азово-Черноморский край), была включена в сентябре 1937 г. в состав Краснодарского края. С этого момента исполнительные органы Адыгеи могли решать вопросы финансирования, материально-технического снабжения только через краевые структуры.

В 1920-е гг. народы Кавказа имели примерно одинаковый уровень социально-экономического и культурного развития. Все они одновременно получили от Советской власти государственность в форме автономии и практически одинаковые стартовые возможности. Единственное, в чем уступали черкесы (адыги) своим соседям, это численность коренного народа и чересполосица: «этнографические островки» были разделены русскими населенными пунктами и хуторами, 9/10 коренного народа остались вне своих земель в итоге Кавказской войны. Подавляющее большинство адыгов нашло приют в Османской империи и других государствах Малой Азии и Балкан. Со временем в предвоенные годы Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечено-Ингушетия были преобразованы в автономные республики, что позволило им добиться значительных успехов в экономике, культуре, сохранении самобытности. Они «оказались более самостоятельными и защищенными в правовом отношении, чем Адыгейская и Карачаево-Черкесская автономные области, которые остались в составе краев» [5, с. 95].

Адыгея одной из первых среди национальных образований страны (к началу 1930-х) ликвидировала неграмотность, одной из первых на Северном Кавказе провела коллективизацию сельского хозяйства. В годы Великой Отечественной около 80 тыс. ее граждан с оружием в руках защищали свободу и независимость своей Родины. Остальные помогали в тылу ковать победу. Звания Героя Советского Союза удостоены 52 участника войны из Адыгеи, в том числе 7 адыгов. Когда в 1942 г.

в Адыгею по заданию вермахта приехал бывший в годы Гражданской войны командиром «Дикой дивизии» генерал Султан-Гирей Клыч с заданием сформировать из адыгов Черкесский полк, он сразу же убедился в невыполнимости этой задачи.

Трудящиеся Адыгеи не отставали от своих соседей, успешно решали задачи по восстановлению и дальнейшему развитию экономики и культуры. За свои успехи Адыгея была награждена орденом Ленина (1957), орденом Дружбы народов (1972).

Усеченная автономия нанесла ущерб развитию национальной культуры и искусства, народного образования, родного языка. Многоступенчатость управления, ведомственный диктат, невозможность распоряжаться своими богатствами сдерживали темпы экономического, социального и культурного развития. Известен лишь один случай в истории Адыгеи, когда областное отделение «Сельхозтехника», возглавляемое крупным хозяйственником Адыгеи Ч. И. Хунаговым, при согласии тогдашнего руководителя Краснодарского края Г. С. Золотухина вышло в 1968 г. из краевого подчинения, чтобы напрямую через Москву решать вопросы материально-технического снабжения отраслей сельского хозяйства в Адыгее. Тогда поступление техники, запчастей и других материалов увеличилось в разы. (До этого областная «Сельхозтехника» была приравнена к аналогичным организациям рядовых кубанских районов.) К началу 1980-х охват техникой по Адыгее и по краю составлял соответственно: по тракторам — 71,2 % и 23,1 %; по зерновым комбайнам — 78,4 % и 21,4 %; по оборудованию ферм — 100 % и 96 % [7, с. 51].

Тем не менее надо отдать должное руководству Краснодарского края, которое оказывало помощь в подготовке из числа выпускников образовательных учреждений Адыгеи, поступавших в КубГУ, мединститут, политехнический и сельскохозяйственный институты.

Необходимость повысить государственно-правовой статус Адыгеи до уровня самостоятельного субъекта Российской Федерации стала особенно очевидной в 1980-е гг., когда руководство страны во главе с М. С. Горбачевым взяло курс на переход к рыночным отношениям. Историческое событие — провозглашение Республики Адыгея в составе Российской Федерации произошло 5 октября 1990 г. на внеочередной сессии Адыгейского областного Совета народных депутатов.

Все достижения, которыми сегодня располагает Адыгея, стали возможны только благодаря победе Великой Октябрьской социалисти-

ческой революции. Этот факт неопровержим, как бы ни изошрялась «демократическая» пресса в искажении прошлого нашей страны. Адыги, подобно другим народам, до этого элементарными политическими правами не обладали.

В социальную сеть периодически вбрасываются мифы о «Великой Черкесии» от моря до моря и о том, что Россию ожидает второй (после краха СССР) этап распада, если она не упразднит существование автономных республик. Поскольку первый миф уже набил оскомину, остановимся на втором. Переносы дат референдума по объединению Архангельской области и Ненецкого автономного округа на год напомнили о том, что в стране давно «бродит призрак» глобальной административной реформы.

Несколько лет назад, после придания Адыгее статуса республики — самостоятельного субъекта РФ, ходили слухи о том, что не сегодня-завтра Адыгея вернется в состав Краснодарского края. Поскольку такие вопросы решаются на референдуме, то общественное движение «Адыгэ Хасэ — Черкесский парламент» провело съезд адыгейского народа, который единогласно принял решение, что если такой референдум будет проведен, то черкесы (адыги), проживающие в Республике Адыгея, не будут принимать в нем участия. Съезд проходил под председательством народного писателя Адыгеи, КБР и КЧР, лауреата Государственных премий СССР, РСФСР и Адыгеи, ныне Героя Труда России Исхака Машбаша, которого невозможно уличить в антипатиях к русским и России. Все его художественное творчество, его взгляды «устремлены на север», к России. Буквально на следующий день после съезда разговоры о возвращении Адыгеи в состав Краснодарского края прекратились и больше не возникают.

Здесь весьма кстати можно привести пример из книги кубанского историка И. Я. Куценко, характеризующий высокий уровень понимания черкесами (адыгами) сути межнациональных отношений. Бывший министр национальной политики РФ В. А. Михайлов во время своего выступления в 1999 г., на котором И. Я. Куценко присутствовал, когда высокопоставленный представитель Чечни-Ичкерии сказал о претензиях к русскому народу, Валерий Александрович Михайлов ответил ему: «На Кавказе есть единственный народ, который вправе выразить горькую обиду России за геноцид, — это адыги. Но у этого народа хватило мудрости, чтобы не переносить на русское население гнев за преступления царизма» [2, с. 168]. Исторический опыт подтвердил это лучше всяких

книг: за десятилетия Советской власти русский народ бескорыстно, по-братски самоотверженно помогал народам Кавказа, как и всем другим в многонациональной стране, подняться к высотам цивилизованности, ощущая себя полноправными сынами и гражданами общей Родины — России.

В 2003 г. Коми-Пермяцкий автономный округ в результате референдума вошел в состав Пермской области и 1 декабря 2005 г. был включен в состав области, которая была преобразована в Пермский край. Но при этом автономный округ утратил статус субъекта РФ (чувствуете разницу?).

Что же происходит сегодня? Почему постоянно муссируется вопрос о включении национально-государственных образований в состав административных образований, каковыми являются существующие в России края и области? Известный российский публицист Егор Станиславович Холмогоров в статье «Россию ожидает второй круг распада, если не упразднить автономии и республики» попытался найти ответы. Он напомнил, что в 1990-е весьма обсуждаемой проблемой было то, что союзные республики устали кормить Россию. Е. Холмогоров убедительно показал, что в СССР из всех союзных республик лишь Россия и Белоруссия тогда были самодостаточными, другие, будучи дотационными, потребляли в 1,5–3 раза больше, чем давали в общесоюзную копилку. Красной нитью в его статье [6] проходит мысль о том, что соответствующая структура, наследие ленинской национальной политики, «благополучно развалилась», когда были созданы союзные республики. Но в результате «ленинской нарезки регионов» мы до сих пор «сидим на пороховой бочке». Позиция Е. Холмогорова, на наш взгляд, — это борьба с советским прошлым, в чем сегодня преуспевают наши «демократы».

В России у национальных республик и автономий, в отличие от края или области, считает Е. Холмогоров, особый статус и первенство. В большинстве случаев титульные народы составляют на таких территориях меньшинство (заметим, не по своей воле), а большинство населения — русские. Делать на этом основании вывод, что автономии надо упразднить, по меньшей мере, абсурдно. Е. Холмогорова волнует то, что все ресурсодобывающие регионы расположены на территориях национально-государственных образований — субъектов РФ. Сравнение этих регионов с Эмиратами, которые обрели независимость в 1971 г. и теперь стали крупнейшей на востоке Аравийского полуострова нефтяной дер-

жавой, которая по всему миру спонсирует ваххабизм и устраивает нефтяные войны, вселяет опасения, как бы и у нас не случилось подобное.

Что же предлагает Е. Холмогоров? «Отказаться от идеи исключительных прав малых этносов на недра» и в качестве первого этапа «ликвидировать те образования, где русских большинство». Разумеется, культурные права и сохранение идентичности малых этносов должны быть обеспечены, считает он.

По поводу этих страшилок нам остается напомнить уважаемому эксперту положения ныне действующей Конституции РФ. Статья 5, п. 3: «Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации». Статья 9, п. 1: «Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующих территориях». Комментарии, полагаем, излишни.

В заключение уместно добавить следующее. Человеческое сообщество за годы своего цивилизационного существования ничего не смогло противопоставить рыночным отношениям. Точно так же в многонациональном едином государстве, каковым является Россия, альтернативы федеративным отношениям как форме ее государственного устройства не существует.

Три десятилетия со дня преобразования Адыгейской автономной области в Республику Адыгея в составе РФ убедительно свидетельствуют о том, что 5 октября 1990 г. был сделан верный шаг в возрождении одного из древнейших народов Кавказа — черкесов (адыгов). Адыгея сегодня представляет собой часть общероссийского социально-политического пространства, обеспечивая устойчивое взаимодействие многих этносов, культур и цивилизаций, которые тесно переплелись и взаимодействуют в целях возвышения и процветания нашей общей родины — России.

Использованная литература

1. Декреты Советской власти : Т. 1. 25 окт. 1917 г. — 16 мар. 1918 г. — М. : Политиздат, 1957.

2. Куценко И. Я. Правда и Кривда. — Нальчик : Эль-Фа, 2007.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. : В 55 т. — М. : Политиздат.
4. Установление Советской власти и национально-государственное строительство в Адыгее (1917–1923) : сб. док. и материалов. — Майкоп, 1980.
5. Становление государственности Адыгеи : Материалы круглого стола, посвященного 25-летию образования Республики Адыгея. 22 ноября 2016 г. — Майкоп : 2016.
6. Холмогоров Е. С. Россию ожидает второй круг распада, если не упразднить автономии и республики [Электронный ресурс] // Новостной kaleidoscope. — URL: <https://spar.org.ua/news-11201-egor-holmogorov-rossiyu-ogidaet-vtoroj-krug-raspada-esli-ne-uprazdnit-avtonomii-i-respubliki.html> (дата обращения: 14.07.2020).
7. Хунагов Ч. И. Два лица одного времени. — Майкоп : Адыгея, 2002.

Kazbek G. ACHMIZ

Dr. Sci. (National History), Head,

Department of History,

Adyghe Republican Institute for Humanities,

Adyghe Republican Institute of Humanitarian Studies, Maykop,

Republic of Adygea, Russia

kazbek.achmiz@mail.ru

The Federal Structure is the Basis of Self-Preservation and of Prosperity of the Peoples of Russia

The article is devoted to the history of the formation of the Adygeya Autonomous Region and the difficult path that it took after the revolutionary events of 1917 in Russia before raising its status and transforming the autonomy into an independent subject of the Russian Federation — into the Republic of Adygeya. To the public opinion of those living in the post-Soviet geopolitical space, ideas are periodically thrown in that Russia is waiting for the fate of the USSR, if the autonomies and republics are not abolished. The article substantiates the inconsistency of this thesis.

Keywords: Republic of Adygea, history of state-building of the Russian Federation, national question, autonomy, independence, self-determination.

В. Е. Науменко*

Взаимодействие государства и консультативных институтов гражданского общества как инструмент формирования идентичности: региональный аспект¹

Автор статьи на примере деятельности советов старейшин в Республике Дагестан и других субъектах Северо-Кавказского федерального округа рассматривает вопрос о взаимодействии государства и консультативных институтов гражданского общества в процессе формирования региональной идентичности. В статье дана оценка разных аспектов проблемы, отраженных в выступлениях политических лидеров, научных дискуссиях, политологических статьях периода 2000–2020-х гг. Аргументированно изложено мнение о целесообразности курса на повышение роли советов старейшин как консультативных звеньев, влияющих на положительное решение вопросов, связанных с морально-нравственным воспитанием и повышением качества жизни на местах. Не стремясь чрезмерно расширять содержание возложенных на них задач, следует рассматривать такие общественные институты как действенный рычаг формирования регионального гражданского сознания.

Ключевые слова: Северо-Кавказский федеральный округ, Дагестан, политические процессы, институты гражданского общества, совет старейшин, гражданское самосознание, региональная идентичность.

Исследователи проблем формирования гражданского общества отмечают, что в современных условиях происходит неуклонное возрастание роли институтов гражданского общества в вопросах активного взаимодействия с государством [11]. Так, в современных условиях заметно возрастает взаимодействие консультационных институтов гражданского общества, активизация их взаимодействия с государственными структурами по формированию гражданской идентичности в рамках

* НАУМЕНКО Владимир Емельянович, кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия. Электронная почта: vladimirnaumenko.krd@gmail.com.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности».

местных и региональных сообществ (см.: [3; 4]). Эта тенденция тесно связана с общим направлением государственной политики формирования гражданской идентичности и консолидации российского общества суть этой позиции отражена в Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному собранию, где он отметил: «Наша важнейшая задача — научиться использовать инструменты государства для обеспечения свободы — свободы личности <...> свободы развития институтов гражданского общества» [6].

Как отмечают Л. И. Никовская [5] и многие другие авторы, поворот в деятельности властных структур и структур гражданского общества был дан с принятием Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе (2001–2005 годы)». Указанный документ послужил отправной точкой активного формирования структур гражданского общества; основанием этого процесса стала высокая общественная активность населения, которая стала возможной в рамках демократизации политической и общественной жизни в стране. Все это привлекло особое внимание исследовательского сообщества, занимающегося проблемами территориального обособления народов, несбалансированного регионального развития, межрегиональной дифференциации, ксенофобии, тенденций к ущемлению прав в некоторых субъектах Российской Федерации нетитульного населения и т. п.

Важным направлением взаимодействия государства и структур гражданского общества является взаимодействие с консультативными институтами гражданского общества, на которые возлагаются функции организационного и правового характера, решение проблем, которые в обыденной жизни препятствуют эффективному осуществлению функций, возложенных на структуры гражданского общества. В научном сообществе имеет место следующее суждение о функциях консультативных институтов гражданского общества: «Сама суть этой модели предполагает поиск форм и методов согласования интересов культурных групп, разработку способов формирования плюралистических обществ» [10, с. 253].

Как известно, становление гражданского общества в России закономерно прошло ряд этапов. По мнению К. Е. Сигалова, «советский период, когда формально провозглашенный принцип власти народа был подменен диктатурой коммунистических властей, надолго блокировал у большинства населения желание что-либо делать самостоятельно» [7, с. 4]. Столь категорической оценке возражает, в частности, М. М. Бо-

рисевич, указывающий, что ярким инструментом гражданского общества в советский период выступали средства массовой информации: «Вопрос о функциях СМИ как института гражданского общества, представляет интерес как с точки зрения их воздействия на государственные институты власти, так и с точки зрения реализации прав и свобод человека, а также взаимодействия с другими институтами гражданского общества». Эта точка зрения поддержана рядом других исследователей. В целом период конца 1980-х — начала 1990-х гг. Борисевич характеризует «как период рецепции западной концепции гражданского общества в России и попытки построения его по западным лекалам». А. А. Уваров полагает, что именно с этого исторического периода можно вести отсчет современного этапа развития гражданского общества в России [12].

Основные этапы становления гражданского общества, проанализированные в массиве научных работ, отражают важные аспекты подхода к интересующей нас проблеме. Во-первых, исследователи подчеркивают, что процесс становления и развития гражданского общества в России осуществляется в рамках общемировых трендов социально-политического развития. Во-вторых, учитываются специфические российские особенности, идут поиски их оптимального сочетания, уточнение функций. В общих чертах «российская» особенность осознается как то, что выявленная с помощью этих институтов народная воля может быть принята за основу решения соответствующего государственного органа или органа местного самоуправления.

Деятельность соответствующих структур направлена на углубление диалога с государственными органами в вопросах совершенствования системы управления, повышения гражданской активности населения. Такими намерениями руководствовались госструктуры, созданные при органах исполнительной, законодательной власти в процессе формирования консультативных структур в субъектах Юга России. На Северном Кавказе «всегда был велик авторитет умудренных жизненным опытом старших, их мнение и решения были законом, особенно для молодежи. Не случайно в большинстве наших регионов созданы советы старейшин при главах республик, работают региональные Советы ветеранов» [12, с. 46]. Это высказывание полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе А. А. Матовникова приведено в работе А. А. Уварова о средствах массовой информации как институте гражданского общества в 2014 г.

Указом Президента Республики Дагестан от 12 апреля 2006 г. № 32 «О Совете старейшин при Президенте Республики Дагестан и об утверждении состава Совета старейшин при Главе Республики Дагестан» такой совет появился и в этом регионе [13].

Формирование консультативных институтов гражданского общества было осуществлено по инициативе руководства республик во всех субъектах Юга России. Так, например, 4 мая 2006 г. вышел Указ № 41 Президента Республики Дагестан «О Координационном центре при Президенте Республики Дагестан по проблемам формирования гражданского общества в Республике Дагестан» [14]. В этом документе было отмечено, что специфической особенностью формирования структур гражданского общества в Дагестане является мощное влияние этнических традиций и обычаев на формирование гражданских приоритетов. Проблема состоит в том, чтобы гармонизировать взаимодействие традиционных институтов общества, сложившихся в результате исторического развития этносов, с задачами и практикой формирования гражданского общества, сложившейся в результате исторического развития этносов, с задачами и практикой формирования гражданского общества в республике.

Согласно тексту этого указа, центр создавался как консультационный и информационный орган при президенте Дагестана. На центр были возложены обширные задачи: по координации научных исследований в республике; по обсуждению конкретных направлений, путей и форм становления гражданского общества в Дагестане; по изучению и пропаганде опыта; по мониторингу общественного мнения, состояния и проблем становления гражданского общества; по созданию структур (институтов) общественного согласия и диалога в Дагестане; по информированию населения об основных направлениях политики, проводимой президентом республики, по пропаганде и разъяснению ее целей и задач, а также осуществлению взаимодействия с общественными объединениями.

В состав Совета на общественных началах вошли ученые, политики, специалисты разных сфер деятельности.

Вскоре потребовалась корректировка и функций, и задач, стоящих перед координационным советом. Повод к этому дало образование новой государственной структуры — Северо-Кавказского федерального округа, куда организационно вошел Дагестан. По поручению Президента Российской Федерации в округе при полпреде были учреждены Общественный совет по проблемам Северного Кавказа и Совет старейшин. Если при создании Совета по содействию развитию институтов граждан-

данского общества и правам человека при полпреде Президента Российской Федерации в округе это не вызвало возражений, то в случае с Советом старейшин возникли дискуссии.

Юридическим обоснованием функционирования советов старейшин в Российской Федерации является Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82 «Об общественных объединениях». С опорой на этот документ в субъектах Северного Кавказа были приняты нормативные документы, определяющие статус и задачи местных советов старейшин, в том числе закрепляющие за ними совещательные и консультативные функции при руководителях краев, областей, республик, муниципальных образований. Политический истеблишмент позитивно оценил образование структуры, которая по замыслу творцов региональных нормативно-правовых актов должна была активизировать старейшин в решении наиболее важных проблем общественно-политической жизни республики и вынесении соответствующих предложений на рассмотрение президента Республики Дагестан.

В других субъектах Северо-Кавказского федерального округа задачи советов старейшин касались вопросов сохранения культурного наследия и традиций; участия в реализации концепции национальной политики; укрепления стабильности, нравственного воспитания и взаимопонимания народов. На официальном уровне создание и функционирование советов старейшин воспринималось исключительно позитивно. По заявлению главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова, создание Совета старейшин и ныне оценивается как «правильное и своевременное решение», которое «может способствовать в решении многих проблем».

Вместе с тем существует и другой взгляд на действия государственных органов по «реанимации» института старейшин в современном обществе. Как отмечает один из авторов выпущенной сравнительно недавно, в 2020 г., коллективной монографии «Территория межкультурных коммуникаций» П. И. Тахнаева, «наряду с позитивной реакцией, это предложение вызвало критику со стороны политологов и общественных деятелей». Они сочли эти действия «следствием заблуждений федеральной власти относительно устройства жизни на Кавказе, заметив, что она (власть. — *Авт.*) мыслит не реальной ситуацией, а руководствуется набором мифов и стереотипами об архаичности кавказского общества», явно «преувеличивая роль старейшин, которые в настоящее время не играют той роли, которая была у них сто лет назад», [9, с. 180]. Автор опубликованной в 2016 г. статьи «Особенности легитимации власти

в республиках Северного Кавказа» Ф. М. Гасратова утверждает: «Такие институты так и не стали реально работающей самостоятельной структурой и далеко не всегда играют существенную роль в общественно-политической жизни республик» [2, с. 87].

Обратимся к мнению авторитетных специалистов по данной проблеме. Академик В. А. Тишков неоднократно подчеркивал в своих выступлениях, что на Северном Кавказе традиционные институты до сих пор сохраняют за собой важную роль в регулировании социальной жизни и управлении. Но, отмечает академик, попытки абсолютизировать традиции как общественный институт «морально устарели». Ведущий антрополог признает, что наряду с институтом старейшин в данном регионе играют все более значительную роль религиозные лидеры, в том числе неформальные авторитеты. Их предписания и призывы могут быть мощным орудием сдерживания или, наоборот, мобилизации верующих, отмечается в учебном пособии В. А. Тишкова, Ю. П. Шабаева «Этнология. Политические функции этничности» (2019) [12].

Выступая 18 мая 2021 г. в Совете по межнациональным отношениям при Совете Федерации Федерального собрания по вопросу о взаимодействии государства, институтов гражданского общества и религиозных организаций в сохранении духовно нравственных ценностей народов России, В. А. Тишков призвал собравшихся говорить «о современных ценностях российского народа». Он отметил сомнительность заявлений о том, что ни один человек «не живет и дня» по принципу «духовное выше материального». Но тогда, спросил он, откуда эта одержимость традиционностью и зачем этот принцип трактовать как одну из основных ценностей россиян? «Каждая традиция когда-то была новацией, а нынешняя новация — это завтрашняя традиция. Исправить бы этот настрой на поиски нормы в прошлом. Историю надо знать и охранять научное знание от неофитов и политиканов, но жить прошлым невозможно. Это крах экспертизы и кризис понимания общественной жизни» [1].

Любая политическая система заинтересована в стабильном функционировании, и важнейшим условием устойчивости является способность стабильно взаимодействовать с обществом и его институтами. Для создания таких условий постоянно идет поиск необходимых форм, методов регулирования процесса взаимодействий гражданского общества и государства. Конкретика, соответствующая обстоятельствам, обусловлена специфическими особенностями каждого отдельно взятого региона.

В Дагестане, да и в других северокавказских субъектах России на сегодняшний день достаточно сильны традиционные методы разрешения многих важных проблем и вопросов, возникающих на уровне быта и повседневной жизни аулов (сельских поселений). Во многих национальных районах неоспоримо велика роль и значимость голоса старшего поколения. В. П. Скороходова в статье о сущности и механизмах легитимации власти в субъектах Северо-Кавказского федерального округа отметила, что данный объективный фактор подчеркнул полномочный представитель Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе С. А. Меликов, большой сторонник активного привлечения старейшин в процессы урегулирования конфликтных моментов и проблем общественной жизни. Данное обстоятельство, сказал С. Меликов, играет решающую роль при «создании дополнительного источника легитимации властных структур в лице советов старейшин при главах субъектов региона и муниципальных образований» [8].

Относительно путей повышения активности консультативных институтов гражданского общества в жизни северокавказского общества одной из мер называют отказ от назначения в подобные структуры людей по рекомендации государственных органов. Эту практику предлагается заменить выборной системой, позволяющей достичь большего доверия и укрепления авторитета консультативных органов. Нам представляется полезным прислушаться к предложениям, которые поступают, так сказать, с мест. Так, на встрече с членами советов старейшин субъектов СКФО, на которой шел разговор о путях улучшения совместной работы власти и общества по воспитанию подрастающего поколения, высказывались достаточно конструктивные предложения. Заместитель председателя региональной общественной организации «Совет старейшин Чеченской Республики» Магомед Даудов выступил с инициативой более четко определить статус этих структур и тем самым повысить роль советов старейшин в общественно-политической жизни Северного Кавказа.

Региональные нормативные документы, посвященные деятельности советов старейшин и определяющие основные их задачи, ставят, по нашему мнению, слишком завышенные требования к структурам, действующим на общественных началах. Например, в их задачи вменяются:

- организация научных исследований по актуальным вопросам становления и развития гражданского общества;
- мониторинг общественного мнения о состоянии и проблемах становления гражданского общества;

- подготовка учебно-методических материалов и содействие изучению основ гражданского общества в высших учебных заведениях и т. п.

Мы уверены в том, что постановка слишком обширных задач перед структурой, работающей на общественных началах и имеющей консультативные функции, способна дискредитировать предназначение этих структур, созданных в помощь государственным органам. Расширение круга задач перекладывает на общественный институт функции государственных органов и научных институтов, ответственных за координацию научных исследований в регионе, за методическое обеспечение просветительской работы или образовательного процесса в учебных заведениях различного уровня, вплоть до вузов.

Возможно, именно вследствие чрезмерно широкой постановки и размытой трактовки задач, упомянутые нами авторы статей по проблеме функционирования структур гражданского общества в регионах заключают, что данные институты «так и не стали реально работающей самостоятельной структурой» и далеко не всегда «играют существенную роль в общественно-политической жизни республик» [2]. Исследователи акцентируют существующие недоработки в плане взаимодействия структур гражданского общества и укрепления административных функций государства по отношению к этим структурам. Однако те же авторы (Ф. М. Гасратова и др.) на основе анализа отчетов о работе советов старейшин в субъектах Северного Кавказа не могут отрицать реальный вклад этих институтов гражданского общества в постановку и урегулирование вопросов по улучшению и совершенствованию хозяйственной жизни на местах. В частности, Совет старейшин Дагестана своим вмешательством предотвратил затопление 1700 га сельхозземель, а также закрытие стеклозавода в г. Дагестанские Огни, сохранив тем самым сотни рабочих мест. В связи с обращением Совета правительство республики решило вопрос о муниципальной финансовой поддержке учреждений культуры, передаваемых местным органам управления [2].

По инициативе Совета старейшин президентом Дагестана были подготовлены поручения соответствующим республиканским органам по важным аспектам работы в области патриотического и морально-нравственного воспитания молодежи. На Совете систематически заслушиваются доклады республиканских министров, он вносит свои поправки в годовые планы работы органов государственной власти республики.

Опыт деятельности советов старейшин, их планы на будущее позволяют утверждать, что проделанный объем работы, качество ее выполнения положительно влияют на процессы оптимизации хозяйственной сферы, помогают совершенствованию рычагов государственного управления, позволяют урегулировать ряд вопросов, связанных с общественно-политической обстановкой в субъектах Северо-Кавказского федерального округа. Дальнейший успешный ход этой работы возможен только на основе активного взаимодействия государства и гражданского общества.

Использованная литература

1. Взаимодействие государства, институтов гражданского общества и религиозных организаций в решении вопросов сохранения духовно-нравственных ценностей народов России. Заседание Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания РФ 18 мая 2021 г. // Портал Правительства Российской Федерации. — URL: <http://council.gov.ru/media/files/TvltCmy3beri8oXmQQ32IvLzcKXab0Al.pdf> (дата обращения: 21.05.21).
2. *Гасратова Ф. М.* Особенности легитимации власти в республиках Северного Кавказа // *Власть*. — 2016. — № 1. — С. 84–88.
3. *Евстифеев Р. В.* Локальные аналитические сообщества как ресурс развития местных сообществ: кейс города Владимира // *Новая экономика и региональная наука*. — 2015. — № 1. — С. 61–67.
4. *Казакова Г. М.* Формирование региональной идентичности как драйвера экономического развития региона и города // *Урбанистика*. — 2017. — № 3. — С. 1–10.
5. *Никовская Л. И.* Роль гражданского общества в формировании гражданской идентичности и консолидации российского общества: политико-управленческий аспект // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. : История. Политология. Социология*. — 2017. — № 3. — С. 62–67.
6. *Путин В. В.* Послание Президента Федеральному собранию Российской Федерации от 08 мая 2000 г. // Портал Правительства Российской Федерации. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=16&nd=102092511&intelsearch= (дата обращения: 21.05.21).
7. *Сигалов К. Е.* Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен // *Гражданское общество в России и за рубежом*. — 2014. — № 6. — С. 3–7.

8. *Скорородова В. П.* Сущность и механизмы легитимации власти в субъектах Северо-Кавказского федерального округа: основания и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2018. — Т. 14. — № 7. — С. 1220–1234. — DOI: 10.2489/pi.14.7.1220 (дата обращения: 21.05.2021).
9. Территория межкультурных коммуникаций : коллективная монография / отв. ред. А. К. Аликберов. — М. : ИВРАМ, 2020.
10. *Тишков В. А., Шабаетов Ю. П.* Этнология. Политические функции этничности. — М. : Изд-во МГУ, 2019.
11. *Тульчинский Г. Л.* Российская политическая культура. Особенности и перспективы. — СПб. : Алетейя, 2015.
12. *Уваров А. А.* Средства массовой информации как институт гражданского общества (правовые аспекты) // Российская юстиция. — 2014. — № 6. — С. 45–48.
13. Указ Президента Республики Дагестан от 12 апреля 2006 г. № 32 «О Совете старейшин при Президенте Республики Дагестан и об утверждении состава Совета старейшин при Главе Республики Дагестан» // Право. — URL: <http://inpravo.info/Dagestan/law/334.htm> (дата обращения: 29.04.2020).
14. Указ Президента Республики Дагестан от 4 мая 2006 г. № 41 «О Координационном центре при Президенте Республике Дагестан по проблемам формирования гражданского общества в Республике Дагестан». // Собрание постановлений Республики Дагестан. — 2006. — № 5. — Ст. 321.

Vladimir Ye. NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher,
Department for Complex Problems of Cultural Research,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia
vladimirnaumenko.krd@gmail.com

Interaction between the State and Advisory Institutions of Civil Society as a Tool for the Formation Identity: Regional Aspect

The author of the article, using the example of the activity of the councils of elders in the Republic of Dagestan and other subjects of the North Caucasus Federal District, considers the issue of interaction between the state and advisory institutions of civil society in process of the regional identity's forming. The article gives an assessment

of various aspects of the problem, reflected in the speeches of political leaders, scientific discussions, political science articles of the period the 2000-2020th. The opinion on the expediency of the course to increase the role of the councils of elders as advisory links influencing the positive solution of issues related to moral education and improving the quality of life in the field is presented in a reasoned manner. Without excessively expand the content of the tasks assigned to them, such public institutions should be considered as an effective lever for the formation of regional civil consciousness.

Keywords: North Caucasus Federal District, Dagestan, political processes, civil society institutions, council of elders, civic consciousness, regional identity.

А. А. Гуцалов*

Е. Ю. Третьякова**

Практики воспитания общегражданских ценностей: некоторые итоги мониторинга¹

В статье представлены в виде таблиц и аналитического материала результаты мониторинга деятельности административных органов, уполномоченных в сфере культуры и туризма по формированию общероссийской гражданской идентичности. Многокомпонентный анализ интернет-контента (ленты новостей и планово-отчетная документация по реализации государственных и региональных целевых программ в четырех субъектах Южного федерального округа) показал, что в воспитательно-патриотической работе 2015–2020 гг. преобладали мероприятия военно-исторической тематики. Считая целесообразным шире задействовать содержательный ресурс тем по истории мирного созидания и братского сотрудничества народов нашей страны, авторы статьи предлагают

* ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия. Электронная почта: gutsalov_alex@mail.ru.

** ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия. Электронная почта: drevo_rechi@mail.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Укрепление и развитие гражданской идентичности региональных сообществ как составная часть проекта российской государственности».

наиболее перспективные направления активизации этого спектра работы по упрочению общероссийской гражданской идентичности.

Ключевые слова: общероссийская гражданская идентичность, государственная политика, молодежная политика, гражданская самоидентификация, культурные практики воспитания общегражданских ценностей, патриотизм, военная героика, тема мирного созидания.

При деятельностном подходе к изучению культуры важно учитывать коннотативное поле, структурирующее рефлексивные/нерефлексивные компоненты ментальности индивидов и социальных групп. В этом плане имеют принципиальное отличие друг от друга следующие два «сценария». Сценарий, условно говоря, мирный, — формирующий русло прямого позитивного гражданского участия в решении стоящих перед обществом задач и сценарий военно-героический, — пропускающий каркас идентичности через призму негативного отношения к образу врага, с которым необходимо бороться. В рамках каждого из двух сценариев (типов объединения компонентов, структурирующих и направляющих развитие ментальности сограждан) понятия «гражданская идентичность», «гражданская память», «гражданское самоопределение» приобретают свои кардинально значимые оттенки. И солидаризирующий потенциал репертуаров социальных действий, соответствующих группам тем «войны» и «мира», неодинаков.

Установить, в какой пропорции представлены в составе современных культурных практик воспитания гражданских ценностей эти два типа объединения компонентов, было целью мониторинга интернет-контента (планово-отчетная документация за 2015–2020 гг. и содержание ленты новостей), освещающего деятельность административных органов, уполномоченных в сфере культуры, туризма, молодежной и национальной политики в четырех субъектах Южного федерального округа (см.: [14; 15; 16; 17]). О разнообразии задействованных в настоящее время культурных практик позволяют судить мероприятия в рамках выполнения госпрограмм. Им было уделено главное внимание при системном анализе и обобщении направлений воспитательно-патриотической работы.

В условиях обновляющейся самоидентификации гражданского сообщества важно не утратить глубинные интегрирующие связи, аксиологическое начало, которое при любых привходящих обстоятельствах работало бы на сплочение, консолидацию, ослабляя тем самым векторы

множественных противоречий, характерных для полиэтничных и поликонфессиональных территорий, где спектр взаимодействия различных уровней идентичности особенно подвижен. К числу таких территорий принадлежит и уникальный конгломерат этносов — Южный федеральный округ, избранный нами для мониторинга как регион, в котором постановка актуальных задач, экспертная проверка практик, направленных на реализацию цели, оценка эффективности мер и результатов деятельности по формированию и укреплению общероссийской гражданской идентичности требуют многоаспектного подхода.

Аккумулируя процессы, солидаризирующие граждан разноликкой, многонациональной страны на основе базовых ценностей, гражданская идентичность предполагает личностный выбор, выражающий определенную общественно-жизненную позицию. Эта позиция должна быть поддержана готовностью и способностью индивидов выполнять сопряженные с наличием гражданства обязанности, пользоваться правами, принимать активное участие в жизни государства. На такую совокупность критериев ориентированы формулировки понятия «гражданская идентичность» в теоретических трудах, соответствующих концептуальному подходу Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (см.: [3; 7]) и др. Гражданским самосознанием в стратегии названо «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [13].

Для дискурса, в смысловом поле которого формируется гражданское самоопределение людей, называющих себя россиянами (жителями или гражданами России), наиболее важны ключевые понятия: национальная идентичность; государственная (национально-государственная) идентичность; политическая идентичность; патриотизм (как характеристика идентичности, т. е. самосознания); региональная идентичность (в ее отношении с общенациональной); культурная идентичность; этническая (этнокультурная) идентичность; русская идентичность; социокультурная идентичность; цивилизационная идентичность; имперская идентичность; идентичность России; правовая идентичность; языковая идентичность [18, с. 5].

Судя по корпусу публикаций, авторы, изучающие идентификационные механизмы гражданского самосознания, всерьез обеспокоены

итогами рубежных десятилетий XX–XXI вв., когда работа по формированию общероссийской гражданской идентичности была ослаблена, размыта и по постановке задач значительно уступала традициям патриотического воспитания в доперестроечном обществе. Со сменой поколений это особенно отразилось на ментальности молодежи. «Современная молодежь, даже социально активная, к сожалению, далека от представлений об истинном гражданском долге и патриотизме», — констатируют О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук [10, с. 18]. Их выводы о социопсихологических особенностях личности и гражданской идентичности участников проекта «Молодежная общественная палата» коррелируют с результатами серии опросов, проведенных научной лабораторией «Изучение гражданской идентичности студенческой молодежи» Ярославского педагогического университета в первой половине 2010-х гг. (см.: [8; 9]). Социологи фиксируют и то, что, вопреки расплывчатости представлений о гражданском долге и общенациональном единстве, молодые соотечественники считают себя любящими свою Родину. Эту черту ментальности так называемого поколения Y, воспитанного уже в новой России (люди 1984–2000 гг. рождения), отметила, например, В. В. Дьякова по итогам опроса населения Астраханской области: «В структуре самоидентификации у представителей поколения Y превалирует гражданский компонент, большинство считают себя патриотами и любят свою Родину» [7, с. 3]. Но при этом она подчеркнула, что для процесса интеграции «неопределенность, а иногда незрелость в ценностных ориентациях и установках» потенциально деструктивны и имеют отрицательное значение.

В условиях межкультурной разобщенности и дисгармонии мировоззренческих принципов гражданская идентичность, как указывают В. А. Авксентьев, Б. В. Аксумов, превращается из сознательно выбранного ценностного приоритета в формальный маркер принадлежности к государственному целому. О сложностях, которыми чреватая значительная дифференциация общества, «фрагментация идентичности россиян» [8, с. 243], «битва идентичностей» [1, с. 18], порожденная ходом глобализационных и этнокультурных процессов, пишут М. К. Горшков [4], Л. В. Дробижева [6], И. В. Малыгина [11], Р. Б. Шайхисламов и др. [20].

В каждом из субъектов Южного федерального округа процессы формирования российской идентичности и упрочения гражданской солидарности имеют особенности, в силу которых необходимо работать с учетом исторической памяти, многоликого этнического компонента

и иных локальных факторов. Специфика и обусловленность соответствующих культурно-политических контекстов неоднозначна, подчас конфликтогенна.

При столкновении интересов разных социально-политических, этнических, религиозных, возрастных групп важнее всего достижение баланса в репрезентации настроений и разнонаправленных векторов активности. Сбалансированные стратегии позволят вырабатывать и накапливать устойчивость в рамках стратегии общегосударственной культурной, социальной, национальной, молодежной политики.

На всяком поле интеграции (пространстве гармоничного урегулирования механизмов и векторов идентификации) существенно упрочение стержня — сердцевины, объединяющей все грани мирных созидательных человеческих отношений. Подчеркнем: отношений мирных и созидательных. И именно об этом аспекте проблемы гражданского воспитания у нас и пойдет речь.

В объективе проведенного нами мониторинга социокультурных практик, проектов и инициатив, способствующих решению задач гражданского воспитания, был контент сайтов Министерства культуры и туризма Астраханской области, Министерства культуры Краснодарского края, Министерства культуры Ростовской области и комитета культуры Волгоградской области. К анализу привлекались пакеты документов планирования/отчетности, соответствующие реализации государственных федеральных и региональных целевых программ за 2015–2020 гг., и информация о мероприятиях на ленте новостей, доступная на сайтах администраций и иных уполномоченных органов. Систематизация и сопоставление данных интернет-контента велась с тем, чтобы, с одной стороны, охарактеризовать представленность необходимого комплекса задач по формированию гражданской идентичности в государственных (федеральных и региональных) целевых программах; с другой стороны, выявить положительные наработки и недостаточно освоенные аспекты реализации задач по формированию общероссийской гражданской идентичности в рамках деятельности министерств культуры, комитетов и иных административных органов, ответственных за сферу культуры, туризма, государственной и молодежной политики в субъектах Южного федерального округа.

По пакетам планово-отчетных документов мы сопоставили количество мероприятий, направленных на формирование общероссийской гражданской и, отдельно, региональной или узко определенной (конфес-

сиональной, этнической, групповой, территориальной) идентичностей. Учитывались: название и уровень (международные, всероссийские, региональные) мероприятий или их циклов; связь со знаковыми общегосударственными и региональными событиями (День Победы, День Конституции России, День независимости России, День защитника Отечества, День образования региона, День города и проч.). Составленную по этим критериям выборку мы разделили на две группы (первая — культурные события, непосредственно направленные на укрепление единой гражданской идентичности, вторая — события, косвенно связанные с этой задачей) и сопоставили данные по ряду лет: от 2015 (или 2016) до 2018 и 2019 гг., учтя также планы работы министерств культуры на 2020 г. Статистические результаты мониторинга отражены в *табл. 1*.

Таблица 1

Мероприятия, направленные на формирование и упрочение общероссийской гражданской идентичности

Регион	Исполнители	Год (период)	Кол-во мероприятий	Нацеленность на формирование общероссийской гражданской идентичности				Этническая, региональная, религиозная идентичность	
				Прямая		Опосред.		кол-во меропр.	% от общ. кол-ва
				кол-во меропр.	% от общ. кол-ва	кол-во меропр.	% от общ. кол-ва		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Астраханская область	Министерство культуры и туризма Астраханской области	2015	202	66	32,7	14	6,9	10	5
		2018	139	20	14,4	23	16,5	22	15,8
		2019	155	15	9,7	8	5,2	13	8,4
Краснодарский край	Министерство культуры Краснодарского края	2016	986	93	9,4	120	12,2	162	16,4
		2018	нет данных	-	-	-	-	-	-
		2019	1237	146	11,8	95	7,7	173	14,0

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Ростовская область	Министерство культуры Ростовской области	2015	нет данных	-	-	-	-	-	-
		2018 (февр. — дек.)	1566	123	7,9	100	6,4	100	6,4
		2019 (январь — сентябрь)	812	91	11,2	41	5,0	103	12,7
Волгоградская область	Комитет культуры Волгоградской области	2015	нет данных	-	-	-	-	-	-
		2019	296	63	21,3	58	19,6	46	15,5
		2020	458	158	34,5	54	11,8	109	23,8

В процентном соотношении тематика региональная/общегражданская составила: по Астраханской области 5 % к 39,6 % (2015 г.), 15,8 % к 30,9 % (2018 г.), 8,4 % к 14,9 % (2019 г.); по Краснодарскому краю 16,4 % к 21,6 % (2016 г.), за 2018 г. нет данных, 14,0 % к 19,5 % (2019 г.); по Ростовской области за 2015–2016 гг. нет данных, в 2018 г. (февраль — декабрь) — 6,4 % к 14,3 %, в 2019 г. (январь — сентябрь) — 12,7 % к 16,2 %; по Волгоградской области в 2019 г. — 15,5 % к 40,9 %, в 2020 году — 23,8 % к 46,3 % (за 2015, 2016, 2018 гг. данные на сайте комитета культуры не представлены).

Как видим, в годовом планировании долевое соотношение общероссийской/региональной гражданской тематики сбалансировано, однако в динамике, например, по Астраханской области (сайт регионального Министерства культуры и туризма) за период 2015–2019 гг. заметен перепад, уменьшение от 39,6 % до 14,9 % доли мероприятий на общероссийскую гражданскую тематику. Естественно, в юбилейный год (70-летие Великой Победы) представленность темы была большой. А вот в другие, неюбилейные годы вполне целесообразно было бы поддерживать уровень присутствия российской общегражданской тематики, обращаясь к темам мирной направленности.

Из мероприятий, воспитывающих общегражданскую идентичность, непосредственно теме Великой Отечественной войны посвящены: в Ростовской области 43,9 % (2018 г.), 48,4 % (2019 г.), в Волгоград-

ской — 63,3 % (2019 г.), на 2020 г. запланировано 75,9 %, в Краснодарском крае — 65,1 % (2019 г.). В планах работы министерств культуры, помимо Великой Отечественной, также устойчиво присутствуют иные военные поводы: события Первой мировой и Гражданской войн, выполнение интернационального долга в Афганистане, Анголе и других «горячих точках». По Ростовской области эта часть мероприятий составила в 2018 г. 34,1 %, в 2019 г. 27,5 %; по Волгоградской области — в 2019 г. 6,7 %; по Краснодарскому краю — в 2019 г. 19,9 %. Совокупная доля культурных событий военной направленности, задействованных в работе по воспитанию патриотизма и общенационального единства, в Ростовской области в 2018 г. составила 78,0 %, в 2019 г. 75,9 %; в Волгоградской области — в 2019 г. 70,0 % (на 2020 г. запланировано 83,5 %); в Краснодарском крае — в 2019 г. 85,0 %. (см. табл. 2).

Таблица 2

Доля мемориальных мероприятий военной тематики в общем количестве мероприятий, направленных на формирование общероссийской гражданской идентичности

Регион	Тема	Показатели за год							
		2016		2018		2019		2020	
		Кол-во мероп.	%	Кол-во мероп.	%	Кол-во мероп.	%	Кол-во мероп.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Ростовская область	Великая Отечественная война	нет данных	–	54	43,9	44	48,4	–	–
	Первая мировая война, Гражданская война, выполнение интернационального долга в Афганистане и др. мемориальные воинские даты	нет данных	–	42	34,1	25	27,5	–	–
	Общее количество мероприятий военной тематики	нет данных	–	96	78,0	69	75,9	–	–

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Краснодарский край	Мероприятия, непосредственно направленные на формирование общероссийской гражданской идентичности	нет данных	–	123	100	91	100	–	–
	Великая Отечественная война	43	46,2	–	–	95	65,1	–	–
	Первая мировая война, Гражданская война, выполнение интернационального долга в Афганистане и др. мемориальные воинские даты	15	16,1	–	–	29	19,9	–	–
	Общее количество мероприятий военной тематики	58	60,3	–	–	124	85	–	–
	Мероприятия, непосредственно направленные на формирование общероссийской гражданской идентичности	93	100	–	–	146	100	–	–
Волгоградская область	Великая Отечественная война	нет данных	–	нет данных	–	38	63,3	120	75,9
	Первая мировая война, Гражданская война, выполнение интернационального долга								

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	в Афганистане и др. мемориальные воинские даты	–	–	–	–	4	6,7	12	7,6
	Общее количество мероприятий военной тематики	–	–	–	–	42	70	132	83,5
	Мероприятия, непосредственно направленные на формирование общероссийской гражданской идентичности	–	–	–	–	60	100	158	100

Статистика показывает, что на остальные темы приходилась доля в четыре раза меньшая (иногда до 15 %).

Нельзя отрицать, что основы единства нации формируются всем спектром историко-культурной памяти, не только памятью о военных событиях. Именно такое понимание отражено в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: «Гражданское единство — основа российской нации, признание гражданами России суверенитета государства, его целостности, единства правового пространства, этнокультурного и языкового многообразия страны, исторического и культурного наследия народов Российской Федерации, равных прав на социальное и культурное развитие, на доступ к социальным и культурным ценностям, солидарность граждан в достижении целей и решении задач развития общества» [13]. Стержень гражданского единства вбирает в себя и аккумулирует все разноплановое наследие прошлого нашей великой Родины.

Отслеживая по ленте новостей и иным информационным ресурсам региональных сайтов количественные и качественные характеристики мероприятий, мы убедились, что превалирует несомненно важный, но отнюдь не единственный из актуальных источников и ресурсов гражданского миропонимания — историческая память о Вели-

кой Отечественной войне. Мы согласны с тем, что она «отражает состояние национальной идентичности, базовые ценности общества, его «картину мира»» [18, с. 56], однако считаем необходимым отметить, что резкий дисбаланс в тематической направленности мероприятий, служащих укреплению общероссийского гражданского самосознания, нежелателен.

Сразу подчеркнем: мы не квалифицируем это как «перенасыщение» культурных событий тематикой военно-героической; тут налицо именно диспропорция, возникшая из-за недостаточно задействованного содержательного ресурса тем мирной направленности. Нельзя лишать безусловной значимости вехи военной доблести и почитание славы защитников Отечества, но при чрезмерной эксплуатации этого спектра тем в массиве воспитательно-патриотической деятельности потенциал данного ресурса не растет, а значительно ослабляется.

Структура формирования гражданской памяти нуждается в сбалансированной тематической репрезентации, следует возвращать общероссийские гражданские чувства на всем разнообразном и широком жизненном и историко-культурном материале. Чрезмерное педалирование военных тем способно вызвать перенасыщение и обратную реакцию — отторжение у аудитории. В силу своей специфики такие темы требуют подачи, которая не превратила бы даты и вехи военной истории в «дежурный материал».

Истинно глубокое звучание военно-героических и трагических пластов национального предания без утрат дано транслировать только эпосу и лучшим произведениям искусства. Совместное воспроизведение, слияние художественного наследия с наследием историческим — путь, на котором события с каждым годом становятся все дальше и дальше по времени, не будут восприниматься прохладно и безучастно.

Можно сбалансировать консолидирующие начала в развитии российского гражданского самосознания, дав более достойное и более заметное место иным тематическим поводам для организации мероприятий: гражданской самоидентификации должно способствовать и обращение к известным и забытым именам, историческим событиям и материальному наследию мирной жизни. Эти темы могут и должны играть не меньшую роль в качестве «точек сборки» народа, вырабатывая у жителей всех уголков нашей необъятной Родины чувство связанности и единства, гордость за отечественные достижения не только в военной области, но и в сфере мирного повседневного созидательного труда.

При актуализации этого аспекта общероссийского гражданского воспитания важно опираться на то, что прошлое народа памятно не только событиями доблестной защиты Родины с оружием в руках. Примеры личного и массового героизма, полной самоотдачи, любви к стране и ее людям — все это есть и богатейшим образом представлено в истории мирной жизни на просторах нашей великой Родины.

Смысл философской категории «жизнь» сам по себе, по преимуществу, заключен в налаживании ежедневной мирной созидательной работы, которая как фактор кристаллизации человеческих судеб по внутреннему напряжению подчас не уступает накалу военных испытаний и подвигов. В мирной жизни совершаются такие же подвиги ради народа, ради его благополучия и процветания, как и на военных фронтах. И, самое главное, это происходит ежедневно, не только в момент роковых военных испытаний на прочность. Содержательный ресурс мирных тем объемлен и внушитель. Нужно научиться использовать его надлежащим образом — настраивать граждан не только на полное самопожертвование в условиях внешней военной угрозы, но и на сплочение в творческом труде, совместные дружные действия и сотрудничество в мирной повседневности.

В этой связи подчеркнем: мы научились побеждать внешних врагов, но зачастую оказываемся беспомощны перед обстоятельствами будней, во многом из-за этого на фоне размывания общероссийского единства и возникают центробежные стремления к консолидации этнокультурной.

При отсутствии внешней угрозы можно сохранить основу гражданского единения и сплоченности, проводя коррекцию культурно-политической работы. В практическом плане такая коррекция, ее механизмы, реализуемые в поиске, освоении и достойном освещении примеров мирного исторического прошлого народов нашей огромной страны, должны быть пронизаны духом гражданской солидарности. Примеры творчески-созидающей деятельности ждут комплексного освещения, вводящего их в гражданское воспитание, которое тем самым обретет свой наиболее устойчивый естественный компонент.

Задача вовсе не в том, чтобы сокращать количество мероприятий военной тематики. Достигнутый уровень гражданско-патриотической работы ослаблять нецелесообразно. Нужно увеличивать число мероприятий мирной тематики и при реализации уже запланированных (в планах министерств культуры на 2020 г. доля мероприятий военной

тематики составляет в среднем около 83 %) переосмыслить их подачу, акцентируя взаимопомощь на фронте и в тылу, единение народов страны, оказавших единодушный отпор захватчикам. Тогда нам будет что противопоставить ура-патриотической, по сути, националистической браваде, которую демонстрируют некоторые иностранные интерпретаторы событий, примеряющие на себя и только себя китель победителя или пытающиеся опорочить суть Победы 1945 года [19].

В идеале все культурные мероприятия должны нести осознание важности единства, взаимоподдержки, сотрудничества, скрепляющего российский народ как единое целое. Выдающиеся культурные деятели, события истории, общего созидательного труда, будь то освоение целины (Казахстан), строительство БАМа (Россия), Днепрогэса (Украина), помощь братских народов Ташкенту после разрушительного землетрясения в 1966 г. (Узбекистан), могут способствовать развитию единства и общности как в рамках Российской Федерации, так и на всем постсоветском пространстве. Не следует забывать об этих богатых пластах нашей истории.

Замечательная идея — создание исторических парков «Россия — моя история» — уже реализуется в Волгограде, Екатеринбурге, Казани, Калининграде, Краснодаре, Махачкале, Москве, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Омске, Перми, Ростове-на-Дону, Самаре, Санкт-Петербурге, Саратове, Ставрополе, Тюмени, Уфе, Челябинске, Южно-Сахалинске, Якутске. Хотя в данном перечне названы три города ЮФО, информацию о работе такого парка мы получили только на сайте комитета культуры Волгоградской области.

Прекрасное начинание — посвящать мероприятия историко-культурным поводам из жизни других регионов и реализовывать подобные идеи на основе межрегионального взаимодействия, запечатленного в общей исторической памяти народов страны. Примерами могут служить литературно-историческое турне (совместный проект детских библиотек Республики Крым и Волгоградской области) в рамках долгосрочного библиотечного проекта «Породненные Победой», выставочная акция «Художники Татарстана в Калмыкии». Хорошо, когда и название мероприятия говорит само за себя: «Библиотечная педагогика или воспитание книгой: дети — будущее России» (круглый стол), литературный праздник «За Пушкина Руси спасибо!», праздник «День Матери России», конференция «Роль библиотечного краеведения в формировании гражданского самосознания населения».

Удачны наработки в плане возвращения к некоторым формам организации культурной работы из советского прошлого: проведение военно-патриотических игр для молодежи «Зарница» (это осуществлено в Республике Адыгея); патриотические экспедиции по местам боевой и трудовой славы; работа местных энтузиастов по восстановлению и поддержанию сохранности мемориалов и памятников, волонтерство, воспитывающее заботу о ближнем и «чувство локтя». Многообещающая идея — воспроизводить культурную жизнь прошлого в исторических реконструкциях повседневной жизни наших предков и памятных исторических событий. Важно поощрять проведение социально-культурных акций под такими объединяющими людей названиями, как «Мы — одна семья», организовывать всероссийские марафоны («Территория Победы», «Театральный марафон» и т. д.).

Хорошее поле для активизации работы по сплочению гражданского общества — различные общественные объединения и организации: исторические, культурные, волонтерские сообщества. Позитивный опыт — деятельность Новороссийского городского исторического общества — представлен в работе С. Г. Новикова и Г. А. Нагаевой [12].

Неисчерпаемый ресурс — судьбы людей, сыгравших особую роль в художественном, литературном, научном, политическом, историческом развитии страны. Они позволяют осветить путь поколений, дают благой пример для подражания. Важно лишь помнить, что творчество, жизнь и деятельность любого такого человека не только дает возможность землякам гордиться своим краем, но и является вкладом в строительство культурного и исторического пространства страны, зачастую и мира. В своем многогранном комплексе события культуры и истории прошлого — прочная основа воспитательной работы по возвращению патриотических чувств и убеждений, укреплению единства российской нации, традиционно основанного на уважении ко всем входящим в нее народам. Подлинный российский патриотизм не просто традиция, это идентичность, в качестве фундаментального отличительного свойства содержащая позитивное миролюбивое отношение к людям своей страны и всего мира [5].

Дискурс, в смысловом поле которого формируется гражданское самоопределение людей, называющих себя россиянами, жителями и гражданами России, должен постоянно обогащаться факторами, гибко способствующими интеграции всех уровней идентичности. В этом плане эффективен и должен занять достойное место объемный, вну-

шительный ресурс истории созидательного сплочения — обращение к известным и забытым именам, историческим событиям и материальному наследию мирной жизни. Работа по формированию и укреплению общероссийской гражданской идентичности на данном этапе требует активизировать содержательный ресурс тем из истории мирного созидания и братского сотрудничества народов нашей страны.

Использованная литература

1. *Авксентьев В. А., Аксумов Б. В.* Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности [Электронный ресурс] // Научная мысль Кавказа. — 2013. — № 4. — С. 31–37.
2. *Баранов А. В.* Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс обеспечения межэтнического согласия // Наследие веков. — 2017. — № 2. — С. 55–61. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Baranov.pdf (дата обращения: 08.12.2020).
3. *Вилкова И. В.* К вопросу об определении сущности понятия гражданская идентичность // Гуманитарные научные исследования. — 2012. — № 6. — URL: <http://human.snauka.ru/2012/06/1386> (дата обращения: 17.05.2021).
4. *Горшков М. К.* Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий Юга России. — 2013. — № 3. — С. 11–25.
5. *Гуцалов А. А., Третьякова Е. Ю.* Военная героика и темы мирного созидания в культурных практиках воспитания общегражданских ценностей // Препринт Южного филиала Института Наследия. Сер. : Теория и история культуры. № 001–2020–ТНС. Южный филиал Института Наследия. — Краснодар, 2020. — DOI: 10.13140/RG.2.2.27021.97765.
6. *Дробижева Л. М.* Российская идентичность и тенденции в межэтнических установках за 20 лет // Россия реформирующаяся. — 2011. — № 10. — С. 72–85.
7. *Дьякова В. В.* Российское поколение Y: гражданская идентичность (на примере Астраханской области) // Теория и практика общественного развития. — 2017. — № 1. — С. 1–3. — URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2017/1/sociology/diakova.pdf (дата обращения: 28.10.2020).
8. *Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В.* Воспитание современной молодежи: формирование гражданской идентичности // Современные концепции

- профессионального образования студенческой молодежи. — Ульяновск, 2015. — С. 244–256.
9. *Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В.* Гражданская идентичность современной молодежи Ярославской области // Ярославский педагогический вестник. — 2013. — Т. 1. — № 4. — С. 143–149.
 10. *Коряковцева О. А., Бугайчук Т. В.* На пути к реализации Национальной Идеи страны // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова. — 2016. — Т. 22. — № 2. — С. 17–21.
 11. *Малыгина И. В.* Российская идентичность в контексте культурных «разломов» глобального и локального // Ярославский педагогический вестник. — 2013. — № 1. — С. 242–246.
 12. *Новиков С. Г., Нагаева Г. А.* Деятельность Городского исторического общества по сохранению духовного наследия Новороссийска // Наследие веков. — 2018. — № 3. — С. 20–24. — URL: http://heritagemagazine.com/wp-content/uploads/2018/10/2018_3_Novikov_Nagaeva.pdf (дата обращения: 27.05.2021).
 13. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // Гарант. — URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 10.05.2021).
 14. Официальный сайт комитета культуры Волгоградской области [Электронный ресурс] // Комитет культуры Волгоградской области. — URL: <https://culture.volgograd.ru/> (дата обращения: 28.06.2021).
 15. Официальный сайт комитета культуры и туризма Астраханской области // Министерство культуры и туризма Астраханской области. — URL: minkult.astrobl.ru (дата обращения: 28.05.2021).
 16. Официальный сайт Министерства культуры Краснодарского края // Министерство культуры Краснодарского края. URL: <http://kulturakubani.ru/> (дата обращения: 28.05.2021).
 17. Официальный сайт Министерства культуры Ростовской области // Министерство культуры Ростовской области. — URL: mkro.donland.ru (дата обращения: 28.06.2021).
 18. Состояние и перспективы развития российской гражданской идентичности: обзор научных исследований и публикаций 2010–2015 гг. — М. : Циркон, 2015.
 19. *Стрелецкий Я. И.* Защитим Великую Победу // Наследие веков. — 2015. — № 1. — С. 110–116. — URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/07/2015_1_Streletskiy.pdf (дата обращения: 27.05.2021).

20. Шайхисламов Р. Б., Ирназаров Р. И. и др. Гражданская идентичность: региональное измерение глобализации // Вестник ВЭГУ. — 2013. — № 3. — С. 79–86.

Alexander A. GUTSALOV

Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher,
Department for Heritage Studies and Expert Activities,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia
gutsalov_alex@mail.ru

Elena Yu. TRETYAKOVA

Doct. Sci. (Journalism), Leading Researcher,
Department for Complex Problems of Cultural Research,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage Krasnodar, Russian Federation
drevo_rechi@mail.ru

**Cultural Practices of the Common Civic Values Education:
Some Results of Monitoring**

The article presents in the form of tables and analytical material the results of monitoring the activities of administrative bodies authorized in the field of culture and tourism for the formation of the all-Russian civil identity. A multi-component analysis of Internet content (news feeds and planning and reporting documentation on the implementation of state and regional target programs in the four subjects of the Southern Federal District) showed that the educational and patriotic work of the 2015–2020-th was dominated by military-historical events. Considering it expedient to make wider use of a substantial resource of topics on the history of fraternal and peacekeeping cooperation of the peoples of our country, the authors of the article propose the most promising directions for activating this spectrum of work to strengthen the Russian civic identity.

Keywords: *all-Russian civic identity, state policy, youth policy, civic self-identification, cultural practices for the upbringing of civic values, patriotism, war heroism, the theme of peaceful constructive creation.*

А. Л. Зорин*

Основные методологические подходы к изучению цифрового культурного наследия¹

В статье рассматривается постепенная смена методологических установок в сфере научного познания, занимающегося проблемой теоретической разработки концепта «цифровое культурное наследие», в результате чего чисто технологический подход к его трактовке сменяется гуманитарным подходом, который во главу угла ставит не современные компьютерные технологии и даже не саму информацию, а человека как ее создателя и конечного потребителя. Поэтому следует признать, что в содержание концепта «цифровое культурное наследие» должны быть включены не только цифровые объекты, имеющие культурную ценность, но и способы их создания, хранения и воспроизведения, которые сами являются элементами культуры (культуры информационного общества), а также люди, которые, обладая определенными знаниями и навыками, т. е. определенной технической культурой, создают и эксплуатируют эти средства, не говоря уже о том, что именно они определяют культурную значимость самих объектов, исходя из собственных мировоззренческих установок, эстетических и этических соображений.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое культурное наследие, технологический подход, гуманитарный подход, критерии отбора материалов.

Понимание культурного наследия в рамках различных обществ и социальных групп имеет свои особенности и может со временем претерпевать значительные изменения. Как отмечает Д. Н. Замятин, «образ наследия в культуре наращивается самой культурой, как годовые древесные кольца» [2, с. 122]. При данном подходе культурное наследие предстает как своеобразный «защитный слой культуры», поэтому вполне правомерно вести речь о его изначальном консерватизме, становящемся в результате этого господствующей онтологической характеристикой самой культуры. Таким является один из методологических подходов

* ЗОРИН Александр Львович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия. Электронная почта: azog115@rambler.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Цифровое наследие России: статус, состав, формы и способы государственной охраны: правовой анализ».

к роли наследия в культуре, имеющих место быть в научном дискурсе довольно длительное время. Но, как это часто происходит, в противовес формируется точка зрения, согласно которой наследие необходимо рассматривать как своеобразную инновационную область, где происходят процессы отбора наиболее значимых культурных образцов, способные приводить к формированию совершенно нового образа мира. Такой подход часто коррелирует с переломными или кризисными моментами в жизни народов, когда противоборствующие в обществе силы стремятся обосновать свои идеологические позиции, ссылаясь на созвучность или сходный характер своего «революционного дела» со славными деяниями предков в отдаленном прошлом или с заветами собственных отцов.

Что касается цифрового наследия, то здесь наблюдается примерно та же самая картина, поскольку сама оцифровка документов, относящихся к прошлому и настоящему, а также памятников культуры воспринимается специалистами по-разному. Учеными она воспринимается, прежде всего, как способ облегчения доступа к документам, которые требуются для проведения ими исследований. Сотрудников архивов интересует вопрос о том, должны ли цифровые копии рассматриваться как фонд пользования или как фонд сохранения. Для библиотекарей оцифровка важна лишь в качестве привлечения внимания к редким или любопытным коллекциям. Специалистами в области информационных технологий на первое место ставятся возможности совершенствовать технические средства дигитализации и форматы сохранения результатов. Такой подход можно назвать узковедомственным или чисто технологическим.

Примерно с 1960-х гг. минувшего столетия начавшая осуществляться в странах Запада компьютеризация учреждений культуры вызвала в рядах ученых стремление к применению методов точных наук при проведении анализа процессов в сфере культуры в целом и при изучении отдельно взятых произведений искусства, в частности, а также желание, насколько это возможно, автоматизировать творческую деятельность. В этих целях как раз и начинается использование оцифровки. Что касается первых копий, сделанных в цифровом формате (речь идет о картинах знаменитых художников, а также о древних или труднодоступных исторических документах), то они являлись еще довольно примитивными. Тем не менее вместе с постоянным совершенствованием существующих информационно-коммуникационных технологий циф-

ровые копии и модели стали обретать все большую сложность, а также являть новые черты и возможности, вовсе не сводящиеся к исходному объекту. Это, прежде всего, привело к облегчению популяризации культурного наследия с помощью цифровых копий известных во всем мире произведений искусства, особенно в области живописи и архитектуры. Кроме того, оцифровка культурного наследия дала возможность осуществлять предельно точный диагностический анализ старинных картин и текстов, осуществлять моделирование творческой деятельности великих писателей и художников, заниматься более тщательным надзором за артефактами культуры. Вполне правомерно при учетывании этих процессов и фактов можно говорить о появлении совершенно нового вида наследия — цифрового наследия, безусловно, обладающего определенной культурной ценностью.

Данные метаморфозы дают возможность признать, что в рамках информационного общества сам концепт «культурное наследие», а также тот образ, который сложился в современной культуре, существенно трансформируются вместе с развитием компьютерных технологий, в силу чего в значительной мере «изменяются векторы трансляции, методы и способы сохранения, интерпретации и классификации объектов» [7, т. 9, с. 161]. Если первоначальное значение концепта «цифровое культурное наследие» (Digital Cultural Heritage) и его употребление связывалось, прежде всего, с оцифрованными произведениями искусства и текстами, становившимися в силу перевода их в цифровой формат легко доступными для общественности, то со временем признается возможным включать в его содержание все то, что было изначально создано в цифровом формате и рассматривалось в качестве имеющего определенную культурную ценность. Такое расширение смыслового поля дает возможность заключить, что концепт «цифровое культурное наследие» может в себя включать «культурный материал, произведенный в цифровой форме или оцифрованный для целей сохранения» [8, р. 1, 397]: первый, созданный изначально в цифровом формате, или, если использовать английское выражение, “born digital”, и второй, преобразованный из существовавшего аналогового ресурса в цифровую форму.

Поначалу имелось убеждение, что произведенный изначально в цифровом формате или преобразованный из аналогового ресурса материал, если соблюдать определенные правила, может храниться сколь угодно долго. Однако впоследствии стало ясно, что электрон-

ный носитель информации, даже если он не подвергался повреждению, способен стать недоступным со временем для использования при обновлении или усовершенствовании программного обеспечения, не говоря уже о появлении и внедрении новых способов кодирования информации и техническом изнашивании носителя. Это стало причиной того, что некоторые исследователи вынуждены были откорректировать свою методологическую позицию, расширив содержание понятия «цифровое культурное наследие». Например, С. Т. Петров и А. А. Тарасов для обозначения анализируемого понятия использовали концепт «цифровое наследие культуры» (ЦНК). Но ими же было сделано следующее замечание: «Само ЦНК является сложной социотехнической системой, включающей взаимодействующие цифровые объекты (комплексы объектов ЦНК), подсистемы их создания, хранения и использования, а также группы людей, обслуживающих или использующих ЦНК)» [5].

Их точку зрения в разной степени принимают и многие другие ученые, работающие в рамках цифровой проблематики. Так, исследователь А. Ю. Володин соглашается с тем, что использование цифровых данных коренным образом «меняет наш подход к исследовательским материалам хотя бы потому, что они оказываются недоступными для человека без какого-то специального устройства-посредника...» [1, с. 10].

Эта мысль полностью поддерживается Д. Ю. Кузьминой и Я. Д. Пруденко: «На наш взгляд, термин “цифровая культура” указывает не только на появление нового типа культуры, формирующейся под воздействием развития новейших технологий, но и на то, что этот тип культуры может быть описан и проанализирован с помощью новых медиа» [3]. Таким образом, кажущееся, на первый взгляд, вполне ясным и отчетливым понятие «цифровое культурное наследие» в ходе его концептуализации при наличии явных расхождений в методологических подходах, имеющих место в работах разных ученых, оказывается аморфным и расплывчатым. И это заставляет поддержать позицию Л. А. Прониной в данном вопросе. Она вполне обоснованно отмечает: «...В настоящий момент не существует не только четкого определения, что же мы понимаем под сохранением цифрового наследия, но мы достаточно слабо представляем себе сущность самого понятия — цифровое наследие» [6].

Ситуация, сложившаяся с понятием «цифровое культурное наследие», заставляет вспомнить о том, что происходило в физике эле-

ментарных частиц в начале прошлого столетия, когда ученые установили, что характеристики исследуемых ими микрообъектов связаны неразрывно с воздействием приборов или средств фиксации, которые используются в процессе проводимых экспериментов. Исходя из этого, вряд ли может вызвать возражение то, что в содержание концепта «цифровое культурное наследие» следует включать не только сами цифровые объекты, обладающие культурной ценностью, но и способы, используемые при их создании, хранении и воспроизведении, являющиеся сами элементами культуры (в данном случае, культуры информационного общества), и, кроме вышеуказанного, люди, являющиеся носителями некоторых знаний и навыков, т. е. определенной технической культуры, которые изобретают и используют эти средства, не говоря уже о том, что именно ими определяется культурная значимость самих объектов на основе собственного мировоззрения, эстетических и этических установок.

В общем и целом в ходе научных дискуссий было выяснено, что во главу угла политики, проводимой в области цифровизации культурного наследия, а также в деле его сохранения для будущих поколений, «должны ставиться не технологии и даже не сама информация, а ее создатель и конечный потребитель — человек» [4]. На этой мысли в свое время особо заострял внимание Коитиро Мацуура, генеральный директор ЮНЕСКО, полагавший, что в своих подходах руководимой им организации следует не ограничиваться рамками чисто технических параметров и новаций в сфере информационно-коммуникационных технологий, а содействовать тому, чтобы последние находили эффективное применение для борьбы с нищетой и социальным отчуждением, служили задачам развития человечества, открывали всеобщий доступ к образованию, становились гарантом культурной и языковой самобытности, вносили свой вклад в укрепление основы гражданского общества. Интенсивно проводимая в последние годы политика построения плюралистического информационного общества, получившего в документах ЮНЕСКО название «информационное общество для всех», способна формироваться «лишь на фундаментальной научной основе с использованием междисциплинарных и трансдисциплинарных подходов и с учетом межсекторального или межведомственного взаимодействия. Она не может быть выстроена в виде простой сочетания узковедомственных или отраслевых подходов, по определению являющихся односторонними, а зачастую и откровенно лоббистскими, игнорирующими взаимосвязь

и взаимообусловленность общественных процессов. Такие подходы не позволяют ни выявить, ни сформулировать системные проблемы, ни организовать на должном уровне их решение, а потому неминуемо обречены на неудачу. Как правило, на практике они чаще всего мешают решению системных проблем, поскольку специализированные агентства сами по себе в большинстве случаев не в состоянии ни видеть общие проблемы, ни порождающие и воспроизводящие их причины и, стало быть, оказываются неспособными наладить необходимое взаимодействие друг с другом» [9]. В данном случае необходимо универсальное или глобальное видение перспектив развития, опирающееся не на чисто технологический, как это было изначально, а на гуманитарный подход, проводником которого в сфере цифровой культуры как раз и является международная организация ЮНЕСКО.

Итак, мы рассмотрели постепенную смену методологических установок в сфере научного познания, занимающегося проблемой теоретической разработки концепта «цифровое культурное наследие», и проанализировали основные вехи его становления. Кроме того, нами были выявлены два основополагающих подхода к изучению цифрового культурного — технологический и гуманитарный, даны их сущностные характеристики, а также определены недостатки и достоинства. В ходе исследования было установлено, что ЮНЕСКО все же склонна придерживаться приоритетного использования гуманитарного подхода к изучению и трактовке цифрового культурного наследия.

Использованная литература

1. *Володин А. Ю.* Digital Humanities (цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестник Пермского университета. Сер.: История. — 2014. — № 3. — С. 159–168.
2. *Замятин Д. Н.* Образ наследия в культуре: методологические подходы к изучению понятия «наследие» // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 6. — С. 118–129.
3. *Кузьмина Д. Ю., Пруденко Я. Д.* Гуманитарные науки в цифровой век // Международный журнал исследований культуры. — 2012. — № 3. — С. 17–23. — URL: [https://old.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03\(8\)_2012_Prud_Kuz.pdf](https://old.culturalresearch.ru/files/open_issues/03_2012/IJCR_03(8)_2012_Prud_Kuz.pdf). (дата обращения: 25.08.2020).
4. *Кузьмин Е. И., Демидов А. А.* О программе ЮНЕСКО «Информация для всех» // Государственная публичная научно-техническая библиоте-

- ка. — URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2003/trud/tom1/plen/Doc7.HTML> (дата обращения: 23.05.2020).
5. Петров С. Т., Тарасов А. А. Цифровое наследие культуры: проблемы формирования, развития и безопасности // Вестник РГГУ. Сер. : Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. — 2014. — № 11. — С. 101–117.
 6. Пронина Л. А. Информационные технологии в сохранении культурного наследия // Аналитика культурологии. — 2008. — № 3. — URL: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/428-article_11-4.html (дата обращения: 04.07.2020).
 7. Шаповалова Г. М. Концепция цифрового культурного наследия и его генезис: теоретико-правовой анализ // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2017. — Т. 9. — № 4. — С. 159–168.
 8. Chroni A. Cultural Heritage Digitization and Copyright Issues, Progress in Cultural Heritage : Documentation, Preservation and Protection. 7th International Conference. EuroMed 2018. — Nicosia. Cyprus. October 29 — November 3. 2018. Part 1. — P. 396–407.
 9. UNESCO/UBC Vancouver Declaration. The Memory of the World in the Digital Age: Digitization and Preservation // Memory of the World in the Digital Age: Digitization and Preservation. An International Conference on Permanent Access to Digital Documentary Heritage. 26 to 28 September. 2012, Ed. by Liciana Duranti and Elizabeth Shaffer. — P. 1452–1456. — URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373728?posInSet=2&queryId=6ad812f0-1064-4ead-90c7-451307ca996a> (дата обращения: 04.07.2020).

Alexander L. ZORIN

Dr. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher,
Department for Complex Problems of Cultural Research,
South Branch, Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia
azor115@rambler.ru

Main Methodological Approaches towards the Study of Digital Cultural Heritage

The article deals with the gradual change of methodological attitudes in the field of scientific knowledge, which deals with the problem of theoretical development of the concept of “digital cultural heritage”, as a result of which a purely technological

approach to its interpretation is replaced by a humanitarian approach, which focuses not on modern computer technologies or even information itself, but on the person as its Creator and end user. Therefore, it should be recognized that in the content of the concept “digital cultural heritage” should be included not only digital objects that have cultural value, but also the methods of their creation, storage and playback, which are themselves the elements of culture (culture of the information society), as well as people with specific knowledge and skills, because they create and operate these facilities, not to mention the fact that they determine the cultural significance of the objects themselves, based on their own worldview, aesthetic and ethical considerations.

Keywords: *digitalization, digital cultural heritage, technological approach, humanitarian approach, criteria for selecting materials.*

А. А. Большаков*

Технологии обеспечения доступности цифрового наследия (на примере электронной образовательной среды сельскохозяйственных вузов)

Опыт автора — 14 лет практики оцифровки научных и учебных материалов, разработки цифрового контента для представления лабораторных работ, применения аэрофотосъемки для создания 3D-моделей архитектурных объектов, трехмерных карт местности. В статье представлены темы эволюционных ступеней в технологиях предоставления визуальной информации и современных технологий визуализации различных объектов. В работе затрагиваются вопросы о доступности цифрового наследия и о более сложном его компоненте — трехмерной модели (3D-модели).

Ключевые слова: эволюция технологий, создание, сохранение, обеспечение доступности, цифровое наследие, эволюционные ступени, технологии предоставления визуальной информации.

Вопрос о доступности цифрового наследия, о более сложном его компоненте, трехмерной модели (3D-модели), представляет большой научный интерес. Такие модели, как компоненты ЭОС (электронной образовательной системы), востребованы ввиду своей наглядности и простоты демонстрации внешнего вида и даже внутренней структуры (го-

* БОЛЬШАКОВ Александр Алексеевич, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии профессионального образования Российского государственного аграрного университета — МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва, Россия. Электронная почта: 3.14159265358@bk.ru.

вора о статичных объектах), а также сочетания отдельных своих частей и их взаимодействии с другими объектами (говоря об анимированных или динамичных сценах).

Существуют достаточно сложные технологии визуализации 3D-моделей, основанные на явлении голографии; подобные решения хороши для музеев и выставочных центров, ставящих целью создать условия для максимальной сохранности оригинального предмета и в то же время открывая возможности его полноценной визуальной демонстрации. Данные технологии требуют значительного финансирования и недоступны рядовым разработчикам, в частности сельскохозяйственным вузам, которые я беру для конкретного примера, поскольку являюсь сотрудником РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева. Также в нашем институте существует центр технологической поддержки образования (ЦТПО), основной задачей которого является ведение профориентационной деятельности, в частности, кружковой работы для школьников.

Какие распространенные и широкодоступные методы визуализации 3D-моделей существуют в настоящее время? По мере увеличения сложности их можно условно разделить на три группы [1].

К первой группе можно отнести так называемые «фото 360°», иногда неправильно именуемые «3D» в интернет-магазинах. Технически такие проекты представляют собой набор статичных изображений объекта, полученные с равноразнесенных в пространстве вокруг него ракурсов и объединяемых в процессе просмотра специальной программой — сценарием, встроенным в HTML-код Web-страницы (либо объединенных заранее и сохраненных в файл формата GIF).

Весь набор кадров демонстрируется зрителю последовательно, и благодаря инерциальности зрения создается иллюзия непрерывного движения. В точности так же, как и при демонстрации кино- и видеofilмов. Преимущества этого: простота создания и распространенность технических средств, отображение на любом ПК. Недостатки: невозможность детального просмотра, главным образом, потому, что сценарий просмотра задан при съемке объекта; демонстрируется только внешний вид без возможности проведения любых манипуляций над объектом.

Ко второй группе можно отнести объекты, полученные методом стереосъемки. Технически это два близко расположенных кадра из набора, рассмотренного в предыдущей группе. Ракурс между кадрами должен

соответствовать базису глаз человека. Для восприятия объема такого изображения необходимо обеспечить разделение ракурсов для левого и правого глаза, что может быть обеспечено несколькими основными технологиями.

Во-первых, возможно непосредственное восприятие параллельной или перекрестной стереопары тренированным человеком. Недостаток: сложность восприятия без подготовки, утомление глаз.

Во-вторых, возможно чисто механическое разделение с помощью перегородок, микролинз или зеркал (стереоскопы, лентичулярный растр, автостереограмма).

В-третьих, оба изображения можно свести воедино, закодировав различия между ними с помощью цветового кодирования (анаглифный метод: применение светофильтров двух дополнительных цветов — чаще всего голубого и красного); затворной (применение специальных очков с периодически открывающимися светофильтрами для разных глаз) либо поляризационной технологии (подобные очки с поляризационными фильтрами горизонтальной и вертикальной поляризации). Недостаток: неокончательное разделение ракурсов (наибольшая степень в случае анаглифной технологии) приводит к сложности восприятия цельной картины некоторыми людьми и проблемам медицинского характера (головокружения и пр.)

Общие достоинства: достаточно простая реализация, не требующая применения специальных средств просмотра (кроме затворной технологии). Общий недостаток: пассивная траектория наблюдения.

Наконец, к третьей группе отнесем визуализацию подлинных 3D-моделей, полученных различными методами: аналитической отрисовкой по существующим эскизам и чертежам (в случае вновь создаваемых виртуальных объектов), 3D-сканированием или фотограмметрией (в случае создания виртуальной копии реально существующего объекта). В любом случае, мы имеем дело с полигональной пространственной сетью, повторяющей своим положением форму объекта.

Просмотр и первичный анализ полноценных моделей возможен как средствами современных программ (например, 3D-Builder — стандартное приложение в среде Windows 10), так и возможностями сторонних конвертеров, создающих виртуальное пространство и инструменты управления (Autodesk Viewer, 3D-viewer, eDrawings, MeshLab, Viewshape и т. п.). Хотя технически зритель наблюдает то же статичное сценири-

рованное ПК-изображение с определенного ракурса, однако он волен формировать траекторию осмотра по своему усмотрению (движениями курсора мыши либо клавиш управления); иллюзия объёма появляется за счёт уже упомянутой инерциальности зрения (см.: [2; 3; 4]).

Но вот динамическое трехмерное изображение таким образом ощутить затруднительно. Для этого применяется технология дополненной реальности (AR — *augmented reality*) и виртуальной реальности (VR, *virtual reality*).

Технология дополненной реальности использует в качестве средства наблюдения очки с активной затворной технологией, а также панели формирования дополненной реальности, формирующие изображение для ракурса, где находятся очки, и выводящее его на экран синхронно с переключением светофильтров в очках.

Главное отличие такой технологии от рассмотренных — активное формирование траектории наблюдения, поскольку ракурс модели изменяется при любом движении головы (с очками, разумеется) наблюдателя, что заставляет ПО пересчитывать изображение, выводимое на экран.

Конечно, для управления подобным ПО необходим достаточно мощный и быстродействующий компьютер. Кроме того, сама подготовка проекта (описывающая полноценное отображение модели, например, анимацию или внутреннюю структуру) требует квалифицированного труда программиста.

Несмотря на визуализацию трехмерного объекта любыми описанными методами, не все люди способны их полноценно воспринимать, особенно в виде изображений на плоских экранах. Следовательно, желательно получить материальное воплощение 3D-модели посредством технологии быстрого прототипирования. Теоретически проблем здесь нет, установки быстрого прототипирования (в быту называемые 3D-принтерами) в последнее время достаточно распространены. Однако качество получаемой модели зависит от многих факторов: «быстроты» и метода ее получения, типа и настроек оборудования и, что важнее, от качества исходной модели. Здесь под «качеством» мы подразумеваем наличие мелких существенных деталей.

Полученный прототип будет являться отображением объекта цифрового наследия (или сам являться объектом цифрового наследия?) и может использоваться для проведения натуральных научных исследований.

Использованная литература

1. *Большаков А. А.* Цифровые технологии в инженерной деятельности. Сетевой курс // Российский государственный аграрный университет. — URL : <http://elms.timacad.ru/course/view.php?id=821> (дата обращения: 01.09.2020).
2. Программа 3d-viewers // Cad Soft Tools. — URL: <https://3d-viewers.com/rus/3d-viewer.html> (дата обращения: 01.09.2020).
3. Программа eDrawings // Dassault System. — URL: <https://www.edrawingsviewer.com/> (дата обращения: 01.09.2020).
4. Программа repetitor3d. // Repetitor3D.ru. 3D-графика и дизайн. — URL: <https://repetitor3d.ru/3dsmax/7-programm-dlya-prosmotra-3d> (дата обращения: 01.09.2020).

Alexander A. BOLSHAKOV

Senior Lecturer, Department of Pedagogy
and Psychology of Professional
Education, Moscow State Agrarian University,
Moscow, Russia
3.14159265358@bk.ru

Technologies for Ensuring the Availability of Digital Heritage (on the Example of the Electronic Educational Environment of Agricultural Universities)

The author's experience is 14 years of practice in the digitization of scientific and educational materials, the development of digital content for the presentation of laboratory work, the use of aerial photography to create 3D-models of architectural objects and three-dimensional maps of the terrain. The article presents the topic of evolutionary steps in technologies for providing visual information, as well as the information about modern technologies for visualizing various objects. The work raises questions of the availability of digital heritage and of its complex component - a three-dimensional model (3D-models).

Keywords: *evolution of technologies, creating, preserving, making available, digital heritage, evolutionary stages, technologies for providing visual information.*

М. В. Большакова*

История формирования цифрового научного и культурного наследия России (на примере развития электронной образовательной среды в сельскохозяйственных вузах)

С 2006 г. автор участвует в формировании электронной образовательной среды для студентов заочников. За прошедшие годы эта среда значительно изменилась. На смену фото- и видеофайлам пришли различные интернет-ресурсы, которые позволяют совершать виртуальные экскурсии и проводить виртуальные лабораторные работы. В условиях карантина этого года подобными ресурсами активно стали пользоваться не только образовательные организации, но и различные музеи. Однако качество созданных продуктов пока недостаточно для отнесения их к цифровому наследию.

Ключевые слова: цифровое наследие в России, история формирования, современное состояние, проблемы сохранения и развития, электронная образовательная среда, сельскохозяйственные вузы.

Мне довелось быть у истоков и участвовать в формировании электронной образовательной среды в сельскохозяйственных вузах.

Все знания, умения, навыки, научную и учебную литературу различных направлений следует отнести к культурному наследию. Культура любого народа начинается с его быта и уже потом уже перерастает в искусство.

Знания различных народов в отношении ведения сельского хозяйства представляют значительную культурную ценность. У каждого народа есть свои особенности в методах выращивания животных и растений, в использовании продуктов животноводства и растениеводства.

В принципе, говорить об оцифровке научного наследия можно в любой области, но, занимаясь данным вопросом в сельскохозяйственных вузах, буду говорить о том, как это происходило в сельском хозяйстве.

Изначально вопрос оцифровки касался научных фондов и был представлен фотографированием, сканированием научных изданий,

* БОЛЬШАКОВА Марина Владимировна, кандидат биологических наук, доцент, доцент департамента ветеринарной медицины Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, Москва, Россия. Электронная почта: bolshakova_mv@pfur.ru.

а также их репринтным переизданием, так как наличие персональных компьютеров у населения было ограниченным. Затем, с появлением программного обеспечения для распознавания текста, — оцифровкой в более удобном формате, где текстовая часть документов распознается программным обеспечением и вычитывается корректором на предмет неточностей.

Что касается учебного процесса, то в первую очередь с необходимостью оцифровки учебной литературы столкнулись заочные вузы и, в частности, Российский заочный аграрный университет. В начале двухтысячных годов студенты данного вуза не всегда имели возможность приехать в межсессионный период в вуз и поработать в библиотеке. Интернет также был далеко не во всех поселках и маленьких городах, а студенты данного вуза проживали в основном в сельской местности.

Первично для студентов стали записывать диски с отсканированными и вычитанными учебниками, учебной программой и методическими рекомендациями в формате Word. В 2003–2006 гг. стали разрабатывать визуальные оболочки, оформляемые по нотациям HTML. Данные оболочки разрабатывались как самостоятельно, так и в распространенных конструкторах электронных книг [3].

И в данном формате стало удобно интегрировать в учебники дополнительные материалы в виде презентаций, в том числе озвученных и видеофайлов. Таким образом, сохранение научного наследия вышло на новый уровень, и наследие стало по-настоящему цифровым. Старые, классические учебники теперь не просто оцифровываются, а дополняются иллюстрационными материалами в формате видеофрагментов (см.: [1; 2]). Стали создаваться принципиально новые учебные и научные материалы.

Кроме выпуска дисков с учебными материалами и электронными учебно-методическими комплексами с целыми специальностями на все годы обучения данные материалы публиковались в интернете на narod.ru — бесплатном хостинге. С декабря 2006 г. в Российском государственном аграрном заочном университете была создана учебная платформа на основе свободного программного обеспечения Moodle, где также размещались учебные материалы.

Весной этого года перед многими вузами остро встал вопрос организации «заочно-дистанционного образования». К сожалению, многие вузы оказались не готовы к такому формату обучения. И причиной стали не только неподготовленные к такой работе профессоры (в основном в возрасте старше 65 лет), но и отсутствие технической поддержки интернет-образовательных ресурсов, таких как, например, платформа Moodle.

В настоящее время, работая в Российском университете дружбы народов, я знаю, как организована работа в Аграрном университете — МСХА им. К. А. Тимирязева. Эти вузы уже имели хороший задел по созданию электронных ресурсов. Помимо оцифрованных учебников у них имеются и 3D-практикумы.

Многие музеи, оказавшись в условиях пандемии, также предприняли попытки создания 3D-экскурсий. Но эти экскурсии оказались довольно низкого качества. Посещение их с образовательными целями было практически невозможно, только с ознакомительными. Нет возможности рассмотреть экспонаты. Такие экскурсии еще могли бы подойти для младшей школы, но для основной или средней, а тем более для студентов вузов они бесполезны. Поэтому хочется обратить внимание на нижний предел качества цифровой продукции, чтобы ее можно было считать наследием.

Использованная литература

1. *Большакова М. В., Ефимов И. А.* Коннозаводство : электронный учебно-методический комплекс. — М. : Рос. гос. аграрный заочный ун-т, 2009.
2. *Большакова М. В.* Организация конного туризма и проката : электронный учебно-методический комплекс ДПО. — М. : Рос. гос. аграрный заочный ун-т, 2009.
3. *Ефимов И. А., Арзуманян Э. Е., Большакова М. В. и др.* Зоотехния : электронный учебно-методический комплекс. — М. : Рос. гос. аграрный заочный ун-т, 2006.

Marina V. BOLSHAKOVA

Cand. Sci. (Zoology), Assoc. Prof.,

Department of Veterinary Medicine, Agrarian and Technological Institute,

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

bolshakova_mv@pfur.ru

History of Formation of Digital Scientific and Cultural Heritage of Russia (on the Example of Development of Electronic Educational Environment in Agricultural Universities)

Since the 2006, the author has been participating in the formation of an electronic educational environment for part-time students. This environment has changed

significantly over the years. Photo- and video files have been replaced by various Internet resources that allow you to make virtual excursions and conduct virtual laboratory work. In the conditions of quarantine this year, such resources are actively used not only by educational organizations, but also by various museums. However, the quality of the created products is not yet sufficient to classify them as digital heritage.

Keywords: *digital heritage in Russia: history of formation, current state, problems of preservation and development of the electronic educational environment in agricultural universities.*

Е. Г. Саркисова*

Музейная аудитория в цифровую эпоху: новые подходы и практики¹

В статье рассматриваются вопросы исследования музейной аудитории в контексте цифровизации музеев. Цель статьи — рассмотреть современные подходы и практики в деятельности музеев и поведении музейной аудитории, связанные с цифровыми технологиями, проанализировать наиболее интересные результаты существующих исследований, на которые можно опираться при разработке культурных проектов и музейных цифровых продуктов.

Ключевые слова: музей, музейная аудитория, цифровизация, цифровые технологии, виртуальная аудитория, исследования.

Исторически изучение музейной аудитории во многом отличалось от аналогичных исследований по другим видам искусства. При изучении аудитории исполнительских искусств, библиотек рассматривались и контакты публики с соответствующими учреждениями культуры, но в центре внимания исследователей было отношение людей к искусству

* САРКИСОВА Елена Геннадьевна, юрисконсульт Краснодарского художественного музея имени Ф. А. Коваленко, старший научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Российского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия. Электронная почта: gorlik93@mail.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме «Региональная культура и культурная политика: стратегии развития и опыт позитивных практик Юга России».

и роль в их жизни. При исследовании аудитории выставок и музеев объектом изучения оказывалось функционирование самого музея, а не воздействие изобразительного искусства на посетителей.

Учреждения культуры сегодня живут в новом цифровом пространстве. Пандемия Covid-19 показала, что музейная аудитория активно переходит в виртуальное пространство, ориентируясь на сайты и социальные сети. Несмотря на тот факт, что музеи начали работать в виртуальной среде в качестве представительств с начала 2000-х гг., но сегодня, очевидно, назрела необходимость в разработке новых подходов к ее организации [1].

Классика музейных коммуникаций состоит в пассивном потреблении аудиторией контекста представленных в музее экспонатов и лекций. Но практика работы музейных организаций показывает, что создание в музеях инновационных структур, занимающихся цифровыми медиа, позволяют оценивать его работу в онлайн-сообществах [4]. У музеев появилась возможность выстраивания коммуникации с пользователями интернет-ресурсов по принципу «многие ко многим», по которому любой человек, имеющий навыки работы в поисковых системах, может получить не только доступ к музейной информации, но и культурно-историческому контексту [8].

Предметом изучения музейных специалистов сегодня все чаще становится мотивация виртуальной аудитории. Их работы доказывают, что мотив посещения музейного цифрового пространства — основа для понимания получаемых впечатлений пользователей, которая используется для прогнозирования их поведения на сайтах музеев [2].

Цифровизация музейного пространства позволяет музеям проводить экспериментальные мероприятия в целях привлечения внимания пользователей [7]. Часто музеи занимаются анализом коммуникаций с аудиторией на основе разрабатываемых интернет-платформ.

Информационные технологии позволяют сегментировать музейную аудиторию, исходя из мотивации и особенностей поведения. Большим преимуществом виртуальных пользователей является их многочисленность по сравнению с реальными посетителями.

Одним из направлений развития музейной деятельности становится работа, связанная с привлечением молодежной аудитории. Так, например, галерея Тейт разработала проект UNIQLO TATE LATES, где по пятницам проводятся бесплатные мероприятия и экскурсии по музейным экспозициям. Проект появился после исследования, где было

выявлено, что молодежь в Лондоне часто выбирает между билетом в музей и покупкой обеда [6].

Выделим некоторые аспекты современных подходов и практик в деятельности музеев и в поведении музейной аудитории, связанных с цифровизацией:

- информационные технологии предоставляют возможность привлечения в музеи значительного числа новых пользователей;
- посетители музейных интернет-сайтов и сетевых сообществ в любой момент из режима онлайн могут перейти в режим офлайн;
- цифровизация позволяет музеям превращаться в институты обучения.

Виртуализация расширяет возможности по взаимодействию пользователей с международным культурным наследием. Такая доступность создает потребителей продуктов культуры нового формата, потребителей уникальных музейных продуктов в контексте определенных музеев.

Повышение роли музейного учреждения как социокультурного института, обеспечение конкурентоспособности музея как одной из форм проведения досуга требует дополнительной работы по изучению его посетителей. В условиях роста виртуальной составляющей деятельности музеев зарубежные и российские исследования аудитории музеев позволили представить собирательный социокультурный портрет посетителя, но до сих пор не сформировали полное понимание того, кто и зачем ходит в музеи.

Музеи практически не изучают потенциальную аудиторию, в исследованиях фигурируют, в основном, реальные посетители музеев и используются количественные методы. Качественные — очень малочисленны и малоинформативны. Кроме того, исследования не системны, соответствуют задачам текущего момента и достаточно разнородны.

Обзор работ по изучению музейной аудитории с помощью цифровых технологий показывает, что внимание в музее зависит от правильно сформированной траектории движения посетителей по музею [5]. С. Битсгуд полагает, что во время посещения экспозиций и выставок человеку необходимо сохранять концентрацию внимания, т.е. у посетителя должна быть возможность отдохнуть, прерваться на кофе или обед, прежде чем они устанут.

В данном контексте в 2016 г. в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина было проведено исследование с применением современных технологий. Результатом работы выступила тепловая карта по траекториям перемещений посетителей в залах музея, которые отслеживались по камерам видеонаблюдения. За неделю работы музея было проанализировано 3000 часов записей. Визуализация взаимодействия посетителей с пространством музея позволила исследователям выделить самые посещаемые экспозиции, места, где они отдыхают, пользуются мультимедиаэкранами. Выводы изучения перемещений людей указывали, что посетитель плохо умеет ориентироваться, несколько раз проходит через одни и те же залы, многократно меняет траекторию, даже если это не является обязательным. Данное исследование оказалось полезным при планировании нового пространства в главном здании музея, которое будет закрыто на реконструкцию предположительно в 2023 г.

Чтобы составить полное представление об аудитории музеев, необходимо проанализировать и ее виртуальную часть. Изучение виртуальной музейной аудитории связано с потенциалом ее роста. Аудитория практически не имеет ограничений, так как любой виртуальный посетитель в любой момент становится частью музейного сообщества.

Виртуальную аудиторию составляют и сетевые подписчики, которые не менее важны, чем его реальные посетители. Например, Третьяковская галерея предоставила данные об онлайн-исследовании для определения инструментов дальнейшего взаимодействия с подписчиками музейной рассылки. Оказалось, что практически 80 % аудитории — это люди в возрасте 55+. В связи с этим была существенно переделана стратегия продвижения рассылки.

Исследования основных направлений использования цифровых технологий в музейном пространстве позволили объединить их в три группы: концептуальную, коммуникационную, техническую [3].

Первая группа рассматривает использование цифровых технологий как основу для создания имиджевого, информационного и образовательного контента. Например, создание виртуальных филиалов известных музеев дают возможность доступа виртуальной аудитории к уникальным экспозициям реальных музеев.

Коммуникационное направление предполагает использование цифровых технологий в информационном обмене между музейной экспозицией и аудиторией через интернет-среду и социальные сети.

В данном случае можно говорить об интерактивном взаимодействии музейных учреждений с посетителем.

Техническая группа связана с проектированием музейных экспозиций в зависимости от сложности оборудования: от информационных панелей до использования цифрового оборудования в экспозиционном сценарном замысле.

Популярная форма взаимодействия музейной аудитории и учреждения — мобильные приложения — гиды, включающие специальное приложение, дополняющее основной сайт; QR-код, расположенный рядом с экспонатом.

Посетители музеев часто сталкиваются с так называемым «информационным одиночеством». Поэтому современные музеи для вовлечения зрителя включают в свои экспозиции мультимедиа экраны и другие девайсы.

Особое внимание современный музей уделяет адаптации цифровой среды под разные типы пользователей. Практически любой информационный контент формируется в двух режимах: для взрослых и детей.

В качестве заключения можно сделать следующие выводы:

1. Опыт применения цифровых технологий в музейном пространстве показывает, что первоосновой музея остается подлинный музейный артефакт, в то время как мультимедиа- и цифровые технологии должны доносить смысл и содержание экспозиции. Цифровые технологии — не самоцель, а эффективный инструмент развития музеев.

2. Информационные технологии обеспечивают музейным учреждениям современные перспективы развития, популяризируют их работу, поддерживают интерес со стороны пользователей и посетителей.

3. Методическое и техническое сопровождение информационных технологий продвигает музеи в сферу освоения новых форм представления информации и практик работы с виртуальной аудиторией в цифровом пространстве.

Использованная литература

1. Гук Д. Ю., Харитоновна Т. Ю., Богомазова Т. Г. Музей в современном информационном пространстве: потенциал социальных сетей // Евразийский союз ученых. Социологические науки. — 2015. — № 12. — С. 17–23.
2. Максимова А. С., Рюмина С. А., Лобанова Л. В. Руководство по исследованиям посетителей музея. — М.: Политехнический музей, 2016.

3. *Смирнова Т. А.* Цифровые технологии в информационном пространстве музея: современные тенденции и перспективы // Справочник руководителя учреждений культуры. — 2010. — № 5. — С. 67–75.
4. *Allen-Greil D., MacArthur M.* “Small Towns and Big Cities: How Museums Foster Community On-line” // Museums and the Web 2010: Proceedings, edited by J. Trant and D. Bearman. — Toronto : Archives & Museum Informatics, 2010. — URL: www.archimuse.com/mw2010/papers/allen-greil/allen-greil.html (дата обращения: 17.06.2021)
5. *Bitgood S.* Attention and Value: Keys to understanding museum visitors. — Routledge, 2016.
6. *Condron C.* Arts Marketing Europe // Arts Marketing Europe. — URL: <https://artsmarketingeurope.com/speakers/chris-condron/> (дата обращения: 17.06.2021)
7. *Lagrosen S.* Online Service Marketing and Delivery: the Case of Swedish Museums // Information Technology and People. — 2003. — № 16. — P. 132–157.
8. *Wetterlund K.* The Voice of Authority // Journal of Museum Education. — 2012. — No 37. — P. 89–92.

Elena G. SARKISOVA

Legal Adviser, Krasnodar Art Museum, Senior Researcher,
Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activity,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage, Krasnodar, Russia
gorlik93@mail.ru

**Museum Audiences in the Digital Age:
new Approaches and Practices**

The article deals with the research of the museum audience in the context of the digitalization of museums. The purpose of the article is to consider modern approaches and practices in the activities of museums and the behavior of the museum audience related to digital technologies, to analyze the most interesting results of existing research, which can be relied upon in the development of cultural projects and museum digital products.

Keywords: *museum, museum auditorium, digitalization, digital technologies, virtual auditorium, research.*

Ф. В. Цраева*

Квалитативные методы изучения студенческого волонтерского движения

Представлена авторизованная модель анализа ценностных ориентиров студентов-волонтеров, основанная на адаптации к задачам теории и практики социокультурной деятельности распространенных социологических опросных методик. Объект исследования — совокупность ценностных ориентиров студентов-волонтеров Кабардино-Балкарии, обнаруживаемая посредством сравнения мотиваций участия/неучастия в волонтерской деятельности и затраченным на нее студентами временем.

Ключевые слова: культура региона, ценностные ориентиры, волонтеры, студенты, мотивация, методология.

Федеральный закон Российской Федерации «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» определяет волонтерство как добровольную деятельность граждан с общественно-полезными целями. Хотя специфика и сущностные характеристики феномена волонтерства постоянно корректируются, в том числе и с учетом региональной специфики [2]. Изучение волонтерской деятельности студентов составляет отдельное направление исследований как в России (см.: [2–10; 12; 13]), так и за рубежом (см.: [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20]). Внимание уделяется развитию не только профессиональных навыков будущих специалистов, но и общекультурным компетенциям: и в России, и за рубежом волонтерская деятельность студента в оптимальных организационных педагогических условиях учебного заведения рассматривается как комплексное средство воспитания и профессионального развития личности формами социокультурной деятельности. Сущность феномена студенческого волонтерства расширяется или сужается учеными в зависимости от контекста конкретных исследовательских задач, что позволяет отнести этот феномен к особому классу социокультурных явлений, теоретические представления о которых могут быть охарактеризованы не устойчивым универсальным определением, а теоретическим конструктом «социокультурный

* ЦРАЕВА Фатимат Владимировна, проректор по творческой и воспитательной работе Северо-Кавказского государственного института искусств, Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия. Электронная почта: faffa-7777@mail.ru.

фронтир», отражающим подвижность явления и обусловленность его специфики региональными особенностями [1].

Проблему для теории и практики социокультурной деятельности составляют, прежде всего, возможные стратегии управления волонтерской деятельностью, определение доступных средств управления, которые бы не трансформировали добровольность — базовый фактор саморазвития личности, — в принудительный бесплатный труд. Для этого важно иметь четкое представление о мотивации добровольного участия молодежи в общественно полезном труде, об индивидуальных и групповых интересах студентов, реализуемых ими посредством волонтерства, а также осуществлять постоянный мониторинг ценностных ориентиров студента-волонтера: на какие области деятельности направлен интерес волонтера. Опираясь на мониторинг, представляется возможным посредством социокультурного проектирования направлять саморазвитие личности в конструктивное русло [9]. Так реализуется социокультурный потенциал волонтерства как стратегический ресурс государственного управления [10].

В этой связи наиболее остро стоит вопрос исследования региональной специфики волонтерского движения. Если в отдельных регионах России мониторинг ценностных ориентиров и мотиваций студента-волонтера уже осуществляется (см: [2; 3; 9; 13]), то в Кабардино-Балкарии (КБР) этот управленческий и педагогический ресурс остается малоизученным.

Представляется актуальным осветить авторизованную модель анализа эмпирических данных: во-первых, предложенная модель после обсуждения специалистами может найти применение в других регионах России; во-вторых, обсуждение новаций будет содействовать совершенствованию существующих методов.

Объектом исследования является совокупность ценностных ориентиров студентов-волонтеров Кабардино-Балкарии, обнаруживаемая посредством сравнения мотиваций участия/неучастия в волонтерской деятельности и затраченным на нее студентами временем, а предметом — преимущества авторизованной модели анализа ценностных ориентиров студентов-волонтеров.

Цель работы состоит в обосновании целесообразности авторского усовершенствования широко апробированных социологических методик.

Научная новизна исследования состоит, прежде всего, в том, что осуществляется экспликация качественных методов, применяемых

в социальной психологии, теории и практики управления в практику социокультурной деятельности с целью решения конкретных задач социокультурного проектирования путем развития студенческого волонтерского движения. Это возможно на базе синтеза междисциплинарных системно-деятельностного (М. С. Каган, Г. П. Щедровицкий, В. С. Стёпин, А. Я. Флиер и др.) и ценностно-нормативного (И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, О. И. Бычкова и др.) культурологических подходов.

В основе предлагаемой разработки лежит адаптированная для российских условий методика изучения мотивации к волонтерской деятельности Катарины Гаскин и Дэвиса Смита [15; 20] и опыт кросс-культурных исследований волонтерского движения учеными Университета Дж. Хопкинса [18; 19]. Авторитетность выбранных методик подтверждается использованием полученных с их помощью результатов в руководстве по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов статистического отдела департамента по экономическим и социальным вопросам ООН [11], основываются на них и исследования мотивации к волонтерской деятельности Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [8, с. 51–52]. Поэтому перспективные результаты нашего исследования сопоставимы с накопленным отечественным и зарубежным опытом. Вместе с тем применен ряд авторских методических решений, которые, на наш взгляд, заслуживают обсуждения специалистами.

Авторским нововведением является объединение двух опросных методов, которое позволяет не только уточнить мотивацию студентов-волонтеров КБР, но и выявить приоритеты их интересов в добровольческой деятельности, свидетельствующие, в том числе, о региональных особенностях волонтерского движения студентов. Особенностью исследования является дифференциация респондентов по году обучения в вузе, чтобы выяснить влияние образовательной среды вузов КБР на потенциал молодежного волонтерского движения.

Кроме того, методика изучения мотивации к волонтерской деятельности Гаскин — Смита, в которой учитываются внешние (социально-психологические) и внутренние (субъективные) мотивирующие факторы [25], дополнена авторским нововведением: 1) десятибалльное шкалирование ответов каждого из 18 вопросов, критериев оценки мотивации участия/неучастия в волонтерской деятельности; 2) эти критерии разбиты на 9 пар положительных и отрицательных мотиваций: аргументов и контраргументов, соответственно, что позволяет оценить

эффективность мотиваторов участия/неучастия в деятельности в качестве формирующих волонтерское студенческое движение факторов.

Прикладную ценность разработки представляет возможность на базе усовершенствованной методики оценки приоритетов студента-волонтера создать механизм самодиагностики влияния организационной среды конкретного вуза на становление гражданской позиции молодежи в практике волонтерской деятельности. При поддержке вузами этой идеи раскрываются перспективы постоянного мониторинга их достижений в этом направлении и обмена конструктивным опытом социокультурного проектирования студенческого волонтерского движения на основе конкретных эмпирических данных.

Таблица 1

Опросный лист Б: Мотивация волонтерской деятельности

№	Я волонтер, потому что:	Оценка 1–10	Я не волонтер, потому что:	Оценка 1–10
1	2	3	4	5
1	хочу быть полезным, помочь нуждающимся		никто не обращался ко мне с такими предложениями	
2	получаю удовольствие		не вижу необходимости	
3	хочу бороться с определенной проблемой		никогда не задумывался об этом	
4	достаточно свободного времени		нет свободного времени	
5	хочу платить людям добром за добро		мне безразличны другие люди	
6	сам сталкивался с подобной проблемой		не считаю, что волонтеры реально решают какие-либо проблемы	
7	хочу получить полезные навыки, нужный мне опыт		волонтерская деятельность мешает учебе	
8	хочу познакомиться с новыми людьми, с единомышленниками		сторонюсь новых знакомств, избыток внимания мне только мешает	

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
9	это соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям		это не соответствует моим религиозным (или политическим) убеждениям	
10	Укажите год Вашего обучения в вузе			Да (V)
	1 курс (бакалавриат)			
	2 курс (бакалавриат)			
	3 курс (бакалавриат)			
	4 курс (бакалавриат)			
	1 курс (магистратура)			
2 курс (магистратура)				

Оцениваемые аргументы сформулированы из высказываний, попарно коррелирующих между собой и раскрывающих диспозицию положительных и отрицательных мотиваций (см. табл. 1). Это позволяет путем сравнения данных реципиентами ответов оценить степень их релевантности (правдивости). Примененное шкалирование позволяет, с одной стороны, реципиенту оценить заданное ценностное высказывание по степени его значимости на принятие им решения об участии/неучастии в волонтерской деятельности. С другой — дифференцированно наблюдать уровень значимости мотиваторов для студентов региона, включая изменение их соотношений в зависимости от года обучения в вузе.

Дифференциация по году обучения в вузе, прежде всего, позволяет оценить соотношение групп участвующих в опросе студентов, а затем наблюдать, как меняется роль отдельных мотиваторов в зависимости от влияния образовательной среды вуза на студенческую аудиторию, что в перспективе позволяет комплексно оценить направленность социокультурного воздействия высшего образования региона на становление гражданской позиции молодежи КБР. При необходимости возможна разработка механизма самодиагностики социокультурного влияния каждого отдельного вуза на своих студентов в плане формирования ими стратегии участия/неучастия в волонтерской деятельности.

Широко распространенная методика Гаскин — Смита (см.: [15; 20]) не позволяет сравнивать отдельные критерии оценки мотивации к волонтерской деятельности. Наблюдение же факторного значения од-

ного из них для какой-либо социальной группы основывается на сравнении процентного соотношения респондентов, выбравших один из мотиваторов в качестве основного. Итоговый вывод по этой методике строится на заключении, что некоторое число респондентов (% от общего числа опрошенных) утверждает, что на их решение повлиял такой-то фактор (см: [2; 13]). Однако при таком подходе не учитывается, что на одного и того же реципиента одновременно воздействуют несколько мотивирующих факторов и их ценностные соотношения могут сильно изменяться со временем.

Изменчивость ценностных ориентиров характеризует такую социальную группу, как молодежь. Поэтому исследование ценностных ориентиров студента-волонтера потребовало усовершенствования методики с помощью шкалирования ответов и дифференциации реципиентов по году обучения в вузе. Авторское усовершенствование может быть применено при исследовании и других социальных групп на шкале исторического времени в долгосрочной или краткосрочной перспективе.

Не меньшее значение имеет и приращение знания о влиянии на мотивированность отдельных социальных групп их общей институциональной среды, ведь области добровольной/волонтерской деятельности остаются мощным фактором экономического и социального развития. Исходя из того, как влияет на волонтерское движение в целом, к примеру, система высшего образования, зависит качество социокультурного развития общества и непосредственно потенциал волонтерства.

Безусловно, выделение преобладающего фактора мотивации в процентном отношении из общего числа опрошенных, как это заложено в методику Гаскин — Смита (см.: [15; 20]), как применяется А. В. Ермиловой и И. А. Исаковой [2], В. Н. Стегнием и М. В. Никоновым [13], а также специалистами ВЦИОМ [8, с. 51–52], позволяет установить иерархию мотиваторов среди опрошенных.

В том числе, как показывает исследование А. В. Ермиловой и И. А. Исаковой, при дифференцированном по регионам подходе обнаруживаются в этой иерархии и региональные особенности [2, с. 51–52]. Ценность их исследования составляет также анализ распределенности ответов респондентов по возрастным и гендерным признакам. Гендерный аспект следует включить и в наше исследование. Общее же замечание, что с возрастом интерес к социализации посредством волонтерской деятельности (внешний мотиватор) сменяется субъективной заинтересованностью в расширении контактов, представляется интересным.

Однако, как отмечают вслед за испанским социальным психологом Ф. Фуэнтесом В. Н. Стегний и М. В. Никонов, «не существует волонтера, который в чистом виде был ведомым теми или иными мотивами. Волонтером движет комбинация мотивов, в которой один из мотивов будет доминировать над другими» [13, с. 149]. С первой частью утверждения можно согласиться. А вот однозначность доминирующего мотивационного фактора еще следует проверить. Что, в свою очередь, дополнительно стимулирует продолжить исследование с применением шкалированных ответов респондентов.

Опираясь на собственные исследования мотивации волонтеров Перми, В. Н. Стегний и М. В. Никонов приходят к выводу, что «основными мотивами волонтерской деятельности являются: приобретение нового опыта, знаний и навыков (62,5 %), общение с интересными людьми (59,5 %), личное удовлетворение (58,5 %), возможность увидеть мир и познакомиться (48,5 %), полезные знакомства (46 %). Данные мотивы можно отнести к группе карьерных мотивов и мотивов расширения социальных контактов. Стоит вновь отметить, что альтруистические мотивы не вошли в первую пятерку. Но при ответе на вопрос «Почему Вы стали волонтером?» 59 % респондентов отметили вариант «Улучшить жизнь в обществе (помогать людям)»» [13, с. 148].

Отмеченный парадокс либо свидетельствует о стремлении волонтеров скрыть свои истинные намерения (мотивы), либо о необходимости более точно установить соотношение различных мотивов, что позволяет сделать шкалирование ответов респондентов с диспозицией аргументов и контраргументов, ведь близость по значимости аргументов и контраргументов, а тем более превосходство контраргументов, более точно устанавливает меньшую значимость фактора по сравнению с факторами, где положительная мотивация значительно преобладает.

Кроме того, на наш взгляд, противопоставление «альтруистических» мотивов «эгоцентрическим», как это делает Л. А. Кудринская [5], к чему склоняются В. Н. Стегний и М. В. Никонов, — несколько не верно. Это при обобщении может исказить реальную ситуацию, когда и «альтруистические», и «эгоцентрические» мотивации одновременно обуславливают занятие добровольной общественно полезной деятельностью. Кроме того, например, трудоустройство или стремление к карьерному росту с помощью волонтерской деятельности, однозначно относимое исследователями к эгоцентричным мотивам, является не столь однозначным фактором, ведь обеспечивая себя заработком, че-

ловец, а особенно молодой специалист, одновременно самостоятельно решает и важнейшую социальную проблему. Здесь следует сопоставить альтруизм, вытекающий из материальной обеспеченности реципиента (волонтерство исключительно в свободное время и на собственные деньги, которых в избытке), и альтруизм по нужде, когда волонтерская деятельность оказывается одним из путей повышения материального и социального благополучия реципиента. При изучении студентов-волонтеров приходится полностью исключить первый тип альтруизма, или считать его исключительной ситуацией на фоне господствующей нормы — особого социального положения молодежи, характеризующегося низкими доходами в силу вполне очевидных причин. На это обстоятельство, в частности, обращает внимание А. В. Кисиленко, подчеркивая социальную значимость не столько материальных результатов волонтерского труда, сколько формирующего общества потенциала ценностных ориентаций молодежи [4]. Как подчеркивают Н. В. Проказина, Н. Ю. Бобылева и Н. Н. Хатнюк, волонтерство «является одним из важнейших социальных институтов», «обеспечивает социальную интеграцию и устойчивость общественной жизни», «способствует социализации индивидов и их включенности в общественные процессы и интеграции с социально-активными группами» [10], поэтому противопоставление «альтруистических» и «эгоцентрических» мотивов достаточно условно. Для отдельных познавательных целей, возможно, оно и целесообразно, но в целом диалектика общественного и индивидуального не исключает достижения общественного блага посредством ориентации индивида на собственные («эгоцентричные») цели и мотивы.

Помимо прочего, проведенный краткий обзор специальной литературы продемонстрировал, что социокультурный подход, позволяющий фиксировать в качестве ценностных ориентиров волонтеров не только мотивы их деятельности, но и результат этой деятельности в форме конкретных затрат времени, нечасто применяется отечественными учеными. Хотя в перспективе подобного исследования можно установить, существует ли соответствие отдельных мотивов затратам времени в конкретных областях волонтерской деятельности.

В целом предлагаемые авторизованные методические решения представляются целесообразными.

Расширение картины научных представлений о динамике ценностных ориентиров студентов-волонтеров с учетом не только их мотиваций, изменяющихся в зависимости от года обучения, но и результатов

в виде израсходованного на волонтерскую деятельность времени обосновывается, прежде всего, целесообразностью установления влияния образовательной среды вузов на развитие молодежного волонтерства. Это ценно особенно в перспективе развития в России тенденции замещения проектного волонтерства стихийно-событийным, что отмечают отдельные ученые [3]. Дальнейшие перспективы практического использования полученных с помощью усовершенствованных методик результатов определяются возможностью с помощью них самодиагностики социокультурного влияния вузов на развитие в молодежной среде гражданских качеств активных волонтеров.

Использованная литература

1. Бакуменко Г. В., Устрижицкий О. В., Грицкевич В. П. О практической значимости теоретического конструкта «социокультурный фронтир» // Культурная жизнь Юга России. — 2020. — № 2. — С. 127–131.
2. Ермилова А. В., Исакова И. А. Специфика волонтерской деятельности в современной России: региональные практики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2017. — № 4. — С. 48–57. — DOI: 10.15593/2224-9354/2017.4.4.
3. Зборовский Г. Е., Певная М. В., Ведерников А. А. Волонтерство в пространстве регионального управления (кейс Свердловской области) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2018. — № 4. — С. 10–25. — DOI: 10.15593/2224-9354/2018.4.1.
4. Кисиленко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. — 2018. — № 1. — С. 63–71. — DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-1-63-71.
5. Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. — 2006. — № 5. — С. 15–22.
6. Кузнецова А. А., Соловьева Н. А. Динамика психологических характеристик личности студента в процессе профессионально-ориентированной волонтерской деятельности // Образование и наука. — 2018. — № 7. — С. 128–146. — DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-128-146.
7. Кузьминчук А. А., Певная М. В., Тимиршина Е. Р. Направления молодежного добровольчества: специфика и перспективы развития // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2018. — № 2. — С. 68–77.

8. *Нежина Т. Г., Петухова К. А., Четкина Н. И., Миндарова И. С.* Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2014. — № 3. — С. 49–71.
9. *Певная М. В., Кузьминчук А. А.* Динамика студенческого волонтерства в Свердловской области // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2016. — № 4. — С. 135–148.
10. *Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н.* Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. — 2019. — № 2. — С. 47–56.
11. Руководство по некоммерческим организациям в Системе национальных счетов / Статистический отдел департамента по экономическим и социальным вопросам. — Нью-Йорк : ООН, 2006.
12. *Семенова О. А.* Особенности волонтерской деятельности в медицинском университете // Международный научно-исследовательский журнал. — 2019. — № 9–2. — С. 24–27.
13. *Стегний В. Н., Никонов М. В.* Мотивация волонтерской деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2018. — № 1. — С. 146–156.
14. *Alexander A.* A Student Volunteer Program Takes Patient Satisfaction to the Next Level // *Oncology Issues*. 2017. Vol. 32. Is. 5. — P. 14–19. — DOI: 10.1080/10463356.2017.11905285.
15. *Gaskin K., Smith J. D.* A new civic Europe? 3rd Ed. — London : The Volunteer Centre, 1997.
16. *Holmes K.* A Continuum of University Student Volunteer Programme Models / K. Holmes, M. Paull, D. Haski-Leventhal [and etc.] // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2021. Vol. 43. Is. 3. — P. 281–297. — DOI: 10.1080/1360080X.2020.1804658.
17. *Russi A. E.* Impact of an Education-Centered Medical Home on Quality at a Student-Volunteer Free Clinic / A. E. Russi, S. Bhaumik, J. J. Herzog [and etc.] // *Medical Education Online*, 2018. Vol. 23. Is. 1. Article 1505401. — DOI: 10.1080/10872981.2018.1505401.
18. *Salamon L. M., Anheier H. K.* The Emerging Nonprofit Sector: An Overview (Johns Hopkins Non-Profit Sector Series; 1). — Manchester : Manchester University Press, 1996.
19. *Salamon L. M.* Global Civil Society: Dimensions of the Non-profit Sector / L. M. Salamon, H. K. Anheier, R. List [and etc.]; Johns Hopkins University. — Baltimore, Maryland : Institute for Policy Studies, 1999.

20. Smith J. D., Ellis A., Gaskin, K., Howlett S., Stuart J. Volunteering impact assessment toolkit: A practical guide for assessing the difference that volunteering makes. 3rd ed. — London, United Kingdom : NCVO, 2015.

Fatimat V. TSRAEVA

Vice-Rector for Creative and Educational Work,
North Caucasus State Institute of Arts, Nalchik, Nalchik,
Kabardin-Balkar Republic Russia
faffa-7777@mail.ru

Qualitative Methods of Study Student Volunteer Movement

The author presents an authorized model for analyzing the value orientations of student volunteers, based on adaptation to the tasks of the theory and practice of sociocultural activity of common sociological survey methods. The object of the research is a set of value orientations of student volunteers of Kabardino-Balkaria, revealed by comparing the motivations of participation/non-participation in volunteer activities and the time spent on it by students.

Keywords: culture of the region, values, volunteers, students, motivation, methodology.

Э. Ж. Душхунян*

Наследие советской эпохи в празднично-обрядовой культуре Кубани

Наследие советской эпохи в празднично-обрядовой культуре Кубани помимо историко-культурного значения представляет интерес в аспекте формирования и развития общегражданской идентичности современной России. Далеко не весь опыт советского обрядотворчества применим сегодня, но не следует упускать из внимания, что наиболее ценные нововведения продолжают влиять на культурное единство многонационального региона.

Ключевые слова: культурное наследие, празднично-обрядовая культура, советское обрядотворчество, общегражданская идентичность, Кубань, многонациональный регион.

* ДУШХУНЯН Эдгар Жирайрович, аспирант кафедры истории, культурологии и музееведения, преподаватель кафедры кино, телевидения и звукорежиссуры Краснодарского государственного института культуры, Краснодар, Россия. Электронная почта: edgar.dushhunyanyan@yandex.ru.

Социальные потрясения начала XX в. сопровождалась стихийной волной инноваций масс во главе с активистами рабочего движения в области праздников и обрядов. Революционная идеология отрицала празднично-обрядовое наследие как рудимент ушедшей эпохи. Молодое советское государство с первых лет своего существования взяло на вооружение официальное регулирование праздничной и обрядовой событийности, провозгласив борьбу с пережитками одной из ведущих задач просвещения и идеологической работы с массами. Один из лидеров революционного движения, первый нарком просвещения Советской России А. В. Луначарский, как известно, отождествлял социал-демократию с «великой культуркампом», подразумевая неизбежность коренной ломки традиционных устоев стремящегося к революционным преобразованиям общества.

Несмотря на утопичность идеи построения коммунизма в сжатые сроки, курс на формирование новой культурной идентичности — советского человека, гражданина мира — принес свои результаты, хотя далеко не все нововведения в празднично-обрядовой культуре СССР тому содействовали. Уникальный феномен единения советского народа в борьбе с фашизмом продемонстрировал в годы Великой Отечественной войны, что сохранившиеся традиции содержат не только омертвелые догмы, но и неисчерпаемый ресурс межнационального согласия. Актуальность данной работы состоит в акцентировании внимания на положительном опыте советского времени по изучению и модернизации традиционной региональной празднично-обрядовой культуры в направлении сплочения советского общества путем формирования общегражданской идентичности.

Впервые научные подходы к пониманию роли празднично-обрядовой культуры в формировании этнокультурного сознания были разработаны русскими этнографами (И. М. Снегирев, И. И. Сахаров, А. Н. Веселовский, Н. И. Костомаров и др.). Зрелищно-игровые формы праздничной культуры, прежде всего, обрядовые истоки театра, попадают в орбиту его историков (А. Д. Авдеева, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Н. Н. Евреинов и др.).

С первых лет советского государства на вооружение была взята доктрина атеистического «воспитания» населения. Но только начиная с конца 1960 гг., для ее обеспечения на регулярной основе формируется корпус исследований празднично-обрядовой культуры (см.: [6; 8]) и плеяда советских ученых, внесших значительный вклад в ее

изучение: Ю. В. Бромлей, А. И. Мазаев, А. С. Дипко, В. Н. Топоров, Н. И. Кирей, Н. С. Корецкий, В. С. Аксенов и др. В настоящее же время в исследованиях празднично-обрядовой культуры сформировалось отдельное направление исследовательского интереса к советскому обрядотворчеству (Н. Ю. Беликова, А. Г. Вазерова, Н. А. Гангур, Л. Ю. Лепешкина, А. Н. Молькин, Е. В. Тонких, Я. А. Шаповалова и др.). Проблематика празднично-обрядовой культуры Кубани сегодня исследуется Н. И. Бондарем (см.: [1; 2]), Н. А. Гангур [3], А. Н. Еремеевой [5], Т. В. Тонких [7] и др.

Материалами для наших исследований послужили, с одной стороны, наблюдения современной празднично-обрядовой культуры Кубани, а с другой — корпус архивных документов и краевой прессы советского времени, раскрывающий истоки современных праздничных обрядов в советской культуре.

Обширным и репрезентативным источником по теме исследования являются документы из фонда Р-1731 «Исполнительный комитет Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Управление культуры. Краевой Дом народного творчества. 1951–1979 гг.». Это учреждение на протяжении многих лет являлось организационно-методическим центром по развитию художественной самодеятельности в регионе, выполнявшим широкий спектр задач в сфере культуры. Деятельность Краевого Дома народного творчества по внедрению новых советских обрядов и праздников освещена в отчетах, положениях о смотрах, конкурсах, фестивалях, методических материалах. Этот материал послужил фундаментом исследования и позволил осветить региональную специфику рассматриваемой проблемы.

В фонде Р-687 «Исполнительный комитет Краснодарского краевого Совета народных депутатов. Краснодарский краевой Совет народных депутатов, г. Краснодар, 1937–1994» отложились правки, записки, информации за разные годы об опыте работе загсов по внедрению новых гражданских обрядов при регистрации новорожденных, браков и др.; сводные годовые, полугодовые и квартальные отчеты о ходе внедрения в быт трудящихся новых гражданских обрядов и праздников в городах и районах края.

В фонде Р-1519 «Уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю, 1937–1965» представлены отчеты, справки, информации о работе уполномоченного Совета местных советов депутатов трудящихся по внедрению новых

безрелигиозных обрядов при регистрации браков и новорожденных, об усилении контроля за соблюдением советского законодательства о культурах.

Не менее значимы для темы исследования материалы из фонда Р-1850 «Управление записи актов гражданского состояния администрации Краснодарского края, г. Краснодар, 1965–2002». Это сводные полугодовые и квартальные отчеты и справки о ходе внедрения в быт новых гражданских обрядов при регистрации брака и новорожденных в разрезе городских и районных отделов ЗАГС; справки, информации горрайотделов ЗАГС о выполнении постановления Совета Министров РСФСР от 18 февраля 1964 г. и решения крайисполкома от 27 марта 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» за 1970 г.

Другим очень ценным видом источника являются материалы местной периодики краевого и районного масштаба: газеты «Советская Кубань», «Комсомолец Кубани», «Трудовой путь», «Сельская новь», «Приазовские степи», «Ленинское знамя», «Огни Кубани», «Советский Армавир», «Ленинский путь» и др., в которых публиковалось много статей, заметок, репортажей о проходивших праздничных мероприятиях, фестивалях, конкурсах художественной самодеятельности различного уровня, внедрении в быт советских граждан новых обрядов и праздников. Этот материал обилен и разнообразен тематически, жанрово; почти в каждом номере помещались статьи о событиях культурной жизни в городе, станицах и селах края, в том числе о праздниках и обрядах. Газетные заметки детализируют, дополняют архивный «сухой» материал, создают более широкую панораму развития празднично-обрядовой культуры и создают фундамент для освещения ряда вопросов, заявленных в данной работе.

Сравнение сделанных за последние три года наблюдений с проанализированными источниками в контексте представления истории в качестве культурного текста [4] позволяет сделать вывод, что наиболее ранние советские эксперименты по внедрению новых обычаев празднования значимых для личности и семьи событий на Кубани не приживаются, а вот основанные уже на прочной теоретической базе, заложенной исследователями празднично-обрядовой культуры начиная с 1960-х гг., нововведения, централизованно внедряемые на территории СССР с учетом специфики традиционной народной культуры региона, именно в 1970–1980-х гг. добиваются максимального успеха. Среди наи-

более распространенных сегодня элементов праздничного обряда, которые были заложены на Кубани в эти годы, особенно выделяется обычай молодоженов в день торжественного бракосочетания возлагать цветы к Вечному огню или другим памятникам павшим защитникам Отечества.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди традиционных культур народов региона нет такого обычая. Не сразу после Великой Отечественной войны он возникает и в СССР, а только после внедрения в жизнь постановления Совета Министров РСФСР от 18 февраля 1964 г. За последние три года наших наблюдений из 400 торжественных бракосочетаний в Краснодаре 378 (94,5 %) включали в себя этот обряд. Конечно же, сегодня обряд лишен официальной части («митинга»), которая была принята в советское время, но в большинстве случаев сохраняется традиция минуты молчания после возложения молодоженами цветов к памятнику.

Интересно также наблюдение, что в ряде случаев в обряд входит запрет находиться кому-либо между шествующими на возложение цветов молодоженами и местом возложения (Вечный огонь, обелиск и т. д.), сопровождающие молодоженов порою даже фотографов или видеооператоров предостерегают от этого. В данном случае мы наблюдаем использование широко распространенного во многих традиционных обрядах инициации приема сакрализации момента и места инициации путем создания особого табуированного ценностно-пространственно-временного континуума.

Обобщая, следует заключить, что наследие советской эпохи продолжает развиваться в празднично-обрядовой культуре современной Кубани. Оно лишено какой-либо идеологической догматики, но сохраняет наиболее социально значимые элементы сакральной символики общегражданского единения.

Использованная литература

1. *Бондарь Н. И.* Календарные праздники и обряды кубанского казачества. — Краснодар : Традиция, 2011.
2. *Бондарь Н. И.* Традиционная культура кубанского казачества : избранные работы. — Краснодар : КГТНОУ «Кубанский казачий хор», 1999.
3. *Гангур Н. А., Душхунян Э. Ж.* Новая советская обрядность: гражданское крещение на Кубани в 1960–80-е гг. // Общество: философия, история, культура. — 2019. — № 11. — С. 122–127.

4. Горлова И. И., Бакуменко Г. В., Коваленко Т. В. История как культурный текст: к вопросу о методе интерпретации символов успеха в культуре // Право и практика. — 2017. — № 1. — С. 183–188.
5. Еремеева А. Н. Между прошлым и будущим (художественная жизнь Кубани в годы революций и гражданской войны 1917–1920 гг.). — СПб. : Нестор, 1996.
6. Сабурова Л. М. Литература о новых обрядах и праздниках за 1963–1966 гг. : Основные вопросы и тенденции изучения // Советская этнография. — 1967. — № 5. — С. 173–181.
7. Тонких Т. В. «Октябрины»: конструирование новой обрядности в годы советской власти. По материалам фондов Новороссийского исторического музея-заповедника // Фелицынские чтения — XX : Проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия : материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Краснодар, 23–25 октября 2018 г.). — Краснодар : Вика-Принт, 2018. — С. 275–277.
8. Традиционные и новые обряды в быту народов СССР / АН СССР, Ин-т этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая / отв. ред. И. А. Крывелев, Д. М. Коган. — М. : Наука, 1981.

Edgar Zh. DUSHKHUNYAN

Postgraduate Student, Department of History,
Culturology and Museology,

Lecturer, Department of Cinema, Television and Sound Engineers,
Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russia
edgar.dushhunyan@yandex.ru

The Legacy of the Soviet Era in the Festive and Ceremonial Culture of the Kuban

The legacy of the Soviet era in the festive and ceremonial culture of the Kuban, in addition to its historical and cultural significance, is of interest in the aspect of the formation and development of the general civil identity of modern Russia. Not all the experience of Soviet ritual creation is applicable today, but it should not be overlooked that the most valuable innovations continue to influence the cultural unity of the multinational region.

Keywords: *cultural heritage, festive and ceremonial culture, Soviet ritual creation, general civic identity, Kuban, multinational region.*

Г. В. Бакуменко*

Символизация успеха в экономике свободного времени

Актуальность обращения к исследованию проблематики символизации успеха в экономике свободного времени обусловлена ростом значимости свободного времени в трансформации культуры постиндустриального общества. Междисциплинарные исследования экономики свободного времени сконцентрированы в настоящее время, прежде всего, на его потреблении, в то время как технологии его производства остаются малоизученными. Понимание роли свободного времени в онтогенетических механизмах культуры требует выработки теоретической модели экономики свободного времени на базе сложившихся научных представлений о сущности культуры и свободного времени. Появление и развитие культуры как особой символической среды за рамками природы обусловлено ресурсом свободного времени: свободное время выступает фактором культурогенеза. Качество свободного времени, отличающее его от несвободного, состоит в способности субъекта добровольно делегировать часть своего свободного времени в пользу иного субъекта. Это отношения дара, ценность которого не определяется меновым или конвенциональным образом. Она субъективно определяется в результате самого акта дара (эмоционально) и его последствий (рационально). Экономика свободного времени первична по отношению к целерациональной коллективной хозяйственной деятельности. Конвенция или обмен становятся возможны лишь постфактум благодаря возникающим социальным скрепам на основе дара. Практически любая сфера жизнедеятельности общества программируется именно в свободное время, поскольку его природа позволяет наиболее интенсивно вырабатывать способы ретрансляции конструктивного жизненного опыта индивида и общества. Основной тезис статьи состоит в утверждении, что ресурс свободного времени является неперенным условием онтогенеза культуры, но заполнение свободного времени технологиями деятельности может программировать развитие общества в двух диаметрально противоположных направлениях: прироста свободного времени и, напротив, в сторону его ограничения, — которые несут объективный характер устойчивых, но не постоянных тенденций.

Ключевые слова: культура, культурогенез, свободное время, символизация успеха, экономика свободного времени, производство свободного времени, потребление свободного времени, теоретическое моделирование, интерпретация.

Постановка проблемы. В выступлениях международной конференции «Государственное управление и развитие России: глобальные

* БАКУМЕНКО Геннадий Владимирович, кандидат культурологии, ассоциированный научный сотрудник Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Краснодар, Россия. Электронная почта: genn-1@mail.ru.

угрозы и структурные изменения» на секции «Культурная политика в дискурсах власти и гражданского общества», организованной кафедрой ЮНЕСКО ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ [9], был поднят ряд теоретических и научно-практических вопросов, включая обострившуюся в условиях необходимости преодоления последствий пандемии Covid-19 проблематику региональной культурной политики. В частности, С. Б. Синецкий обратил внимание, что коллаборации акторов досуговых практик образуют в конкуренции за свободное время потребителей услуг сферы культуры сложную систему культурных пространств, далеко не всегда соотносящуюся с представлениями о географии регионов и, соответственно, с референтными полномочиями институтов регионального управления [9]. Ключевым фактором социокультурной неоднородности Сергей Борисович видит именно время, вернее, его асинхронное течение в условиях постоянного увеличения «количества культурно-детерминированных операций, осуществляемых в единицу времени» [12, с. 9]. Рассказывая об опыте проведения онлайн-конференции «Социально-психологические и культурные последствия пандемии Covid-19» для студентов, Г. В. Бакуменко в совместном докладе с И. В. Калус подчеркнул, что организация дистанционных форм познавательного досуга студентов оказывается непростой задачей в условиях жесткой конкуренции за ресурс свободного времени [1], хотя рост интернет-коммуникации студентов непосредственно связан с развитием культуры их профессиональной самореализации (см.: [13; 14]).

На страницах «Обсерватории культуры» А. А. Ушкарев, предвзято собственную типологию досугового поведения, утверждает, что «немыслимое прежде соотношение производственной и досуговой деятельности... характеризуется реальной конкуренцией этих двух сфер» [16, с. 148]. Т. е. конкуренция разворачивается не только в рамках ресурса свободного времени, но и между акторами этих двух сфер деятельности за поглощение жизненного времени индивида и общества. Проблема анализа соотношения свободного и несвободного времени человека является одним из современных трендов социальных наук [25], поскольку раскрывает главный ресурс стабильного развития общества — человеческий потенциал [8]. Практика социального дистанцирования в условиях пандемии Covid-19 обострила сложную совокупность противоречий современного общества, включая проблемы свободного времени, его капитализации и отчуждения, фрагментарности или даже отсутствия целенаправленной региональной политики по формирова-

нию вокруг ресурса свободного времени населения потенциала влияния государственных институтов на культурные детерминанты социального и экономического развития.

Проблема ценностной трансформации свободного времени в постиндустриальную эпоху поднимается и за рубежом. По мысли Х. Розы, темпоральная асинхронность является логическим следствием ускорения социального времени и обуславливает совершенно иную стратификацию информационного общества, ведущую к новым малоизученным формам отчуждения [29], требующим, в свою очередь, поиска релевантных стратегий индивидуальной и коллективной успешности в современном мире [27, s. 37–80]. Б. Ханникутт, проследив трансформацию американской мечты в условиях постоянного снижения ценности труда и свободного времени [23], приходит к выводу, что сегодня происходит исторический сдвиг от экономики материального производства к «экономике счастья» [24].

Хотелось бы акцентировать внимание, что проблема изучения символизации успеха в экономике свободного времени выходит за рамки чисто прикладного аспекта, связанного с оптимизацией управления. Фундаментально-теоретическое поле проблематики формируется вокруг понимания роли свободного времени в онтогенетических механизмах культуры. Учет закономерностей культурогенеза при стратегическом планировании обеспечивает минимизацию управленческих затрат, эффективность решений, их успех. Исследование символизации успеха в экономике свободного времени в этой связи представляется одной из актуальных задач теории культуры.

В работе в качестве ведущего метода применено теоретическое моделирование, позволившее интерпретировать существующие знания с опорой на структурно-функциональный подход, наделяя функционал элементов теоретической модели значением объективно происходящих социокультурных явлений.

Экономика свободного времени в культурогенезе. Сущность категории свободного времени, противопоставленного времени несвободному, связана с обусловленностью деятельности. Свободное время заполняется субъектом самодетерминированной и самоценной деятельностью, в то время как несвободное — обусловленной внешней необходимостью. Квинтэссенцией деятельностного понимания культуры и ее места в жизни общества является ее определение В. С. Стёпиным

в «Новой философской энциклопедии» [15]. На то, что категория свободного времени тесно переплетена с сущностью культуры, указывают, по меньшей мере, два обстоятельства.

Первым — и самым существенным — является противопоставленность культуры и природы. Природная (внешняя) детерминация жизни ограничивает свободное время бездеятельностью в плане выживания. Как только обеспечение биологических потребностей занимает в жизни человека меньше суток, возникает прецедент свободного времени, которое индивид или общество может заполнять в достаточной степени произвольно, без внешнего диктата природы. На это обстоятельство обратил внимание Й. Хейзинга, указав, что культура предварительно разыгрывается [17]. Игра как основание культуры требует особой организации пространственно-временного континуума и свободного времени, — времени, насыщенного коллективно выработанными правилами поведения, лишь символически связанными с реальностью окружающего мира. Природное и биологическое присутствуют в человеческой игре, но занимают уже равное положение с символическими ее правилами. Человек играющий уже различает две категории времени: одну часть жизни заполняет самодетерминированной и самоценной деятельностью, а другую — вынужденной. Получается, что появление и развитие культуры как особой символической среды за рамками природы обусловлено ресурсом свободного времени.

Вторым обстоятельством отметим символическую природу разграничения свободного и несвободного времени в социальных отношениях.

Если астрономическое или биологическое (естественное) время — одна из объективных характеристик природной обусловленности деятельности, то социальное (культурное) время включает в себя и субъективные характеристики [7]. Объективное время является одним из ведущих факторов внешней обусловленности деятельности, т. е. оно изначально не свободно. Субъективное же время отличается тем, что оно изначально нормируется человеком, заполняется не обусловленной внешними обстоятельствами деятельностью. Субъективное время свободно, но в силу установленной нормы может характеризоваться двояко в зависимости от отношения субъекта к норме: как свободное или несвободное. Если субъект устанавливает норму или участвует в ее выработке, у него есть основания полагать нормированное время свободным и самостоятельно решать, какой деятельностью его заполнить.

Это творчество, связанное с изобретением технологии деятельности. Однако выработанные нормы и технологии составляют некоторый опыт (традицию), обязательное использование которого является формой конвенциональных отношений, транслирующих этот самый опыт. Инициация субъекта в практику заполнения традиционным образом свободного времени — есть форма регламентации, отчуждения части или всей совокупности свободного времени. Субъектом может в данном случае выступать индивид (например, девушка выходит замуж), поколение (воспитание молодежи) или социум (род, племя, народ) в условиях принудительного или добровольного подчинения внешне выработанной норме регламентации свободного времени (например, покорение одного народа другим или импорт некоторым социумом внешне выработанных норм и ценностей).

Таким образом, если под культурой понимать систему «исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [15], то свободное время выступает ресурсом (фактором и истоком) культурогенеза. Культура формируется в свободное время, регламентируя последнее, накапливая процедуры и технологии заполнения свободного времени несвободным, внешне социально обусловленным (накапливая опыт, традицию), и творчеством, самодетерминированной и самоценной деятельностью. Последнее, наполняя свободное время, не расходует его, а созидает, совершенствуя технологии за счет новаций.

Цицерон, метафорически употребив категорию «культура» к характеристике возделанной души, задал особый критерий свободного человека [18, с. 252]. Только культурный человек, по его мысли, может быть свободным и стать господином своей судьбы. Преодоление фатума и обретение свободы обусловлены уровнем личностной культуры, который характеризуется способностью к самостоятельному суждению о природе вещей, для чего, опять же, индивид должен обладать достаточным ресурсом свободного времени. Цицерон по роду не принадлежал ни к патрициям, ни к плебейам, представляя класс новых свободных людей Древнего Рима, делами своими отстаивавших собственный социальный статус. Отсюда его неприродное (неродовое) видение обусловленности свободы культурой, возделыванием души.

Осмысление культуры на определенном рубеже развития социальности не случайно. Рост численности населения и его территори-

альная концентрация смещает акценты с природной обусловленности деятельности на социокультурную. Для обеспечения коллективной жизнедеятельности необходим социальный механизм принятия решений, регламентирующих, прежде всего, свободное время. На организации коллективного свободного времени и отчуждении персонального строится социальность и социальная иерархия. Способность к принятию решений в интересах коллектива — высшая социальная ценность. В основании любого управленческого решения лежит принцип символизации успеха коллективной либо индивидуальной (персональной) деятельности [2]. Коллектив первым делом делегирует ресурс свободного времени управляющей элите из расчета на эффект потенциального его прироста за счет рациональной организации времени. Экономика свободного времени первична по отношению к целерациональной коллективной хозяйственной деятельности. Идея К. Маркса об отчуждении результата труда зиждется на представлении, что именно свободное время является основным его результатом [11, с. 242–311]. Однако с материалистической трактовкой первичности силового отчуждения результатов труда, лежащего в основании концепции образования государств силой, согласиться сложно. Силовое принуждение — лишь одна из технологий отчуждения свободного времени. Она не могла возникнуть и закрепиться в качестве распространенной практики прежде, чем укоренились имплицитные представления о самоценности свободного времени, о принципе его экономии в результате применения той или иной технологии производства или экспроприации материальных благ. Подчинение человека человеку — есть акт добровольного делегирования или силового отчуждения свободного времени. Само явление силы, образующей прецедент древнейших государств, уже основано на делегировании периферией свободного времени управляющему центру.

Социальное положение раба (слуги) характеризуется его отказом, добровольно или по принуждению, участвовать в регламентации ресурса свободного времени. С одной стороны, рабство создает условия переизбытка свободного времени, ресурс которого распределяется господином, с другой — лишает общество механизма оценки эффективности использования ресурса свободного времени. Экономический эффект заключается в приросте свободного времени за счет его рациональной организации. Рабы неспособны оценить эффективность своей работы, будучи лишены основного ее результата (свободного времени), а господа неспособны адекватно оценить расходуемый ресурс по причине

его переизбытка. Функция управляющей элиты состоит не в экспроприации свободного времени как таковой, а в организации деятельности коллективного субъекта таким образом, чтобы базовая ценность свободного времени продолжала стимулировать коллективный и индивидуальный труд, нацеленный на прирост свободного времени. Делегирование коллективом свободного времени управляющему центру обременяет последний функциями регламентации времени и совершенствования технологий его заполнения.

Парадоксальная сущность свободного времени состоит в том, что его ценность лишь частично обусловлена затратами на производящий свободное время труд. Рекреация производственных затрат не составляет свободного времени, поскольку имеет внешнюю обусловленность. Качество свободного времени, отличающее его от несвободного, состоит в способности субъекта добровольно делегировать часть своего свободного времени в пользу иного субъекта. Это отношения дара, ценность которого не определяется меновым или конвенциональным образом. Она субъективно определяется в результате самого акта дара (эмоционально) и его последствий (рационально). Критерием здесь может выступать прочность возникающей в результате дара взаимосвязи субъектов — первичной основы социальности, формируемой с помощью общих базовых ценностно-смысловых комплексов. Конвенция или обмен становятся возможны лишь постфактум благодаря возникающим социальным скрепам на основе дара.

Достойным примером выступает несоразмерность дара научного открытия каким-либо стоимостным эквивалентам его обмена на социальные блага. Научное открытие всегда дороже, поскольку образует или модифицирует социальные скрепы, способствует приросту свободного времени и дарует его, усиливая по экспоненте возникающие и модифицированные конвенциональные или меновые отношения.

Той же природы и художественное открытие, о чем писали выдающиеся советские искусствоведы М. М. Бахтин [3], Л. А. Мазель [10] и др. Концепция художественного открытия Л. А. Мазеля, базирующаяся на синтезе целостного анализа музыкальных произведений и психологических особенностей восприятия искусства (Л. С. Выготский [6]), указывает на общий с научным открытием акторный тип определения ценности дара свободного времени. Восприятие искусства требует свободного времени. Ценность художественного произведения могла бы быть выражена количеством наполненного им личного свободного времени, если бы

существовали способы фиксации такового. Наполняя собой свободное время, искусство не обременяет его, но придает ему ценностные качества, сходные с ценностью затраченного на производство свободного времени труда, но не исчерпывающиеся ею. Эстетические чувства и переживания моделируют в ограниченных рамках свободного времени эффект выработки и применения жизненного опыта, а в сюжетных видах искусства и символически транслируют его. Это фактор роста самооценности свободного времени в искусстве: оно заполняется интенсивными способами трансляции жизненного опыта, включая системообразующие социальные связи. Рост эффективности производящего труда связан не только с творчеством (созиданием технологий), но и с повторением, копированием сложившихся схем успешной деятельности.

Наука и искусство — отрасли жизнедеятельности, в которых использование свободного времени нацелено на его созидание, на совершенствование существующих технологий, высвобождающих время и усиливающих субъективную ценность последнего. Они специализируются на приращении свободного времени, существуют и развиваются в условиях отношений дара, поэтому нацелены на преодоление ограничений меновых и конвенциональных отношений, на созидание условий трансформации сложившихся традиций нормирования (ограничений) свободного времени.

Но этими сферами жизнедеятельности экономика свободного времени не ограничивается. Практически любая сфера жизнедеятельности общества программируется именно в свободное время, поскольку его природа позволяет наиболее интенсивно вырабатывать способы ретрансляции конструктивного жизненного опыта индивида и общества. Именно в свободное время происходит диалектический синтез традиции и новации. Субъект жизнедеятельности (общество или индивид), лишенный ресурса свободного времени, оказывается в ситуации своего рода культурной изоляции, за пределами культуры: не использует и не транслирует накопленный конструктивный опыт поколений. И личность, и общество в такой ситуации деградируют. Социальные системные связи не эволюционируют (не ширятся и усложняются), а упрощаются, становятся более примитивными, непоследовательными и рассеянными.

Основной наш тезис состоит в утверждении, что наличие ресурса свободного времени является непременным условием онтогенеза культуры, но заполнение свободного времени технологиями деятельности мо-

жет программировать развитие общества в двух диаметрально противоположных направлениях: в направлении прироста свободного времени и, напротив, в сторону его ограничения, — которые можно обозначить как направления культурогенеза. Оба эти направления носят объективный характер устойчивых, но непостоянных тенденций. Прирост свободного времени ведет к девальвации его ценности, а ограничение ресурса свободного времени ее усиливает. Поэтому в диспозиции двух диаметрально противоположных направлений культурогенеза можно наблюдать их пределы, в которых благодаря ценностной амбивалентности свободного времени происходит инверсия одной тенденции в другую. Риск развития составляют не сами тенденции как таковые, а их затяжной, неконтролируемый характер, с одной стороны, или, напротив, частая ценностная инверсия свободного/несвободного времени¹. Обозначенные тенденции характеризуют циклы стабильного развития, — своего рода флуктуации ценности свободного времени. Момент смены вектора развития характеризуется обострением конструктивной напряженности бинарных оппозиций [1, с. 229–231], дискомфортного состояния [1, с. 154–156] и представляет собой момент риска отказа общества от смены вектора развития и формирования непреодолимых предпосылок деструктивных тенденций затяжного характера, губительных для общества и культуры, в каком бы направлении они не развивались.

Свободное время не во всех случаях тождественно досугу.

Досуг в аспекте досуговых практик — понятие более широкое, поскольку включает в себя момент рекреации затрат на производство свободного времени и само свободное время. Причем если последнее заполняется выработанными прежде технологиями досуговых практик, оно также способно терять основную свою характеристику в условиях внешнего управления. Субъект досуга теряет свою субъектность, ориентируясь на внешнее руководство в плане регламентации времени, попадает в зависимость и становится объектом управления. В этом кроется момент манипуляции сознанием. Как только свободное время становится товаром, за который необходимо платить, оно отчуждается у производителя. Сущность меновых отношений исключает прирост свободного времени или его ценности. Свободное время всегда меняется только на

¹ В результате абсолютизации инверсии, как единственно возможного пути социального развития, образуется, по мысли А. С. Ахиезера, «инверсионная ловушка» [21, с. 194–199], ведущая к архаизации общества.

несвободное. Свободное время прирастает, как было отмечено выше, только в условиях дара. Досуг далеко не во всех случаях базируется на отношениях дара. Поэтому многие социологические исследования свободного времени, выполненные без учета его разграничения с досугом, на деле фиксируют абстрактные количественные показатели, лишь очень приближенно характеризующие свободное время.

Глобальная экономика свободного времени. Заслуживает внимания опыт Центра исследований гражданского общества Университета Джонса Хопкинса, полученный в рамках разработки по заказу Статистической комиссии ООН Проекта справочника «третьего сектора, или сектора социальной экономики (TSE)». Цель справочника — улучшить понимание и доверие к совокупности институтов и видов деятельности третьего сектора и обеспечить более прочную эмпирическую основу для повышения вклада, который он может внести в улучшение качества жизни при решении насущных социальных и экологических проблем, стоящих перед людьми во всем мире [31]. В 2003 г. на основе предварительных исследований (Р. Вутхнов и В. А. Ходжкинсон [23], Дж. Уилсон и М. Мьюзик [32], Э. Талос [30], В. Соколовский [29] и др.) были выработаны общие критерии определения третьего сектора и составляющих его институтов, а также заданы строгие классификационные критерии исследования этого сектора и составляющих его институтов [22].

Институты третьего сектора определяются по пяти существенным признакам: (а) это организации, которые (b) некоммерческие и по закону или обычаю, т. е. не распределяют прибыль между учредителями и владельцами, и являются (с) негосударственными, (d) самоуправляемыми, а их деятельность (е) носит необязательный добровольный характер [28, р. 26].

В основе классификации институтов третьего сектора лежат: (а) общая классификация экономической деятельности по отраслям на основе главного или характерного продукта, который они производят; (b) более конкретная классификация по «целям, [которые организации и их] подразделения стремятся достичь с помощью различных видов расходов» [22, р. 26], — специально разработанная в 2000 г. для некоммерческих организаций (COPNI), относящаяся также к сопутствующим классификациям: классификация функций правительства (COFOG), классификация расходов производителей по целям (COPP), классификация отдельных лиц по потреблению в соответствии с целью (COICOP)

[19]. В результате на основе данных Системы национальной отчетности 65 стран выработан метод анализа экономических показателей, позволивший определить долю участия третьего сектора (TSE) в экономике этих стран и мира в целом.

Статистика представлена таким образом, что позволяет сравнивать долю добровольной некоммерческой деятельности в экономике разных стран, а при регулярном мониторинге наблюдать динамику третьего сектора в национальных системах общественных отношений и в глобальной их совокупности. В рамках Проекта справочника TSE реализован синтез институционального подхода на базе экономической теории и аксиологического, фиксирующего в видах добровольной деятельности ценностные установки общества — те приоритеты, на которые направлена некоммерческая негосударственная самоуправляемая необязательная добровольная деятельность граждан. Последняя, как представляется очевидным, осуществляется именно в свободное время. Поэтому выявленная доля добровольной некоммерческой деятельности в экономике одновременно является показателем наличия и эффективного заполнения свободного времени в предложенной нами интерпретации. Конечно же, это лишь косвенный показатель, основанный на анализе институционально организованной экономики свободного времени, не учитывающий исчерпывающе широкие сферы межличностных отношений, художественного и научного творчества, в которых отношения дара свободного времени значительно преобладают над меновыми и конвенциональными отношениями.

Символизация успеха в модели экономики свободного времени.

Свободное время не в полной мере характеризуется количественными параметрами. Важнейшей его составляющей является само качество времени, позволяющее его дарить. Субъективный характер свободного времени обуславливает неравнозначность его фрагментированных единиц (минут, часов, суток и т. д.). Факт дарения свободного времени, имманентно связанный с принятием дара, наделяет ценностью не только само время, но и дарителя. Способность дарить свободное время свидетельствует об успешности дарителя. Форм символизации успеха множество, но акт дарения свободного времени является одной из первичных элементарных форм, не требующих для процедуры символизации сложных семиотических систем. Процедура дара сама по себе символизирует успех дарителя и одариваемого. В ней действия субъектов

порождают ценностные и смысловые связи в процессе коммуникации. Из чего можно сделать вывод, что дарение как процедура, сопровождающаяся символизацией успеха, является первоосновой символической коммуникации.

Процедура дарения свободного времени наделяет его производителя и деятельность, обеспечившую высвобождение времени, характеристикой успешности. В результате дарения образуется прибыль — символически фиксируемая успешная деятельность (эффективная технология). Экономика свободного времени не нуждается в дополнительных меновых эквивалентах или ограничительных конвенциях. Она может осуществляться за рамками естественных или социальных ограничений, поскольку сама порождает необходимые смысловые и ценностные связи между дарителем и одариваемым. Успех дарения, заключающийся в принятии дара, наделяет сам дар символическим значением успеха. И этот символ становится атрибутом эффективной целерациональной деятельности по производству свободного времени.

Результаты теоретического моделирования могут быть представлены в виде схемы экономики свободного времени. Поскольку она осуществляется в историческом времени, имеющим членение на некоторые единицы, примем за единицу исторического времени акт дара свободного времени (см. рис. 2) между субъектами взаимодействия, имеющими существенные различия в эффективности труда (см. рис. 1).

Рис. 1. Субъекты экономики свободного времени

Сектор пересечения труда и свободного времени (С.В.) наглядно демонстрирует область потребления результатов производящего труда, величина которой зависит от эффективности труда и организации свободного времени. Неравенство субъектов является базовым услови-

ем для осуществления дара свободного времени, в результате которого определяется ценность свободного времени и идентификация субъектов (дарующий — одариваемый), а также происходит символизация успеха комплекса производящего труда и организации времени, т. е. технологии.

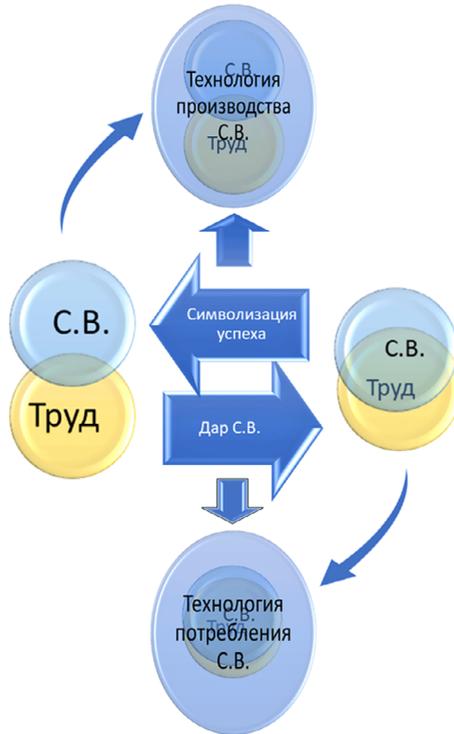

Рис. 2. Акт дара свободного времени

В схеме разведены технология производства свободного времени, подразумевающая его потребление, ведущее к приросту, и технология потребления, не подразумевающая прироста свободного времени. Разграничение двух видов потребления свободного времени носит условный характер, позволяющий установить вектор успешности экономики свободного времени, который однозначно нацелен на его прирост, обеспеченный усилением ценности свободного времени, — постоянным возобновлением его дарения. Обратный процесс не подразумевает возобновления дарения свободного времени, исключает его прирост и усиление ценности.

Выводы и обсуждение. Экономика свободного времени не исключает меновых и конвенциональных отношений. Основным выводом, который позволяет сделать представленная модель, является утверждение, что отношения дара лежат в основании обмена и договора. Кроме того, становится очевидным важность процесса символизации успеха в производстве свободного времени и конвенциональный характер условной ценности его потребления. Производство свободного времени, не обеспеченное отношениями дара, ведет к девальвации его ценности, к ограничению механизма его воспроизводства. Объективный характер тенденций прироста и ограничения свободного времени обуславливается популярностью отношений дара в обществе, которые составляют механизм саморегуляции.

Политэкономическая концепция капитализма К. Маркса строится на анализе феномена отчуждения результатов труда [11]. Но акцент на закономерностях производства и потребления сугубо материальных благ не позволил ему обратить должного внимания на символический характер ценности этих благ. Ведь технология труда, оставаясь абстракцией, без механизма символизации успеха свободного времени не имеет оснований для оценки и совершенствования.

На особую роль символизации успеха в экономике свободного времени обратил внимание Т. Веблен [5], но его интерес, прежде всего, к технологиям потребления не позволил установить сложной диалектической взаимосвязи ценности свободного времени и его дара. Институционализм в целом, увлекшись логикой увеличения количественных параметров производства и обмена, игнорирует прецедент качественной характеристики свободного времени, его ценности, которая формируется за пределами меновых отношений.

Можно согласиться с Ж. Бодрийяром в том, что потребление носит сугубо символический характер и присваивает вещам (товарам) свойства (социальные значения) символов успеха на основе устойчивых мифов [4]. Но тогда следует указать, что и производство вещей-товаров носит символический характер. Если производство свободного времени рентабельно ввиду образования им в процессе дара социальных связей, то его демонстративное потребление (заполнение вещами) является симуляцией процесса символизации успеха, которая истощает ресурс и ценность свободного времени, равно как и производящего труда, когда потребление значительно превышает производство.

Предложенная модель дополняет знания о символической коммуникативной сущности производства и потребления. Она акцентирует

внимание на фундаментальном значении отношений дара в экономике свободного времени. Самоценность свободного времени, возникающая в процессе дара, остается теоретическим допущением, требующим экспериментальной проверки. Эксперимент, включающий в себя обработку потоков больших данных, сейчас на стадии разработки [20]. В целом можно заключить, что междисциплинарные исследования экономики свободного времени сконцентрированы в настоящее время, прежде всего, на его потреблении, в то время как технологии его производства остаются малоизученными.

Для решения задач культурной политики предложенная модель позволяет сконцентрировать внимание на накоплении технологий производства и потребления свободного времени. Социальная дифференциация общества предполагает гибкость управляющей элиты в плане стимулирования тех или иных технологий посредством символизации успеха с целью преодоления рисков затяжного, неконтролируемого характера тенденций саморегуляции общества, с одной стороны, или частой ценностной инверсии свободного/несвободного времени, с другой.

Использованная литература

1. Ахиезер А. С. Социокультурная динамика России. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997.
2. Бакуменко Г. В. Символизация успеха в современном кинематографе : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Краснодар : Б. и., 2019.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М. : Художественная литература, 1972.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарская. — М. : Республика ; Культурная революция, 2006.
5. Веблен Т. Б. Теория праздного класса / пер. с англ. С. Г. Сорокина. — М. : Прогресс, 1984.
6. Выготский Л. С. Психология искусства / ред. М. Г. Ярошевский. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1998.
7. Каган М. С. Философия культуры. — СПб. : Петрополис, 1996.
8. Караханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А. Человеческий потенциал и свободное время в контексте российской повседневности // Россия реформирующаяся. — 2018. — № 16. — С. 393–436.
9. Культурная политика в дискурсах власти и гражданского общества // Государственное управление и развитие России: глобальные угрозы

- и структурные изменения: Международная конференция-сессия (Москва, 19 мая 2020 г.). — URL: <https://docs.google.com/a/igsu.ru/viewer?a=v&pid=sites&srcid=aWdzdS5ydXxmaWxl3xneDoxZWEwOTE0OWVmYzFjNWFi> (дата обращения: 16.06.2020).
10. *Мазель Л. А.* Исследования о Шопене. — М. : Советский композитор, 1971.
 11. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 (Кн. 1): Процесс производства капитала // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 23. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1960.
 12. *Синецкий С. Б.* Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI в. // *Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире : сб. статей.* — Будапешт ; Киров : Б. и., 2019. — С. 8–17.
 13. *Пинская М. В.* Интернет-коммуникация как фактор развития культуры профессиональной самореализации студентов : автореф. дис. ... канд. культурологии. — Симферополь, 2017.
 14. *Пинская М. В., Свиридова И. Д.* Роль вопросов просвещения и молодежной политики в формировании культуры интернет-коммуникации современной студенческой молодежи // *Наука, культура, образование: традиции и современность : Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (Анапа, 1–2 марта 2018 г.).* — Краснодар : Издательский Дом — Юг, 2018. — С. 77–80.
 15. *Стёпин В. С.* Культура // *Новая философская энциклопедия, 2010–2020 [Электронный ресурс] // ИФЛИБ.* — URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH4b379ecd7a2f7c0c5fb64b> (дата обращения: 23.06.2020).
 16. *Ушкарев А. А.* Типология досугового поведения // *Обсерватория культуры.* — 2017. — Т. 14. — № 2. — С. 148–156.
 17. *Хейзинга Й.* Homo ludens: Человек играющий / сост. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестров. — СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
 18. *Цицерон М. Т.* Тускуланские беседы. Книга I. О презрении к смерти // *Избранные сочинения / пер. М. Гаспаров.* — М. : Художественная литература, 1975. — С. 207–248.
 19. Australia: Nonprofit Institutions Satellite Account, 1999–2000 / ed. T. Johnson; Acting Australian Statistician, 2002. Electronic Resource // The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies. — URL: http://ccss.jhu.edu/wp-content/uploads/downloads/2011/08/Australia_SatelliteAccount_1999-2000.pdf (accessed 14.06.2020).

20. *Bakumenko G.* A Step Towards the Culture of Scientific Communication // OSF, 2020, March 2. — DOI: 10.17605/OSF.IO/GKHB3.
21. 23Faith and philanthropy in America: exploring the role of religion in America's voluntary sector / eds. R. Wuthnow, V. A. Hodgkinson. — San Francisco : Jossey-Bass, 1990.
22. Handbook on Non-Profit Institutions in the System of National Accounts / Department of Economic and Social Affairs Statistics Division. — N/Y. : UN, 2003. IX.
23. *Hunnicut B.* Free Time: The Forgotten American Dream. — Temple University Press, 2013.
24. *Hunnicut B., Pine II B. J.* The Age of Experiences Paperback. — Temple University Press, 2020.
25. Labour and Leisure = Труд и досуг : сб. тезисов VIII Международной конференции Центра исследований экономической культуры СПбГУ «Труд и досуг в экономике и культуре будущего» (Санкт-Петербург, 1 января — 30 июня 2019 г.). — СПб. : Астерион, 2019.
26. *Rosa H.* Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of Late-Modern Temporality. — Aarhus University Press, 2010.
27. *Rosa H.* Resonanz: Eine Soziologie der Weltbeziehung. — Berlin : Suhrkamp, 2016.
28. System of National Accounts / United Nations. — Brussels/Luxembourg, Paris, Washington, D.C., N/Y. : UN, 1993. Xxi.
29. *Sokolowski W.* Show me the way to the next worthy deed: toward a microstructural theory of volunteering and giving // *Voluntas*. 1996. No. 7 (3). — P. 259–278.
30. *Talos E.* Atypische Beschäftigung: Verbreitung — Konsequenzen — sozialstaatliche Regelungen. Ein vergleichendes Resümee // *Atypische Beschäftigung: Internationale Trends und sozialstaatliche Regelungen* / ed. E. Tálos. — Wien : Manz, 1999. — S. 417–468.
31. UN TSE SECTOR HANDBOOK PROJECT (UNHB) // The Center for Civil Society Studies is part of the Johns Hopkins University, 2020 // The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies. — URL: <https://ccss.jhu.edu/research-projects/comparative-nonprofit-sector-project/> (accessed 14.06.2020).
32. *Wilson J., Musik M.* Who cares? Toward an integrated theory of volunteer work // *American Sociological Review*. 1997. No. 62. — Pp. 694–713.

Gennady V. BAKUMENKO

Cand. Sci. (Theory and History of Culture), Associate Researcher,
Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and
Natural Heritage, Krasnodar, Russia
genn-1@mail.ru

Symbolization Success in the Economy of Free Time

The relevance of the appeal to the study of the problems of symbolizing success in the economy of free time is due to the growing importance of free time in the transformation of the culture of post-industrial society. Interdisciplinary studies of the economy of free time are currently focused primarily on its consumption, while the technologies of its production remain poorly studied. Understanding the role of free time in the ontogenetic mechanisms of culture requires the development of a theoretical model of the economy of free time on the basis of established scientific ideas about the essence of culture and free time. The emergence and development of culture as a special symbolic environment outside of nature is due to the resource of free time: free time acts as a factor of cultural genesis. The quality of free time that distinguishes it from non-free time is the ability of one man to voluntarily delegate part of his free time in favor of another one. These are the relations of a gift, the value of which is not determined in an exchange or conventional way. It is subjectively determined as a result of the act of gift itself (emotionally) and its consequences (rationally). The economy of free time is primary in relation to purposeful collective economic activity. A convention or exchange becomes possible only after the fact due to the emerging social bonds based on the gift (the bestow). Almost any sphere of society's life activity is programmed precisely in free time, since its nature allows the most intensive development of ways to relay the constructive life experience of an individual and society. The main thesis of the article is the statement that the resource of free time is an indispensable condition for the ontogenesis of culture, but filling free time with activity technologies can program the development of society in two diametrically opposite directions: the increase in free time and, on the contrary, in the direction of its limitation, which have the objective character of stable, but not constant trends.

Keywords: culture, cultural genesis, free time, symbolization of success, economy of free time, production of free time, consumption of free time, theoretical modeling, interpretation.

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
КАК РЕСУРС МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ**

Сборник научных статей
по итогам VI международного научного форума

Корректор: *Птицын И. А.*
Компьютерная верстка: *Клюшенкова О. В.*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru